Борис Зайцев · ПИСЬМА · 1901–1922

БОРИС ЗАЙЦЕВ

ПИСЬМА

1901–1922

БОРИС ЗАЙЦЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПИСЬМА

1901–1922 гг.

ПИСЬМА

СТАТЬИ

РЕЦЕНЗИИ

Москва

« РУССКАЯ КНИГА »

2001

УДК 82
ББК 84Р
З-17

Составление, общая редакция
Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопова

Издание осуществляется при участии дочери писателя
Н. Б. Зайцевой-Соллогуб

Тексты подготовили и примечания составили:
И. В. Ваганова, О. В. Вологина, Е. К. Дейч, А. М. Любомудров, М. В. Михайлова, С. Д. Островская, Т. Ф. Прокопов

Разработка оформления
Ю. Ф. Алексеевой

Шрифтовое оформление
В. К. Серебрякова

Зайцев Б. К.
З-17 Собрание сочинений. Т. 10 (доп.). Письма 1901—1922 гг. Статьи. Рецензии. Сост. Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов. — М.: Русская книга, 2001. — 384 с., 1 л. портр.

Десятый том Собрания сочинений Б. К. Зайцева (1881—1972) представляет читателям эпистолярное наследие классика Серебряного века и русского зарубежья до его отъезда в эмиграцию в 1922 г. Это неизданные или малоизвестные письма А. П. Чехову, В. Г. Короленко, И. А. Бунину, М. Горькому, Л. Н. Андрееву, И. А. Новикову, А. М Ремизову, А. И. Куприну, Ф. К. Сологубу, Г. И. Чулкову, В. Э. Мейерхольду, В. С. Миролюбову, В. И. Стражеву, К. Ф. Некрасову и другим. Том дополнен разделом «Современники о Б. К. Зайцеве».

ISBN 5-268-00503-0 УДК 82
ISBN 5-268-00402-6 ББК 84Р

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Некоторые исследователи считают письма «обочинной частью» наследия писателя. Нельзя с этим согласиться. До чего же «обочинная часть» важна для раскрытия и образа художника, и его времени, и его творческого пути! Еще Герцен в «Былом и думах» утверждал: «Письма — больше чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это — само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное».

Дореволюционное эпистолярное наследие Б. К. Зайцева особенно плохо изучено. Судьба этого наследия типична для писателей-эмигрантов. Оставленные в России архивы в большинстве своем погибли. Хранившийся в имении Притыкине архив Бориса Константиновича также был утрачен. «Да жаль, что притыкинский мой архив пропал, но еще больше жаль людей, которые погибли...» — писал он.

Хронологически расположенные письма Зайцева к разным деятелям дают возможность проследить его путь в литературе, его газетно-журнальную действенность (большой слой переписки с газетой «Речь» и письма от имени газеты «Утро России», где он одно время заведовал литературным отделом). 25 августа 1907 г. Борис Константинович писал Федору Сологубу: «Многоуважаемый Федор Кузьмич. Я снова обращаюсь к Вам с просьбой о «художественной прозе». На этот раз для большой московской газеты «Утро России», которая после перерыва с осени (половины сентября) будет выходить в обновленном роде. В беллетристический отдел, который мне поручен и будет размером довольно велик, я приглашаю, кроме Вас, еще Ремизова, Ауслендера, Дымова и т. п. Будет писать Белый, Философов, Волынский и др. в критическом отделе <...> быть может, пришлете вещь; желательно небольшую, чтобы не разбивать, и если можно не одну (т. е. чем большим числом, тем лучше)». С подобными просьбами Зайцев обращается к Бунину, Куприну и другим и получает в ответ материалы.

О газетно-журнальной деятельности писателя пока нет серьезной аналитической работы, и письма в данном издании дадут толчок для освещения этой грани его творчества.

Переписка с известным издателем К. Ф. Некрасовым (племянником Н. А. Некрасова) длилась с 1911 по 1916 г. Сохранились только письма Зайцева, которые здесь и напечатаны благодаря исследовательнице И. Вагановой, изучившей архивы Государственного архива Ярославской области. Некрасов жил в Ярославле, где находилась его типография, а в Москве была контора издательства. Первой книгой, которую предложил Зайцев Некрасову, была сказка У. Бекфорда «Ватек» в его переводе и со вступительной статьей П. Муратова. С этим издательством связана и переводческая, и редакторская деятельность Бориса Константиновича. «Жизнь Витторио Альфиери из Асти, рассказанная им самим» вышла в переводе В. Малахиевой-Мирович под редакцией Бориса Зайцева. Он работал над переводом ритмической прозой «Ада» — первой части «Божественной Комедии» Данте. Начавшаяся война помешала осуществлению этого издания. Рукопись автор взял с собой

за границу и продолжал работать над переводом долгие годы, даже во время второй мировой войны, при авианалетах унося рукопись в бомбоубежища.

В 1943 г. (письмо точно не датировано) он писал Ив. Бунину: «Жаль, Иван, ты далеко. Я бы тебе прочел 1—2 песни «Ада» во взрослой моей отделке... И как удивительно: перевел его 25 лет назад, трижды получил под него авансы, трижды издательства разорялись войнами и революциями, а теперь я рад, что он не вышел в *прежнем* виде. Это было бы мне неприятно теперешнему. А *теперешний* — уже последний, больше со мной ничего не будет, кроме смерти...»

И только в 1961 г. «Ад» Данте в переводе Зайцева увидел свет в парижском издательстве YMCA-PRESS.

Большую ценность представляют письма Зайцева, в которых речь идет о его творчестве, о создании того или иного произведения. В частности, о работе над первым романом «Дальний край». 16 июля 1911 г. он сообщает Е. Янтареву: «Я действительно пишу длинную вещь. Займет она не меньше года, и растянется чуть ли не на пятнадцать листов. Название «Друзья». Тема — жизнь двух товарищей, один из них из интеллигенции, другой из народа вышел в интеллигенты. Это — главная *нить*; очень много побочных сцен из времен революции, из городской, деревенской и заграничной жизни. Разумеется, переплетено с романами, драмами, расхождениями, примирениями и пр. Если же разговаривать лично, то мог бы подробнее «изрисовать», а описывать трудно. Скажу, пожалуй, еще: внутреннее содержание — развитие личности, переход от юношества к зрелости человека».

Это как раз одна из любимых тем писателя — формирование личности.

Узнаём, что по мере работы название романа менялось: «Друзья», «Далекий край» и, наконец — «Дальний край».

15 мая 1912 г. Борис Константинович пишет Павлу Сухотину: «Дорогой Паша, что русские дворяне ленивы, это, я думаю, ты знаешь по себе. Когда дворянин пишет роман, то он становится зверем: читает только газеты, не пишет друзьям и даже редко играет в шахматы. Такова моя жизнь. Чувствую, что скоро должен (вчерне) кончить работу. И хотя пишу не помногу часов, но все душевное внимание сосредоточено на одном».

25 июня 1912 г. Ивану Новикову из Притыкина: «Вчера кончил роман, порядочно меня утомивший. Все же с месяц надо будет поработать над ним. В начале июля 8—10 едем в Москву, к концу того месяца ждем дитя».

23 июня 1912 г. И. Новикову: «Работаю сейчас порядочно. Много глав приходится перерабатывать — громоздкая вещь роман! К сентябрю кончу все, до последнего слова». И 10 августа 1912 г. Новикову: «Третьего дня совершенно кончил роман, то есть рукопись годна для печати...» Таким образом, возникает история работы писателя над первым романом «Дальний край» и можно точно установить дату его окончания: 7 августа 1912 г.

Борис Константинович недоволен, что роман был не в одном, а в двух выпусках альманаха «Шиповника», выход же отдельной книгой, как известно, застопорился из-за цензурных волокит. Он писал Н. Ашукину (в то время секретарю издательства К. Ф. Некрасова) 13 августа 1914 г.: «Этому роману вообще не везло. В «Шиповнике» он лежал всю зиму, пока не дождался летнего сезона и вышел разорванный на две части. В сущности ему и подобает, как моему сыну-неудачнику (правильно говорят, что родители больше любят несчастливых детей, чем счастливых), когда он уже решительно никому не нужен. Я чувствую, что это будет так, но препятствовать не следует».

Зайцев имел в виду начавшуюся мировую войну 1914 г. и последовавший затем временный цензурный запрет романа.

В письме к И. Новикову от 19 мая 1912 г. Борис Константинович сообщает: «В Киеве напечатан «участок» романа, а деньги «Киевская мысль» не шлет... Печатаюсь в Киеве через Ярчика (П. М. Ярцева. — *Е. Д*). «Киевская мысль» беллетристики не любит и мало печатает...» Ни в одной из существующих библиографий эта публикация не зафиксирована (Бор. Зайцев. Свадьба в богеме. Из романа «Дальний край». — «Киевская мысль», 13 мая 1912 г., № 132).

Первый роман Зайцева после его выхода в двух выпусках альманаха «Шиповника» (1913, кн. 20, 21) и в издательстве К. Ф. Некрасова отдельной книгой (1915) получил широкий критический отклик, хотя и не однозначный.

Покоряюще искренен Зайцев в письмах Ив. Бунину, В. Стражеву, И. Новикову, Леониду Андрееву — старшему собрату по литературе. В газете «Курьер», где Л. Андреев ведал литературным отделом, был впервые напечатан рассказ Зайцева «В дороге» (15 июля 1901 г.). Эту дату писатель считал началом своей литературной деятельности. Позже он вспоминал, что Андреев «с ласковостью и отеческим вниманием опекал мои первые шаги». Андреев послужил Зайцеву прототипом молодого писателя Андрея Александрова в романе «Юность».

К сожалению, не все письма к Андрееву сохранились, но и в тех, что напечатаны в этом издании, отражено дружеское и доверительное отношение к маститому писателю. Закончив пьесу «Верность», Зайцев посылает ему рукописный экземпляр, спрашивая мнение, а также совета по поводу возможности постановки в театрах.

3 июля 1909 г. Зайцев пишет Андрееву: «...о тебе я давным давно не имею известий. Вымирает старое обыкновение писать письма. Толком говорить с тобой тоже не приходилось... Мне хотелось бы видеть тебя на берегу реки (русской), местности под Москвой, приблизительно около Бутова. Мы бы с тобой сидели на бережку и мирно ругали друг друга. Это было бы настоящее...»

Посещая могилу Чехова на Новодевичьем кладбище, он не обходит и могилы Александры Михайловны, покойной жены Л. Андреева, о чем ему подробно пишет.

Характерно, что Зайцев и после кончины Л. Андреева свято хранил память о нем, устраивал вечера. В фонде Ивана Белоусова (РГАЛИ)

сохранилось письмо Бориса Константиновича от 7 февраля 1921 г., в котором он сообщает, что состоится «публичный вечер памяти Леонида Андреева в большой аудитории Политехнического музея 21 февраля 1921 г. Ведет вечер Львов-Рогачевский. Воспоминания предположены: Немировича-Данченко, мои, Телешова и Ваши».

Письма Зайцева во многом дополняют написанные им воспоминания о Леониде Андрееве, а также статьи и рецензии о его произведениях.

С неослабевающим интересом читаются письма Г. И. Чулкову, другу Зайцевых. Часто приезжая в Петербург (особенно, когда Борис Константинович редактировал альманахи «Шиповника»), Зайцевы останавливались в доме Чулковых. Бывали на встречах в «Башне» Вячеслава Иванова, у Блока, у Федора Сологуба, где общались с Мережковскими, Городецким, Кузминым. В письмах возникает панорама литературной жизни Москвы и Петербурга.

«Моя голова содержит ворох имен», — любил говорить Зайцев. Все эти имена получили у него литературное воплощение и в художественных произведениях, и в письмах, и в мемуарах, воссоздающих живые образы современников.

Помню, как при встречах с Борисом Константиновичем в Париже (было это в 1966, 1968, 1970 годах, когда мы с А. И. Дейчем работали там в архивах), он говорил о том, какое большое значение в жизни писателя имеют письма.

Когда он работал над биографическими книгами: «Жизнь Тургенева» (отд. изд. 1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1952), он, по его словам, «внимательно изучал эпистолярное наследие писателей», которое ему «помогало проникнуть в их психологию». Особенно ценил письма Чехова за неподражаемый юмор. Для Зайцева высшее мерило: чеховская традиция, чеховская интонация. Она также чувствуется и у Зайцева, прежде всего в раннем периоде его творчества.

Недаром студенты театральной студии Вахтангова настаивали на постановке пьесы Зайцева «Усадьба Ланиных», говоря, что это для них как «Чайка» для Художественного театра. Преданность Чехову сохраняется у Зайцева на многие годы — это и книга о Чехове, и воспоминания о встречах с ним в Ялте и в Москве в литературном кружке «Среда», рассказ о похоронах писателя, когда он нес его гроб вместе со студентами до Новодевичьего кладбища. 12 мая 1963 г. Зайцев записывает в дневнике: «Опять Чехов, опять. Сопровождает с юношеских лет, наверное, уж до могилы не расстанешься...» И нередко в его письмах к разным адресатам можно встретить упоминание Чехова. Например, в письме от 22 июня 1914 г. Г. Чулкову он пишет: «Мы знакомы с тобой более 10 лет, когда жив был еще Чехов».

Восприятие личности и творчества Чехова особенно ярко выражено в книге, ему посвященной. В парижском архиве Зайцева хранятся письма К. Чуковского. В одном из них (от 25 февраля 1969 г.) он пишет Зайцеву: «Ваша книга о Чехове, как и все, что Вы пишете, осиянная книга. Сейчас, когда я надолго залег в своей комнате, после целого цикла сердечных припадков, она для меня утешение и

радость. Мне кажется, что она во тьме светится на моих сумрачных полках... Очень обрадовала меня глава об «Архиерее». Этот сверхгениальный рассказ для меня на одном недосягаемом уровне с рассказами «Студент» и «Гусев». Вы первый сказали о них верное и прочное слово... И я счастлив, что мне довелось прочитать поэтическую книгу о Чехове».

В данном томе в числе первых публикуется письмо Зайцева к Чехову (от 19 февраля 1901 г.). Закончится издание письмом Бориса Константиновича от 17 декабря 1971 г., написанным накануне крещения правнука — Матвея. Это своеобразное духовное завещание в будущее, в «завтра». Прадед пишет правнуку: «Дай Вам Господь жизнь светлую, чистую и благородную — верю, что так и будет. Надеюсь на малое число ошибок и на многое число дел добрых. Ошибок не оправдывайте, но не унывайте, добром не гордитесь». И здесь как бы звучат его любимые слова: «Доброта спасет мир».

В прошлом году я работала в парижском архиве Бориса Константиновича и жила в его бывшем кабинете на ул. Фремикур, где он провел свои последние месяцы и где Наталия Борисовна сохранила все, как было при жизни отца: иконы, стол, за которым работал Борис Константинович, тахта, над ней полка с религиозной литературой. Он был глубоко верующим. В книгах много закладок и пометок. Видно, что писатель часто обращался к этим книгам, изучал их.

В 1927 г. Борис Константинович посетил в Греции Афон — знаменитый центр монашества. Оттуда он писал подробные письма жене и дочери в Париж. И в этих письмах раскрываются тонкость его натуры, скромность, милосердие, доброжелательность, благородство. Недаром Зайцев возглавлял многие годы Союз русских писателей и журналистов в Париже.

При всей многоликости и разности характеров русских эмигрантов их объединяла общая трудная судьба изгнанников, ностальгия по России. Зайцев много делал для того, чтобы помочь наиболее нуждающимся писателям, устраивая их вечера, выступления, хлопотал об изданиях книг, хотя жизнь его семьи не отличалась материальным благополучием. И при хроническом безденежье сохранялось высокое достоинство, желание прежде всего помочь особо нуждающемуся собрату.

В огромной переписке с И. А. и В. Н. Буниными поразительно ярко встает время, эмигрантская жизнь, все ее печальные и радостные события. Дружба их началась до революции в Москве. В доме Зайцевых 4 ноября 1906 года (как пишет Вера Николаевна в своей книге о Бунине) произошла ее встреча с Буниным. Две Веры (в будущем Вера Бунина и Вера Зайцева) дружили с юных лет. В грозные годы революции Бунины, очутившись на юге, эмигрировали. Неудивительно, что Зайцев, приехав из Италии в Париж 31 декабря 1923 г., сразу же пошел к Буниным. Друзья встретились после шестилетней разлуки. Позже, обосновавшись в Париже, Зайцевы часто навещают Буниных в Грассе. Борис Константинович работает там (повесть «Анна» написана в Грассе).

Письма Зайцева к Бунину[1], которые публиковались в нескольких номерах «Нового журнала» Милицей Грин, — ценнейшие источники, отражающие жизнь двух писателей за многие годы.

Из волнующей переписки двух Вер (Веры Муромцевой-Буниной и Веры Орешниковой-Зайцевой) Борис Константинович создал *художественные* произведения («Повесть о Вере» и «Другая Вера. Повесть временных лет»). В России эти произведения были впервые опубликованы в 1991 году Т. Ф. Прокоповым и вошли в наше собрание.

Долголетняя дружба Зайцева с Буниным была омрачена после войны рядом недоразумений, приведших к их разрыву. Об этом написал сам Борис Константинович (т. 6 и 9 наст изд.).

В письмах Зайцева к различным представителям русской эмиграции воссоздается круг общения писателя. Они помогают узнать о литературной жизни того времени. В них размышления Зайцева о судьбе России, любовь к которой он пронес через многие годы изгнания.

Вспомним запись Бориса Константиновича в альбом 15-летней дочери Наташи: «Здесь топят углем, а растапливают щепочками ligots. На днях среди своих лигошек встретил одну в белом. Боже мой, береза! Белая кора с коричневыми веточками, с оторванной тончайшей кожицей — всегда она трепещет, нежно дрожит в ветерке — Россия. Зачем же Западу береза? Это наше дерево, а тут каштаны, вязы, буки и платаны — а береза наша. Она образ чистоты и скромной непорочности, бедности и суровости — Святая Русь. Простенькими цветочками украшены поля Руси, простым и светлым деревом ознаменованы ее леса, и под березами, под елями спасались Сергии и Серафимы, русская береза есть у Пушкина, Толстого и Тургенева.

Монашенка, и девственница, и заступница. Брошу ли тебя в печь, французская сестра? Нет, лежи спрятанная — память, вздох, надежда. Когда-нибудь и на родной земле я обниму твой ствол.

Написано в день пятнадцатилетия любимой и дорогой Наташеньки, изгнания год шестой —

— Париж, $^{14}/_{27}$ августа 1927
Странник
(Бор. Зайцев)».

При наших встречах Борис Константинович не раз повторял: «Я-то не доживу, но уверен, что мои книги придут в Россию». Он в это верил. Его нет с нами, но жизнь писателя продолжается в его произведениях. И как современно звучат слова Зайцева, сказанные в далеком 1938 году: «Может быть, не всегда ведь будет так, как сейчас. Не вечно же болеть «стране нашей Российской». Возможно, что приближаются новые времена — и в них возможно возвращение в свой, отчий дом».

ЕВГЕНИЯ ДЕЙЧ

---

[1] Эти письма, автографы которых хранятся в Русском архиве Лидсского университета, возглавляемом известным ученым-славистом Ричардом Дэвисом, вошли в настоящее издание с его любезного разрешения.

ПИСЬМА

1901—1922гг.

1. Н. К. Михайловскому. 15 (28) января 1901. Петербург

С.-Петербург, 15 января 1901

Милостивый Государь Николай Константинович!

Как ни неловко мне беспокоить Вас по поводу моей «Неинтересной истории», однако обстоятельства сильнее нас и принуждают быть даже навязчивым. Дело в том, что через четыре, пять дней я должен, по независящим обстоятельствам, уехать отсюда на несколько месяцев. Находя литературные сношения по почте крайне неудобными для Вас же самих и крайне желая узнать Ваш приговор, я беру на себя смелость покорнейше Вас попросить, если возможно, дать мне аудиенцию на этой неделе.

О том или ином Вашем решении, соблаговолите сообщить по след<ующему> адр<есу>: Офицерская, д. 56, кв. 9. Борису Констант<иновичу> Зайцеву. Еще раз извиняюсь за причиняемые хлопоты и остаюсь глубокоуважающим

Б. Зайцев.

2. А. П. Чехову. 19 февраля (4 марта) 1901. Москва

Москва, 19 февраля 1901

Многоуважаемый Антон Павлович!

Пользуясь Вашим любезным разрешением, данным мне в Ялте осенью 1900 года, я вместе с этим письмом отсылаю на Ваш суд свою последнюю работу — «Неинтересную историю». Когда я был тогда в Ялте, так думал, что кончу ее в октябре, а вышло совсем не так. Как бы то ни было, я с нетерпением буду ждать Вашего, хотя бы и очень коротенького, ответа. Впрочем, об этом распространяться незачем, потому что человек,

написавший Константина Треплева, многое понимает. Одно только условие, Антон Павлович: ради Бога, пишите правду. Вчера я слушал одну безголосую молодую певицу, которую «похвалил» знаменитый тенор; известно, как хвалят знаменитости — жалеют просто, а не хвалят.

Чувство-то это и хорошее, и гуманное, и то, и се, а только иногда тяжело, когда жалеют. Да и вредно. Я помню, Вы тогда сказали мне: «Вам я скажу, что плохо, Вы два месяца писать не будете», — так и не нужно же писать, коли бездарно.

Итак, жду хоть и сурового, но совсем искреннего ответа. А кроме всего этого желаю Вам всего лучшего, Антон Павлович, и прошу Вас простить за беспокойство, какое причиняю.

Рукопись не возвращаю — это копия.

Адрес мой: Москва, завод Гужона у Рогожской заставы, Борису Константиновичу Зайцеву.

Глубоко уважающий *Б. Зайцев.*

P. S. Был на Ваших «Трех сестрах». Если хотите, напишу Вам про впечатление, какое они производят...

3. Н. К. Михайловскому. 17 (30) марта 1901. Москва

«Кто глотнул раз этого сладкого яда, того разве какие-нибудь особенные обстоятельства...» и т. д

Ник. Михайловский

Москва, 17 марта 1901

Многоуважаемый Николай Константинович!

Хоть мне и стыдно и неловко беспокоить Вас, однако... Знаете ли Вы то ощущение, когда человек, полный сил, лезет напролом? Ну и, так тогда настолько уж привыкаешь к щелчкам, что смотришь так: э, была не была! Где кривая не вывозила! Пускай еще раз щелкнут, не все ли равно? Если хотите и Вы щелкнуть, так не отвечайте, но только я верю (больше: я убежден) — не щелкнете. А соль этого «введения» такая: Короленко моей рукописи не принял, так к Вам-то я собственно обращаюсь за советом: как мне быть? Я помню, какое громадное впечатление на меня произвело Ваше напутствие — и на первом же абцуге неудача. Отступать я не намерен (я давно пишу — это моя жизнь); если бы мне прямо и авторитетно твердили, что я бездарность, я и спасовал бы, конечно — у меня нету такой колоссальной самоуверенности, которая вынесла бы меня

из этого, но когда Михайловский благословляет, Чехов находит работу «талантливою» — согласитесь — получается же некоторая дерзость. Возможно, конечно, и предположение, что одобряют из жалости, но ведь и Чехов и Михайловский понимают, что тут громадная ответственность. Так, Николай Константинович, как же мне поступать? Пробовать обращаться еще куда-нибудь, и если пробовать, то куда именно?

Буду бесконечно благодарен за совет; еще раз извиняюсь за назойливость.

Глубоко уважающий *Б. Зайцев.*

P. S. Адрес мой: Москва, завод Гужона у Рогожской заставы, Борису Константиновичу Зайцеву.

P. P. S. Простите приподнятый и несколько странный тон: письмо было писано в нехорошие минуты.

4. В. Г. Короленко. 18 (31) марта 1901. Москва

Москва, 18 марта 1901

Милостивый государь Владимир Галактионович!

Телеграмму Вашу с отказом я получил, фразы же: «Давно отвечено» — не понял, потому что никакого ответа, кроме телеграммы, не имею.

Конечно, Вы скажете, что назойливо и т. д. — после ответа «не принята» просить еще дальнейших разъяснений; можете думать обо мне, что Вам угодно, а я все-таки покорнейше просил бы Вас, отсылая мне рукопись (это-то уж, кажется, правило игры), — черкнуть на ней несколько слов на тему о том, что именно в моей работе Вас убило, и забракована ли она потому, что бездарна и совершенно никуда вообще не годится, или же не удовлетворяет каким-нибудь специфическим требованиям Вашего журнала.

Ваше имя, Владимир Галактионович, — порука мне, что Вы не отнесетесь совсем уж безучастно к огорчениям и неприятностям маленького человека.

(Больше всего меня смущает тут то, что три больших писателя совершенно разно отзываются об одном и том же; хочется же, наконец, добиться толку.)

Рукопись соблаговолите переслать по адресу: Москва, зав<од> Гужона у Рогожской заставы, Борису Константиновичу Зайцеву. Прилагаю марки на пересылку.

С совершенным почтением *Б. Зайцев.*

5. И. А. Бунину. 16 (29) декабря 1903. Москва

Москва, 16 декабря 1903

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Сегодня я вычитал в январ<ской> книжке «Нов<ого> Пути» в раздраженной рецензии о Вас, слово «funiculair»[1].

При сопоставлении этого слова с некоторыми местами моей заметки о Бальмонте, составляется неправильное представление о моих намерениях.

Отзывает тайной шпилькой, выстрелом из-за угла. Я же не привык к подобного рода занятиям — поэтому пишу Вам. Думаю, Вы настолько знаете меня, что не отнесете это насчет «практических» соображений. Впрочем, воля Ваша. Во всяком случае рад, что сегодня утром не отдал Кожевникову, кот<орый> был у меня, рецен<зию> о «Homo Sap<iens>»[2].

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] Фуникулер *(фр).*
[2] Человек разумный *(лат.).*

6. Г. И. Чулкову. 13 и 15 (26 и 28) января 1904. Москва

Москва, 13 янв<аря> 1904

Дорогой Георгий Иванович!

Не думайте, что не пишу долго потому, что нечего писать. Писать есть о чем, да дело в том, что время нужно выбрать такое подходящее, а у нас не Брюгге, чего угодно, а уж молчания и тишины меньше всего.

Итак, при чтении сборника бросается в глаза сразу следующее: проза много лучше стихов — по крайней мере — мой взгляд.

Из «прозаических» вещей лучшее «Тайга» и «Уединение», причем «Тайга» безусловно ни на кого и ни на что непохожа, что же касается «Уедин<ения>», то косвенно, отдаленно, вспоминаешь «Дом с мезон<ином>» Чехова, — там есть такое противоположение: непутевый, «неприличный» художник, и до тошноты либеральная, школьно-аптечно-библиотечная барышня.

Затем идут «Разлад» и «Стены шатаются». В сущности они не хуже «Уед<инения>», но все чувствуется в них за тем, что *есть,* что сказано в них, возможность ярче, сильней дать то же самое. «Стен<ы> шат<аются>», — по-моему, оригинальнее

«Разлада», — мне эти «Стены» дают ощущение той громадной, стихийной нелепицы, которую автор видит в мире, и поэтому которой она по преимуществу является в своей книжке (как мне представляется, по крайней мере).

«Слово» мне не нравится. По-моему, здесь слишком все разгадывается, как в шараде, слишком аллегория, слишком можно *раздеть* рассказ, от которого остается какой-то неприятный скелет после этой операции.

«Колонны» — я не понимаю. Абсолютно, ничего не понимаю. Читал раз, может быть при bis'e[1] что-нибудь будет получше, но книжку у меня опять стащили, не могу прочесть, как не дочитал, опять, «Что-то черное».

Стихи Ваши доставили мне мало удовольствия. Впрочем, вся книжка написана не для удовольствия, весь главный ее мотив до того неблагодарен, что кто рассчитывает по-гурмански «просмотреть» ее и «побаловать» себя приятными стишками, тот будет строго наказан. По нашим временам есть много «музыкальных» стихов, музыкальных той музыкальностью, которая становится приторной на третьем, четвертом стихотворении и изобличает в авторе Маковского или Штембера.

Ваша задача в тысячу раз благородней и в 20 тыс<яч> раз трудней. Результаты получаются, приблизительно, такие: отголосок Вашего кошмарного, темного и хитро-устроенного духа получается, поскольку этот бледноват, лишен той мощи и грандиозности замыслов, которые как-то привык сочетать с таким духом. Или, может, я не очень вообще люблю стихи, но в Ваших стихах меня раздражает иногда грохот слов — случайно-страшных слов. Обилие «я» действует удручающе, и вместо этого вдруг хочется временами «Падение дома Эшер» По.

В общем мне сборник нравится тем, что он запечатлел в себе большое и больное сердце, а не нравится обложкой, некоторым излишним грохотом, «Колоннами» и «Словами».

15 янв<аря> <1904>

Сейчас получил Вашу открытку, хотел было писать Вам еще и много, но не могу, плохо мне. Жму Вашу руку, привет Надежде Григорьевне. За «Гнездо» спасибо, хоть оно, мне в сущности и не нужно. «Мгла» будет в февральской кн<ижке> «Правды» — уже набрана и сверстана.

Ваш *Бор. Зайцев*

---

[1] Повторе *(лат.)*.

7. И. А. Бунину. Начало 1904. Москва

<без даты>

Многоуважаемый Иван Алексеевич!

Оставляю Вам небольшую свою вещицу «Сон». Будьте добры, просмотрите, если сносна и подходит к «Правде» — оставьте. Желательно было бы поговорить с Вами о ней — не знаю только, как это устроить.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Адр<ес> при рукописи.

P. S. Если слабо — говорите прямо и не угрызайтесь.

8. И. А. Бунину. Начало 1904. Москва

<без даты>

Оставив темный, жуткий лес,
Мы дружно ландыши вязали —
Они нам много рассказали
Загадок, сказок и чудес.
От аромата их невольно
Кружилась сладко голова.
Смолкали нужные слова
И было сердцу больно, больно...
Мы шли и ландыши роняли.
Нас опьяняли сказки, сны,
И под напев живой весны
Мы счастье светлое вязали.

Многоуважаемый Иван Алексеевич.

Оставляю Вам одно стихотворение (не бойтесь, не мое), если сносно, возьмите его в «Правду».

Чего не заходите к нам? Вера вернется из Петербурга в субботу, вечерами мы дома в большинстве случаев.

Ваш *Бор. Зайцев.*

9. Г. И. Чулкову. Начало 1904. Москва

<без даты>

Дорогой Георгий Иванович!

Посылаю Вам перестуканное Рыженьким «Гнездо». Я опять прочитал его (недели две назад) и совсем было отложил все это в долгий ящик, но как раз за несколько дней до Вашего письма опять получил совершенно неожиданный толчок.

Лист в «Правде» (по крайней мере рецензентский) будет содержать около 48000 букв, так что 50 р. лист = $3\frac{1}{3}$ к. за строчку в газете. Рукописи отнесу с большим удовольствием, и, вообще, буду очень рад, если Вы окажетесь моим коллегой по журналу. А то Бог знает еще кого там они насадят кругом.

Привет Надежде Григорьевне и Анне Ивановне.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Приписка В. А. Зайцевой:

Что нет писем! Целую вас, Нюрку, Георгию Ивановичу мой привет.

Пишите мне.

Бобик кланяется.

До свидания, родная моя

Ваша Вера

Нюрка, пиши мне, скотина. Забыла уж всех нас?

Твоя Лиса

Рыжая.

10. Г. И. Чулкову. 26 апреля (9 мая) 1904. Москва

Москва, 26 апр<еля> <1904>

Дорогой Георгий Иванович!

Вчера передавали мне, что, на Ваш взгляд, мои «Скопцы» были бы подходящи для «Нового пути». Рассказ не кончен еще, но находится уже в той стадии, когда можно наверняка сказать, что окончен *будет*. Если не задержат экзамены или Саблин, думаю недели через две выслать его на Ваше имя. Кстати, кто у Вас там читает беллетристику, и какого взгляда на нее держится? То, что я до сих пор читал в «Нов<ом> пут<и> (беллетр<истику>), казалось мне в большинстве своем иллюстрациями, популяризациями религиозных и философских воззрений принципам sic[1] журнала.

В этом отношении рассказ неподходящ, но, с другой стороны, говорят, в апреле идет Ваша «Тревога» — стало быть, будет и «вольное художество».

Во всяком случае можно сказать, что в трактовании скопцов если и проходит нотка чего-то... чего-то, может быть, и мистицизма, то во всяком случае мистицизма не вероисповедного, не церковного. Это безусловно. Очень мне хочется пробраться к Вам в Питер — посмотреть на тамошних поэтов, да жаль,

[1] Так! *(лат.).*

все они разъезжаются, наверно, на лето. Я тут вычитал у Сологуба много интересного, и даже чувствую значительную близость к некоторым его переживаниям.

Единственное, что смущает меня в «Нов<ом> п<ути>» — это тамошние политики.

Господь Бог Авраама, Исаака и Иакова! — неужели нельзя сделать журнал только литературно-философским, без всяких этих Востоков, Римских Пап и пр.

Так вот, милый Г. И., черкните мне пару слов о журнале, о себе, что работаете, читаете и пр. Пишите ли что по беллетристике? Ради Бога, пишите больше «Тревог» и не забирайтесь очень в полемику (Поярков мне говорил, что Вы собираетесь разносить «социализм». Правда это?)

Ей Богу, полемика ведь в конце концов «суета» и отмирается ужасно быстро. И ужасно трудно «обратить» кого-ниб<удь> таким путем. А вот я читаю теперь Верхарна «Soirs», «Debacles»[1] и пр. — это сдвигает с позиции гораздо непоправимее, глубже. Страшная сила — такие поэты, как он.

Будьте здоровы, искреннейший мой привет Надежде Григорьевне; за доброе отношение к Вере — огромная благодарность. Вера обоих Вас целует.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] «Вечера», «Разгромы» *(фр.).*

11. Г. И. Чулкову. Весна 1904

<без даты>

Милый Зоря, шлю Вам «Скопцов» — надоели они мне, наконец, до тошноты. Очень было бы любопытно получить поскорее ответ о их участи. Если это в Вашей власти, поторопите Вашего редактора и черкните мне тогда пару слов.

Если возьмете рассказ, то 1) было бы хорошо пустить его не раньше августовской книжки 2) хотелось бы просмотреть еще корректуру самому. — Очень вероятно, что в конце июня я сам буду в Петербурге (с отцом и Верой), — это было бы отлично. Не знаю, удастся ли только.

Вера целует Вас обоих, извиняется, что не ответила ничего, — у ней теперь хлопоты, — Россинский пишет ее портрет, и она каждый день часа по 2 торчит истуканом у него. Сердечный привет Надежде Григорьевне.

12. Г. И. Чулкову. Начало ноября 1904. Москва

<без даты>

Дорогой Георгий Иванович,

Что мой рассказ? Жив ли? Будьте добры, черкните пару слов о нем, если не подходит, то вышлите по моему адресу: Арбат, Старопесковский д. Чулкова, 14.

Что у Вас Розанова совсем не будет? Жаль, ведь. Кто теперь занимается беллетристикой?

Здесь в Москве Ваши акции сильно пошли в гору, только Скорпионы недовольны. Вероятно, подписка сильно подымется.

Привет Н<адежде>Г<ригорьевне>.

Ваш *Бор. Зайцев.*

13. Г. И. Чулкову. 4 (17) декабря 1904. Москва

4 дек<абря> <1904>

Милый Георгий Иванович!

Был вчера у Кожевникова, — оказывается «Правда» окончательно меняет свою физиономию в сторону, для нас с Вами не подходящую, так что я больше работать там не буду. Балтрушайтиса уже выставили оттуда совсем («опасен» он, или для подписки!), меня наполовину, вас по всей вероятности тоже. Теперь курьез получается: за рецензии свои я деньги уже получил, теперь же — о Бальмонте мне вернули совсем, о «Hom<o> Sap<iens>» — наполовину, — нужно согласиться на разные изменения, кот<орые> устроят Бунина. Я взял обе назад, и к предложению Кож<евникова> взять что-нибудь рецензировать еще, отнесся «сдержанно», т. е. отказался, т. к. для меня было бы интересно пропагандировать то, что еще спорно и малопризнанно, писать же об изданиях «Знания» неинтересно: и так расходятся и вызывают к себе уважение. Вчера в первый раз испытал ощущение «декадента», больного, которого на любом перекрестке любой дурак может пригласить в карантин. Это обоюдоостро: с одной стороны, когда тяжелая артиллерия вроде Гольцевых, Кизеветтеров и Грузинских начинает наседать на более нервных, возбудимых и утонченных Бальмонтов, — бывает всегда печально, какой-то сухой, пыльной печалью печально; помните «Среди иноязычных». А с другой, — приятно быть в меньшинстве. Огромная в этом радость.

В этом вот отношении Мережковский ужасно мне близок, как бы мы ни расходились в другом. А еще есть Волынский: я начал недавно его «Леонардо да Винчи», как это захватывает,

сколько скитаний, одиноких бродяжничеств по захолустьям Италии, одиноких ночей над пергаментами в этом. И сколько самого Леонардо! Большая эта вещь — на свой страх и риск по прутику складывать *свой* муравейник, такой, как устроил этот рыженький, талантливый (и затравленный) еврейчик.

Что ваш сборник? Готов ли к паю? (*слово дается предположительно. — М. М.*)

От души желаю Вам всяких успехов (больше всего в вас самих успеха, в «произрастании» таланта).

Мой привет Надежде Григорьевне. Вера сейчас ушла к Л. И., но я уверен, что она вполне присоединяется к моим пожеланиям. Очень мы с ней любим Вас обоих — потому

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Страницы наоборот — случайно, а не по «декадентству».

Приписка В. А. Зайцевой:

Дорогие мои, целую Вас обоих, я здорова, стучу на Ремингтоне. На днях напишу Надежде Григорьевне.

14. Г. И. Чулкову. 9 (22) января 1905. Москва

Москва, 9 янв<аря> 1905

Дорогой Георгий Иванович, я собираюсь писать небольшую статейку о Чехове — главным образом, о его языке, стиле и том трудно-рассказуемом ядре, какое мне чувствуется в его писаниях (опять-таки значительно — в ритмах его прозы). Так как сейчас я крайне нуждаюсь в деньгах, то работу свою должен распределять; поэтому мне очень важно знать, представляет ли для Вашей редакции такая тема какой-нибудь интерес, или нет (иными словами: буду ли я писать сейчас, или откладываю). Возможно это приурочить к июлю — годовщине его смерти. Тогда, конечно, напишется несколько иначе, но это не особенно важно (суть та же). Георгий Иванович, вообще, может быть, у Вас есть какая-нибудь работа, дело в том, что с Сабл<иным> мы разошлись и в финансах я сижу на бобах. Например, резенция? О «Возврате» Андр<ея> Белого у Вас еще не писали. Если найдут нужным писать о нем, то давайте мне (буду хвалить). Или, может, Вам корреспондировать о чем-нибудь из Москвы (по части искусства, театра, публ<ичных> лекц<ий>, Худож<ественного> круж<ка> и т. п.)

Не подсмеивайтесь, что выставляю на витрину все свои прелести, — ничего не поделаешь, grandi volo maxime[1] (*дается предположительно. — М. М.*).

---

[1] Стремлюсь к наибольшему *(лат.)*.

Из всего «вышеизложенного» никак нельзя делать вывода об авансе — у меня их и так достаточно, радуюсь, что хоть Вам ничего не должен, и не желаю запутываться. Что у Вас в Питере? Любопытно, и даже жутко. Молодцы марксисты, однако. Сидели, сидели и высидели 150000... (*письмо не имеет конца. — М. М.*).

15. Г. И. Чулкову. 22 февраля (7 марта) 1905. Москва

Москва, 22 февр<аля> <1905>

Дорогой Георгий Иванович, давно собираюсь Вам написать, но все как-то разные пустяки перебивают. — Во-первых, спасибо Вам большое, что сосватали меня Саблину — это значительная поддержка моим финансам, да и вообще хорошо. Много помогает Вера («Правды» я не бросил). Сегодня, между прочим, был как раз у Саблина, он говорит, что у него был Бердяев с предложением взять редактирование беллетристики в «Вопросах жизни» — оказывается в Петерб<урге> разрешен такой «идеалистический» журнал.

Саблин определенно, кажется, ничего не знает, т. к. тут замешалась война, на которую его могут потянуть, а хорошо было бы, если бы он оказался там. Вы, говорят, находитесь в большой мерехлюдии, — бросьте это, из-за чего Вы так волнуетесь, всякие эти «попечения», «жоржики» и т. д. право, не стоят того. Пишите-ка лучше побольше, да цельтесь в идеалистический журнал.

Как бы это было хорошо проплыть парой, под ручку, туда! Учусь французск<ому> языку, имею дерзость читать даже Верхарна. Талантище 196 пробы, при этом после Андр<ея> Бел<ого>, Блока, молодых наших «взъяренно-взъярительных» кажется почти классиком.

Привет Надежде Григорьевне, мы с Верой часто поем теперь «Ивана Лукича» и вспоминаем о ней.

Весь Ваш *Бор. Зайцев.*

16. Г. И. Чулкову. Июнь 1905. Притыкино

<I> *<без даты>*

Дорогой Георгий Иванович, спасибо Вам за сведения, хотя они и не из блестящих. Впрочем, на днях я получил опять письмо от Кожевникова — по-видимому, он издаст, хотя как-то через силу.

«Современная жизнь» — эпигон «Правды». Ярцев человек очень милый и в художестве смыслящий, платят порядочно, курса в литературе определенного пока не имеют, но тяготеют к молодому. Все печатать наверное будут. Дорогой Г. И., ничего «такого» в том моем письме не было, да и чему плохому быть между нами. Людей-то, ведь, 1—2 да обчелся. Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Крепко Вас целую, желаю всего лучшего.

Весь Ваш *Бор. Зайцев.*

<2>

Дорогой Зоря, имею к Вам предложение: хочу перевести «Tentative de St. Antoine»[1] Флобера. Возьмете ли Вы это? Переводить буду под редакцией Е. А. Бальмонт (жена К. Д.), она отлично знает язык и хорошо переводит (см. «Истор<ия> живописи» Мутера, «De profundis» Уайльда). Так ответьте, голубчик, поскорее — переводить буду долго и скрупулезно, ибо вещь великолепная, спросите Ремизова, наверное знает.

Рассказишко кончаю еще один, пришлю, и это пока будет последний о деревне: надоедать стало, Вам небось тоже.

Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>. Лидию Юдифьевну благодарите от моего имени и кланяйтесь.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Мордвес, Рязанско-Уральской, имение Притыкино.

---

[1] «Искушение святого Антония» *(фр.)*.

17. Г. И. Чулкову. 15 (28) августа 1905. Москва

15 авг<уста> <1905>

Дорогой Георгий Иванович,

у меня к Вам просьба: будьте добры, сообщите (или распорядитесь сообщить), сколько я должен Вашей редакции, и почем с листа я получаю (кажется — 80?).

Начинается сезон, мы перебрались в Москву, и как-то кажется, что вот-вот Георгий Чулков ввалится со своим клетчатым саквояжем и яростностью (не распространяюсь, как будем рады).

Очень бы я хотел Вас повидать; поговорили б, притянули б к Иисусу Андрея Белого. Не пойму что-то, если он «презирает» вещи, деревья, небо, лес, воду, — тогда до свидания.

Пишу Вам на $1\frac{1}{2}$—2 листа. «Жизнь и город» три раза

начинал и переделывал, кажется, наладилось. С «мистическим анархизмом» Вашим вполне согласен, ради Бога, не употребляйте только слова «выявление». Оно забралось, кажется, и в статью о Соловьеве. Это невыносимо. Статья тоже, по-моему, хороша, и то, что Булгаков Вам возражает — не сильно. *Нюхом* вы угадали Соловьева лучше, чем он ходом мысли. Не могу писать об этом, надо длинно, а я ленив.

Гриф предложил мне издать святого Антония (о котором Вы, к стыду Вашему, думаете, что он переведен — тридцать лет назад цензура его *бесповоротно* запретила). «Рою бумагу пером», всовывая Флобера в разлатый и шершавый (Ваше слово) русский язык. Работа строгая, — но Флобер писал эту книгу 25 лет.

Еще мольба: вышлите август. журнала сюда: Арбат, д. Чулкова, кв. 21 (т. е. *не старая*)!!

«Глубочайший» привет Над<ежде> Григ<орьевне> (бердяевское слово) (выявите его).

18. Г. И. Чулкову. 19 августа (1 сентября) 1905. Москва

Москва, 19 авг<уста> <1905>

Дорогой Георгий Иванович,

увы, я должен просить у Вас 50 р., ибо касса моя пуста, а Гриф, издающий (по-видимому) святого Антония, не желает платить по частям (причитающиеся 50 р. за сделанные главы). Поэтому, очень прошу — выручить.

Адрес: Арбат, д. Чулкова, кв. 21.

Ваш *Борис Зайцев.*

P. S. Рассказ вышлю в сентябре. Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Приписка В. А. Зайцевой:

Почему Надя мне ничего не отвечает? Целую ее и Нюрку. А Вам кланяюсь.

Ваша В<ера>.

19. Г. И. Чулкову. 1 (14) сентября 1905. Москва

1 сент<ября> <1905>

Дорогой Георгий Иванович,

Спасибо Вам за готовность хлопотать в «Наш<ей> жиз<ни>, но, думаю, рассказ туда не годится. Насчет Вашей редакции

что-то я не очень понимаю. Присылать Вам, или нет? Если не хотят, или денежн<ые> дела очень круты, то будьте добры, сообщите.

Берете ли перевод Высоцкого? (Жеромский). Он ждет ответа и сидит без гроша.

Привет Надежде Григорьевне.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Если Жук<овский> и приехал, аванса не *просите.*

20. А. М. Горькому. Конец 1905

<без даты>

Многоуважаемый Алексей Максимович!

У молодого и талантливого переводчика с польского яз<ыка> Высоцкого есть перевод «Небожественной комедии» Красинского (она была *сожжена* цензурой несколько лет назад). Быть может, Вас заинтересует эта вещь — в таком случае всего лучше написать ему пару члов по след<ующему> адр<есу>: Долгоруковская ул., Тихвинский пер., д. Менгдена, кв. 21 — Владимир Алексеевич Высоцкий.

Он перевел почти всего Пшибышевского (в изд. Саблина), его переводы из Каспровича печатались в «Вопр<осах> Жиз<ни>».

С почтением

Бор. Зайцев.

21. Г. И. Чулкову. 12 (25) февраля 1906. Москва

Москва, 12 февр<аля> <1906>

Дорогой Георгий Иванович!

«Зори» наши устраиваются — было б очень хорошо, если бы вы дали нам что-нибудь из статеек о художестве, о театрах, и т. п. — миниатюры-рассказы и т. д. «Влад» взят.

В воскресенье к Вам зайдет Сергей Сергеевич Голоушев, будет Вас втравливать и тащить за Вами Мирэ и т. п. Хорошо бы зацепить Барыбу. Может, у него есть проза или стихи.

Адрес мой теперь так: Никитские ворота, д. Элькинд, кв. 17.

Целуйте Н<адежду Григорьевну>, пусть переводит что-нибудь соответственное.

Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. С<ергей> С<ергеевич> будет на один день, зайдет в 7 часов — пожалуйста, ждите его от 6—7.

22. Г. И. Чулкову. 1 (14) апреля 1906. Москва

1 апр<еля> <1906>

Дорогой Георгий Иванович, я ужасно перед вами виноват, но смягчающим обстоятельством служит то, что в послед<нюю> неделю все время торчал в типографии и до сих пор не выслал Н<адежде> Г<ригорьевне> гонорар за «Влада». Вышлю как только откроется почта. Ради Бога извините. — За статью большое спасибо — одна просьба: извольте *подписать* Вашей фамилией. Нам это очень важно. «Факелов» я еще не читал, но впечатление они на меня произвели превосходное; изящество и высота вкуса сквозит в каждой запятой. Когда выйдет след<ующая> книжка? Ужасно жалею, что не мог дать Вам рассказа, — представьте, он пойдет теперь в каком-то сборнике с<оциал>-д<емократов>, среди аграрных вопросов, большевиков и финнов. Но отныне все мои авансы уплочены, и то, что пишу сейчас, пошлю Вам, даже если выйдете нескоро. Будут это «Черные ветры».

В «Зорях» о «Фак<елах>» непременно напишем. Не знаете ли, что такая за «Адская почта?» Я что-то не понимаю. Чему он посвящен? Юмору?

Привет Н<адежде> Г<ригорьевне> — и просьба прислать что-нибудь хорошего из иностранцев. Искренно жму руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

23. Г. И. Чулкову. 4 (17) мая 1906. Москва

4 мая <1906>

Дорогой Георгий Иванович!

У меня есть к Вам небольшая просьба: осенью я думаю выпускать сборник рассказов, листов на 8—10 (приблизительно). Как Вы мне посоветуете действовать? Предлагает мне издать Петр Кожевников, дает 300 р<ублей> — это, конечно, очень хорошо в смысле денег, но думаю, что издаст он неважно; я же сам буду в Париже, вероятно, и мне будет трудно следить.

Мне нравятся издания «Содружества». Не знаете ли Вы чего о них? (т. е. о «содружественниках»), стоит к ним обращаться, платят они что-ниб<удь>, и т. п.?

Если бы Вы написали мне пару слов, был бы очень Вам благодарен.

Что Ваш перевод? Где Горький? Не знаете ли и его адреса? Очень бы хотелось, чтобы Вы по обыкновению внезапно появились в Москве со своей яростью и с пестрым чемоданом. Крепко жму руку, привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Не приедете ль Вы летом к нам в деревню? Хорошо бы было.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Адр<ес> до 10-го мая.

Никит<ские> вор<ота>, д. Элькинд, кв. 17.

Позже: ст. Мордвес, Ряз<анско>-Ур<альской> ж<елезной> д<ороги>, имение Притыкино.

P. S. Сейчас приехал Кожевников из Петерб<урга>, рассказывает, что вы совершенно не согласны с тем, что я написал о «Факелах». Было бы любопытно, если бы Вы черкнули пару слов об этом. Я понимал Ваше «неприятие мира» как неприятие той внешней шелухи, за которой таятся как раз зерна будущего просветленного существования. Если же отрицать сейчас *все,* то из чего же может возникнуть будущее? И при чем тогда Ваша любовь, напр<имер> к Гамсуну? Разве он говорит не о *душе* любви, леса, «Норвегии» и т. д. (т. е. о зернах). Истинный реалист по моей мысли и должен говорить как раз о душе явлений, в ближайшем случае о духе стихийно-народных действий, чего «Факелы» касаются еще довольно слабо — они слишком художест<венно>-молоды, — им надо учиться, работать, это придет.

24. А. М. Горькому. 15 (28) мая 1906. Притыкино

<15 мая 1906>

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,
только третьего дня отправил Пятницкому рукопись «Антония». Последние три месяца был очень занят корректурой (служил в «Зол<отом> Руне»), и это очень задерживало работу. Но теперь уже все готово, и рукопись можно сдавать в типографию. Как Вы думаете относительно времени выхода книги? Меня это несколько смущает. Дело в том, что осенью мне очень понадобятся деньги (в нач<але> сентяб<ря> я хочу ехать в Париж), а по условию с Пятн<ицким> я получаю вторую половину гонорара в момент выпуска. А вдруг он выпустит ее через год? Тогда я буду есть акриды и усвоять азот прямо из воздуха.

Затем меня несколько беспокоит внешний вид издания: оно должно быть дешевым, — это несомненно, но все же нельзя издавать Флобера так, как послед<ний> сбор<ник> «Знания» — там одних опечаток раздражающее количество, не говоря о крайней небрежности печатания. Недавно я купил «Иридиона» — это недурно, только поля слишком скупы и текст выпирает благодаря этому. Вы сделали бы мне большое одолжение, если

бы распорядились известить меня о внеш<нем> виде книги: быть может, не удорожая, или удорожив лишь настолько, что я мог бы покрыть это из собств<енного> гонорара, удалось бы дать строго изданную книжку. (До сих пор переводные изд<ания> «Зн<аний>» были неплохи, но Пятниц<кий> говорил о какой-то «дешев<ой> библиотеке», и это для меня уже вопросит<ельный> знак). Аванс я получил очень давно и своевременно не поблагодарил Вас за него только потому, что не знал, где Вы. Не знаю это и сейчас, и пишу наугад, зная только одно, что Вы вне родины, и, что, если не американцы, то еще какие-нибудь болваны устраивают Вам неприятности. Рад только одному, что всегда относился с высокомерием к этим Маркам Твэнам и прочим ничтожествам. Когда думаете в Россию? Незачем Вам писать, сколько здесь пафосу и громадности, просто хоть принимайся за лирико-общественные статьи. Только извините меня, литературу «большевиков» я все же читать не могу. Это удивительно *не-грандиозно* и дубово. Где собственно человеческая душа? И почему нельзя разобрать, кто что написал?

От всего сердца желаю Вам лучшего, привет Марье Федоровне.

Ваш *Борис Зайцев.*

P. S. Очень бы хотел знать Ваше мнение 1) О самом переводе, 2) О том, нужно ли написать небольшое предисловие и дать в конце кое-какие объяснительные примечания, т. к. действительно в «Антонии» есть темные места и малопонятные слова. Все это сделать, разумеется, нетрудно. Как Вы думаете о Ренане? Этим летом буду изучать его, б<ыть> м<ожет>, на этой почве мы опять сойдемся?

25. В. С. Миролюбову. 23 мая (5 июня) 1906. Притыкино

23 мая 1906

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

У Вас есть небольшая моя вещица «Ночью». Будьте добры, распорядитесь вернуть ее мне: не стоит ее печатать — быть может, я устрою из нее что-нибудь погуще — тогда пришлю. Вот и «Завод» я не должен бы был печатать — плохая вещь, только теперь убедился. Постараюсь прислать что-нибудь получше. Адрес мой: ст<анция> Мордвес, Ряз<анско>-Ур<альской> ж. д., имение Притыкино, Б. К. Зайцеву.

Слыхал, что были нездоровы — от души желаю Вам бодрости, силы, сейчас приятно работать, какая-то мажорная полоса (но без мажорской пошлости).

Всего лучшего, Виктор Сергеич, сердечно Ваш

Бор. Зайцев.

26. Г. И. Чулкову. 29 мая (11 июня) 1906. Притыкино

Притыкино. 29 мая <1906>

Дорогой Георгий Иванович, обещанного Вами письма так и не получил. Может, потеряли мой адрес? Он теперь такой: ст. Мордвес, Рязанско-Уральской ж. д., имение Притыкино. Где Вы сейчас и что делаете? Перевод Н<адежды> Г<ригорьевны> «Панург» у меня, прислать его? Еще, Г<еоргий> И<ванович>, не знаете ли летний адрес Блока? Простите, что все тревожу Вас. Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Если знаете, где Вяч. Ив<анов> — черкните.

27. Г. И. Чулкову. 27 сентября (10 октября) 1906. Москва

27 сент<ября> <1906>

Дорогой Георгий Иванович,

Рукопись Вашу я отдал в «Руно», вчера видел Курсинского, он ее прочел и одобрил, — теперь должен еще прочесть Рябуш<инский>. Наверное, возьмут. Во всяком случае сейчас же известят Вас. Что «Факелы»? Слились ли с «Шиповн<иком>»? На днях я вышлю Вам небольшую вещицу — будьте добры, суньте ее куда-ниб<удь> (Для сбор<ников> Зн<ания> — пожалуй, мала очень, да и идиллия). Куда найдете удобным.

Адрес А. В. Соколова: Москва, Проточный пер. д. Степановой, кв. 21. Но числа 9-го он едет в Америку.

Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>, Вера целует.

Ваш *Бор. Зайцев.*

28. Г. И. Чулкову. 1906. Москва

<без даты>

Дорогой Георгий Иванович,

Есть у меня к Вам большая просьба — все насчет «Антония». Если Вы бываете в типографии, где печатается у них Ваш Верхарн, — будьте другом, справьтесь об корректурах — даже всего бы лучше, если б Вы сами отправили их мне. Простите, ради Бога, что причиняю Вам хлопоты, но Вы сами знаете, как мало можно доверяться аккуратности Пятницкого — а мне кор<ректуры> необходимы.

Говорят, устраиваете «Факелы» с «Шиповником»? Это хо-

рошо. Еще слышал о журнале при театре. Правда это? Вы грандиссимус (*слово дается предположительно. — М. М.*), как видно.

Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>, Вера целует Вас обоих. Получили ли от Курсинского письмо? Ваша вещь пойдет в декабре.

Всего хорошего, искренно Вас любящий

Бор. Зайцев.

29. В. И. Стражеву. 21 июля (3 августа) 1906. Притыкино

21 июля 1906

Дорогой Виктор Иванович,

что же Вы не едете? Пожалуйста, приезжайте, очень бы хотел Вас повидать. Я страшно ослаб здесь, мозги мои плохие — за два месяца не написал ни строчки! А писал довольно много, последние же две недели дошел до состояния какого-то отупения — от нервозности, расплывчатости мышления и неудач, идущих отсюда.

Что я могу сказать при таких условиях об «Антоне Бедном»? Дай Бог ему осуществиться, но пока не имею ни материала, ни энергии, да, кажется, и веры мало. Если бы оказался рассказ *у меня*, все же пришлось бы использовать его с целями наживы, т. к. финансы мои гнусны: от «Знания» не могу добиться даже ответа (не говоря уже о деньгах) и не знаю даже приблизительно, когда выйдет «Антоний». Одно хорошо — зовут в сборник «Зн<ания»>, но опять: вещь, кот<орая> могла бы им подойти («Черные ветры»), напечатана в «Совр<еменном> Ж<урнале>» и получил я за нее 30 р. (А там платят 250—300 лист.) Все это скучно и вздорно, — простите, что занимаю Ваше внимание счетоводством.

У меня к Вам маленькая просьба насчет филол<огического> фак<ультета>. Думаю, не поступить ли осенью — хоть немного невежества своего поубавить, — и вот вопрос: дает ли он в *нашем* литературном направлении известную почву (в ист<ории> лит<ературы>) или там больше вздором занимаются. Вот приехали бы, мы б и поговорили.

Ехать Вам надо на Мордвес (с Павелецкого вокз<ала>, в 12 ч. ночи, утром будете у нас; надо дать телегр<амму> дня за два о лошадях, чтоб успели выслать: («Мордвес Притыкино Зайцеву»).

О стихотворениях скажу так: образы по-моему хороши,

«Белый гость» и совсем хорошо, а напев его нравится меньше. В напеве я не очень чувствую тот мрак, о котором идет речь. Симметрия первых и последних пяти строк мне не нравится. В общем же, я нахожу, это хорошо; вещица входит в сознание и в ней есть своеобразие.

Завидую Вам, поэтам: дело Ваше ответственнейшее, зато какая изумительная форма — стихотворение! Как тут чудесно можно себе сказать! Я читаю сейчас знаете кого? Пушкина. Стихи. Знаете ли Вы его «Ариона»? Это, мне кажется, гениально. И вообще хорошо писал, очень уж только тонко. Впрочем, образ его в существ<енных> чертах у меня не изменился — просветлен только и стал дороже, дороже во много раз. Даже иной раз не знаешь, какое именно стих<отворение> одолело, — а впечатление всегда одно, что побывал в светлых царственных владениях. Жалею только, что не понимаю христианства. Я думаю, оно заслуживает и лучшего отношения. Знаете ли Вы, В<иктор> И<ванович>, что христианство все же *совершеннейшее* мирообъяснение?

Дорогой В. И., не смейтесь, я, кажется, впадаю в некот<орый> пафос, но я пафос люблю, кроме пафосов у меня и мыслей-то мало, плохая моя голова. Жду непременно, В. И., уеду не раньше сентября. Вера очень ждет Вас тоже и клан<яется>.

Любящий Вас

Бор. Зайцев.

30. Г. И. Чулкову. 17 (30) октября 1906

<17 октября 1906>

Милый Георгий Иванович,

Спасибо Вам за Пятницкого — уж если теперь обманет, тогда «к барьеру».

К<ара>-Мурзу зовут Сергей Георгиевич, как будто ваш сын, — но похож больше на московский каравай или каменную бабу из Истор<ического> музея.

Приписка сверху: Адрес Кара-Мурзы: Петровка, Салтыковский пер. д. Головкиной, кв. 1.

Вас на днях пригласят читать в Кружок. Чудесно, увидимся. Очень жму руку, кланяюсь Н<адежде> Г<ригорьевне> и обоих целую.

Ваш *Б. Зайцев.*

Приписка В. А. Зайцевой:

Моя милая Надечка, хочу тебе писать ужасно. Целую крепко тебя. Привет Зоре. Твоя Вера.

31. Г. И. Чулкову. 3 (16) декабря 1906. Москва

3 дек<абря> <1906>

Милый Георгий Иванович, очень, очень Вы меня тронули чудесным Вашим письмом. — Дело не в похвалах, а в том удивительно искреннем, удивительно хорошем тоне, каким все письмо проникнуто. Спасибо Вам, голубчик, что так относитесь! И верьте — я люблю и ценю Вас не меньше. Еще недавно, среди всяких здешних литературных дрязг и вздоров вспоминали мы с Верой Вас и «Вопросы Жизни»: видно, печать благородства — штука прирожденная, и та атмосфера, которая вокруг Вас, дается немногим.

Насчет «Весною на Север» не беспокойтесь (послать Вам было уже нельзя, подписали к печати), — я сам дважды сличил ее слово за словом с текстом и ручаюсь за абсолютную точность.

«Нар<одная> газ<ета>» — в политическом отношении sic sibi[1], но не гнусна пока; вообще же штука бульвардьерская и мы с Вами там, конечно, неуместны (по существу). Если же нужен металл, то что-нибудь невинное напечатать можно. (Так я смотрю.) Моя там была уже заметка о «Зиме» Гнедича (ругательская). Вчера видел на минутку в «Зол<отом> Руне» Блока, — все Вам сделаю сейчас же и аккуратнейшим образом.

Целуйте Надежду Григорьевну, Вера кланяется Вам обоим. Всего хорошего, дорогой Георгий Иваныч, — когда приедете к нам читать в Кружок? Пояримся, приезжайте скорей.

Преданный Вам

Бор. Зайцев.

---

[1] Именно так *(лат.)*.

32. Г. И. Чулкову. 7 (20) декабря 1906. Москва

7 дек<абря> <1906>

Дорогой Георгий Иванович, деньги, которые я Вам выслал, получены от Саблина, — я не успел написать об этом на переводе, т. к. было очень много народу на почте.

Есть к Вам большая просьба (или к Над<ежде> Григ<орьевне>): 4 листа корректуры «Антония» прислали, а дальше не шлют вот уж 2 недели. Если б Вы были добры, узнали в типографии — почему и что. Корректуры необходимы, без них я не могу позволить печатать.

Пожалуйста, сделайте, а то меня беспокоит это!

Любящий *Бор. Зайцев.*

33. А. М. Ремизову. 15 (28) декабря 1906. Москва

15 декабря 1906

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

насчет корректуры «Посолонь» не беспокойтесь, — я сличал все очень тщательно. Вам послать было нельзя потому, что очень торопились с выпуском. — Жму руку, желаю всего лучшего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

34. Г. И. Чулкову. 24 января (6 февраля) 1907. Москва

24 янв<аря> <1907>

Дорогой Георгий Иванович, Айхенвальд Вашего «Шамана» побаивается; хотя и говорит об интересных размерах, но, и т. д. Я отдам его в «Руно»?

Будьте добры, напомните «Товарищу», чтобы выслал мне деньги за «Бранда».

Привет Надежде Григорьевне. Душой Ваш

Бор. Зайцев.

35. Ф. К. Сологубу. 29 января (11 февраля) 1907. Москва

Бор. Конст. Зайцев, Москва, Спиридоновка, д. Армянских кв. 45

Москва, 29 янв<аря> 1907

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Изд-во «Шиповник» поручило мне редактирование и подбор материала для предположенных альманахов «Шиповника».

Альманахи будут состоять главным образом из «беллетристики». Участвуют приблизительно так: Андреев, Бунин, Арцыбашев, Дымов, Куприн, Серафимович, Сергеев-Ценский, я, Найденов, Юшкевич, Ремизов (вероятно) и т. д. Будет и совсем юная молодежь.

Если Вам не очень не нравятся эти фамилии и некоторая разношерстность их (что объясняется в значительной степени тем, что молодую художеств<енную> прозу приходится ждать: вот-вот появится, пока жиденько), то пришлите рассказ. Как будто Гржебин говорил, что Вы даже обещали? Тем лучше, буду очень рад, если Ваше произведение попадет к нам ко 2-му сборнику (предполагается выпустить к концу февраля).

Жму руку, искренно уважающий

Бор. Зайцев.

P. S. Очень хотелось бы получить рассказ поскорей! Будьте добры, Федор Кузьмич!

36. Ф. К. Сологубу. 6 (19) февраля 1907. Москва

Москва, 6 февр<аля> 1907

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Я очень рад, что получил от Вас письмо, подающее надежды. — Сборник предполагается выпустить в начале марта: было бы превосходно, если бы Вы прислали рассказ к половине февраля. Очень Вам благодарен за воскресенья — буду в Петербурге, непременно зайду к Вам.

С глубоким уважением

Бор. Зайцев.

37. Г. И. Чулкову. 12 (25) февраля 1907. Москва

12 февр<аля> <1907>

Дорогой Георгий Иванович, посылаю Вам небольшую статейку о «Драме жизни». Если нельзя в «Товарище», отдайте Дымову.

Георгий Иванович, нет ли у Вас рассказа? Если нет, то насчет бы Гагары. Мне хотелось бы для второго сборника. Стихов вообще будет очень мало, главное «беллетристика». Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Можно отдать «Шамана» в «Руно»? Я не сделал этого до сих пор потому, что не знал, хотите вы этого?

Всей душой Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Только что получил Ваше письмо. С «Шаманом» сделаю как говорите. С «Шиповниками» сейчас в благосклонной фазе, чтение рукописей взял на себя, условия второго издания они предложили, но не особые: 500 р. за 5000 экз. «Поживем, увидим».

Литература будет сборная — частью «Знание», частью — молодые, — в известном соотношении.

Приписка В. А. Зайцевой:

Дорогая моя Надя.

Почему ты мне не пишешь? Я ведь ужасно хочу о тебе знать. Приедем мы в конце февраля или начале марта.

Целую тебя, Зорю, всего лучшего.

Боба тебя и Зорю целует.

Твоя Вера

Москва мила, грустна и я не могу ничего писать, а когда приеду расскажу.

Эдгар мил, была несколько раз, не застала Нюру.

38. З. И. Гржебину. 14 (27) февраля 1907. Москва

Москва, 14 февр<аля> 1907

Многоуважаемый Зиновий Исаевич!

Сборник пока подвигается медленно. Присланное С<ергеева>-Ценского решительно плохо. От Сологуба ответ есть — он даст рассказ, обещал скоро прислать. Даст, вероятно, и Бунин. От Арцыбашева ответа еще не имею. Пишу сам рассказ «Май» для сборника.

Экземпляр 1-го сбор<ника> получил, благодарю. Здесь в Москве он производит хорошее впечатление и вызывает большой интерес.

Не можете ли Вы прислать мне 50 р<ублей> под рассказ? Мне очень нужны деньги. Будьте добры, сделайте это поскорее.

Жму руку, всего лучшего. С почтением

Бор. Зайцев.

39. В. Э. Мейерхольду. 18 февраля (3 марта) 1907. Москва

Москва, 18 февр<аля> 1907

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич!

Знаю я Вас очень мало, но тем не менее решаюсь обратиться с просьбой: есть в Москве некая молодая артистка Вера Адамовна Юшкевич (наполовину «учащаяся» еще), но кажется талантливая. Я мало понимаю в Вашем роде художества, но насколько могу сообразить, она очень должна бы идти к духу и характеру Ваших работ. Знает ее между прочим Петр Михайлович. Так вот, было бы очень хорошо, если бы — когда Вы будете в Москве — Вы посмотрели бы ее — я уж не знаю, как это у артистов делается: быть может она подошла бы Вам и Вашей супруге (— а равно П. М.).

С совершенным уважением

Борис Зайцев.

Москва, Спиридоновка, д. Армянских, 45, Бор. Конст. З.

40. Г. И. Чулкову. 23 февраля (8 марта) 1907. Москва

<23 февраля 1907>

Дорогой Георгий Иванович, получили ли Вы мое письмо и статейку о «Др<аме> жизни»? Напечатана ли она где? Если нет — пришлите, пожалуйста, напечатаю в «Перевале».

«Шамана» отдал Грифу. А что же Гагару не шлете? И вообще что Вы и как? Черкните пару слов, голубчик. Крепко Вас целую.

Ваш *Бор. Зайцев.*

41. Г. И. Чулкову. Март 1907

<без даты>

Дорогой Зоря, рассказ — до 15 марта. Голубчик, шевельните «Товарища», чтобы деньги выслал, ляскаю челюстями. Да если можно — пару номеров, у меня нет, хочу один Станиславскому послать.

Н<адежде> Г<ригорьевне> низкий поклон, от Веры также, — и приезжайте сюда *вместе*. Sic.

Любящий *Бор. Зайцев.*

42. Ф. К. Сологубу. 30 марта (12 апреля) 1907. Петербург

Петербург, 30 марта 1907

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

Очень перед Вами виноват, что до сих пор не отозвался на присылку Вами «Творимой легенды».

Мне она кажется вещью истинно вашей, «хороший Федор Сологуб», как говорят о картинах. Считаю лишним распространяться о том, берем ли мы ее — конечно, берем; но пойдет она в третьем альманахе; это объясняется тем, что во втором мы задавлены Октавом Мирбо (альманах, кажется, и так выйдет на $1\frac{1}{2}$—2 листа больше нормы).

Зиновий Исаевич просит меня передать Вам, что гонорар Вы можете получить в любое время.

Искренно преданный

Бор. Зайцев.

43. В. В. Муйжелю. 30 марта (12 апреля) 1907. Петербург

Петербург, 30 марта 1907

Многоуважаемый Виктор Владимирович!

Только что дочитал Вашу повесть. Она мне *решительно нравится*, и я очень и очень Вам благодарен, что Вы даете ее нам. Идет она в этом альманахе Первым номером, и завтра сдается в печать.

От души жму руку, очень бы желал, чтобы в альманахах «Шиповника» были и еще Ваши произведения.

С совершенным уважением

Борис Зайцев.

44. Ан. Н. Чеботаревской. 29 мая (11 июня) 1907. Флоренция

29 мая 1907

Дорогая Анастасия Николаевна, пробовал сейчас написать для Вас несколько строчек, но решительно ничего не вышло. Писать о себе ужасно хитро, даже ставя самые простые рамки. Кажется, могу Вам сообщить только, что родился в 1881 году, учился в Калуж<ском> реальн<ом> училище, а потом в Имп<ераторском> Техн<ическом> Училище, Горном Институте и Москов<ском> Университете (нигде не кончил), женился 21 года, печатать рассказы начал в «Курьере» (при содействии Л. Андреева) в 1901 году, а сейчас я купаюсь в Средиземном море с Верой. Писатели любимые: Данте, Флобер, Гоголь, Чехов, Тютчев, Достоевский. Сказать самому о себе, как развиваешься и куда идешь, очень неподходяще как-то; да и вообще нехорошо, плохо выходит.

Еще забыл: детство, природа, воля и т. п. Это все было отличное и тут можно Вам писать много, — детства все очень похожие вещи, Вы ведь, кажется, тоже деревенская?

Купаться в море очень хорошо; что Вы любите Флоренцию, это превосходно, и я даже не люблю людей, кот<орые> ее не любят. (Впрочем, таких дураков мало.) Всего Вам хорошего, благодарю за внимание и честь.

Ваш *Бор. Зайцев.* Вера кланяется.

P. S. По-итальянски я только еще учусь; Данте читал по-русски (это я для Вас), но, правда, очень, очень высоко его ставлю и чувствую к нему благоговение, ужас и местами восторг. Так что внутренно все же я прав. Он для меня полубожество.

45. И. А. Бунину. Июнь 1907. Флоренция

<без даты>

Начало — рукою В. А. Зайцевой:

Дорогие мои, где Вы?

Получили Вашу открытку в Париже. Пишите во Флоренцию.

Мы счастливы. И думаем о вас всегда. Хотим видеть, родные наши Верун и Ваня! Целуем и обнимаем.

Ваши Зайцевы.

Где будете лето проводить? Пишите.

Привет туркам и иудеям. Жара и чудесно.

Бор. Зайцев.

46. Г. И. Чулкову. 5 (18) июля 1907. Притыкино

Притыкино, 5 июля <1907>

Дорогой Георгий Иванович, только что получил ваши стихи (почта сюда почти как во Флоренцию!) и спешу ответить: они мне нравятся; в особенности «Золотая ночь» — там есть очень хорошие вещи. Для альманахов придется разделить стихи на две группы — «З<олотую> н<очь>» я желаю в ближайший, сонеты в дальнейшие (сонеты все вместе, разумеется). Одно только, Г. И., всегда возможна в последнюю минуту перед выпуском кн<иги> какая-нибудь перестановка. Так, напр<имер>, я просил Сологуба дать рассказ для 2-го альм<анаха>, потом оказалось, что вещь Мирбо так велика, что пришлось отложить до следующего. А он, по-видимому, обиделся. А потом, возможны и разные группировки поэтов по *духу* (напр<имер> Вас естественнее с Вяч. Ивановым, а не с Белым, стихи кот<орого> будут к 3-му альм<анаху>). Так что срок заранее точно установить не могу; кроме того, сонеты вероятно вообще затянутся, т. к. наверное Шиповники будут говорить, что стихов очень много. Относ<ительно> денег за «З<олотую> н<очь>» я *наверно* устрою так, что в случае, если они пойдут не в $3^{м}$, а в $4^{м}$ деньги Вы получите без замедления. —

Видеть Вас в Притыкине буду очень рад; *непременно* везите Надежду Григорьевну.

Из Италии писал вообще мало, только старикам; приедете порасскажу. В двух словах — путешествие вышло чудесное, и Италию я люблю чуть ли не больше, чем раньше (м<ежду> пр<очим>, Ваши стихи, на мой взгляд, имеют к ней *отношение,* но вы бесконечно северный человек). Андрееву пишу тоже.

Прощайте, дорогой Г. И., буду в Притыкине. Известите о приезде телеграммой (с добавкой: «нарочным» о дне — вышлем лошадей).

Весь Ваш душой

Бор. Зайцев.

Приписка В. А. Зайцевой:

«Телеграммский» адрес:
Мордвес Притыкино Зайцеву
Нарочным
Приедем (такой-то день).

Милый Зоря и Надюшечка моя, неужели Вы к нам приедете? Вместе приезжайте. Где Люська. Я ей пишу без конца, но ответа не получаю. Адрес я пишу совсем не так, как Вы, Зоря, написали.

Об Люське думаю каждую минуту, где она? Вернулась ли в Москву? Милый мой Моргалкин-Надек, какое было бы счастье, если б ты с Зорей собралась к нам. Люська, знаю в Притык<ино> не поедет, а то бы и ее... Крепко Вас целую всех, Надю, Люську (если она у Вас), а Зоре жму лапу.

«Снаряжается»?

Ваша душой Вера.

Поезд к нам на ***Мордвес*** *идет в сутки в* ***12*** *час. ночи с Павелецкого вокзала, этот поезд идет* ***на Венев****. Надешка, пиши мне, родная. Я счастлива безбожно!..*

47. Г. И. Чулкову. Июль 1907. Притыкино

<без даты>

Дорогой Георгий Иванович, разумеется, раз вам важен именно 3-й сборник, приложу все усилия, чтоб «Зол<отая> н<очь> пошла в нем. Наверное, так и будет.

Я в деревне до 1-го — 4-го авг<уста>. Вера очень просит, чтобы Люба написала ей, когда будет в Москве. Если буд<ете> писать после 1-го, то в Москву по старому адр<есу>.

Крепко всех Вас целую. Ваш весь

Бор. Зайцев.

P. S. Если рассказ будет, дам с удовольствием.

48. А. М. Ремизову. 23 августа (5 сентября) 1907. Москва

Москва, 23 авг<уста> <1907>

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Здесь с сентября возобновляется газета «Утро». В редакции есть изменения, и газета будет приличного тона. Литературным отделом (беллетрист<ическим>) пригласили заведовать меня. Кроме того, будут писать фельетоны Белый, Чулков, вероят<но> Философов и Мережковский. Вы как автор «Лимонаря» крайне желательны редакции (между прочим — много читателей ста-

рообрядцев) — и уж конечно мне. Поэтому очень бы просил Вас прислать, если можно, *несколько* рассказиков в таком роде; если же есть рассказы и современные, то все равно. Нельзя только крупных вещей. Надо на фельетон. Платят сносно — коп. 10 за газ<етную> стр<оку>. Если мало, напишите.

Первый № выходит в перв<ой> половине сентября, хотелось бы с Вами. Жду, крепко жму руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Адр<ес>: Москва, Спиридоновка, д. Армянских, кв. 45.

49. Г. И. Чулкову, 30 августа (12 сентября) 1907. Москва

Москва, 30 авг<уста> <1907>

Дорогой Георгий Иванович, следующий рассказ за тем, что начинаю сейчас, принадлежит Вам. Когда это будет? Не раньше конца октября. Сейчас я принимаюсь за повесть, и вероятно отдам ее в «Знание», где взял аванс. Хотя без Леонидовского редакторства мне очень не хочется туда давать. По соображениям «политическим» я в «Факелах» быть теперь, когда про Вас пишут всякие гадости, *именно желаю.* Ибо этим подчеркивается мое дружественное расположение к Вам.

Дорогой Г. И., я как раз на этих днях собирался написать Вам: Вы не можете себе представить, как меня раздражают все эти выходки против Вас! Я полагаю только одно: «Привилегия королей — миловать», в данном случае, верите — «плевать» — т. е. проходить мимо. Но как человек все же возмущаешься. Нахожу я, что в общем все это вздор, — и от неимения активных тем (творческих: вместо того чтобы стихи хорошие писать, что не так просто, ругаются извозщичьими словами (это легче).

Стихи отсылаю; получили ли Вы то письмо, где я писал, что если вам «Золот<ая> Ночь» удобнее в III-м альм<анахе> — то так и будет? «Сим подтверждаю». В Петербурге буду не раньше чем через месяц.

Крепко целую, желаю искренно художнической производительности и да погибнет полемика. Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Весь Ваш

Бор. Зайцев.

50. А. М. Ремизову. 5 (18) сентября 1907. Москва

Москва, 5 сент<ября> <1907>

Многоуважаемый Алексей Михайлович!

Я писал уже Вам, но не по тому адресу, и Вы, вероятно,

не получили его. Дело в том, что здесь основывается газета «Утро Жизни» (издат<ельство> П. Рябушинского), где беллетристическим отделом поручено заведовать мне. Редакция и я просим Вас прислать к 1-му № какой-нибудь рассказ из типа «Лимонаря». Газета будет приличная, полит<ическое> направ<ление> «левее кадетов». Сотрудничает, между прочим, Андр. Белый, Айхенвальд, Философов и др. Беллетристы — Сологуб, Ауслендер, я, вероятно Дымов и т. п. Ваши рассказы желательны в довольно большом размере т<ак> ч<то>, б<ыть> м<ожет>, Вы пришлете сразу несколько рассказов?

Платить будут коп<еек> 15—20 за строку.

Первый № выйдет во вторник 11-го числа. Поэтому, если у Вас есть что готовое, пришлите, пожалуйста, немедленно.

Искренне расположенный

Бор. Зайцев.

Москва, Спиридоновка, д. Армянских, кв. 45.

51. Г. И. Чулкову. 10 (23) сентября 1907. Москва

Москва, 10 сент<ября> <1907>

Дорогой Георгий Иванович, как же у Вас дела с «Руном»? Образуется ли какой-нибудь редакционный комитет, который возьмет в свои руки ведение дела? Мне все это неясно. Моя позиция такова: если будет устроена *форменная конституция* (б<ыть> м<ожет> — с правом одного голоса Рябушинскому в собрании редакторов отделов) — и если меня пригласит эта коллегия — в таком случае я согласен. (Кажется, в этом роде смотрит и Бунин). С самим же Рябуш<инским> я никаких переговоров вести не желаю и *от него* приглашения не приму (ибо от него-то именно я и ушел).

Ответьте мне, это любопытно.

Еще к Вам просьба: не можете ли мне сообщить адреса и имена Каменского, Ценского и Бор. Лазаревского (это мне для газеты). Буду очень благодарен.

Крепко жму руку, весь Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. А может, — и Дымова? Будьте добры, дорогой Г. И. Привет Надежде Григорьевне!

Когда нужно рассказ в «Факелы»? Сейчас пишу *не* повесть, как думал, а расс<каз>, кот<орый> могу дать Вам.

52. А. М. Ремизову. 21 сентября (4 октября) 1907. Москва

<21 сентября 1907>

Многоуважаемый Алексей Михайлович, жду Вашего апокрифа. Относительно оплаты по масштабу стихов — сколько Вы, все-таки, разумеете? Ведь за стихи платят разно. Бунин получает 2 рубля.

Будьте добры, не задержите ответом, а может быть, и вещью.

Искренно преданный

Бор. Зайцев.

53. Г. И. Чулкову. 23 сентября (6 октября) 1907. Москва

<23 сентября 1907>

Дорогой Георгий Иванович, мне необходимо надо сто рублей. Скажите издателю «Факелов», чтобы выслал мне *сейчас же, очень прошу*; без этого я не могу дать рассказа. Рассказ больше чем на пол-листа (но не кончил еще), т<ак> ч<то> опасности для Вас нет. Название — «Гость». Что «З<олотое> Р<уно>»? Правда ли, что заключена конституция?

Крепко целую. Ваш

Бор. Зайцев.

54. А. М. Ремизову. 26 сентября (9 октября) 1907. Москва

Среда, 26 сент<ября> 1907

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

Диоклетиан Ваш очень мне понравился, и в воскресенье он идет. Заплатят за него Вам 50 к<опеек> за строку. Но редактор говорит, что *вообще* они так дорого платить не могут (мы рассчитывали больше чем на один апокриф). Редактор — Аркадий Павлович Алексеевский («Утро России» — М., Бол. Чернышевский пер., д. Духовского) — самое лучшее, если Вы с ним непосредственно спишитесь, т<ак> к<ак> я к гонорарам отношения не имею.

Преданный Вам

Бор. Зайцев.

55. А. М. Ремизову. 25 октября (7 ноября) 1907. Москва

<25 октября 1907>

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

«Утро России» закрыли уже! В прошлое воскр<есенье> редактор не поставил Вашего Николу из боязни цензурной (всего

теперь боятся); решил пустить в ближайшее воскр<есенье>, — а уж теперь негде.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Рукопись Вам вышлем.

Оч<ень> возможно, что газета эта будет в Петерб<урге>. Здесь по цензуре невыносимо.

56. А. М. Ремизову. 4 (17) ноября 1907. Москва

М<осква>, 4 н<оября> <1907>

Многоуважаемый Алексей Михайлович, очень извиняюсь, что задержался ответом — трудно было добиться кого-ниб<удь> в «Утре». Там разгром. Отсылаю Вам корректуру — рукописи они не нашли.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

57. Г. И. Чулкову. Ноябрь 1907

Дорогой Георгий Иванович, спасибо Вам за хорошее Ваше письмо о «Любви».

Что Факелы? Выпускаете Вы их или нет? И когда они выйдут? Если не теперь, а в феврале, марте, то, Георгий Иванович, отдайте моего «Гостя» Бунину, он вернет аванс, а к тому времени я дам Вам другой рассказ. Бунин Вам расскажет, для чего ему нужен «Гость».

Если же «Фак<елы>» выходят до Рождества Христова, то, конечно, все остается по-старому.

«Утро России» закрыли. Пока еще ничего не знаю; если не возобновится, то статью Семенова верну.

Крепко жму руку, напишите, пожалуйста, про Факелы, как ваши планы и т. п.

Весь Ваш

Бор. Зайцев.

Вера целует Вас обоих.

Привет Н<адежде> Г<ригорьевне> от меня.

58. Г. И. Чулкову. 7 (20) декабря 1907. Москва

М<осква>, 7 дек<абря> <1907>

Дорогой Зоря,

Отправляю Вам 2 экз<емпляра> «Любви» и прошение в

Управление по дел<ам> печ<ати> с покорнейшей просьбой: взять вашу «Тайгу» и мою «Любовь» и провести их через драм<атическую> цензуру, т. е. в нач<але> января они пойдут здесь в Москве. Я видел первое действие «Тайги». Выходит, я нахожу, очень недурно (я видел вчерне еще, но уже многое определяется). Вероятно, Ярцев напишет Вам о разных вещах.

Итак, милый Зоря, теперь дело за цензурой. Цензор *Ламкерт* позади Александринского театра.

Что «Факелы»? Корректуру будьте добры прислать. Конечно, Ауслендеру у Вас лучше, чем без меня — в «Шиповнике». Привет Н<адежде> Г<ригорьевне> и Вам от всей души. Вера целует.

Весь Ваш *Бор. Зайцев.*

59. Г. И. Чулкову. 18 (31) декабря 1907. Москва

18 дек<абря> <1907>

Дорогой Георгий Иванович,

отсылаю Вам корректуру «Гостя». Будьте добры, напомните в драматической цензуре о «Любви» — я ее не получал.

Если она еще не отправлена, б<ыть> м<ожет>, отправите Вы? Прилагаю доверенность.

«Тайга» идет вся, а не один акт.

Крепко жму руку. Привет от души Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

60. Г. И. Чулкову. 5 (18) января 1908. Москва

5 января 1908

Дорогой Зоря, пьесы я не получал до сих пор. Только что вернулся из деревни, куда уехал накануне Вашего письма. Что же это они за анафемы?

Про театр пока ничего не пишу. Нас, Зоря, преследуют неудачи (внешние). «Тайга» выходила очень недурно (я уже две нед<ели> не видал ничего) — но столько путаницы и ерунды в практической части «Предприятия», что лучше пока молчать. Если все уладится все же, то спектакль состоится в конце января.

Сердечный привет милой Надежде Григорьевне.

Весь Ваш *Бор. Зайцев.*

61. А. М. Ремизову. 15 (28) марта 1908. Москва

<15 марта 1908>

Многоуважаемый Алексей Михайлович, я не знаю адреса Коган, но могу определенно сообщить Вам, что деньги на дорогу вышлют (м<ежду> пр<очим> — это не мой вечер; просто благотворительный).

Ваш *Бор. Зайцев.*

62. И. А. Бунину. 24 мая (6 июня) 1908

24 мая 1908

Дорогой Иван Алексеевич,

Вы в Москве действительно говорили, что 3 листа много; поэтому я и недоумевал с «Спокойствием». Теперь мне ясно все; написано у меня больше листа (оплатного), работаю и сейчас. Думаю, получится около $3^1/_2$. Но кончу не ранее августа.

Какие у Вас планы на осень? (т. е. — где думаете быть сами, и как со сборниками).

Леонид у Вас не будет; его сотрудничество в «Знании» и «Шиповнике». Это я знаю очень верно — он боится перепроизводства. Пишите ли сами и что? Мы живем тихо; много читаю — книг и по постным дням брани за «Аграфену» в газетах.

В конце июня собираемся в Петербург и Финляндию, б<ыть> м<ожет>, но ненадолго.

Крепко жму руку,
Ваш искренно
Бор. Зайцев.

В<ере> Н<иколаевне> поклон.

63. И. А. Бунину. 20 июля (2 августа) 1908. Притыкино

Притыкино, 20 июля

Дорогой Иван Алексеевич, подходит осень и хочется на юг. В конце августа мы думаем тронуться на Константинополь и Афины, в Рим (на зиму). Какие планы у Вас? Может быть, где и встретимся? Вы ведь, кажется, в Риме осенью не жили? Напишите о своих планах пару строк. Может быть, посоветуете, с каким пароходом лучше плыть («идти», как скажет Вера Николаевна). Немного смущает Константинополь: хочется пробыть 2—3 дня, но куда там деваться? И как вообще держать

себя с турками? Боюсь, что у них много клопов. (Вина, наверно, и не понюхаешь.)

Я «изрисовываю» сейчас длиннейшую штуку, конца-края не видно. Собираюсь работать и в Риме, несмотря на солнце, вино и всякие прелести.

Крепко целую Вас, В<ере> Н<иколаевне> привет. Моя Вера тоже целует обоих.

Ваш
Бор. Зайцев.

Приписка В. А. Зайцевой:

Целую Вас, мои дорогие. Верка! Пиши мне. Я перевела книгу французскую. Как твой перевод?

Ст. Мордвес, Ряз.-Уральск. имение Притыкино.

64. Г. И. Чулкову. 9 (22) сентября 1908. Флоренция

<9 сентября 1908>

Дорогие наши Надя и Зоря, пишите нам, здоровы ли Вы, адрес: Firenze, Italia, Boris Zaitzeff, ferma in posta[1]. Мы очень беспокоимся, в загранич<ных> газет<ах> баснословные цифры заболевших холерой.

Приписка В. А. Зайцевой:

Родные мои, крепко Вас целую. Надюша, как прекрасен Дюрер! Какие галереи. Отчего Вас нет с нами.

Любящие Вас Рыжий и Бор. Зайцев.

Пишите Ваш адрес.

---

[1] Флоренция, Италия, Борис Зайцев, до востребования (*ит*).

65. И. А. Бунину. 13 (26) сентября 1908. Флоренция

Italia, Firenze, via Nazionale, allegro Nuova Corona d'Italia.

Флоренция, 13/26 сентября <1908>

Дорогой Иван Алексеевич,

уже третий день мы во Флоренции. Как всегда здесь прекрасно, благородно, скромно и пр. Германия, Мюнхен, все *так*, между прочим, тут только настоящее.

Завтра плачу́ своему хозяину (в отеле!) 75 лир за месяц комнаты, — и неизвестно еще, не останусь ли еще на месяц. Во всяком случае до 10—15 окт<ября> (по-нашему) — пробуду. Отсюда видно, что если сборник набирается, и корректура есть, то соблаговолите издать соответственный декрет, чтобы выслали ее мне сюда. Во всяком случае, дорогой И. А., напишите мне пару слов по совести о положении сборника. Дело в том, что «Шиповник» должен будет присылать мне деньги, и хотя я уверен в их полной корректности, все же не хотел бы видеть кислых мин (что неизбежно, если Ваш сборник задерживается).

Соберетесь ли сюда? Приезжайте! Сейчас дивная погода, винограду больше, чем у нас ржи, кианти так пахнет, что когда в вагоне какое-то семейство откупорило фиаск'у, я слышал это за 3—4 шага. Утром мы ходили бы по церквам (S. Maria Novella от нас пять минут), а затем упивались бы (Рескин умер, ругать за пьянство некому). Но я стараюсь все же не очень пить. Разбавляю кианти водой cinciano, вроде нарзана. Вечером читаю новеллы, Саккети; днем коверкаю адски язык итальянский, зубрю неправильные глаголы и думаю, что *когда-нибудь* овладею их речью. Вера кланяется. Получила ли Вера Николаевна ее письмо? Привет ей от меня.

Ваш *Бор. Зайцев.*

66. Д. В. Философову. 26 сентября (9 октября) 1908. Флоренция

Флоренция, 26 сент<ября>/9 окт<ября> 1908

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович, благодарю Вас за приглашение. Разумеется, я буду участвовать в Вашем журнале. В каком размере — это сейчас определить не могу, знаю только, что вряд ли дам зимой что-либо, т<ак> к<ак> предполагаемые на зиму две вещи принадлежат «Шиповнику». К весне выяснится, что именно я пришлю (напрасно Вы думаете, что я дам «чтобы отделаться». Это неверно).

Был бы очень благодарен, если бы Вы прислали мне первый № (до половины октября, по нашему <календарю>, сюда, — позже, в Рим, адрес я сообщу).

С искренним уважением

Бор. Зайцев.

67. Г. И. Чулкову. 28 сентября (11 октября) 1908. Флоренция

Italia, Firenze, via Nazionale, albergo nuova Mioro Corona d'Italia Boris Zaitzeff.

Флоренция, 28 сент<ября>/11 окт<ября> 1908

Дорогой Георгий Иванович, пишу Вам из Флоренции и под впечатлением только что прочитанного. Знаете ли вы, что в Киеве в театре (Соловцева) со сцены было объявлено, что спектакль не может продолжаться, если из театра не будет удален рецензент Ярцев.

Этот Ярцев есть тот, которого знаем мы с Вами, и который честнее Петербурга, Москвы и Киева вместе взятых. Театр же видимо управляется негодяями. Дорогой Георгий Иванович! Знаете ли Вы чувство «бессильного бешенства»? Если нет, то поверьте, что это плохо. Но это между прочим. Главное в следующем: Ярцев есть так же литератор, как и мы с Вами, как многие наши друзья и знакомые в Петербурге и Москве. Нам, литературному сословию, наносится в его лице *подлое* оскорбление, т. к. нам затыкают рот, прибегая к приемам, которые практикуются по отношению к рецензентам-бутербродникам. Полагаю, что если даже выбросить все мотивы корпоративные, все равно останутся несокрушимыми вопросы справедливости и возмездия.

Я и обращаюсь к Вам с предложением, если можно, поместить в петербургских газетах письмо (наилучшее — с группой подписей), выражающее *презрение* писателей решившемуся на такой поступок. Составление текста должно произойти в Петербурге. Само собой, моя фамилия *непременно* будет там.

Сам я не придумываю сейчас ничего кроме «негодяев», «подлецов» и пр., но это вряд ли будет удобно. Однако просьба — пусть будет письмо очень резким! Одновременно пишу и в Москву (то же). Не знаете ли Вы, в какой газете сотрудничал он в Киеве?

Я не знаю, осуществимо ли все это, но еще раз обращаюсь к Вам, Г. И., — Вы знакомы с редакциями порядочных газет — сделайте что-нибудь в той или иной форме. В крайнем случае, похлопочите в «Речи» или «Слове», чтоб можно было хоть мне напечатать несколько слов об этом.

Крепко жму руку. Ваш весь

Бор. Зайцев.

P. S. Здесь очень хорошо. Больше сейчас ничего не напишу.

P. S. Прилагаю свой случайный (на случай, если не удастся коллект<ивное> письмо) текст. Если хотите иной, пусть иной, но *что-нибудь* непременно надо. И незачем стесняться в словах.

P. S. S. Еще: мне совсем не нравится мой текст. Надо длинней и ярче *(весь текст перечеркнут чернилами крест-накрест).*

PPP. S. Ничего не прилагаю.

PP. S. Ярцева знает Мейерхольд, Блок, (вероятно) Сологуб. Сообразите, кто еще (по театру Комиссаржевской).

68. И. А. Бунину. 4 (17) октября 1908. Флоренция

Флоренция, 4/17 окт<ября> 1908

Дорогой Иван Алексеевич, или Вы не получили моего предшествующего письма, или дела Ваши так плохи, что Вы не решаетесь даже о них писать. Я всегда склонен предполагать худшее, — так же думаю и теперь; буду очень рад, если мои опасения окажутся лишенными основания, но *очень* прошу Вас, как бы ни обстояло дело со сборником, ответить мне.

Ответьте скорее, т. к. во Флоренции мы пробудем еще недели две всего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Привет В. Н.

Firenze, via Nazionale, allergo Nuova Corona d'Italia

Boris Zaïtzeff.

69. Г. И. Чулкову. 12 (25) октября 1908. Флоренция

<12 октября 1908>

Дорогой Георгий Иванович, если возможно, поместите в «Речи» или «Слове» следующее мое письмо:

«М<илостивый> Г<осударь> г<осподин> редактор. Позвольте при посредстве Вашей уважаемой газеты выразить самое резкое осуждение Киевскому театру Соловцова, так гнусно оскорбившему литератора Ярцева.

Борис Зайцев».

Соберите, дорогой Г. И., еще чьи-нибудь подписи.

Делать надо поскорей.

Крепко Вас целую. Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

70. И. А. Бунину. 1 (14) ноября 1908. Рим

Рим, 1 ноября 1908

Дорогой Иван Алексеевич, так как известий от Вас я не имею, и по некоторым признакам вижу, что содержание сборника

до сих пор не выяснено, то считаю нужным принять те меры, которые обеспечили бы мне возможность выпустить книгу со «Спокойствием» в нач<але> октября. Итак, будьте добры передать Блюменбергу, что с 1 декабря я считаю свою рукопись (если она не будет до того времени напечатана в сборнике) свободной. Я возвращаю тогда издательству 1200 р. гонорара и печатаю «Спокойствие», где и как мне угодно.

Мне все это, разумеется, крайне неприятно, но согласитесь, что терять сезон для выпуска книги из-за того, что Куприн не кончил своей книги, я не желаю.

Неприсылка корректуры, имевшая крошечное оправдание в «спешности», — не имеет теперь никакого извинения. Я смотрю на это просто как на насмешку над собой. Не могу не удивляться, что Вы, Иван Алексеевич, не проявили в данном случае достаточного редакторского авторитета и *не приказали* выслать мне просимое. Полагаю, что ответ на это письмо *будет.*

Ваш *Бор. Зайцев.*

Via Belsiana, 60 p. 2° Caroli alsingor Boris Zaïtzeff Roma

71. И. А. Бунину. 13 (26) ноября 1908. Рим

Рим, 13 ноября <1908>

Дорогой Иван Алексеевич,

возражать подробно на Ваше письмо я не буду. Скажу только, что все-таки о времени выхода сборника не знаю и что предложение выпустить книгу до сборника считаю странным. Думаю, что и Вы с этим согласны.

Все Ваши соображения о корректуре и редакторстве считаю неправильными, предыдущее мое письмо, как и это, необидным.

Скоро я возвращаюсь в Россию.

Крепко жму руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

72. С. Ю. Копельману. 22 июня (5 июля) 1909. Старое Село

Старое Село, 22 июня <1909>

Дорогой Соломон Юльевич,

относительно срока присылки рассказа могу только сказать, что приложу все старания дать его (рассказ), когда Вам будет нужно. Надеюсь, что не задержу — хотя вообще над отделкой своих

вещей теперь работаю больше, чем раньше. Пьесу вышлю Вам из Притыкина, как только Вера перепишет ее на машине (в первых числах июля). Что касается «Снов» — то прав я. У меня случайно оказался здесь сборник, и я подсчитал вторично. Там $28^{1}/_{2}$ стран<иц> по 2 т<ысячи> б<укв> = 57 т<ысяч> б<укв>. Я получаю 400 р. за 35 т<ысяч>, след<овательно>, за 57—650 р. — Крепко жму руку. Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Не знаете ли Вы чего о театре Леонида? Вышло из этого что-ниб<удь> или нет? Между проч<им>, — если будете мне писать в течение лета, адресуйте ст. Мордвес, Ряз<анско>-Ур<альской ж. д.>, Притыкино. Отсюда мы уезжаем 25-го.

73. С. Ю. Копельману. 3 (16) июля 1909. Притыкино

P. S. Если С<оломона> Ю<льевича> нет в Петерб<урге> — то Давиду Лазаревичу

3 июля 1909

Дорогой Соломон Юльевич, при сем прилагаю экз<емпляр> пьесы. В нем, по моему подсчету, 94 т<ысячи> б<укв>, т<о> е<сть> несколько более $2^{1}/_{2}$ листов. Приблизительно я должен теперь издательству 425 р<ублей>.

По прочтении будьте добры отправить ее Леониду, которому я написал одновременно с Вами.

Крепко жму руку. Ваш

Бор. Зайцев.

Ст<анция> Мордвес, Ряз<анской>-Ур<альской ж. д.>, Притыкино.

74. Л. Н. Андрееву. 3 (16) июля 1909. Притыкино

Притыкино, 3 июля <1909>

Дорогой Леонид, одновременно с этим письмом отсылаю я в «Шиповник» экземпляр пьесы *«Верность»,* которую имел неосторожность написать. Пьеса эта довольно длинная — чтение больше, чем на час, но переписано Верой на Ремингтоне, так что читать нетрудно. Что тебе с ней делать? Этого я сам хорошенько не знаю, как не знаю и того, что мне с ней делать. А делать что-то надо. Неловко — написал человек пьесу, значит, надо что-то предпринять. По-видимому — ставить на сцене. Тут и вопрос: а) Имеет ли смысл ее вообще ставить? в) Имеется ли для этого порядочный театр и желает ли он ставить?

Несмотря на то, что пьеса имеет разнообразные недостатки, на первый вопрос, кажется, я должен ответить утвердительно (с полным вероятием ошибки, разумеется). На второй ответить ничего не могу и обращаюсь к тебе за советом. По первому пункту тоже хотел бы знать твое мнение, след<овательно>, анкета получается такая: ставить ли вообще, и если ставить, то какие пороги обивать.

Я знаю, что летом ты не любишь писать писем, но, может быть, на этот раз изменишь принципу и «изрисуешь» пару слов.

Как ты мог заметить, первая часть письма «официальная». Теперь идет лично-дружественная.

Во-первых: о тебе я давным-давно не имею никаких известий. Вымирает старое обыкновение писать письма. Пишем мы не письма, а какие-то сигнатурки. Толком говорить с тобой тоже давно не приходилось. Дни, когда ты был в Москве, я не считаю, как не считаю и позорного чтения «Анатэмы». Все это слишком нелепо и обидно. Мне хотелось бы видеть тебя на берегу реки (русской), в местности под Москвой, приблизительно около Бутова. Мы бы с тобой сидели на бережку и мирно ругали друг друга. Но это было бы настоящее. А видеться в Лит<ературном> Кружке есть вздор.

Вообще что-то было *неверное,* неправильное в нашей последней встрече. Я не умею точно определить, но чувствую ясно. Ты на меня как-то подозрительно вглядывался и говорил, что у меня «официальная любезность»? А я тебя *не чувствовал.* Бывает так, что говоришь с человеком, видишь, слушаешь — и в то же время он отсутствует. Может быть, это зависело от того, что мы были на людях и в безобразной обстановке. Но мне казалось и кажется, иногда сейчас, что мы стали дальше друг другу. Как я рад был бы опять увидеть тебя *как следует,* в Москве, в тишине!

Кстати: в Москве теперь, летом, я был в Девичьем монастыре — на могиле Чехова, Александры Михайловны. Ее могилу я видел в первый раз. Там теперь косят траву, стояли копны, и так было мало похоже на кладбище. Солнце садилось, тихо, тихо было. Меня почему-то очень пронзило это посещение. Правда ли, что рядом с ней куплено место тебе? Если да, это хорошо. Мне представилось, что ты ляжешь там же, и что так же приду к тебе (я уверен, что переживу тебя). Можешь смеяться на все это (сентиментальность!), но Жуковский сидит во мне неистребимо. Да и в тебе есть. Ты не Брюсов, слава Богу.

Кончаю. Начал за здравие — вышло за упокой. Это свойство

лирического дарования — отсутствие плана. Брюсов бы за это пробрал.

Ну, прощай. Целую тебя крепко и люблю. Вера также целует. Привет А. И. и Н. Н.

Твой *Борис.*

Ст. Мордвес, Ряз.-Ур. ж. д., имение Притыкино.

75. Л. Н. Андрееву. 6 (19) июля 1909. Притыкино

6 июля 1909

Дорогой Леонид, в экземпляре пьесы, которую ты получишь из «Шиповника», есть погрешность. Последняя сцена последнего дейст<вия> должна быть изменена. Пьеса будет кончаться монологом, часть кот<орого> есть в твоей рукописи, а заключительных слов нет.

Итак, погоди ругать конец. Для разноса пьесы есть материал и в начале, и в середине. Но конец уж слишком беззащитен. — Целую крепко, крепко жму руку.

Большое письмо, вероятно, уже получил.

Твой
Б. Зайцев

Ст. Мордвес, Ряз.-Уральск., Притыкино.

76. Л. Н. Андрееву. 19 июля (1 августа) 1909. Притыкино

19 июля 1919

Дорогой Леонид, получил ли ты мою пьесу? Все вышло очень глупо — надо было послать ее прямо тебе, и в окончательном виде. Доставлен ли тебе конец? (Измененный).

О театре Леванта слышал из газет, но толком не знаю, кто собственно там занимается художеством, какая группа, что предполагают ставить и т. п. Было бы хорошо, если бы ты написал мне о положении пьесы. Дела складываются так, что этот вопрос меня интересует весьма (целое лето я сижу с 20 коп.). Куда, по-твоему, следовало бы обратиться, если Вам пьеса не «подойдет»? Написал было тебе большое письмо, но вышло слабо. Забраковала даже Вера. А о многом хотелось бы говорить, но я очень плохо умею писать. Такое письмо, как прислал мне ты, стоило бы мне недели трудов. Жму руку крепко. Вера кланяется.

Весь твой
Борис.

P. S. Если пьеса пойдет, нельзя ли устроить аванс?

Ст. Мордвес, Ряз.-Уральск. Притыкино

Приписка В. А. Зайцевой:

Дорогой Леонидушка, напрасно ты думаешь, что я ничего в детях не смыслю. Последнее время мне иногда страшно хочется роднуть Ребенка-Девочку (Наташу), но Боря мой скопец и слышать об этом не хочет. Поцелуй за меня Саввушку, Анну Ильиничну крепко и Анастасию Николаевну. Часто хочу тебе написать, да как-то стесняюсь, может, тебе и неинтересно. До свидания. Целуй еще Вадима и Себя.

Твоя, любящая тебя

Вера.

77. С. Ю. Копельману. 9 (22) июля 1909. Притыкино

За отсутств<ием> С<оломона> Ю<льевича> — Давиду Лазаревичу

9 июля 1909

Дорогой Соломон Юльевич, посылаю добавления к пьесе, по оплошности не вставленные своевременно. Если рукопись еще у Вас, то соблаговолите страницу 32-ю заменить присланной, также стр<аницы> 37—38 (последние в пьесе) — одной 37-ой, прилагаемой здесь же. Если пьеса уже у Андреева, то будьте добры переслать эти страницы с моими указаниями куда вставлять — ему.

Крепко жму руку. Ваш

Бор. Зайцев.

78. И. А. Бунину. 24 июля (6 августа) 1909. Петербург

Петербург, 24 июля <1909>

Дорогой Иван Алексеевич,

завтра сдаю в набор свою вторую книжку, которая выйдет в «Шиповнике» осенью (не позднее начала ноября). Последним рассказом ее будет «Спокойствие». Следовательно, я должен знать, когда выйдет Ваш альманах. Если он запоздает (т. е. выйдет не в сентябре, не в половине октября, а к Рождеству), тогда я вынужден буду дать Вам «Сны» к декабрю. Кроме того, в случае, если «Земля» появится в первой половине октября, я прошу разрешения выпустить в книжке «Спок<ойствие>» не позже, чем через месяц (т. е. в пол<овине> ноября).

Я знаю, что мне теперь неудобно писать Вам об этом, надо было раньше заботиться о сроках, но я был уверен, что Ваш альм<анах> почти готов и не задержится; известие же о болезни Куприна меняет дело. Леонид также законтрактован «Шиповником», первые 6 листов принадлежат ему, след<овательно>, возможны осложнения. Выпуск моей книги до Рождества необходим, т. к. это лучший сезон и я глубоко должаю «Шиповнику».

Напишите мне все подробно, дорогой Иван Алексеевич, чтобы можно было бы все устроить с наименьшими неудобствами для обеих сторон.

Здесь я недолго буду, напишите в деревню: ст. Мордвес, Ряз.-Ур. ж. д., имение Притыкино.

Забыл: «Спокойствие» написано почти на $^{3}/_{4}$, с переписками (их будет три, на этот раз), кончу к 1-му сент<ября>.

Крепко жму руку, поклон В<ере> Н<иколаевне> от меня и Веры.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. «Спокойствие» — 3 с лиш<ним> листа, «Сны» — 2.

79. С. Ю. Копельману. 15 (28) августа 1909. Москва

Москва, 15 авг<уста> <1909>

Дорогой Соломон Юльевич,

у меня действительно начата небольшая вещица, но не та, о которой я писал Вам, что она предназначается для «Шип<овника>», и под которую с сентября я буду получать аванс. Конечно, можно было бы обменяться с «Северн<ым> Сиянием» (которому я должен 250 р.) — дать Вам этот расск<аз>, а им предполагавшийся для Вас. Но беда в том, что этот — на 12—13 тыс<яч> б<укв>, даже, пожалуй, меньше (а тот — 1 $^{1}/_{2}$ л<иста>). Это даже и не рассказ, а набросок, эскиз, что угодно, и очень уж малозначителен. Я начал его в перв<ых> числах июля и до сих пор не могу кончить. Частию он мало меня занимает, частию из-за переделок и возни с пьесой.

Я нахожу, что для «Шип<овника>» он прямо-таки неподходящ. Рядом с «Анатэмой» дать 5 страничек описания сенокоса. К какому времени Вам это нужно? Решено ли твердо с «Анатэмой»? Когда пойдет моя пьеса? (И пойдет ли? До сих пор не имею от Леванта <ни> строчки!) Напишите мне, очень ли Вы настаиваете даже на таком рассказике? Для меня было бы *крайне* неприятно печатать его у Вас. Тяжко быть в положении очевидной затычки (и с вещью, которую сам ценишь на 3 - -).

У меня почти переведена новелла Флобера («Coeur Simple»). Эта за себя постояла бы, но — Вы скажете: классическая вещь, старая. Я не судья в этом. В ней два листа и она прекрасна. Платить за нее не пришлось бы, я издательству должен. (Между проч<им>: «Верность» теперь несколько урезана, четвертый акт весь изменен; впрочем, возможно, что я увеличу 1-е действ<ие>. Вообще я пришлю *иной* экземпляр).

Приедете ли Вы к нам? Это было бы хорошо по многим причинам. Во всяк<ом> случ<ае> сообщите мне о ваших заботах касат<ельно> альманаха. Что думаете еще вставить туда? Нельзя ли соединить с «Верностью»? Хотя я почти уверен, что премьерой она не пойдет. Вообще, кажется, ставить ее трудно и неблагодарно. А начинать с нее новому театру — прямо риск.

Крепко жму руку. Когда вернется Леонид? Пожалуйста, напишите.

Ваш

Бор. Зайцев.

Бронная, Богословск<ий> п<ереулок>, д<ом> Росс<ийского Страхового> Общ<ества>, кв. 32.

80. Ф. К. Сологубу. 25 августа (7 сентября) 1909. Москва

Москва, 25 августа <1909>

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Я снова обращаюсь к Вам с просьбою о «художественной прозе». На этот раз для большой московской газеты «Утро», которая после перерыва с осени (половина сент<ября>) будет выходить в обновленном роде. В беллетристич<еский> отдел, который поручен мне и будет размерами довольно велик, я приглашаю кроме Вас еще Ремизова, Ауслендера, Дымова и т. п. Буду писать — Белый, Философов, Волынский и др. — в критическом отделе.

Итак, если не очень боитесь Москвы (Вы ее не любите — я знаю, и считаете предательской), то б<ыть> м<ожет> пришлете вещь; желательно небольшую, чтобы не разбивать, и если можно, не одну (т. е. чем больше числом, тем лучше). Хорошо бы также не откладывать этого надолго.

Преданный Вам

Бор. Зайцев.

P. S. За 2-й сбор<ник> «Шиповника» мне перед Вами крайне неловко. В мое отсутствие (я был за границей) вместо Мирбо

(отказавшегося) поставили Буэлье — отвратительную вещь, вместо которой, конечно, должен был быть Ваш рассказ.

Могу уверить Вас только в одном, что это просто глупость вышла, но не «козни».

81. С. Ю. Копельману. 31 августа (13 сентября) 1909. Москва

31 авг<уста> 1909

Дорогой Соломон Юльевич, пока ничего не могу сказать Вам о времени постановки пьесы, т<ак> к<ак> точно не знаю сам, когда ее решили играть. Было письмо от Леонида, там сказано о премьере, но предположительно. Ни от Санина, ни от Леванта не имею сведений. Во всяком случае, устроим как-нибудь к обоюдному удобству. Далее — возможно, что пьеса пойдет и в Москве — Вы видите, что сейчас трудно назначать что-либо. Числа с 5-6 авг<уста> я в Москве. Адрес мой след<ующий>: Бронная, Богословский пер., д<ом> Российск<ого> Стр<ахового> Общества, кв. 32.

Крепко жму руку. Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Расчет «Снов» неверен. Я получаю 400 р. за 35 т<ысяч> б<укв>. Доказательством этому служат гонорары за «Полк<овника> Роз<ова>» — 230 рублей и «Аграфену» — 800 с чем-то. Тогда как по 40-тысячному выходило бы 210 и 750. Кроме того, я наверно знаю, что Гржебиным был мне предложен 35-ти тыс<ячный> лист. Так же я получал и за «Спокойствие» в «Земле».

82. В. И. Стражеву. Начало сентября 1909. Петербург

<без даты>

Дорогой Витя, только что вернулся с чтения (читал мой рассказ Острогорский). Было так же глупо, как и в Кружке. Хотя и слушали — но мнения оказались курьезнейшие (одни хвалили, другие ругали) — в общем все ни к чему.

Чувствую себя хорошо, с «Шиповником» вожусь и сборник налаживается. Сейчас устал несколько. Прощай, дорогой.

Весь твой

Борис.

P. S. Как много в Петербурге дураков! Море!

Приписка В. А Зайцевой:

Дорогой Витечка!

Мы остаемся здесь до воскресенья, в понедельник утром приедем. Дорогой друг, здесь завертелись, каждый день где-

нибудь шатаемся, в «Вене» были, сегодня читался рассказ Бобы. Публика здесь «на лопатке». Городецкий — восторг — Блок! Вообще великолепны оба! До свиданья.

Целую тебя крепко. *Твой друг Вера.*

Целую наших всех.

83. Ю. А. Бунину. 16 (29) сентября 1909. Петербург

Спб., 16 сент<ября> <1909>

Дорогой Юлий Алексеевич,

Вы наверно ругаете меня за неаккуратность и забывчивость, но Вы неправы — обстоятельства складываются так, что я не буду в Москве раньше 29—30-го числа, следовательно, время терпит.

Пьеса моя не готова еще. Произошли перестановки ролей, т<ак> ч<то> она пойдет 28-го. Сегодня в театре я списал то, о чем Вы просили: пьеса «к представлению дозволена в Спб., 21 авг. 1909 г. за № 7538». Фамилия цензора неразборчива, но, если угодно, я могу добраться до него.

Крепко жму руку. Привет от Веры.

Душевно Ваш

Бор. Зайцев.

Репетициями я мало доволен. Быть может, еще улучшится, с новыми исполнителями, но все же мало надеюсь, что зрелище будет хорошее.

За Белинского Вы на меня не сердитесь. Надо только точно договориться.

Адр<ес>: Академия художеств, кв. Исакова.

84. Ю. А. Бунину. 24 сентября (7 октября) 1909. Петербург

<С.-Петербург> 24 сент<ября> 1909

Дорогой Юлий Алексеевич, простите, что так долго не отвечал Вам. Я ясно помню, что Вы просили узнать № разрешения, а не достать цензурованный экземпляр; но это не важно. Справок официально они не дают, — так мне ответили в цензуре. Экземпляра же свободного (на котором они могли бы поставить штемпель) у меня нет. Заказал сегодня переписать театральный экземпляр, но все это будет только через неск<олько> дней. Так<им> образ<ом>, привезу с собой. Жаль, что я просто не взял Вашей рукописи.

Буду числа 30-го.

Ваш *Бор. Зайцев.*

85. В. И. Стражеву. 27 сентября (10 октября) 1909. Петербург

27 сентября 1909

Дорогой Витя, очень рад был получить сегодня твое письмо. От него на меня пахнуло Москвой и чем-то тем хорошим, что я люблю в ней, в людях. Ведь настоящая «дружественность» всегда гнездилась в Москве; та дружественность, которая бескорыстна и основана только «на взаимном влечении душ». Здесь же я уже почти три недели живу в атмосфере театра, — т. е. неправды, неискренности, делячества и мамоны. И тут на Неве все так! «Успех» — есть лозунг жизни. «Ваша пьеса *должна* иметь у нас «успех», — говорят мне, и как-то запугивают меня этим. Как будто, если она не будет иметь успеха, я окажусь виноватым.

Люди хитры, льстивы и рвут друг у друга зубами роли, положения, «успехи».

Что касается пьесы — идет она недурно. Частью под давлением театра, частью по собственным соображениям я несколько изменил конец. Последней фразы нет, а Конс<тантин> Ив<аныч> выходит и за сценой, после паузы «треплевский» выстрел. Снова пауза и занавес медленно задвигается.

Но не подумай, что я сделал это для «успеха». Нет, логика 4-го акта вела к тому; и Самойлову не игралось, пока не появился в пьесе последний удар. Да и сама *стихия театра*, по моему наблюдению, плохо мирится с концом *не разрешающим*. А 4-й акт выходит по атмосфере таким сдавленным, что кажется, этот электрический разряд необходим. — Но, б<ыть> м<ожет>, ты все-таки будешь ругать меня за это. (Напечатана пьеса будет по старому тексту.)

Завтра спектакль. Я *не* волнуюсь, но репетиции показали мне, как несовершенна эта вещь; в ней много незрелого, очень много. Однако, третий акт, кажется, действует на человеческую душу. Плоха механика, компоновка приходов, уходов, плоха вязь пьесы... Если года через два я напишу еще для сцены, то постараюсь сделать лучше. Пока прощай, дорогой друг, крепко целую тебя. Буду в Москве 1-го (Вера, без которой мне было бы здесь очень круто, тебя целует).

Весь твой *Бор. Зайцев.*

86. Л. Н. Андрееву. 14 (27) октября 1909. Москва

14 окт<ября> 1909

Дорогой Леонид, ты так спешно уехал из Москвы, что не пришлось даже видеться. В день приезда (моего, это был день

первого предст<авления> «Анатэмы») я заходил к тебе в Княжий двор, но не застал. Таким образом, в театре я до сих пор не был.

Говоря по правде, мне в Театр вообще не хочется сейчас идти. Достаточно натерпелся в Петербурге. Ты наверно уже слышал о провале моей пьесы. Все это было довольно нелепо и дико, но острота ощущений большая. Мне кажется, вместо поездок в Африку или Индию за львами, тиграми и др. птицей можно рекомендовать усталым лордам постановку пьес (и чтобы с провалом). Публика — зверь почище африканских; здесь мне пришлось видеть ее первый раз лицом к лицу. Я никогда не любил толпы, но тут, когда ты ее добыча (все равно, и когда тебе аплодируют), — *ее отвратительное* выступает бесконечно ярче. И подло то, что в Театре есть рабство у ней. Я сам не мог отрешиться от этого рабства. Сидя дома, как сейчас, работая для собственного удовольствия, не уважаешь ее тихим неуважением. В театрах не то. В театре *она* первое, а *ты* второе. В третьем действии, когда меня вызывали и Санин выставлял меня на «рассмотрение» — я уже не мог «им» кланяться, до такой степени они меня извели за два с половиной часа. Из всей театральной истории ничего не вышло, но испытать это раз все же стоит. Я не раскаиваюсь, что все так было.

«Анатэму» я прочел. «Анфиса» нравится мне больше, хотя замысел здесь колоссальный. Не везде согласен с языком, затем: как ее ставить? Первые земные картины как будто твердо реальны, это чуть ли не Одесса, а конец, с того места как появляется *народ* («Дави-ид, Дави-ид»), — разве это в России, или в Палестине? Это уже *вообще*. И сам Давид становится не Лейзером, а каким-то таинственным и всемирным Давидом. Как это выйдет на сцене?

Я читал брань на «Анфису». Это, наконец, глупо. Что же «им» надо? Протопопова? «Детей XX века»? Что театр? Неужели он так плох? Я не могу ничего сказать об этом, т. к. видел только свою пьесу (которую я и на сцене вижу такой, как она написана) — но все говорят, что театр слаб.

Будешь ли ты в Москве еще? Когда увидимся?

Крепко целую.

Твой душевно

Бор. Зайцев.

P. S. Петр Кожевников будет в П<етербурге> издавать свою книжку. Рассказы его недурны. Пусть бы издал Шиповник? Я пишу С. Ю., скажи и ты.

87. С. Ю. Копельману. 16 (29) октября 1909

16 окт<ября> 1909

Дорогой Соломон Юльевич, на днях у Вас будет беллетрист Кожевников. Он предложит свою книжку (помните, я говорил Вам в августе?). У него есть очень недурные вещи; это не на большую публику, но благородно и с хорошим вкусом. Леонид о Кожевникове довольно хорошего мнения. Что же не выходит альманах? Рассказ к следующему я пишу. Как Вы живете? Что «Анфиса»? Почему так ругают ее газеты? Удивляюсь.

Привет В<ере> Е<вгеньевне> от меня и Веры. Также и Е<лизавете> Ю<льевне>.

Ваш *Бор. Зайцев.*

88. Г. И. Чулкову. 30 октября (12 ноября) 1909. Москва

Москва, 30 октября дня 1909

Дорогой Георгий Иваныч, Вы уже знаете, что возобновляется «Утро России»; мне поручен литературный отдел. Газета, кажется, будет несколько лучше, чем была раньше. К Вам просьба о рассказе. Размер его желателен — фельетон. Заплатят порядочно.

Как Вы живы? Я что-то не замечаю времени. «А дни летят, а дни летят...», как выразился Ваш друг Андрей Белый. Хорошо это или плохо? Скорее плохо.

Крепко целую Вас, привет Надежде Григорьевне. Жду рукописи. Сколько бы Вы желали получать? Газета открывается 15-го числа (приблизительно).

Душевно Ваш

Бор. Зайцев.

Твер. бульв., Богословский, 9, 32.

Приписка: Большая просьба к Вам — передать прилагаемое письмо — не знаю адресов, а нужно скорее. Простите, ради Бога, за хлопоты. Будьте добры!

89. О. И. Дымову. 30 октября (12 ноября) 1909. Москва

Москва, 30 окт<ября> 1909

Дорогой Осип Исидорович, не откажите дать что-ниб<удь> беллетристическое в газету «Утро России», возобновляющуюся с половины ноября здесь, в Москве. Литературный отдел поручен мне; он будет довольно большой. Газета, конечно, прогрессивная

и т. д. Желательно в размере фельетона. Заплатят удовлетворительно. (Сообщите, сколько желали бы.)

Преданный Вам

Бор. Зайцев.

Тверской бульвар, Богословский пер., д. 9, кв. 32.

90. Ф. К. Сологубу. 30 октября (12 ноября) 1909. Москва

Москва, 30 октября 1909

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

С половины ноября в Москве возобновляется газета «Утро России», где Вы сотрудничали в 1907 году. Газета прогрессивная, большая; литературный отдел поручен мне. Предполагается поствить его довольно широко, привлекая лучшие силы. Обращаюсь во-первых к Вам, с покорнейшею просьбой прислать нам что-либо для напечатания (разумею беллетристику, конечно). Соблаговолите сообщить, какой Вы пожелали бы гонорар. Рассказ желательно в размере фельетона; но можно и больше. Позвольте крепко пожать Вашу руку. С истинным уважением

Бор. Зайцев.

Тверской бульв<ар>, Богословский пер., д. 9, кв. 32.

91. А. М. Ремизову. 30 октября (12 ноября) 1909. Москва

Москва, 30 октября 1909

Многоуважаемый Алексей Михайлович, — большая просьба к Вам: не можете ли прислать нам, в возобновляющееся «Утро России» что-нибудь беллетристическое. Желательно не одну вещь, а вообще Ваши вещи — из небольших размером. Приблизительно так же, как было тогда. Газета начнет выходить в половине ноября.

Какой Вы желали бы гонорар? Адрес мой: Тверской бульв<ар>, Богословский пер., д. 9, кв. 32.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

92. А. С. Серафимовичу. 2 (15) ноября 1909. Москва

Москва, 2 ноября 1909

Дорогой Александр Серафимович,

как Вы видите по напечатанному заголовку газеты, «Утро Рос-

сии» опять выплывает (она существовала в 1907-м году, но была закрыта администрацией).

Газета начнет выходить с половины ноября. Она будет большая, прогрессивная, с довольно большим литературно-художественным отделом и богатая. Беллетристику в ней поручили мне. Обращаюсь к Вам, дорогой Александр Серафимович, с покорнейшей просьбой прислать нам что-ниб<удь> беллетристическое. Если и два рассказа, то хорошо. Желательно не из крупных (по условиям газетного печатания). О цене напишите.

Адрес мой: Тверской бульв., Богословский пер., д. 9, кв. 32.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Не знаете ли Вы адреса Сергеева-Ценского и Олигера? Был бы Вам очень благодарен за сообщение.

93. А. С. Серафимовичу. 11 (24) ноября 1909. Москва

Москва, 11 ноября 1909

Дорогой Александр Серафимович,

я очень рад, что Вы дадите нам прозы. Об условиях Ваших я говорил с редактором. Он предлагает 25 к. за строку. Просит у Вас *меньший* рассказ (на 400 строк). Аванс под него может <быть> выслан 17-го числа 100 р.

Будьте добры, Александр Серафимович, присылайте рассказ!

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

О Вашем брате: все что можно будет, устрою. Сообщу на днях. Узнали ли адрес Ценского?

94. Г. И. Чулкову. 11 (24) ноября 1909. Москва

Москва, 11 ноября дня 1909

Дорогой Георгий Иванович, простите, что отвечаю не сразу — мне приходится теперь писать довольно много писем, а я пишу довольно трудно.

Условия Ваши я передал в редакцию. Как ни печально, но они сильно расходятся с тем, что Алексеевский может Вам предложить. Именно — 20 к. за беллетр<истику> и 10 к. за статьи (о театре и т. п.).

Я знаю, что при таких обстоятельствах мне трудно просить Вас о рассказе, но все же я прошу, т. к. — и это разумеется само собой — Вашу прозу мне очень хочется иметь, а в назначении гонорара я не волен.

Итак, все же надеюсь, что вы пришлете нам хоть какую-ниб<удь> мелочь.

Когда закончите пьесу? Любопытно было бы ее прочесть!

Весь Ваш

Бор. Зайцев.

95. И. А. Бунину. 12 (25) ноября 1909. Москва

Москва, 12 ноября 1909

Дорогой Иван Алексеевич,

сегодня корректировал Ваш рассказ. Кажется, все в порядке. Сведения о вашей жизни и лит<ературной> деятельности — то, что Вы прислали из «Русск<ого> сл<ова>», не подходящи, т. к. сейчас же будет виден их источник, а это плохо. Я думал, что будет что-ниб<удь> иное, вновь написанное! Кроме того, редактор говорит, что и поздно (с чем я *совершенно* не согласен). Портрет идет в художественном приложении — на этой бумаге они не решились. Пока прощайте, крепко жму руку.

Ваш душевно

Бор. Зайцев.

96. Г. И. Чулкову. 25 ноября (8 декабря) 1909. Москва

Москва, 25 ноября дня 1909

Дорогой Георгий Иваныч, говорил сегодня об авансе. Алексеевский обещал выслать, но не ранее, как через неделю. Говорит, что сейчас нельзя. Что вы с ним поделаете!

Извещение о Вашей пьесе получил. Как только наладится «Календарь писателя» (предполагают его сделать) — напечатаем.

Привет Н<адежде> Г<ригорьевне> от меня, Веры, — равно и Вам.

Душевно Ваш

Бор. Зайцев.

Адрес мой, короче, так: Тверск. бульв. Богословский, д. 9, кв. 32.

97. С. Ю. Копельману. 30 ноября (13 декабря) 1909. Москва

Москва, 30 ноября 1909

Дорогой Соломон Юльевич, рассказ Вам я пишу; около листа уже есть. Будет на $1^{1}/_{2}$—2. Называется «Заря» (из детской жизни). Флобера перевел (2 печ<атных> листа), теперь обрабатываю. Думаю выслать все это Вам своевременно, запоздаю, самое большее, на неделю.

Крепко жму руку, привет В<ере> Е<вгеньевне> — Вера кланяется.
Ваш
Бор. Зайцев.

Книжку получил. Издание мне нравится.

98. О. И. Дымову. Ноябрь 1909. Москва

<без даты>

Дорогой Осип Исидорович, очень извиняюсь перед Вами за долгое молчание — виною тому моя забывчивость и неаккуратность.

Сегодня говорил с редактором об условиях. Он предлагает 10 к<опеек>, за строчку. Мне кажется — это скупо, но вряд ли дадут больше. Во всяком случае, напишите, согласны ли, а если нет, сколько желали бы получать.

Если набежит рассказик — присылайте нам, буду очень благодарен.

Крепко жму руку и желаю всего лучшего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Редактора зовут Аркадий Павлович Алексеевский, но, лучше, пишите мне. Буду точен!

99. О. И. Дымову. 2 (15) декабря 1909. Москва

Москва, 2 декабря 1909

Дорогой Осип Исидорович, писал Вам недели три назад через Г. И. Чулкова — не знал Вашего адреса — и не уверен, получили ли Вы то мое письмо. Обращаюсь вторично.

Мне бы очень хотелось Вашей беллетристики для «Утра России». Бенштейн говорил мне, что у Вас есть проза. Здесь рассказ прошел бы быстро, и с приличествующим гонораром. Очень прошу Вас, сообщите, можно ли на Вас рассчитывать, и к какому сроку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Тверской бульвар, Богословский пер., д. 9, кв. 32.

100. А. С. Серафимовичу. 2 (15) декабря 1909. Москва

Москва, 2 декабря 1909

Дорогой Александр Серафимович,

что рассказ? Простите, что пристаю к Вам, но мне очень интересно получить его поскорей.

Крепко жму руку, искренно Ваш

Бор. Зайцев.

В. С. пишет библиографию и, кажется, в хронике работает.

101. А. И. Куприну. 11 (24 декабря) 1909. Москва

Москва, 11 дек<абря> 1909

Многоуважаемый Александр Иванович.

Несколько времени тому назад я писал Вам в Ригу, что редакция «Утра России» согласна на Ваши условия (2 $^{1}/_{2}$ к. буква) и просит сообщить, когда мы можем получить рукопись.

Вероятно, письмо не застало уже Вас в Риге. Поэтому обращаюсь к Вам вторично, Александр Иванович, с просьбой дать что-либо к рождественскому №.

Между прочим: в Москве существуют два «Утра»: наше «Утро России» и «Раннее утро» (бывший «Русский листок» Казецкого). В «Раннем утре» сообщено, что Вы обещали им рождественский рассказ. Быть может, Вы имели в виду нашу газету? От души желаю, чтобы это было так.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Тверск<ой> бульвар, Богословский пер., д. 9, кв. 32.

102. А. М. Ремизову. 11 (24) декабря 1909. Москва

Москва, 11 дек<абря> 1909

Многоуважаемый Алексей Михайлович, деньги Вам высланы 5-го числа. Сегодня справлюсь еще раз, но мне говорил об этом редактор совершенно определенно. Очень извиняюсь, что выходит такая путаница, но моей вины тут нет, т. к. я только и делаю, что подгоняю, напоминаю и т. д.

Ваш *Бор. Зайцев.*

103. О. И. Дымову. 11 (24) декабря 1909. Москва

Москва, 11 декабря 1909

Дорогой Осип Исидорович,

Ваши условия вполне приемлемы, и я буду очень рад получить рукопись. Присылайте скорей!

Крепко жму руку, привет

Ваш *Бор. Зайцев.*

Пишу опять на «Ж. д. в.» — не везет мне с Вашим адресом: не разобрал № квартиры.

104. Г. И. Чулкову. 11 (24) декабря 1909. Москва

Москва, 11 декабря дня 1909

Дорогой Георгий Иванович, «Ночные поэмы» пришлось возвратить — в газете их очень трудно напечатать, они залежались бы. Деньги Вам высланы, рассказ пойдет скоро. Некот<орая> задержка денег произошла от всегдашней причины: двадцать раз говоришь, на двадцать первый исполнят.

Крепко жму руку, привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

105. Г. И. Чулкову. 17 (30) декабря 1909. Москва

Москва, 17 декабря дня 1909

Дорогой Георгий Иванович, у меня к Вам некоторая просьба. Не можете ли Вы, при встрече с Сологубом дипломатически узнать, даст ли он нам рождественский рассказ, или нет. Он давно взял аванс, обещал к 5-му рукопись, но до сих пор ничего нет, — нет и ответа на мое письмо. Писать ему вторично я считаю неудобным, т. к. сам понимаю, что писатель всегда может ошибиться сроком, а если взят аванс, то напоминание конфузит. Но мне просто интересно знать, даст он или не даст.

Буду очень Вам благодарен за исполнение моей просьбы. Получили ли вы деньги? В течение целой недели они лежали камнем на моем сердце, я напоминал о них чуть не каждый день, и все-таки они запоздали! Вина целиком на конторе.

Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Ваш *Бор. Зайцев.*

106. Ф. К. Сологубу. 2 (15) января 1910. Москва

Москва, 2 янв<аря> 1910

Дорогой Федор Кузьмич, я только что вернулся из деревни, где был на праздниках. Все это время газеты не читал, и теперь ужасно расстроен, что в мое отсутствие прошла такая неприятная статейка. Впрочем, они могли поместить ее и если б я был здесь! — Ибо я читаю только беллетристику. Относит<ельно> же другого приходится только браниться post factum. Завтра в редакции проделаю это снова.

Во всяком случае, приношу Вам искренние извинения. Верьте, что мне, приглашавшему Вас сотрудничать, более чем кому бы

то ни было огорчительно, что в газете по Вашему адресу проявлена бестактность.

Крепко жму Вашу руку. Привет Настасии Николаевне от меня и Веры.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

Относительно гонорара я передал все своевременно, и мне обещали немедленно исполнить.

107. И. А. Бунину. 3 (16) января 1910. Москва

3 янв<аря> <1910>

Дорогой Иван Алексеевич, сегодня вернулись в 5 ч. утра от Браиловских. Встал я около двух. Как ни хотелось послушать Вашу вещь, не решился идти, т. к. неспособен ничего воспринимать. Рассказ Нилуса оказался на 700 стр<ок>, что нам абсолютно невозможно. Сам по себе он приемлемый.

Крепко жму руку — *Бор. Зайцев.*

108. А. И. Куприну. 9 (22) января 1910. Москва

9 янв<аря> 1910

Многоуважаемый Александр Иванович,

третьего дня послал Вам телеграмму о «Яме». К сожалению, редакция не может предложить Вам такого гонорара, какой возможен для маленького рассказа — это легко бы слишком большим грузом на бюджет; я и телеграфировал Вам, что за вещь около 10 печ. листов мы можем заплатить 3—3½ тыс. руб. Очень рад был бы иметь Ваше произведение. Будьте добры сообщить, согласны ли Вы, и если согласны, то очень просил бы Вас немедленно выслать рукопись.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Тверск<ой> бульвар, Богословский, д. 32.

109. Г. И. Чулкову. 9 (22) января 1910. Москва

Москва, 9 янв<аря> <1910>

Дорогой Георгий Иванович, недоразумение состоит в том, что Ваш рассказ напечатан 1-го, а то, что печатается от 1-го

до 15-го, оплачивается 20-го. Таким образом, если бы Вы не напомнили мне, — Вы получили бы 35 р<ублей> только 22-го — 23-го!

Я упустил из виду, что печатаемое 1-го оплачивается 20-го. Мне казалось, что Вы получите 5-го. Как бы то ни было, Вам вышлют деньги немедленно.

Дорогой Георгий Иванович, поверьте, что все эти недоразумения неприятнее всего мне. Ни о каком «утомлении» не может быть и речи — моя обязанность охранять интересы приглашаемых мною лиц, и наоборот, извиняться приходится мне. Хотя в данном случае по их конторским порядкам они правы.

Итак деньги немедленно вышлем. Очень интересуюсь Вашей пьесой. Слышал, что хорошая.

Всего Вам лучшего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

110. О. И. Дымову. 14 (27 января) 1910. Москва

14 янв<аря> 1910

Дорогой Осип Исидорович,

сегодня был в редакции и говорил о Вашем проекте. Как я и думал, он встретил только сочувствие.

Когда Вы уезжаете? Не могу не позавидовать человеку, отправляющемуся на Запад. Но отчего нет в Вашем перечне ни одного итальянского имени? Кажется, к этой стране Вы относитесь холодновато. Это нехорошо.

Итак, очень хорошо, что у нас будут Ваши вещи. Был бы очень рад, если бы Вы прислали нам еще рассказ. За «Русалку Найю» благодарю Вас; середина мне определенно нравится, начало меньше. Может быть, вообще рассказ выиграл бы, если бы велся прямо (без умирающего старика). Но и так он хорош. Рассказ в «Ранн<ем> Утре» тоже должен бы был быть (три б!) у нас. «Р<аннее> У<тро>» хуже нашей газеты, хотя и наша не блестяща. (Тираж ее, все же, около 50 тыс<яч>.)

Крепко жму руку.

Ваш искренно

Бор. Зайцев.

Я недоволен этим письмом со стилистической стороны. Надо было бы переписать раза два! Не умею я писать сразу. Не ругайте меня за обилие «нас» и «Вас».

111. С. Ю. Копельману.
22 января (4 февраля) 1910. Москва

22 янв<аря> 1910

Дорогой Соломон Юльевич, вчера кончил рассказ. Почти два листа. Начал переписывать, на днях вышлю. У нас Леонид. Вера была на «Черных масках». Мне на сцене больше нравится.

Крепко жму руку.

Ваш *Бор. Зайцев*

Расск<аз> наз<ывается> «Заря».

112. Б. А. Лазаревскому.
31 января (13 февраля) 1910. Москва

31 янв<аря> 1910

Многоуважаемый Борис Александрович, ради Бога извините, что неаккуратно отвечаю. Все это время писал, меня теребили в разные стороны, и пр<очее>.

Спасибо Вам за рассказ. Он пойдет, вероятно, скоро. Рассказ, Вами рекомендованный, пойдет также, но не знаю когда. Он довольно мил, хотя я ожидал большего, судя по Вашим словам.

Крепко жму руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Пусть автор сообщит фамилию и адрес.

«Кр<асные> Зор<и>» я Вам выписал — с 1 янв<аря> по 1 июля. Квитанция № 55360.

113. С. Ю. Копельману. 1 (14) февраля 1910. Москва

1 февр<аля> 1910

Дорогой Соломон Юльевич, рукописи Вы теперь, наверно, получили. На обеих я надписал, что непременно желаю посмотреть корректуру. Подтверждаю это желание еще раз. В тексте будут некоторые переделки, т<ак> ч<то> будьте добры распорядиться, чтобы прислали гранки. Верну следующей почтой.

Напишите мне, С<оломон> Ю<льевич>, какие у вас виды на дальнейшее? К какому времени нужна будет моя следующая вещь?

Крепко жму руку, поклон Вере Евгеньевне.

Ваш *Бор. Зайцев.*

114. А. С. Серафимовичу. 1 (14) февраля 1910. Москва

1 февр<аля> 1910

Дорогой Александр Серафимович,

простите, что долго не отвечал, был очень занят рассказом. Деньги, вероятно, Вам уже выслали — сегодня справлюсь еще.

Когда думаете в наши земли?

Крепко жму Вашу руку, желаю удачи Вашей большой вещи.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Вен<иамин> Сераф<имович> будет читать в феврале в Литер<атурном> кружке лекцию о Горьком (на вторнике).

115. Б. А. Лазаревскому. 5 (18) февраля 1910. Москва

5 февраля 1910

Многоуважаемый Борис Александрович, Вам придется несколько обождать с деньгами, т<ак> к<ак> у нас стали очень скупы на выдачи под еще ненапечатанное. Как только Ваш рассказ пройдет, вышлют тотчас. Очень сожалею, что так выходит, но это зависит не от меня.

Ваш *Бор. Зайцев.*

116. С. Ю. Копельману. 17 февраля (2 марта) 1910. Москва

Москва, 17 февр<аля> 1910

Дорогой Соломон Юльевич, 22-го я уезжаю на неделю, полторы в деревню. Будьте добры распорядиться, чтобы корректуру «Прост<ого> сердца» выслали туда, если она не будет готова до моего отъезда. Марк Криницкий предлагает вторую книгу своих рассказов. Как Вы на это смотрите? Он согласен на очень скромный гонорар. Рукописи (оттиски) у меня — если нужно, я вышлю. — Ответьте.

Крепко жму руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Деревенский адр<ес> обычный: ст. Мордвес, Ряз<анско>-Ур<альской ж. д.>, Притыкино.

117. С. Ю. Копельману. 4 (17) марта 1910

4 марта 1910

Дорогой Соломон Юльевич, знаете ли Вы, что у меня почти готова третья книжка? В деревне я подсчитал написанное и —

приблизительно — что будет написано до лета (июня) — и оказалось, что получается несколько больше материала, чем было во второй. Рассказы выйдут след<ующие>: «Сны», «Верность», «Жемчуг», «Мой вечер», «Заря», «Смерть» (пишу сейчас) и «Актриса» (напишу в апреле и мае). Как Вы думаете насчет издания? Т<о> е<сть>, когда, в какую цену книгу? Книга Г<еоргия> И<вановича> стоит 1 р. 25 к.; моя выйдет не меньше, но я не знаю, не дорого ли это. С моей стороны — материальные условия те же, что и второго тома. Как распределяются сборники? «Смерть» я кончу в марте, но она невелика, неск<олько> больше полулиста. «Актриса» листа на полтора.

Еще просьба, настоятельная: в переводе есть описка. В седьмой фразе от конца второй главы сказано: «Кэнский (колледж) считается лучшим». Надо: «Канский... и т. д.» Будьте добры исправить в верстке.

Крепко жму руку, привет Вере Евгеньевне.

Ваш *Бор. Зайцев.*

118. Б. А. Лазаревскому. 6 (19) марта 1910. Москва

6 марта 1910

Многоуважаемый Борис Александрович, получил Ваше письмо будучи в деревне, и ничего не мог ответить, т<ак> к<ак> должен был спросить редактора, возможен ли рассказ больше фельетона. Но теперь Вам придется обратиться к редактору непосредств<енно>, т<ак> к<ак> со вчерашнего дня я не имею к газете никакого отношения. «Мучение» буд<ет> напечатано *на ближайших* днях.

Ваш *Борис Зайцев.*

119. Ф. К. Сологубу. 6 (19) марта 1910. Москва

6 марта <1910>

Дорогой Федор Кузьмич, если будете писать для «Утра России», то направляйте рукописи непосредств<енно> Алексеевскому, т<ак> к<ак> я не принимаю больше никакого участия в газете. — Крепко жму руку, душевный привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

120. Г. И. Чулкову. 6 (19) марта 1910. Москва

6 марта 1910

Дорогой Георгий Иванович, к «Утру России» я не имею теперь никакого отношения; таким образом, Вам придется сно-

ситься теперь непосредств<енно> с Алексеевским. Выставили они меня, находя, что отдельный ред<актор> беллетристики — излишняя роскошь. Очень благодарю Вас за книжку. Крепко жму руку. Привет Н<адежде> Г<ригорьевне>.

Ваш душевно

Бор. Зайцев.

Приписка В. А. Зайцевой:

Милый Зоря, спасибо Вам за книги. Мне очень, очень нравится. Вера. Целую Надю.

121. С. Н. Сергееву-Ценскому. 24 марта (6 апреля) 1910. Москва

24 марта 1910

Многоуважаемый Сергей Николаевич, охотно помогу Миллю, если представится случай, но в У<тре> Р<оссии> ничего решительно сделать не могу, т. к. с начала марта не работаю уже там.

Извините меня за поздний ответ, я жил в это время в деревне.

Крепко жму руку, с совершенным уважением

Бор. Зайцев.

122. Г. И. Чулкову. 12 (25) апреля 1910. Москва

12 апр<еля> 1910

Дорогой Георгий Иванович, конечно, давайте рассказ «Утру России». При чем тут я? Я вчера встретился с Алексеевским и рекомендовал ему завязать более прочные отношения с Алексеем Толстым, например. Отсюда Вы видите, что интерес писателей для меня важнее разных других соображений.

Кроме того, с газетой ссоры не было. Ведь мы же рассчитываем прислугу, если неудобна? (дорога, напр<имер>). — Крепко жму руку.

Ваш душевно

Бор. Зайцев.

Поклон от Веры и меня Надежде Григорьевне.

А все-таки жаль, что Вы разошлись с Копельманом. Совсем? Это очень жаль.

Приписка В. А. Зайцевой:

Надежду целую крепко.
Зоре привет!
Толстой очень понравился.

123. В. И. Стражеву. 14 (27) июня 1910. Притыкино

Ст. Мордвес Ряз.-Урал.
Имение Притыкино
14 июня 1910

Дорогой Витторио, вот уже месяц, как мы не видимся, и я о тебе ничего не знаю. Жив ли ты? Притыкино есть всегда Притыкино, и хотя мне здесь очень недурно пока, все же завидно на человека итальянского.

Если же рассуждать здраво, то, конечно, здесь мне и подобает быть сейчас, т. к. время работы. Этот месяц я вел себя порядочно, почти кончил «Актрису» и, увы, с июля начну пьесу. Не презирай меня, пожалуйста, и не делай иронического лица, пьеса дело Божье и больше чем что-либо пишется для души (чтобы не говорил «дорогой золотой»).

Распространяться о ней не буду. Осенью посмотришь (т. е. прочтешь; насчет сцены ничего не буду предпринимать).

Новостей нет никаких; я никого не вижу, и живу весьма тихо. Иногда проделываю партии великих шахматистов. Партнера же мне нет. Если у тебя есть с собой шахматы, то я предлагаю две партии по переписке одновременно. Посылать ходы будем на открытках. Одна партия я белыми, другая — ты. Если у тебя нет руководства, то я обязуюсь не справляться со своими шифферспич (о тех партиях, какие играем). Старайся отвечать быстрее, через день-два, чтобы не затягивать.

Пока крепко тебя целую и посылаю первый ход: е2—е4. (Вера кланяется.)

Весь твой *Борис.*

Приписка В. А. Зайцевой:

Витька, пиши Боре, ему все же тоскливо. Целую. Видел ли ты Померанцевых? Нам никто не пишет. Ни Грифцовы, ни Муратовы.

124. В. И. Стражеву. 28 июля (10 августа) 1910. Петербург

<Петербург> 28 июля 1910

Дорогой Витторио, время идет, идет — и вот уж нет и лета. Я пробыл нынче здесь особенного долго: 2½ мес<яца>, да еще уеду не раньше половины августа. Жил тут, впрочем, неплохо; но чувствую, что скоро начнется ощущение ссылки. Из друзей в это лето приезжал только Ярчик — конечно, разговоры у нас о литературе, пьесах и театрах. Читал я ему «Актрису», а потом он читал ее публично (в Притыкинской столовой). Кстати, вчера

вычитал в «Russian Morning», что гг. Бравич, Комиссаржевский и Ярцев открывают в Москве драматическую школу. Это зерно будущего театра (Камерного). Ярчик говорил о театре вообще, а про школу умолчал: скрытный у нас Ярчик. Теперь слушай. До какого времени ты пробудешь в Венеции? Спрашиваю это потому, что весьма возможно — мы поедем в Грецию не через Одессу (там чума), а через Италию. Конечно, ты понимаешь, как хорошо было бы встретиться снова, как некогда, когда ты был в белом костюме. Это может произойти в конце августа, в двадцатых числах. Следственно, напиши мне в Москву, где я буду к 12-му. Из твоего письма я понял, что ты думаешь пробыть за границей долго; (сколько именно, не сказал). Как ни огорчительно это для меня (а уж это действительно так, верь мне) — все же в *некоторых* отношениях ты прав, и с тобой надо согласиться. Но как долго ты останешься там? Это меня интересует.

Итак, весьма возможно, что через месяц мы встретимся. Вера говорит, что, вероятно, все же «Москва в Венеции», а я могу напомнить тебе Казанову, который в Венеции действовал решительно. Жаль, у меня мало денег! Я бы пожил в Италии не неделю, полторы, как придется, а месяц.

Пьешь ли ты хорошее вино? Поклонись от меня моей милой родине, о которой я думаю постоянно (стань лицом к Флоренции).

Крепко тебя целую, так же Вера. Приветствует Джемс.

Любящий тебя искренно

Б. Зайцев.

125. И. А. Новикову. 1 (14) октября 1910. Флоренция

1 окт<ября> 1910

Дорогой Иван Алексеевич!

Вы уже знаете, что наша жизнь наполнена сейчас нелепым и гнусным делом по обвинению Стражева. Теперь все становится уже и на деловую почву. «Русск<ие> Вед<омости>» приняли третейский суд, куда должны будут доставить «документальные доказательства» вины Стражева. Разумеется, никаких доказ<ательств> нет. Есть оговор Леонидовой — по поводу всего этого у нас имеется «документ» от Бурцева: в нем Бурцев пишет, что показаниям ее (Леон<идовой>) веры давать нельзя без тщат<ельной> проверки, и что он недоволен газетами, раньше

времени разгласившими то дело, по которому сам он не составил еще твердого мнения.

Думаю, что для «Русск<их> Вед<омостей>» этот суд будет очень тяжел. Но также думаю, что Стражеву придется разоблачить всю эту историю до последнего изгиба и в Париже, куда, вероятно, мы все, как свидетели, тоже выедем. Между прочим оказалось, что Леон<идова> пользовалась моей квартирой, как наблюдат<ельным> пунктом, откуда следила за с<оциал>-д<емократами>. Все явки, кот<орые> у нас были — ею выслеживались, и я, давая у себя пристанище с<оциал>-д<емократам>, — бессознательно играл на руку охранному отделению! Ловко? Хорошо еще, что она созналась, что она именно передавала все. Впрочем, кажется, она попутно наклеветала что-то и на Веру.

Вы видите, что это все столь мерзко, что теперь уже надо во что бы то ни стало разворотить до последнего предела эту гадость. Добрые знакомства впрок нам. Что касается Вас, дорогой И<ван> А<лексеевич>, Ваша пьеса, кажется, пойдет скоро. Ярцев советовал обратиться за авансом еще лично к Незлобину (Конст<антин> Николаевич). Наверно дадут.

Жизни Вашей тихой и художнической завидую. Если б Вы знали, как резок был переход от Ассизи, Флоренции к разнузданной жизни, к злобе, которою полны многие здесь, к борьбе с отвратительными сплетнями и слухами, грязнящими Стражева! Помилуйте, в «Русских Ведомостях»! То — Стражев бежал в Америку, то — он скрывается где-то в Москве и т. п. Теперь они здесь и, кажется все проясняется. Сегодня есть уже сообщ<ение> в «Р<усских> В<едомостях>», что они приняли суд. Думаю, месяц-полтора еще уйдет на всю эту чепуху.

Играем матч со Стражевым. Здесь играю не так возмутительно, как у Reininchans'а: из четырех две ничьи, одна его, одна моя. Жду реванша у Вас.

Крепко жму руку. Ваш сердечно

Бор. Зайцев.

P. S. От Джованни получил нежное письмо. Отвечаю одновр<еменно> с этим.

126. М. А. Кузмину. 4 (17) октября 1910.

4 окт<ября> 1910

Многоуважаемый Михаил Алексеевич, пишу на Ваше имя потому, что не знаю, кому адресовать в «Аполлон». Я получил письмо, кажется, от г. Зноско-Боровского (подпись так неразборчива, что я не вполне уверен, он ли это) — в котором меня

просят дать что-либо в альманахи «Аполлона». Будьте любезны передать, что при первой возможности дам. До сих пор я не давал в «Аполлон» ничего только потому, что я кругом в долгах и затыкаю их рассказами. А пишу мало.

Крепко жму Вашу руку, очень прошу извинить меня, что пишу не непосредственно.

Искренно Вас уважающий

Бор. Зайцев.

127. И. А. Белоусову. 12 (25) октября 1910. Москва

12 окт<ября> 1910

Дорогой Иван Алексеевич,

разъясните мне, пожалуйста, маленькое недоразумение: помните, в прошлом году, к юбилею Николая Дмитриевича, от нас (Середы) был альбом: этот альбом делал Первухин, и по сколько-то с нас причиталось ему. Сколько именно я ему должен? Я совсем забыл об этой истории, а, между тем, он, истратив что-то около сорока (или в этом роде) рублей — не получил еще ничего.

Сегодня я уезжаю в деревню, вернусь в 20-х числах. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы тогда сообщили мне о положении дела.

Крепко жму руку, с истинным уважением и преданностью

Бор. Зайцев.

Твер<ской> бульвар, Богословский, д. 7, кв. 32.

Адр<ес> Первухина: Сивцев-Вражек. Дом Шабилкина, кв. 1. (Телефона не помню, но есть.)

128. И. А. Новикову. 28 октября (10 ноября). 1910. Притыкино

Притыкино, 28 октября 1910

Дорогой Иван Алексеевич, вчера в «Русских Ведомостях» прочитал, что «в половине ноября в театре Незлобина пойдет пьеса г. Новикова «Любовь на земле». Сюжет из *мещанской* жизни».

Насколько мещанская жизнь в Вашей пьесе, я знаю; об осведомленности газетчиков тоже имею представление. Тем не менее думаю, что, действительно, пьеса пойдет в полов<ине> ноября, после «Орленка». 2-го числа — первое представление Ярчикова «действа». Первого я буду в Москве, посмотрю. А к

15-му сильно надеюсь Вас повидать. По частным сведениям, Ваша пьеса нравится актерам (sic!) и Рощина-Инсарова довольна своей ролью. С Ярчиком дело обстоит не так.

Я сейчас третью неделю в деревне, с неделю живет уже здесь Вера. Жить тут было бы хорошо, но сейчас у нас семейное горе: на охоте застрелился муж моей сестры, которого все мы очень любили и давно знали, считали своим. Это странная смерть, я расскажу Вам подробнее — в Москве. Мать уехала к сестре (все это произошло в Ставропольск<ой> губ<ернии>, за $1^1/_2$ тыс<яч> верст!) и мы теперь одни с отцом. Да, эта осень для меня нелегкая! Снова и снова вспоминаешь Италию.

Бурцевская история понемногу движется, пока сплошь во благоприятном тоне. Напр<имер>, получено письмо от Бакая, где он говорит, что первым и главным следователем в деле Путяты был он — и никаких сведений о Стражеве ни у него, ни у кого нет и не было. Все основано на ее оговоре. Бурцева он упрекает в легкомыслии и прибавляет, что пишет обо всем потому, «что литератор, разумеется, докажет свою непричастность, а я не хочу принимать упреков в неосновательном обвинении». Суд в «Русск<их> Вед<омостях>» начнется на днях, судьи уже выбраны с обеих сторон. Бурцев явно поторопился, в письме к нам пишет, что в печать сведения попали помимо него, а Белоруссов утверждает обратное, так же и Бакай. Получается противоречие. Не знаю, как эта старая лиса будет выкарабкиваться. По-моему, он уже сейчас играет против Стражева без туры, если не без ферзя. Кстати: положение мое в матче стало отвратительным. Я проиграл еще 6—7 партий, и сделал одну ничью.

Мне хотелось бы в жизни 1). уметь писать пьесы 2). хорошо играть в шахматы 3). иметь фрак. Кажется, лишь последнее исполнимо.

Крепко жму руку. Ваш душевно

Бор. Зайцев.

Вера кланяется.

P. S. Я написал 2 акта пьесы.

129. С. Ю. Копельману. 7 (20) ноября (февраля?) 1910. Москва

<7 ноября 1910>

Дорогой Соломон Юльевич, будьте добры немедленно известить меня, когда будут корректуры, — это имеет известное значение.

Несмотря на то, что, очевидно, сборник печатается спешно, *«питаю непоколебимую уверенность»*, что корректуры получу. Возвращу без задержки.

Итак, жду ответа.

Ваш *Бор. Зайцев.*

130. И. А. Белоусову. 11 (24) января 1911

11 янв<аря> 1911

Дорогой Иван Алексеевич,

если можно, возьмите рассказик г. Митяшева (он печатался в «Русск<ом> Богатстве» и «Совр<еменном> Мире») в Ваш журнал. Было бы очень хорошо, если бы Вы могли дать ему небольшой аванс. Деньги нужны ему очень спешно, Вы окажете мне большое одолжение, если просмотрите расск<аз>. Тотчас и дадите ответ.

С искренним уважением.

Ваш *Бор. Зайцев.*

131. И. А. Новикову. 29 января (11 февраля) 1911. Кави ди Лаванья

29 янв<аря> / 11 февр<аля> 1911. Cavi

Дорогой И. А. Долго не было от Вас вестей. Открытку мне переслали из Рима, откуда мы уже месяц назад переселились в Cavi. Живем очень тихо. Сейчас дожди, тепло, зеленое море, цветет миндаль. Вам бы здесь очень понравилось, я уверен. Очень в нашем с Вами духе.

В Cavi я сыграл около 50 партий! Недавно играли с игроком I категории миланского шахм<атного> клуба. Из 5-ти у меня $1^1/_2$, но одна выигранная у него партия стоит трех. Так старый маэстро Мортимул гордился партией, выигранной у Цукерторта. <...> Пробудем до 15 ф<евраля> ст.ст.

Ваш *Бор. Зайцев.*

132. И. А. Белоусову. 28 мая (10 июня) 1911. Притыкино

28 мая 1911

Дорогой Иван Алексеевич.

Прилагаю стихи одного начинающего автора. Будьте добры, просмотрите их. Если удовлетворительно — большая просьба —

напечатайте в «Нашем Журнале». Если нет, верните мне. Очень обяжете ответом искренно уважающего Вас

Бор. Зайцева.

Ст. Мордвес, Ряз<анско>-Ур<альской> ж. д., имение Притыкино.

133. И. А. Новикову. 5 (18) июня 1911. Притыкино

5 июня 1911

Дорогой Иван Алексеевич <...> Задержал Вам ответ потому, что долго не посылали на почту.

Дело Стражева кончилось — полной победой. Он оправдан целиком, а газете осуждение («прискорбная неосторожность»). Но Витя так измучен, что едва дышит; думает ехать на кумыс. О времени приезда к Вам напишу (т. е. Вашего ко мне). Если в июле — то это отлично. Очень хочется повидаться.

Вера и Леша кланяются. Ваш душевно

Бор. Зайцев.

134. И. А. Белоусову. 23 июня (6 июля) 1911. Притыкино

23 июня 1911

Дорогой Иван Алексеевич,

если найдется свободная страница в журнале, — может быть, все-таки напечатаете первое? Прилагаю его. Не знаю, конечно, до сих пор не решил, надо ли быть с начинающими авторами чрезмерно строгим, или чрезмерно мягким; есть соображение и за, и против. Но когда вспомнишь свои первые шаги (и так, я думаю, каждый из нас) скорее склоняешься к мягкому решению.

Сейчас сижу в деревне и пишу длинную штуку. Первый раз в жизни — и конца-края не вижу. Займет времени не меньше года. Зиму в Москве вряд ли буду жить <нрзб> за границей. Осень все же, в Москве буду, наверно увидимся. Если встретится Н. Д., кланяйтесь ему от меня.

Всего лучшего, искренно Ваш

Бор. Зайцев.

135. Е. Л. Янтареву. 16 (29 июля) 1911. Притыкино

16 июля 1911

Дорогой Ефим Львович,

очень рад за Вас, что будете заниматься более легкой и приятной работой — более интересной.

Что касается меня, то, конечно, я охотно дам что-либо, — когда будет. Но трудно рассчитывать, чтобы это случилось скоро: я, действительно, пишу длинную вещь. Займет она не меньше года, и растянется чуть не на 15 листов. Название «Друзья». Тема — жизнь двух товарищей; один из них из интеллигенции, другой из народа вышел в интеллигенты. Это — главная нить; очень много побочных сцен, из времени революции, из городской, деревенской и заграничной жизни. Разумеется, переплетено с романами, драмами, расхождениями, примирениями и пр.

Если б разговаривать, то мог бы подробнее «изрисовать», а описывать трудно. Скажу, пожалуй, еще: внутреннее содержание — развитие личности, переход от юношества и ребячества к зрелости в человеке.

Не знаю, увидимся ли в Москве — б<ыть> м<ожет>, мы уедем отсюда на Севастополь — Афины в Рим на зиму. Если это так, то жму Вашу руку дружественно и желаю успешной, хорошей работы.

Ваш искренно

Бор. Зайцев.

Р. S. Из последн<их> строк не следует, что я жму руку дружественно *только* в том случае, если уезжаем! Ну, да Вы понимаете.

136. Е. Л. Янтареву. 2 (15) августа 1911. Притыкино

2 авг<уста> 1911

Дорогой Ефим Львович, предложение Ваше о письмах из заграницы мне нравится. Очень жалею, что ввиду холеры и чумы не придется ехать на Грецию, это дало бы совсем свежий материал. Но думаю, что и из Рима я смогу написать, тем более, что его тоже еще не приходилось трогать. Обязательств, разумеется, не беру никаких; будет о чем писать — напишу охотно; нет — не взыщите. (Последнее почти невероятно.) Но во всяком случае — присылать буду мало.

В «рассуждении» платы: конечно, дешевле беллетристики, но *не очень*. Говорю так потому, что мне писанье трудно дается, даже менее ответственное.

Крепко жму Вам руку. В Москве, наверно, увидимся в конце августа. Билет пришлите.

Ваш искренно

Бор. Зайцев.

137. И. А. Новикову.
21 сентября (4 октября) 1911. Флоренция

Среда 21 сент<ября> <1911>

Дорогой И. А. Пишу Вам из Флоренции, где мы вторую неделю. Прекрасно как всегда. Погода хорошая. В субботу едем в Cavi на купанье. Адрес: Cavi di Lavagna, prov. di Genova sign. Catharina Jlyn, для меня. Пробудем там нед<ели> 3—4 и затем уже в Рим. <...> Работаю, но немного еще. Из новостей самая печальная — что Джованни разорился, fallito[1].

«Fenice»[2] больше не существует, и мы по-прежнему столуемся в «Маренго». Служит нам флорентийский Юшкевич, но, кажется, он умения русского. Были ли Вы на вилле Петрайя? Это очень хорошее место!

Пишите, очень любим и целуем вас оба.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] разорился *(ит).*
[2] «Феникс» *(ит).*

138. С. Ю. Копельману.
5 (18) октября 1911. Кави ди Лаванья

5 окт<ября> 1911, Cavi di Lavagna, prov. di Genova

Дорогой Соломон Юльевич,

привет Вам и всем Вашим из Италии. Эта открытка изображает (и довольно плохо) наше убежище. Тут только море, леса, горы. Людей мало, зато дивный воздух. Напишите, как Вы и «Шиповник» живы. — Если вышел сборник, — хорошо бы, если б его мне сюда прислали. Вера кланяется.

Ваш *Бор. Зайцев.*

139. И. А. Новикову.
6 (19) октября 1911. Кави ди Лаванья

6 окт<ября> 1911

Дорогой И. А. <...> Посылаю Вам вид нашего итальянского Притыкина. Наш домик выходит прямо в горы и леса, и во дворе у нас растут апельсины. Странно подумать в России, я думаю, что сейчас мы купаемся. Погода все время очень хорошая, во Флоренции было даже жарко (неск<олько> дней).

Много гуляем. Я работаю понемногу и иногда по вечерам сражаюсь с русскими в шахматы. Сильных игроков здесь пока не видать, победы нетрудны.

Крепко обнимаю Вас, Вера так же.

Ваш *Бор. Зайцев.*

140. И. А. Новикову.
18 (31) октября 1911. Кави ди Лаванья

18/31 окт<ября> 1911

Дорогой Иван Алексеевич.

Пишу Вам, вернувшись с купанья. Вода, положим, холодная, но прелестная. Была на днях чудесная буря при солнечной погоде. Море было похоже на снежную равнину в метель, до того крутило и взвивало пену...

Пишите теперь уже в Рим, ferma in posta.

Ваш *Бор. Зайцев.*

141. К. Ф. Некрасову.
20 октября (2 ноября) 1911. Кави ди Лаванья

Cavi di Lavagna.
20 окт<ября> / 2 нояб<ря> 1911

Милостивый Государь
Константин Федорович!

Будьте любезны прислать мне корректуру «Ватека» в Рим, по следующему адресу: Via Cola di Rienzo, 285 aw. Michele Jlyn для Бориса Зайцева. Следуемые мне за перевод деньги также попрошу направить в Рим, но по адресу, который сообщу Вам из Рима (я думаю быть там через неделю, полторы).

С совершенным уважением

Борис Зайцев.

Зовут меня Борис Константинович.

142. К. Ф. Некрасову. 8 (21) ноября 1911. Рим

Рим, 8 ноября 1911

Многоуважаемый Константин Федорович,
только что получил корректуру «Ватека», а несколькими днями раньше — Ваше письмо. Очень рад, что Вам понравился «Ватек» и перевод. Насчет статьи П<авла> П<авловича> — я так и

думал, что она хороша. Приблизительно догадываюсь, о чем умалчивается в ней; если я прав, то писать об этом, конечно, трудно.

Ваша мысль об издании книг 18-го века кажется мне очень удачной, что касается лично меня, я с удовольствием приму участие в этой работе — мне не ясно лишь одно — намечены ли у Вас авторы, или переводчики выбирают вполне по своему усмотрению. Впрочем, для меня это вопрос как раз не существенный, т. к. я затрудняюсь указать что-ниб<удь> такое из литературы той эпохи, к чему у меня *очень* лежало бы сердце (говорю только о франц<узской> и итальянской литературе). Быть может, можно было бы остановиться на Гольдони или Мариво. Комедии первого местами очаровательны, но для перевода мне кажутся очень трудными, т. к. передать прелесть итальянского диалекта нелегко; и вообще, лучшее в них — местное, бытовое — как раз наиболее теряющее в переводе. Мариво я знаю очень мало и нравится он мне меньше.

Теперь еще обстоятельство: в качестве переводчика предлагает свои услуги Михаил Влад<имирович> Шимкевич, молодой литератор, начинающий беллетрист; французский и итальянский он знает очень хорошо, я могу это удостоверить. Работ его как переводчика я не знаю. Но думаю, что если за его переводами присмотреть и погладить, то он может быть Вам полезен.

Предлагает Вам также одно лицо перевод своей кн<иги> Жебара о Боттичелли. Что Вы об этом скажете? Я не знаю ни книги, ни переводчика (почти). Но обещал ему все-таки осведомиться у Вас.

Адрес мой римский: Via Veneto, 146, pansione Francini (Boris Zaitzeff). Будьте добры, перешлите мне деньги *через банк*, чеком. Почтовые переводы ходят здесь ужасно. Крепко жму Вашу руку. Корректуру вышлю очень скоро.

С искренним уважением *Бор. Зайцев.*

143. И. А. Новикову. 15 (28) ноября 1911. Рим

15/28 ноября 1911

Дорогой Иван Алексеевич. <...> Между прочим потерял Вашу предшествующую открытку. <...> Мы уже больше недели в Риме. Город, как всегда, удивительный, и, как всегда, загадочный, значительность его очень велика, но весь он, целиком, не так входит в сердце, как Флоренция. И, кажется, внутренняя его идея совсем иная. Что-то волшебное и жуткое есть в Риме. Это город, «повитый туманом легендарности». И затем — город

эпоса, мужского начала. Мы живем в тихом и чинном пансионе у виллы Боргезе. Via Veneto, 146, pansion Francini, Roma...

Ваш *Бор. Зайцев.*

144. В. И. Стражеву. 16 (29) ноября 1911. Рим

Рим, 16/29 ноября <1911>

Дорогой Витя. Вот уже два месяца нет о тебе никаких вестей. Как ты жив? Отчего не в Киеве? Напиши пару строк. Мы в Риме вторую неделю; жили сначала во Флоренции, потом в Cavi, под Генуей, у моря. Это отличное место, очень простое и тихое, и от него остались самые хорошие воспоминания. В январе, вероятно, вернемся туда, проживем до марта. Здесь хорошо тоже; мы живем в частном пансионе у виллы Боргезе и обедаем с американцами; все это успокоительно действует на нервы. Вообще рады, что не в Москве. Солнце, хороший воздух и тишина — блага, которыми все больше дорожишь с течением времени. Прощай, целую тебя крепко. Адр<ес>: via Veneto 146 pensione Francini. Вера целует так же.

Твой *Борис.*

Приписка В. А. Зайцевой:

Витусь, как ты живешь? Где Варя? Пиши, милый — 2 1/2 мес<яца> ничего не знаем. Нам хорошо. Погода чудная. Кончили купаться 5 ноября (ст. ст.). Целую крепко. Твоя В<ера>.

145. К. Ф. Некрасову. 24 ноября (7 декабря) 1911. Рим

Рим, 24 ноябр<я> / 7 дек<абря> 1911

Многоуважаемый Константин Федорович,

разумеется, я охотно даю согласие на то, чтобы мое имя было вставлено в проспект о Вашем издании. Чек я получил, но денег по нему мне пока не выдают; в Credito Italiano говорят, что не получают извещения из России, а Ваше письмо с чеком я получил уже 5 дней назад. Поэтому у меня к Вам большая просьба, Константин Федорович, будьте добры, справьтесь в Ярославском банке о судьбе этого перевода. Быть может, они могут телеграммой известить римский банк?

Корректуру я получил, и высылаю ее дня через 3. Медленность такая объясняется тем, что я сличаю все вновь с подлинником.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Via Veneto, 146, pens. Francini.

P. S. К Вам, вероятно, обратится с предложением работы (по переводам) Анна Александровна Исакова (Соколова). Она знает несколько языков, переводчица опытная и хорошая. Ей смело можно поручить ответственный труд; с ее переводами знаком и П. П. Муратов. Мне кажется, она была бы очень полезна в этом издании.

146. К. Ф. Некрасову. 25 ноября (8 декабря) 1911. Рим

Рим, 25 н<оября> / 8 д<екабря> 1911

Многоуважаемый Константин Федорович, посылаю Вам последнюю корректуру «Ватека». Пользуясь Вашим любезным предложением, прошу Вас выслать мне сюда три экземпляра и два экз<емпляра> в Россию по след<ующим> адр<есам>: 1) Москва, Сущевская, д. Дубровина, кв. 12, Алексею Николаевичу Смирнову. 2) Калуга, Никитская, д. Горбуновой, Юрию Мечиславовичу Буйневичу.

Очень обяжете исполнением просьбы.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

147. К. Ф. Некрасову. 11 (24) декабря 1911. Рим

Рим, 11/24 дек<абря> 1911

Многоуважаемый Константин Федорович, извините, что не вполне аккуратно отвечаю Вам — был занят разными делами.

Что касается Гольдони — то, разумеется, его надо перевести листов десять; но это-то и мучает меня. Это обременительный труд. Когда я его кончу? Сейчас я пишу роман, поглощающий почти всего меня. Чтобы перевести 10 л., мне понадобится 1½—2 года. Поэтому я хочу сделать Вам иное предложение: быть может, Вы издали бы «Цветочки св. Франциска Ассизского»? Это мне перевести хочется уже довольно давно, вещь на 4—4 ½ л<истах> (приблизительно!), — и я очень ее люблю. (Это простонародные рассказы о жизни святого, написанные в XIII веке и полные духа примитивов.)

Правда, перевод «Fioretti» печатался в «Новом пути», недавно эту книжечку перевел Печковский (в Москве). Но «Искушение св. Антония» Флобера существовало также в двух переводах, когда в «Знании» вышел мой. Есть книги, которые будут переводить всегда.

Деньги получил, разумеется — хотя и с нек<оторым> опозданием. Крепко жму Вашу руку.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Напишите мне, как Вы смотрите на мое предложение.

148. В. И. Стражеву. 5 (18) января 1912. Кави ди Лаванья

5/18 янв<аря> 1912. Cavi

Дорогой Витторио, обнимаю тебя из стран заморских и крепко целую. Уже четыре месяца я из Москвы и кажется огромный кусок отрезало, а времени не видишь. Летит оно с такой скоростью, что немного задумался — месяц новый, а там Новый год.

О тебе я имел мало сведений, да и сам пишу мало, должен сказать. Почему это так — тоже затрудняюсь ответить. Я пишу часто только в Притыкино и оттуда мне пишут тоже много.

В общем я очень рад, что мы уехали сюда. За некоторыми частичными неудачами здешней жизни, о которых расскажу в Москве, в общем страна эта не изменила себе, приняла с всегдашним приветом. Жили мы во Флоренции две недели, в Риме два месяца; во Флоренции у меня были разные тяжелые чувства, но в «единоборстве» этих двух городов в моем сердце — победа решительная и, кажется, уже на всю жизнь осталась за Флоренцией. Быть может, я напишу статью «Идея Рима», тут все это будет изрисовано подробнее.

Неожиданно для себя и для Веры открыли мы еще убежище для «любителей и природы и уединенной жизни». Это то самое Cavi; местечко под Генуей, откуда я тебе сейчас пишу. Правда, здесь есть все, что может порадовать мудреца: апельсиновые и оливковые рощи, в полутораста шагах море, славные горы, чудесный воздух и идиллический характер жизни. Радует философа и дешевизна, с которой может конкурировать лишь Притыкино. Все это повело к тому, что мы здесь уже второй раз, и пробудем до отъезда в Россию, т. е. до половины февраля ст.ст.

Получил я письмо от Паши, очень меня огорчившее; историю Ваших с ним недоразумений я знаю теперь подробно, и не хочу я думать, чтобы дружеские отношения рассохлись на такой неприятной почве. Мне кажется, П. М. сделал ошибку, не снесшись непосредств<енно> с тобой — это бесспорно «не так сыграно на театре» — и сыграно, конечно, без всяких дурных чувств к тебе, а просто потому, что Вася был подавлен неуда-

чами, волнениями и пр. Ответственность на нем, разумеется, остается. Паша же попал тут совершенно зря — и для меня нет и тени сомнения, что Паша вообще ни тебе, ни мне никогда не может сделать дурного. Мне просто трудно понять, как о нем можно это подумать!

Думаю, надеюсь, желаю, чтобы, когда я увижу Вас в Москве снова, не было бы никаких трений и горьких вещей между Вами. Пусть бы и с Ярчиком так было. — Вы ведь с ним старые «зористы». Почему Вы можете друг друга так серьезно обидеть? Невероятно.

Пока прощай, дорогой Витя. Крепко тебя целую, очень желаю тебе (мне говорил об этом Патя в Риме) — на будущий год попасть сюда. Для людей усталых, натерпевшихся — у Италии всегда найдется ласка. Вера тебе кланяется. Привет от нас обоих Варе.

Весь твой *Борис.*

149. И. В. Гессену. 2 (15) марта 1912. Притыкино

Притыкино, 2 марта 1912

Милостивый государь г. Редактор.

Если бы Вы не имели ничего против, я предложил бы «Речи» отрывок из своего романа «Дальний край», который осенью выйдет в «Шиповнике». Отрывок этот, как мне кажется, может рассматриваться как самостоятельный очерк; «Шиповник» ничего не имеет против того, чтобы я напечатал в газете 1/2 печ<атных> листа.

Будьте любезны, ответьте мне по след<ующему> адр<есу>: Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губернии, имение Притыкино, Бор. Конст. Зайцеву.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

150. И. В. Гессену. 12 (25) марта 1912. Притыкино

Мордвесское почт<овое> отд<еление>
Тульской губ.
имение Притыкино

12 марта 1912

Милостивый государь г. Редактор.

Посылаю Вам отрывок из романа. Если Вы не найдете препятствий к печатанию его, то я покорнейше просил бы Вас

распорядиться отправить гонорар за него (думаю — в том же размере за газ<етную> строку, что я получил за очерки «Церковь», напеч<атанные> в авг<усте> 1910 г.) — в Москву по след<ующему> адр<есу>: Тверская, Брюсовский пер., д. Андреевой, Татьяне Алексеевне Полиектовой.

Из гонорара просил бы вычесть стоимость подписки на «Речь» до конца года — и газету желал бы получать здесь, в деревне.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

151. К. Ф. Некрасову. 12 (25) марта 1912. Притыкино

Мордвесское почт<овое> отд<еление>
Тульской губ., имение Притыкино
12 марта 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Хотя у нас с вами была уже переписка, касающаяся издания «Fioretti» св. Франциска Ассизского, все же я обращусь к Вам по этому поводу вторично, т. к. у меня нет ясного представления о том, насколько Вам подходяще изд<ание> этой книги.

Помните, Вы писали об образцах изящного издания, которые я должен был присмотреть в Риме. Должен сознаться, что по нерадению этого не сделал. Но ввиду того, что там живет П. П. Муратов, этот вопрос нас не должен беспокоить — тем более, что его я считаю компетентнее себя в таких делах.

Итак, напишите мне, как Вы смотрите на мое предложение. Если сочувствуете, то летом я понемногу начал бы работать и к новому году, вероятно, сдал бы Вам рукопись.

Один мой знакомый, литератор Павел Сергеевич Сухотин, перевел «Богему» Мюрже, и просил меня осведомиться у Вас, не издали ли бы Вы ее. О нем могу сказать, что он человек с большим вкусом и хорошими познаниями. Перевод его, наверно, хорош. (Его, переводчика, знает Койранский, Пав<ел> Павл<ович> — он из нашего литературного кружка.) Перевод его с японского принят Брюсовым в «Русск<ую> мысль».

Крепко жму Ващу руку и желаю всего доброго. Как идет «Ватек»? Отзывы были, в «Утре России» — *очень одобрит*<ельный>, в «Ниве» — еще не читал.

Ваш *Бор. Зайцев.*

152. К. Ф. Некрасову. 4 (17) апреля 1912. Москва

4 апреля 1912

Многоуважаемый Константин Федорович,
разумеется, при таких условиях издавать «Fioretti» не имеет смысла. Если встретится что-нибудь подходящее, и близкое моему сердцу, охотно предложу свой перевод именно Вам.

За высылку причитающегося мне остатка буду очень благодарен.

Адрес мой: Москва, Малая Козиха, д. 4, кв. 3.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

153. С. А. Венгерову. 19 апреля (2 мая) 1912

19 апр<еля> 1912

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

В самом скором времени отвечу Вам с возможной точностью на предложенные вопросы. Что касается автобиографии — очень затрудняюсь написать ее. Кажется, это очень нелегко сделать.

Примите уверения в совершенном почтении.

Бор. Зайцев.

154. С. А. Венгерову, 11 (24) мая 1912. Москва

11 мая 1912

Многоуважаемый Семен Афанасьевич, при сем прилагаю автобиографические и библиографические сведения, о которых Вы меня просили. Не упоминаю тут о романе, кот<орый> пишу уже второй год, и который появится в «Шиповнике» около Рождества. Я пришлю его Вам, как только он будет напечатан. Думаю, что он может служить иллюстрацией той перемены, эволюции мотивов творчества, о которой я вскользь упоминаю. Мне трудно судить, но, возможно, здесь есть некоторое совпадение с тем, о чем Вы говорили еще в 1908 г<оду> (в статье о молодой русск<ой> лит<ературе>).

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Список рецензий неполон потому, что я говорю лишь об отдельных статьях.

Биографические сведения

Родился 29 янв<аря> 1881 г. в Орле. Отец мой, Константин Николаевич, по профессии горный инженер, из дворян Симбирской губ<ернии>. Происхождение нашего рода — татарское; имеется и примесь польской крови. Мать моя, Татьяна Васильевна, — дочь малоросса и великоросски.

Детство (до 11-летн<его> возр<аста>) я провел в Калужской губ<ернии>, где отец служил на заводах, и частью в имении под Калугой — в атмосфере приволья и самого доброго к себе отношения со стороны родителей. Одно из главных влияний детства — постоянное общение с природой, и охота. Домашнее образование (гувернантки) сменяется гимназией. Годы средней школы прошли в Калуге, где в 1898 г. я кончил реальное училище. Затем учился в Москве в Импер<аторском> технич<еском> училище, откуда в 1899 году был уволен за участие в беспорядках. Был студентом Горного института. Стремясь в Университет, сдал в 1902 г. экз<амен> по древним языкам и попал на юр<идический> ф<акультет> Московского Университета, но его не окончил. Этот период могу характеризовать вообще, как время метаний (пока не определилась деятельность литературная — 1905—6 г.).

Первые литературные опыты относятся к возрасту 16—17 лет. Первая напечатанная вещь — рассказик «В дороге» («Курьер», июль 1901).

Ход литературного развития приблизительно таков: начал с повестей натуралистических; ко времени выступления в печати — увлечение т<ак> н<азываемым> «импрессионизмом», затем выступает элемент лирический и романтический. За последнее время чувствуется растущее тяготение к реализму.

Из литературных симпатий юности (и до сих пор) самая глубокая и благоговейная — Антон Чехов. Первые шаги в литературе — проходят под покровительством Леонида Андреева, в то время члена редакции газ<еты> «Курьер». В начавшейся тогда борьбе модернистов с представителями дореволюционной литературы стоял за первых и участвовал преимущественно в их изданиях; но держался несколько в стороне. В складе мировоззрения наибольшую роль сыграл Владимир Соловьев. Поклонение Пушкину пришло позже всех из влияний русских писателей (Гоголь, Толстой, Тютчев, Тургенев, Чехов). Среди поэтов Запада — Данте, Гете и Флобер.

Не могу не прибавить, что одним из крупнейших фактов духовного развития были путешествия в Италию и страстная любовь к итальянскому искусству, природе и *городу Флоренции.* Не боясь преувеличить, автор этих строк мог бы сказать, что имеет две родины, и какая ему дороже, определить трудно.

Библиография. Рассказы мои печатались в газ<етах>: «Курьер», «Утро России», «Речь», журн<алах>: «Правда», «Новый Путь», «Вопр<осы> жизни», «Золотое Руно», «Перевал», «Русская Мысль», «Соврем<енный> Мир», «Вестник Европы», «Журнал для всех», «Новая жизнь», «Morgen», «Révue Independante» и в альманахах «Шиповника», «Земли».

Первая книга вышла в 1906 г. в СПБ., изд<ательство> «Шиповник», 100 стр. Вторая там же, в 1909 г., 200 стр. Третья также в «Шиповнике», 1911, 215 стр. Все главнейшее, написанное мной, вошло в эти книги. Не вошли еще в том рассказ «Изгнание» («Вест<ник> Евр<опы>», дек<абрь> 1911 г.) и пьеса «Усадьба Ланиных», альм<анах> «Шиповника», 1911.

Переведено много с французского: «Искушение св. Антония» Флобера, вышло в изд<ательстве> «Знания», СПБ., 1907. Флобера же «Простое сердце», новелла, альм<анах> «Шиповника», 1910.

«Крестовый поход детей», новелла Марселя Швоба, в альм<анахе> «Земля» (№ 1). Рассказ Мопассана «Одиночество» в собр<ании> его сочинений, изд<ательство> «Шиповник». Повесть Бекфорда «Ватек», изд<ательство> Некрасова, Ярославль, 1912.

Из отдельных статей о моих писаниях могу указать следующие: Ю. Айхенвальда в «Силуэтах русск<их> писат<елей>», т. III, Горнфельда в его сборнике «Книги и люди» (название наверно не помню), К. Чуковского («От Чехова до наших дней»(?), Н. Морозова в сборн<ике> «Литературный распад», Н. Абрамовича в кн. «Осенние сады», Г. Чулкова в «Покрывале Изиды», Г. Топоркова в «Золотом Руне», Евг. Аничкова в «Нов<ом> Журнале для всех», Ан. Бурнакина в «Голосе Москвы», 1911, Волжского (в сборн<ике> его критич<еских> статей), Maurice в «Révue d'Europe et d'Amerique» («Boris Zaitzeff»), янв<арь> 1912.

Из известных мне переводов на иностр<анные> языки — расск<аз> «Mythe» в «Révye Independante», 1911, «Dunkle Winde» в «Morgen», 1908 и сборник моих рассказов, вышедших недавно в Праге, по-чешски, в библиотеке «Svetova Knihovna» — «Vybrané Povidky», в переводе А. Стиля.

155. И. В. Гессену. 11 (24) мая 1912. Москва

11 мая 1912

Милостивый государь г. Редактор.

Обращаюсь к Вам со следующим предложением: в половине июня в Стокгольме начинаются олимпийские игры. Кроме того, там будет выставка, устраиваемая шведскими художниками, а

также шахматный турнир. Если бы редакция не имела ничего против, я мог бы написать из Швеции несколько писем в «Речь». Условия, на каких я мог бы это сделать, таковы: 150 р. на путевые расходы и 15 коп. за строку написанного. Пробыть в Стокгольме я рассчитываю 2—3 нед<ели>.

Если мое предложение приемлемо, то соблаговолите написать в Стокгольм в Комитет олимпийских игр, чтобы мне выдали бесплатный билет для входа на Стадион, как Вашему корреспонденту. Адр<ес> мой: Москва, Малый Козихинский пер., д. 4, кв. 3.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

156. П. С. Сухотину. 15 (28) мая 1912. Москва

15 мая 1912

Дорогой Паша, что русские дворяне ленивы, это, я думаю, ты знаешь и по себе. Когда же дворянин пишет роман, да еще с некоторым азартом, то он становится зверем: читает только газеты, не пишет друзьям и даже редко играет в шахматы.

Такова моя жизнь. Чувствую, что скоро должен (вчерне) кончить работу. И хотя пишу не по многу часов, но все душевное внимание сосредоточено на одном.

Быть может, в июне поеду с Сашей в Стокгольм — если «Речь» будет достаточно гуманна. Мне хотелось бы это сделать. «Это так». Сижу без гроша (senza niente, как говорил один лакей в Риме), жду от Васи из «Киевской мысли» денег за кусок романа. Но киевляне не торопятся. (Деньги — это мелочь. Это придет.) Вера толстеет ежедневно. Думаю, не двойня ли? Витя мрачен, но обыгрывает меня в шахматы (турнир я позорно продул). Ив<ан> Ал<ексеевич> в Туле. Саша мил и легок в своем жакете. У Грека открылись заседания, где литераторы бесплодно мечтают о журналах, миллионершах и прочих добрых вещах. Начинается понемногу разъезд. По получении денег отступаю и я, в хлебородные губернии. Вера пробудет здесь до конца Лешиных экзаменов (к<онец> мая).

Крепко тебя обнимаю и целую. Пиши мне в деревню (ст. Мордвес Р<язано>-У<ральской>, Притыкино) — не будь столь мрачен. Никакой могилы тебе не нужно. Должен жить и работать — а там видно будет. К минору все мы склонны, но в этих случаях надо вспоминать Флобера, говорившего: «La vie n'est pas supportable qu'en travaillant». Весь твой

Борис.

157. К. Ф. Некрасову. 15 (28) мая 1912. Москва

Москва, 15 мая 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Благодарю Вас за присланные деньги. Что касается осеннего альманаха — очень затрудняюсь что-нибудь обещать, т. к. всецело занят окончанием романа. Дать же что-либо, уже напечатанное, но не вошедшее в книги, — вряд ли удобно.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Летний адр<ес> ст. Мордвес Ряз<анско>-Ур<альской> ж<елезной> д<ороги>, имение Притыкино.

158. И. А. Новикову. 19 мая (1 июня) 1912. Москва

19 мая 1912

Дорогой Иван Алексеевич, поручение Ваше исполнил. Вересаева в Москве уже нет. Я передал комплект Клёстову, заведующему этим издательством. Он на днях едет к Вересаеву в деревню и передаст ему рукописи. Я написал Вересаеву от себя.

В Киеве напечатал «участок» романа, а денег «Киевск<ая> мысль» не шлет, и я живу без гроша. Как только получу, трогаемся. Итак крепко Вас обнимаю и целую, дорогой И. А., очень рад буду видеть Вас опять в Притыкине!

Ваш искренно и душевно *Бор. Зайцев.*

159. К. К. Арсеньеву. 29 мая (11 июня) 1912. Притыкино

29 мая 1912

Глубокоуважаемый Константин Константинович!

Весною этого года я был в редакции «Вестн<ика> Евр<опы>» и предложил М. А. Славинскому рассказ, который могу доставить осенью. При этом я просил аванс, так как летом мне очень нужны деньги. М<аксим> А<нтонович>отнесся к моему предложению сочувственно, потом я получил Ваше любезное письмо, где Вы очень тепло отзывались о моем сотрудничестве в «В<естнике> Е<вропы>».

И вот поэтому я обращаюсь к Вам с большой просьбой — об этом авансе. Обстоятельства складываются так, что мне аванс очень нужен именно теперь, в июне месяце, и я был бы Вам весьма и весьма благодарен, если бы Вы походатайствовали об этом перед издателем. Рассказ, вероятно, будет в 2 листа. Получить теперь же я желал бы 400 р.

Крепко жму Вашу руку.

С искренним уважением *Бор. Зайцев.*

Мордвесское почт<овое> отд<еление>Тульской губ., имение Притыкино.

160. К. Ф. Некрасову. 10 (23) июня 1912. Притыкино

10 июня 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Я сейчас читаю Альфиери, его автобиографию. Если не ошибаюсь, это произведение стоит в первом ряду в литературе автобиографий (наряду с «Confessions»[1] Руссо). Вещь интересная, очень живо написанная. Не издали бы Вы ее? Дело касается 18-го века, там есть Италия того времени, само имя Альфиери многое говорит.

Если бы в принципе Вы не имели ничего против, то сделать работу можно было бы так: перевела бы В. Г. Мирович (сотрудница «Русской мысли» и «Русских ведомостей» — переводчица Джеймса), я бы слегка редактировал этот перевод, а статью об Альфиери могла бы написать Ал. Ал. Андреева (автор книги «Воскресение у Толстого и Ибсена»). Она знает и любит Альфиери. Я считаю, что у всех вместе получилось бы недурно. Размер книги — приблизительно 700 т<ысяч> букв.

Я живу сейчас в деревне. Напишите мне сюда по адресу: Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ., имение Притыкино.

Крепко жму Вашу руку, с совершенным уважением

Бор. Зайцев.

[1] «Исповедь» *(фр.)*.

161. Г. И. Чулкову. 13 (26) июня 1912. Притыкино

13 июня <1912>

Дорогой Георгий Иванович, посылаю вам А. Де Ренье. Напишите, получили ли. — В Стокгольм попасть не удалось. Быть может, даже это лучше — т. к. на днях кончаю роман, а тогда это очень бы затянулось. Немного устал, но чувствую себя удовлетворительно. В половине июля едем с Верой в Москву — к августу ждем ребенка. Крепко обнимаю Вас, душевный привет Н<адежде> Г<ригорьевне>. Вера целует.

Ваш *Б. З.*

162. И. А. Новикову. 25 июня (8 июля) 1912. Притыкино

25 июня 1912

Дорогой И. А. <...> Вчера кончил роман, порядочно меня утомивший. Все же с месяц надо будет еще поработать над ним. В начале июля 8—10, мы едем в Москву, к концу того месяца ждем дитя.

Когда мы с Вами встретимся? Я вернусь, вероятно, в половине авг<уста>. Очень буду рад, если соберетесь тогда к нам.

Ваш душевно — *Бор. Зайцев.*

163. И. А. Новикову. 28 июня (11 июля) 1912. Притыкино

28 июня 1912

Дорогой Иван Алексеевич, очень рад, что Ваша книжка выйдет в Товариществе — это отлично. Что касается рассказа — думаю лучше направить его в «Заветы», к Миролюбову, и попросить поскорей напечатать ввиду выхода книги. Или же в «У<тро> Р<оссии>»?

Я печатал в Киеве через Ярчика. Его сейчас там нет, он ездит по монастырям и пишет о них в газету, это так! Затем «К<иевская> М<ысль>» беллетристики вообще не любит и мало печатает. Можно еще попробовать в «Речи».

Итак, думаю, увидимся мы с Вами в августе. Пишите пока сюда, из Москвы я сообщу свой адрес — пока сам еще его не знаю.

Крепко Вас обнимаю, желаю хорошей работы. Меня роман утомил порядочно. Ваш душевно

Бор. Зайцев.

Вера целует. 8-го уезжаем в Москву. Адр<ес> «Заветов»: Петербург, Косой пр. 11, угол Соляного. Виктору Серг<еевичу> Миролюбову. Если пошлете в «Заветы», известите, я тоже напишу Миролюбову.

164. И. А. Новикову. 5 (18) июля 1912. Притыкино

5 июля 1912

Дорогой И. А.

Сегодня уезжаем с Верой в Москву по известным Вам семейным делам. Адрес: Садовая, против церкви Ильи Пророка, д. Орешникова, мне.

Пожелайте Вере благополучия в ее деле. Впрочем, Вы, наверное, уже желаете. Роман мой называется по-прежнему «Далекий край». Напишите в Москву.

Крепко Вас обнимаю. Ваш душевно

Бор. Зайцев.

165. И. А. Новикову. 11 (24) июля 1912. Москва

11 июля 1912

Дорогой Иван Алексеевич. Мы уже несколько дней в Москве. Живем недурно. Я работаю еще над романом. Поздравляю Вас искренно с концом Вашего — действительно, кончить роман — не фунт изюма съесть!

Крепко Вас обнимаю. Пишите. Вера целует и благодарит.

Ваш всегда *Бор. Зайцев.*

166. И. А. Новикову. 23 июля (5 августа) 1912. Москва

23 июля 1912

Дорогой Иван Алексеевич.

Работаю сейчас порядочно, тоже много глав приходится перерабатывать — громоздкая вещь роман! К сентябрю кончу все, до последнего слова.

Вере осталось несколько дней. Она бодра. Пишет на Ремингтоне, вообще пока молодец.

Крепко обнимаем Вас, целуем. Ваш душевно

Б.

167. К. Ф. Некрасову. 3 (16) августа 1912. Москва

3 авг<уста> 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Я получил сообщение от г-жи Мирович, что она уже начала переводить Альфиери. Вместе с тем она просит аванс в размере 75 р. Если Вас это не затруднит, не откажите ей в этом. Она живет сейчас за границей, и известит Вас, куда перевести деньги.

Статья об Альфиери также уже пишется.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Москва, Земляной вал, 51

168. И. А. Новикову. 10 (23) августа 1912. Москва

10 августа 1912

Дорогой Иван Алексеевич. <...>

Вера еще ходит, ожидаем со дня на день. Пишите в Москву по тому же адресу. Третьего дня совершенно кончил роман, — т. е. рукопись годна для печати. Как Ваша работа? Имеете ли что от Миролюбова?

Крепко Вас обнимаю. Ваш душевно

Бор. Зайцев.

169. И. А. Новикову. 23 августа (5 сентября) 1912. Москва

23 авг<уста> 1912

Дорогой Иван Алексеевич,

пишу Вам перед отъездом в деревню. Поздравьте меня — у меня дочь, и я очень счастлив. Родилась она в ночь на 14 ав-

густа. Пока что — здорова и мила. В письме всего не напишешь — да Вы, наверное, понимаете меня и сами.

Надеюсь встретиться с Вами в Притыкине, куда через три дня выезжает и Вера с Наташей. Пока целую Вас крепко и желаю всего доброго. Ваш душевно <...>

Бор. Зайцев.

Пишите в Притыкино.

170. И. А. Новикову.
31 августа (13 сентября) 1912. Москва

31 авг<уста> 1912

Дорогой Иван Алексеевич <...>.

Так устал от романа, что нынешний день решил целиком отдать шахматам. В три часа еду к Вите, в Пале-Рояль. Будет бой!

Наконец, стало прохладней, есть чем дышать. Дней десять мы задыхались. Начинается осень, все же я люблю ее. Вчера мы были в Петровском парке, обедали на воздухе — там уже хорошо! Крепко обнимаем и целуем.

Ваш душою *Б.*

171. В. Э. Мейерхольду.
28 сентября (11 октября) 1912. Москва

28 сент<ября> 1912

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич, к сожалению, у меня не сохранилось ни одного № «Л<итературно>-х<удожественной> н<едели>» — а также и у знакомых нет. Попробуйте спросить в Публичн<ой> Библиотеке, а я сделаю еще попытку достать №№ у автора статей о «Балаганчике» Б. А. Грифцова. Вероятно, Вас это именно интересует.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

172. К. Ф. Некрасову. 5 (18) ноября 1912. Москва

Тверская, Благовещенский, д. 4, кв. 26
5 ноября 1912

Многоуважаемый Константин Федорович!

Все собирался написать Вам об автобиографии Альфиери, да откладывал. Помнится, Вы писали, чтобы я точнее определил

условия издания. Как мы с вами говорили летом, переводчица (Малах<иева>-Мирович) получает 30 р. с листа. Я за редакцию по 10 р. Один лист предисловия (А. А. Андреева) — не знаю почем, как обыкновенно делается. Число листов перевода, я думаю, 12—13.

Получил известие от переводчицы, что к концу ноября она кончает. Редактирование займет *не меньше* месяца (думаю — больше). Вот все сведения, кот<орыми> я располагаю.

Кроме всего этого у меня есть к Вам небольшая просьба: так мне весьма и весьма нужны сейчас деньги, то я и хотел просить Вас сделать так (если это Вас не затруднит): высылать мне по 50 р. в месяц, в течение 3-х месяцев, начиная с 15 ноября. Если это выйдет несколько больше, чем стоит моя работа, то последний месяц возьму меньше. К новому году рукопись будет у Вас.

Очень буду Вам благодарен, если предложение мое приемлемо.

Крепко жму руку

Бор. Зайцев.

173. К. Ф. Некрасову. 11 (24) ноября 1912

11 ноября 1912

Многоуважаемый Константин Федорович,

очень благодарен Вам за любезное и внимательное отношение. Перевод только что получил.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

174. К. Ф. Некрасову. 11 (24) ноября 1912

11 ноября 1912

Многоуважаемый Константин Федорович,

пишу Вам вторично, потому что мне надо поскорее выяснить вопрос о деньгах. Положительно или отрицательно это решается — очень буду благодарен, если не задержите ответом.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

175. Ал. Н. Чеботаревской. 11 (24) декабря 1912

11 дек<абря> 1912

Многоуважаемая Александра Николаевна, посылаю Вам кое-какие биогр<афические> сведения. Их мало, но что мне писать? Жизни своей не расскажешь, да и скучно как-то про себя рассказывать. Если хотите больше подробностей библиогр<афического> характера, то их можно найти в Словаре членов Общ<ества> Любителей Российской Словесности.

Крепко жму Вашу руку, с совершенным уважением

Бор. Зайцев.

<Биографические сведения>

Родился в Орле 29 января 1881 г. Образование среднее получил в Калуге, где в 1898 г. окончил реальное училище. В том же году поступил в Императ<орское> Технич<еское> училище в Москве. Весною 1899 г. был уволен оттуда за участие в беспорядках. Затем учился в Горном Институте и Московском Университете (по юридич<ескому фак<ультету>). Ни того, ни другого заведения не кончил. Печататься начал с 1901 г., в газете «Курьер» в Москве. Первые шаги в литературе — под покровительством Леонида Андреева, заведовавшего тогда беллетристикой в «Курьере». Затем рассказы мои стали появляться в журналах: «Правда», «Новый путь», «Вопросы Жизни», «Золотое Руно», «Перевал», «Русская мысль», «Журнал для всех» и мн<огих> др<угих>. В 1906 г. вышла первая книжка в «Шиповнике». С этого времени почти все, что я пишу, появляется в альманахах этого издательства.

176. П. С. Сухотину. 27 декабря 1912 (9 января 1913). Москва

27 декабря 1912

Дорогой Паша, по письму твоему вижу, что в деревне не так уж хорошо — чтобы не сказать больше. В начале января думаю съездить в Притыкино, но тоже не жду ничего. Если бы уехал сейчас, то только на солнце, чтобы без пальто ходить и греться.

Живу так себе — ни шатко, ни валко. Все идет по налаженным рельсам, и жизнь проносится по ним все с большей, большей быстротой. Вчера мы с Верой возвращались от Кругликовой, поздно ночью, и проезжали по Молчановке мимо дома, где я жил студентиком, и где мы познакомились. Десять лет! Все

это стало сном, и неповторимость, невозвратимость прошлого чувствуется иногда с удивительной силою.

Еще я думал о Москве: быть может, в единственном, убогом, русском городе можно так полюбить разные переулки, углы, места. Как Философов сказал про нашу деревню: всякая она, и такая, и сякая, но где-то в ней есть «неугасимая лампада». Она и дает возможность жить. Есть такая лампада в Москве. Но жизненная суета несет куда-то мимо, «и дни летят, и дни летят».

Я кончил рассказ «Вечерний час» и читал его у Иванова. Как всегда на моих чтениях, было довольно скучно. Однако, само чтение, и некоторые слова некоторых присутствующих дали мне увидеть кое-какие промахи. Я переписал эту вещь — и сократил, разумеется. Сейчас в моей голове тяжело ворочается ядро пьесы. Но писать ее начну не раньше лета.

Ну, прощай, пока, поклонись Клавдии Григорьевне. Вера кланяется, думаю, и Наташа тоже.

Крепко целую, твой

Борис.

177. К. Ф. Некрасову. 18 (31) января 1913. Москва

18 янв<аря> 1913

Многоуважаемый Константин Федорович!

Уезжал на праздники в Петербург и задержал несколько присылку рукописи. Отправляю сделанную мною часть. Что касается корректуры — она мне будет необходима, и в довольно существенных размерах, т. к. этого требуют интересы дела (повышается качество перевода). Таким обр<азом>: имеет ли смысл набирать на наборной машине?

Ввиду того, что книга выйдет не особенно скоро, переводчица просила о дополнительн<ом> авансе рублей в 75. Был бы весьма благодарен, если бы Вы распорядились выслать и мне последние деньги, за январь.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Тверская, Благовещенский, д. 4, кв. 26.

178. И. В. Гессену. 27 января (9 февраля) 1913. Москва

27 янв<аря> 1913

Многоуважаемый Иосиф Владимирович!

Посылаю Вам небольшой рассказ «Елисейские поля», написанный на днях. Если подойдет для «Речи», напечатайте. Был

бы весьма благодарен Вам, если бы Вы распорядились выслать мне за него тотчас же 100 руб.

Крепко жму руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Тверская, Благовещенский, 4, кв. 26.

179. И. В. Гессену. 21 февраля (6 марта) 1913. Москва

21 февр<аля> 1913

Многоуважаемый Иосиф Владимирович!

В письме к Вам, отправляя рукопись «Елис<ейских> полей», я писал, что желал бы получить за нее 100 руб. Так как отрицательного ответа не последовало, то я понял, что редакция согласна на мои условия (обычная моя гонорарная норма 400 руб. лист). Так мне заплатили и за рассказ «Церковь» у Вас же. Контора же прислала мне меньше. Вероятно, ошибка произошла потому, что отрывок из романа я ценил действительно ниже, как нечто не законченное и подлежащее еще напечатанию.

Таким образом, я был бы весьма Вам благодарен, если бы Вы распорядились исправить эту неточность.

Мне немного неловко, что приходится отрывать Вас от дел из-за пустяков, и вообще гонорарный вопрос довольно щекотлив, но мне все же кажется, что Вы не посетуете на меня за это письмо, т. к. наверно Вам известны условия материального быта литераторов.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

180. Р. В. Иванову (Иванову-Разумнику). 26 февраля (11 марта) 1913. Москва

26 февр<аля> 1913

Многоуважаемый Разумник Васильевич!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если можно, перевести мне еще 200 р<ублей> авансом, под рассказ — мне очень нужны деньги. Рассказ пишу, около печатного листа сделано, но не думаю, чтобы рукопись была готова раньше чем через месяц. Очень обяжете исполнением просьбы искренно уважающего Вас *Бориса Зайцева.*

Тверская, Благовещ<енский>, д, 4, кв. 26.

Не откажите ответить, возможно ли это.

181. В. И. Стражеву. 9 (22) марта 1913. Москва

9 марта 1913

Дорогой Витя, письмо твое произвело на меня очень тяжелое впечатление, от которого и сейчас не могу освободиться. Видно, действительно трудно тебе приходится! Никогда не видал твоей Вязьмы, но могу сие представить, что это за прелесть. Одно только — я решительно не верю, чтобы ты долго там остался. Наверно, куда-нибудь переведут, и всего вероятнее — в Москву же. Я понимаю, что в том настроении, в каком ты находишься, в Москву тебе вряд ли очень хочется, но, по-моему, тут центр и корень всего твоего самоощущения. Сейчас ты занял враждебную, глубоко-раздражительную позицию *вообще к людям.* С этим трудно жить, и это, извини меня, вряд ли справедливо. Ты можешь мне ответить, что мы по-разному чувствуем, и это верно; но думаю, что именно потому, что во мне меньше сейчас страстности и пристрастности, — я более прав. Ведь удар нанесла тебе О. Ф., а не люди. Люди показали себя обычным стадом, готовым при случае поулюлюкать. Товарищи же от тебя не отреклись. А что касается *других* твоих невзгод, то тут люди опять же не при чем.

Мне кажется, тебе очень горько, и ты многое видишь в неверном свете. Хуже всего то, что от этого тебе самому еще тяжелее. Нет несноснее чувства — раздражения и озлобленности. Тогда же, когда человек признáется, что и на нем есть ответственность, доля грехов и вины — ему становится легче. Не думай, что это пустая фраза — это результат личного опыта и глубокого убеждения. Человек должен *оттаять.* Это и значит, что в конце концов *он* сильнее жизни и людей, и в нем есть дух живой. Вот, и оттаять я тебе от всего сердца желаю.

Что тебе написать о Москве? Она все такая же — во многом очень родная и милая. Москва, тут все-таки я желал бы, чтобы лежали мои кости. Завтра я еду в деревню, хочу вывезти отца лечиться, его дела неважны, начинается водянка, одышка — надо устроить его в клинике, чтобы хорошенько его подправили.

Наташка растет, с каждым днем смышленей делается. Сегодня агент предлагал мне застраховать свою жизнь, и помню, шесть лет назад я в доме Армянских с улыбкой отказал такому агенту, а теперь — еще подумаю. Меняется жизнь. Веселая и печальная, свет, тень, зима, лед, все это через нас проходит, и путей нашей жизни никто не знает.

Прилагаю Верину карточку с Наташкой, а тебя обнимаю и горячо целую. От души желаю тебе окрепнуть. Варе привет.

Твой душевно

Борис.

182. И. В. Гессену. 28 марта (10 апреля) 1913

28 марта 1913

Многоуважаемый Иосиф Владимирович!

К сожалению, рассказа у меня нет, если будет, разумеется, пришлю с удовольствием. Очень рад, что отнеслись благосклонно к вещице, которую я Вам отправил.

Крепко жму Вашу руку.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

183. К. Ф. Некрасову. 20 апреля (3 мая) 1913

20 апр<еля> 1913

Многоуважаемый Константин Федорович!

Обращаюсь к Вам с великой просьбой — если можно, вышлите мне деньги! Мне очень неловко писать об этом, я знаю Вашу аккуратность и точность, но позволяю себе это сделать лишь потому, что в первых числах мая ликвидирую все свои дела и уезжаю, а это связано с неотложными расходами.

Рукопись Альфиери получил теперь всю. К половине июня я вышлю Вам ее в исправленном, годном для набора виде.

Крепко жму Вашу руку. Вероятно, в нач<але> июня буду в Ярославле на несколько часов (хочу проехать по Волге, вниз). Если Вы в это время будете в городе, хорошо было бы повидаться.

Ваш *Бор. Зайцев.*

184. В. С. Миролюбову. 30 апреля (13 мая) 1913. Москва

30 апр<еля> 1913

Дорогой Виктор Сергеевич!

Пишу «Грех» усиленно, но конец его дается почему-то нелегко. Хорошо еще, что я не отдал Вам тогда первую половину!

Во всяком случае, раньше 2—3 недель не управлюсь, значит к майской кн<иге> не поспеть. Пусть уж идет тогда в сентябрьской. Размер получается 2 $^1/_2$ — 3 листа. Я чувствую, что это много, и мне неловко, но что поделать, заранее точно не угадаешь. Мне очень хотелось бы получить рублей триста, когда пришлю рукопись, — возможно ли это? Здесь пробудем числа до 8-го — 10-го (Тверск<ая>, Благовещ<енский>, д. 4, кв. 26). Адр<ес> деревенский: Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ., имение Притыкино.

Не сердитесь на меня, что опоздал, я пишу третий вариант конца, и только, кажется, нынче напал на правильный тон.

Ваш искренно

Бор. Зайцев.

185. В. С. Миролюбову. 12 (25) мая 1913. Притыкино

12 мая 1913

Дорогой Виктор Сергеевич, нечего и говорить, как я жалею, что Вы уходите из «Заветов» — журнала, для меня тесно связанного именно с Вами. И еще когда Вы были в Москве, мне начало казаться, что не все у Вас гладко в редакции.

Слышал, что собираетесь возобновить собственное издание. От души желаю Вам всяческой удачи, за исключением Арцыбашева в виде соредактора. Этого я Вам не желаю.

На днях узнал, что живете у тети Ани. Целуйте ее (если еще не уехала), а также ребят, художника и поэта. Мы трогаемся сегодня в деревню. С нами едет Наташа, нянька и Наташиного багажа мест 5—6 (кровать, ванна, стул, коляска и пр<очие> удобные вещи!) Адр<ес>: Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульск<ой> губ., имение Притыкино.

Всего Вам доброго. Ваш душевно

Бор. Зайцев.

P. S. Получил от Шимкевича рассказ (совсем неплохой) и письмо с просьбой о романе. Что делать с его романом? Ума не приложу. Он его переделал, и, несомненно, улучшил. Вообще он даровитый парень, но неизвестно, куда его возможно втиснуть.

186. В. И. Стражеву. 20 мая (2 июня) 1913. Виареджо

Viareggio, 20 мая <1913>

Дорогой Витя, торопись, если хочешь застать нас в Виареджио. Мы пробудем здесь дней 10—12, т<ак> ч<то>, если ты запоздаешь на неделю, напр<имер>, то встретимся в Венеции. Адр<ес> наш: Viareggio, Lungo Canale, Este, signara Luporini, per B. Z. Нынче начинаю купаться, но вообще мы чувствуем некоторое утомление: очень уж много впечатлений вмещено, как бы не лопнуть. Я не представляю твоего маршрута, и мне почему-то кажется, что вместе нам придется пробыть мало (во Флор<енцию> мы не поедем, а тебе придется быть там с неделю). Во всяком случае *телеграфируй,* когда выезжаешь,

чтобы не вышло недоразумения. В Венеции *непременно* зайди на почту, туда будет еще письмо.

Пока прощай, дорогой, жду. Весь твой

Борис.

Приписка В. А. Зайцевой:

Дорогой Витенька, телеграфируй немедленно, как получишь это письмо, когда ты выезжаешь. Ужасно жаль, что ты так поздно приедешь. Мы здесь пробудем до 8—9 июня, так что, если ты не приедешь к этому числу, то увидимся в Венеции. В отель Германия в Венеции я тебе еще напишу и на poste restante. Главное, телеграфируй, какого числа выезжаешь, не позднее 31-го, то в Viareggio. Мы будем ждать тебя. Мы устали, но... Витечка, нам так хорошо, как никогда. Борик пишет рассказ, и я его Люблю, и Он тоже. До свидания. Целую и кланяюсь всем.

Твой друг Вера.

187. И. А. Новикову. 13 (26) июня 1913

13 июня 1913

Дорогой Иван, как жив? Часто вспоминаем с Верой тебя, и очень жалеем, что тебя нет здесь. Очень хорошо было бы, если бы приехал к нам в июле. Мы существуем сейчас в таком составе: Вера, Леша, Наташа, Юрий и моя кузина Нина (da Pietroburgo), еще — Ляля. Джемс за границей, в Италии, где пробудет до августа. Я собираюсь на днях в Воронежскую губернию к Устиновым, на не надолго. Но нет денег, сижу и жду манны небесной из «Заветов». Я отправил туда рассказ «Грех», который отнял у меня почти весь май и много душевного напряжения. Окончив его, я перевел три песни Данте, на днях засел за редактирование Альфиери и третьего дня очутился такой приступ головной боли, что целый день посвятил бродяжничеству, косьбе и ничегонеделанью. Сегодня мне вдруг захотелось отправиться куда-нибудь в экспедицию (только не на север) — скажем, измерять дугу меридиана в Африке. Я думаю, что проводить целые дни на солнце, двигаясь, дыша свежим воздухом и загорая, — очень хорошо. Я почувствовал это в тот день, когда много шлялся по лесам и полям. Мы ведем, все-таки, слишком комнатную жизнь, и отношение наше к природе — отношение любования *со стороны: от природной же жизни* мы очень уклонились — я это определенно чувствую и не я буду, если не изменю (хотя бы отчасти) в этом направлении свою жизнь.

Напиши о себе. Как дела с романом? Недели две назад я получил вырезку, где сказано, что я закончил большой роман

«Дом Орембовских». Про то, что мы с тобой говорили на диспуте, получило известие «от финских хладных скал до берегов Тавриды». Серьезно, когда я прочел, что «Б<орис> З<айцев> и И<ван> Н<овиков> говорили об *этическом* (!) начале в русской литературе», — в «Океанском вестнике», то название газеты прозвучало «гордо». Как-никак, это двенадцать тысяч верст от нас. Вот тебе и будущность русского языка! Но, увы, отчего во Владивостоках, Иркутсках и пр. столь мало покупают наших книг! У Нины есть роман Франса «Le livre de mon ami» — 107 издание. Я люблю Франса, но поглядел с завистью. Богатство — вздор, но иметь возможность, живя даже оч<ень> скромно, не думать о деньгах — великое дело.

Впрочем остается вспомнить выражение св. Франциска: «Santa povertade».

Крепко целую тебя и жду в июле.

Твой всегда

Б.

Вера целует.

188. К. Ф. Некрасову. 1 (14) августа 1913. Притыкино

1 авг<уста> 1913

Многоуважаемый Константин Федорович!

Пишу Вам несколько ранее условленного срока относительно денег под книгу рассказов. Не взыщите — скоро надо двигаться в Москву с тяжелой артиллерией, приходится заботиться о фураже.

Были ли Вы в Салониках и произвели ли грабежи? Я с тех пор, как мы встретились с Вами в Москве, не выезжал отсюда никуда. Этот месяц работал в саду и пером (на бумаге). Отправил первые гранки Альфиери. *Первый верстанный* лист желал бы еще посмотреть (чтобы не вышло путаницы с фамилиями переводчиков, автора вступительной статьи и т. п.).

Будьте здоровы и благополучны. Жму Вашу руку.

Бор. Зайцев.

Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ., имение Притыкино.

189. В. С. Миролюбову. 8 (21) августа 1913

8 авг<уста> 1913

Дорогой Виктор Сергеич!

Спасибо Вам за память обо мне. Очень рад у Вас сотрудничать. С «Заветами» у меня расклеилось из-за презренного

металла, которого за «Грех» они не захотели (или не смогли) высыпать сколько было условлено. Пришлось отдать в «Вестник Европы», дабы заплатить за квартиру и не обанкротиться.

Роману моему перемывают косточки. Одни хвалят, другие ругают, и ругают больше. Все думают, что я хотел изобразить революцию. А ей-Богу, я ее не изображал (поэтому и не изобразил). Обижаются еще за Карла Маркса и народников. Если бы я обругал Библию, или Евангелие, то ничего, а у меня молодой студентик скучает над «Капиталом», так это преступление. А народников я как раз люблю, Вас же первого. А если сказано, что на диспуте у народников из-под брюк рыжели голенища сапог и волосы росли почти из глаз — разве это уж так обидно? Кизеветтер даже кадет, а какой волосатый. А покойный Карышев? Водовозов? Бог мой!

Крепко Вам жму руку. Правда ли, что в Москве будете? Вот бы отлично! В Москве нет ни одной редакции, где можно выпить стакан чаю.

Вера целует Вас. Наталья, надо думать, так же.

Ваш

Бор. Зайцев.

Адр<ес> москов<ский>: Твер<ская>, Благовещенский, 4.

190. И. А. Новикову. 18 сентября (1 октября) 1913. Москва

<Москва> 18 сент<ября> 1913

Дорогой Иван, очень, очень рад был получить твое хорошее письмо: ты и сам знаешь, что мы с Верой очень тебя любим, особенно как-то.

Я жалею весьма, что тебя нет в Москве, хотя очень понимаю, что в Орле может быть в своем роде неплохо, и главное, на каждом новом месте *несколько* особенная жизнь, и душа, как у тебя, душа поэта, питается новым воздухом и ей лучше расти, и крепнуть. Душу же свою надо беречь; жизнь ее все-таки изнашивает, утомляет — и должно быть, всегда в какой-то степени ожесточает. Это можно видеть и на великих душах — хотя бы Франциска Ассизского: его молодость и зрелый возраст — это большая разница. Он всегда был собой, но время придало скорбный оттенок годам его зрелости. Кроме любви к тебе как к человеку, я чувствую в тебе собрата по оружию; нас мало, царство пошлости и хамства вокруг необозримо. И мы, те, на чьих лбах есть печать (избранничества, или проклятия? Проклятия в смысле обреченности своему делу) — мы, заклеймен-

ные, должны идти рука об руку, зная, что среди жизненного торжища наш путь *всегда* одинок. Идти по нему нелегко, но годы кладут на плечи серьезное и горделивое чувство ответственности. Пред кем? Верно пред самим собою и пославшим нас в этот мир.

Я «воспарил» совершенно неожиданно для себя — хотелось написать тебе несколько строк о нашей жизни, а получилась философия.

О жизни же следующее: самое свежее сегодняшнее впечатление, — это что Наташа пошла — начала ходить, сегодня первый день! Сейчас она засыпает, нянька урлыкает над ней, а Вера стоит надо мной и ждет, когда я кончу: ей хочется тебе написать.

В литературных делах — как всегда, «предсезонное оживление». У Миролюбова будет журнал в Петербурге. Он очень хорошо к тебе относится, и ты в его журнале сотрудничаешь. Он просил твой адр<ес>. Я дал Орел до востребования. Быть может, это неверно было? <...>

С «Книг <издательством> пис<ателей>» я разошелся совсем. Вещь моя в альм<анахе> будет, но книги — нет, 4-й т<ом> уже отдал Некрасовуб, а для ром<ана> они не согласились на мои условия (аванс) и я тоже отдам Н<екрасову>. Его сейчас нет, он в Персии. Вернется в начале октября, когда советую к нему и обратиться (Ярославль...). Пока кончаю. Крепко целую, передаю перо Вере.

Твой всегда душевно *Б.*

191. К. Ф. Некрасову. 12 (25) октября 1913

12 окт<ября> 1913

Дорогой Константин Федорович,

шрифт Мериме спокоен, благороден, но мелковат. Если есть в этом роде чуть покрупнее, то замените (но только не шрифт «Новелл»). Если же нет, пусть набирают мерименским. Посылаю еще один рассказ «Студент Бенедиктов». Порядок должен быть такой: Изгнание, Усадьба Ланиных, Вечерний час, Елисейские поля, Грех, Студент Бенедиктов, Лето.

Размер книги для цены предположенной невелик, поэтому по возможности надо разгонять и не теснить строки. Перед каждым рассказом пусть будет пустая страница с названием рассказа, как сделано в моих прежних книжках и как указано на прилагаемом оттиске.

Оглавление в начале. *Название.* Меня несколько смущает. Посоветуюсь еще со сведущими в книжном деле людьми (т. е. —

или «Изгнание» и др<угие> рассказы, или «Рассказы», т. IV). Как Ваше мнение? Благодарю Вас за деньги.

Крепко жму руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

192. К. Ф. Некрасову. 21 октября (3 ноября) 1913

21 окт<ября> <1913>

Дорогой Константин Федорович,

Я не понимаю, про какой оригинал Вы говорите? Рукопись? Но для чего же она? Я делаю корректуру тщательно, и ничего в рукописи иного нет.

Итальянский текст? Он нужен мне самому, а к чему же он при печатании? Напишите два слова, а то неясно.

Ваш *Бор. Зайцев.*

193. К. Ф. Некрасову. 7 (20) ноября 1913

7 ноября 1913

Дорогой Константин Федорович,

над Казановой работать начал. Павел Павлович дал мне и французский текст, с которым я сверяюсь в затруднительных случаях. О материальной стороне (о плате) этой работы он не мог мне сказать определенно (ему *помнится,* что был разговор о 10 р. за лист). Поэтому обращаюсь к Вам за выяснением. Будьте добры, напишите мне пару слов. Если нужно, то первый том я могу сдать недели через две.

Крепко жму Вашу руку. С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

194. И. А. Бунину. 10 (23) ноября 1913. Флоренция

<10 ноября 1913>

Дорогие И. А. и В. Н., шлем привет с площади Эммануила, где пьем кофе. Жарко и хорошо, как всегда тут. Зимой будем в Риме, а сейчас едем на море. Напишите, если не лень, пару слов о себе. Cavi di Savagna sign. Catharina Jlyn, prov. di Genova (для нас).

Ваш *Борис.*

Приписка В. А. Зайцевой.

Целуй <нрзб> и Верун, напиши. Мне хорошо. Вера.

195. К. Ф. Некрасову. 3 (16) января 1914

3 янв<аря> 1914

Дорогой Константин Федорович,
у меня к Вам есть две просьбы:

1) Разрешите ли Вы напечатать в журналах, если это удастся мне, некоторые песни «Ада», как я делал это с главами романа до его напечатания (между проч<им>, в 40-х г. Шевырев печатал так перевод Мина). Разумеется, из всех 34 песен я поместил бы 7—8, в разных изданиях. Мне кажется, это не только не помешало бы нашей книге, но даже рекламировало бы ее заранее, а мне дало бы малую горсть злата, из-за которого, разумеется, и городится весь огород.

2) На январь мне осталось получить за книги 100 р. (кажется, так?) Я хотел бы просить Вас дать мне еще 150 под Казанову. Приблизительно на такую сумму я сделал уже, даже считая по 10 р. за лист. Кстати, корректуры Казанова пойдут так же мне, как держал я альфиериевские (завтра отправляю Вам последние).

И вообще, мог бы рассчитывать получить весной, если понадобится мне, аванс под работу над Казановой? Я исчисляю всю сумму, которую придется за него получить — 700—800 р. (считая 8 томов по 10 печ. л.) Но работа пройдет не скоро.

Слыхали, что Вы хорошо встречали Новый год. Мы также, в «Софии», где с Екатериной Сергеевной сломали Вам диван. Это была блестящая атака. Вообще, Ваши сотрудники — пьяницы и дебоширы.

Всего Вам доброго.
Ваш *Бор. Зайцев.*

196. И. В. Гессену. 7 (20) января 1914

7 января <1914>

Дорогой Иосиф Владимирович,
все еще не получил «позлащенных возможностей» из «Речи». Будьте добры, напомните конторе!

С Новым годом — поздравляю Вас и Петра Михайловича. Желаю «Речи» всяких удач. Только, пожалуйста, печатайте больше о шахматах. Уверяю Вас, это интереснее Пуришкевича.

Ваш *Бор. Зайцев.*

197. К. Ф. Некрасову. 16 (29) января 1914. Москва

16 янв<аря> 1914

Дорогой Константин Федорович,
посылаю Вам корректуру своей книги. Приложен еще рассказ «Актерское счастье», вышедший недавно.

Порядок размещения должен быть след<ующий>: 1 Изгнание, 2 Усадьба Ланиных, 3 Вечерний час, 4 Елисейские поля, 5 Грех, 6 Студент Бенедиктов, 7 Актерское счастье, 8 Лето. Помню, я указывал, что хорошо было бы отделять рассказ от рассказа чистой страницей, на которой и печаталось бы заглавие того, что следует за ней. Это несколько увеличило бы и объем книги, что при цене 1 р. 50 к. не вредно. Оглавление книги, я думаю:

ИЗГНАНИЕ
Рассказы 1911—1913 г.
Кн. IV

Какого цвета предполагаете обложку?

В конце где-ниб<удь> (или где вообще получится удобней) следует сделать объявления:

Того же автора:
Рассказы, книга I, изд Ш, ц. 50 к.
Рассказы, книга II, ц. 1 р.
Рассказы, книга III, ц. 1 р. 25 к.
Издательство «Шиповник».

Вот, кажется, и все о книге.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Если можно, пусть Паша пришлет мне корректуру статейки в «Софии». Верну мгновенно.

198. К. Ф. Некрасову. 20 января (2 февраля) 1914. Москва

20 янв<аря>, понед<ельник> 1914

Дорогой Константин Федорович,
титульный лист Альфиери, мне, кажется, такой:

на обложке:
ЖИЗНЬ
ВИТТОРИО АЛЬФИЕРИ
из Асти
рассказанная им самим
Перевод В. Г. Малахиевой-Мирович
Под редакцией Бор. Зайцева
Вступительная статья А. А. Андреевой
1914 г.

Все это повторяется на третьей странице первого листа. Затем идет вступительная статья, под которой должна быть подпись — А. А. Андреева.

Больше, мне кажется, ничего не надо.

В четверг я уезжаю в деревню, приблизительно на неделю. Поэтому деньги, будьте любезны, направить жене. Корректуры можно отослать в деревню. Они пройдут дня два лишних, но и только. Почта там каждый день.

Крепко жму руку. Ваш искренно

Бор. Зайцев.

199. К. Ф. Некрасову. 4 (17) февраля 1914. Притыкино

4 февр<аля> 1914

Дорогой Константин Федорович,

благодарю Вас за деньги, пересланные жене. Увы! Я должен просить у Вас еще, в счет Казановы, под которого уже взял 150 р. Буду очень признателен, если переведете в Москву 200 р.

Я сижу сейчас в деревне, работаю до большой усталости над пьесой. Послезавтра ставлю точку, подписываю свою фамилию и еду в Москву, где предстоят печальнейшие мытарства с этим дитятей. Как «София»? Во втором номере я по ошибке хватил Брандеса по загривку вместо Вогюэ. Писал об этом Паше, не знаю, успел ли он в корректуре исправить. Жаль неповинного старика.

Крепко жму Вашу руку. Очень приятно, что Новиков у Вас будет: это хорошего тона вещь.

Ваш *Бор. Зайцев.*

200. В. С. Миролюбову. 9 (22) февраля 1914. Москва

9 февр<аля> 1914

Дорогой Виктор Сергеич!

Хочу посватать Вам для журнала молодого поэта — очень даровитого — Вл. Ходасевича. Быть может, возьмете что-либо его. Его кн<ига> стихов только что вышла в «Альционе». Он пишет уже неск<олько> лет, печатался в «Аполлоне», «Северн<ых> Записках».

У меня самого в данное время нет ничего подходящего для «Ежем<есячного> Журн<ала>». Что было — пришлось отдать за долги. С «Заветами» до сих пор не разделался. У меня есть пьеса, — 2 печ<атных> листа. Предложил им. Ответ Постникова:

пьеса в 3 печ<атных> л<иста> нам велика. Кончилось тем, что она будет напечатана в другом месте.

Возможно ли, если понадобится, взять у Вас весной аванс? Это самый верный способ направить рассказ именно туда, куда хочешь.

Напишите пару слов.

Ваш душевно

Бор. Зайцев.

Тверская, Благовещенский, 4

201. К. Ф. Некрасову. 14 (27) февраля 1914

14 февр<аля> 1914

Дорогой Константин Федорович,

будьте добры, напомните в типографии, что за рассказом «Грех» должно следовать «Актерское счастье», а затем «Студент Бенедиктов» и «Лето». В конце книги пусть напеч<атают> объявления о моих старых книгах: кн. I — 50 к., книга II — 1 р., книга III — 1 р. 25 к. — Рассказы, изд. *«Шиповник»*. Получили ли альманахи с романом? Присылайте дальше Казанову. Жду также из Яросл<авля> *манну* небесную. Алчу.

Ваш *Бор. Зайцев.*

202. В. С. Венгерову. 16 февраля (1 марта) 1914

16 февр<аля> 1914

Милостивый Государь Всеволод Семенович!

Извиняюсь за небольшое промедление с портретом: у меня ничего под рукой не было, и лишь сегодня я снялся. Высылаю на днях.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

203. В. С. Венгерову. 1 (14) марта 1914

1 марта 1914

Милостивый Государь Всеволод Семенович!

Извиняюсь за задержку в доставлении портрета. Достал, что мог. Снимок этот сделан года два назад, но если заказывать новый, то пройдет еще недели полторы.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

204. К. Ф. Некрасову. 7 (20) марта. 1914. Петербург

7 марта 1914

Дорогой Константин Федорович!

Пишу, как видите, из Петербурга, куда заносит нас жажда (или необходимость!!) Намереваюсь штурмовать все возможные и невозможные редакции.

Что касается наших отношений: за книгу расск<азов> и роман я, увы, все уже получил. Мы с Вами считали по 2250 экз. (1 р. 50 к. кн.) — получилось мне гонорара 1350. Я их и прожил. Да еще под Казанову забрал 350. За Альфиери, к сожалению, Вы также и давно со мной рассчитались. Переводчица должна получить по 30 р. за 40.000 букв. Если ей что-либо причитается, то направьте (это ее просьба) моей bellesoeur[1]: Брюсовский пер., д. Андреевой, Татьяне Алексеевне Полиевктовой. Это сестра Веры. Домом, где она живет, владеет Александра Алексеевна Андреева, дама ученая и почтенная, друг Веселовского и Боборыкина: она написала нам статью об Альфиери. Ее гонорар — что-ниб<удь> около 100 р. лист (сколько обычно в журналах платят? Я не писал, не знаю).

Роман мой не следует выпускать весной. Задержите его лучше до сентября, а то весной (в мае?) он безусловно погибнет.

Крепко жму Вам руку. Осенью мы с женой уезжаем на всю зиму за границу. Это решено. Гениальные идеи сразу приходят, но не менее от этого гениальны.

«Ада» — 16 песен. Зимой выйдет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] свояченица *(фр).*

205. В. С. Миролюбову. 17 (30 марта) 1914

17 марта 1914

Дорогой Виктор Сергеевич!

Вышло так, что пьеса моя попала в «Шиповник», а аванс в «Заветы» надо было покрыть непременно. Я вынужден был дать им рассказик, кот<орый> обещал Вам. Так что «Ежемес<ячному> журналу» напишу летом что-ниб<удь> другое. Мне очень неприятно, что пришлось сделать не так, как обещал. Но сами Вы понимаете, что денежные обязательства, да еще у людей, с которыми отношения неважные — тягостны и у меня не было бы достаточного основания не удовлетворить их.

Будьте здоровы. Жму вашу руку крепко, Ваш

Бор. Зайцев.

206. К. Ф. Некрасову. 1 (14) мая 1914. Притыкино

1 мая 1914

Дорогой Константин Федорович!

Пишу Вам из деревни, где живу уже десять дней. Не знаю, что на Волге у Вас, а у нас пока — прямо рай. После Москвы тихо весьма. И на много верст вокруг ни одной ресторации. Я занялся было цинциннатским делом: стал окапывать яблони, и окопав штук сорок, доработался до того, что меня схватил жар и озноб. Все это моментально появилось, и в один день прошло, но очевидно все-таки, что к настоящей физической работе мы не годны: кишка слаба.

Работаю сейчас над Данте. Перевалил сейчас через С.-Готард и спускаюсь вниз (то есть, говоря проще, делаю вторую половину «Ада»). Данте было очень суров к льстецам. Он посадил их в испражнения и конец вчерашней песни, можно сказать, благоухал: слово «кал» и «дерьмо», так далекие от Беатриче, здесь доминировали. У меня есть старинный русск<ий> проз<аический> перевод Ф. Дима: там Николаевская цензура вычеркнула целые строки из этой песни, как «подлые». Вообще, Данте в России подлежал цензуре. У Мина, в пер<еводе> (прежн<яя> ред<акция> 1852 г.) тоже выкинуты нек<оторые> строч<ки>, но касающиеся теологии.

Да, два слова об Альфиери. Г-же Мирович оставалось дополучить кое-что за перевод, а Вас не было. Ей послала 100 р. по моей просьбе А. Андреева, поэтому, когда будете высылать Андреевой гонорар за вступит<ельную> статью, прибавьте эти 100 р., а у Мирович, буде еще что-нибудь осталось, — вычтите. Адр<ес> Александры Алексеевны Андреевой: Брюсовский пер.; соб<ственный> дом. Варвары Григорьевны Мирович: Воронеж, Верхне-Дьяконовская, 1.

Что моя книга? (рассказы). Мне кажется, что покупают только знакомые. В газетах пока хвалят, но по теперешним временам это мало значит. Кстати, пусть бы Петербург<ский> отд<ел> сделал объяв<ление> в газете, хоть «Речь». В Москве были объявл<ения>, в П<етербурге> — ни одного (по кр<айней> мере в «Речи»). Как Вы смотрите на то, чтобы завязать книжн<ые> отношения с Киевом и Одессой? Там довольно сильная и благоприятная пресса, да и людей живет порядочно.

Роман хорошо бы начать набирать теперь. Осенью мы с женой едем заграницу на всю зиму. Проще было бы подписать корректуры здесь и выпустить книжку в октябре (приблизительно). Мне *очень нравится*, как Вы издали 4-й т., хорошо, если бы так же вышел и роман.

Не будете ли Вы в Москве между 10—15 мая? Я еду на месяц в Крым и буду в Москве проездом. Что Персия? Жму крепко руку,

Ваш *Бор. Зайцев.*

Мордвесское почт<овое отд<еление> Тульской губ., имение Притыкино.

207. К. Ф. Некрасову. 9 (22) мая 1914. Притыкино

9 мая 1914

Дорогой Константин Федорович!

Рецензию Гливенки я читал. Читал и его собственные переводы из Альфиери, и знаю, что я и он различно понимаем слово «переводить». Как Блан, переведший «Божеств<енную> ком<едию> на немецкий яз<ык> слово в слово, совершивший огромный труд и изуродовавший Данте, — Гливенко сторонник *буквальных* переводов. Прочесть его переводы из Альфиери невозможно, ибо они написаны не на русском, а на языке «родных осин». Отсюда его упрек в недостаточной близости перевода (нашего). Пропусков там быть не может, т. к. я сличал текст строку за строкой. Есть нередко упрощение конструкции фразы, что вызвано крайней (местами) запутанностью фразы автора. Русский язык выдерживает это до известного предела. Дальше начинается насилие над ним, чего люди, не понимающие духа нашего языка, не замечают, и переводят, как г. Гливенко, уродливо. За всем тем, возможно, что мелкие промахи есть, как есть они во всяком переводе, во всякой Вами изданной книге. Дайте мне любую Вашу книгу и подлинник, и я укажу Вам неточности и, вероятно, найду ошибки. Тем не менее переводы Ваших книг удовлетворительны, как не считаю я нелитературным перевод Альфиери. Разумеется, если бы я переводил сам, он был бы лучше; безупречным я его не считаю.

Все Ваше письмо имеет такой характер, что Вы заподозреваете мою литературную недобросовестность. Выходит так: пользуясь тем, что я с Вами лично знаком, я эксплуатирую Вашу мягкость, навязываю Вам ненужную книгу (по-видимому, из своекорыстных целей), наспех ее просматриваю и выпускаю никуда не годный перевод. Этим я из-за угла наношу Вам горькую обиду.

Что мне Вам ответить? Оправдываться? Доказывать, что я достаточно гнул спину над этой работой? Уверять, что добросовестный (все-таки!) человек, что литературу люблю не менее Вас?

Мы с Вами не дети, Константин Федорович. Вы, конечно, очень хорошо понимаете, что даже *разговаривать об этом* я ни с кем не стану. Не буду говорить и с Вами. Вы мне не доверяете. Из трех отзывов о книге (два хвалебных) Вам угодно было выбрать отрицательный. Вам угодно было высказать какие-то *предварительные* сомнения о доброкачественности работы над этой вещью. Все это — Ваше право. Как Ваше право быть какого хотите мнения о моих литературных недостатках (нравственных и технических).

Но для меня отсюда следуют некоторые практические выводы. Работать над Казановой я более не могу. Я взял у Вас 350 р. под этот труд. По моему расчету, я в данный момент должен Вам (за Каз<анову>) рублей сто. Их я отработаю и возвращу Вам остальную рукопись. Если Вы пожелаете изменить наши условия касательно Данте, я всегда готов.

Мне остается сказать несколько слов о тоне Вашего письма. Он нервен и резок до предела. Кажется, мне еще не приходилось получать подобных писем. Я объясняю это состоянием аффекта, и к данной вспышке готов отнестись снисходительно. Но должен Вас предупредить, что делаю это в виду наших добрых (как я понимал доселе) отношений. Вообще же я, как взрослый человек и свободный русский писатель писем *репримандного* характера ни от кого получать *не могу.*

Все это писать не весело, но, увы, необходимо. Жизнь приучает к разным неожиданностям. Кажется, человек ничему не должен удивляться, но строго-философское отношение к жизни дается не сразу.

Во всяком случае желаю Вам всего доброго. Будьте здоровы. Жму Вашу руку.

Бор. Зайцев.

208. К. Ф. Некрасову. 11 (24) мая 1914. Притыкино

11 мая 1914

Дорогой Константин Федорович,

в моем предыдущем письме есть маленькая неточность: сказано, что долг по Казанове я отработаю и тогда пришлю рукописи. Это неверно. Казановы я не прочту более ни одной буквы. Долг верну или деньгами или обещанной П<авлу> П<авловичу> статьей в журнал — это как Вы пожелаете. Если деньгами, то соблаговолите сообщить, в какой срок. На днях буду в М<оскве> и оставлю книги и рук<опись> в редакции. Будьте здоровы.

Борис Зайцев.

209. И. В. Гессену. 19 июня (2 июля) 1914. Притыкино

19 июня 1914

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,
посылаю статейку о Чехове, если подойдет, напечатайте к десятилетию. Если нет, верните рук<опись> по адр<есу>: Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ., имение Притыкино.

Крепко жму руку. Искренно уважающий

Бор. Зайцев.

210. К. Ф. Некрасову. 22 июня (5 июля) 1914. Притыкино

22 июня 1914

Дорогой Константин Федорович.

На днях вернулся с юга, и до конца лета, наверно, пробуду в деревне. Думается мне — хорошо бы начать набирать роман теперь же, чтобы осенью он не очень запоздал. Как Вы на это смотрите? Тогда в Москве слишком мало было времени, да и настроение повышенное — мы не успели об этом переговорить.

Кстати, уже о Казанове. Если Вы, как я, считаете весь инцидент наш ликвидированным и «преданным забвению», то Казанову я взять опять могу. В Вашем письме, которое я застал здесь, Вы пишите, что отказом от ред<актирования> Казановы я хотел Вас «наказать» (?). Это, разумеется, совершенно неверно. Но ведь не мог же я продолжать работу, раз другой моей (подобной же) работе, было высказано резкое недоверие? Конечно, будь Вы на моем месте, Вы поступили бы так же.

Впрочем, снова я принимаюсь за старое, а его мы решили похерить. Сущность, как Вы понимаете, в том, что после разговора в Москве я не считаю для себя невозможным продолжение работы над Казановой. Если же ее уже отдали кому-либо, то это вполне естественно, и тогда, значит, не о чем говорить. Мой отказ давал Вам полное основание сделать это.

Напишите мне пару слов. Что «София»? как ее виды на будущее?

Крепко жму руку. Ваш

Бор. Зайцев.

Мордвесское почт. отд. Тульской губ. имение Притыкино.

211. Г. И. Чулкову. 22 июня (5 июля) 1914. Притыкино

Притыкино, 22 июня. 1914

Дорогой Георгий, давно собирался тебе написать. Но как-то все выходило, что пишу только теперь.

Почему ты оказался именно в Лозанне? Мне всегда казалось, что там русские барышни учатся медицине и летом скучает Петр Кожевников. Что это за место в горах, куда Вы отступаете?

Я был в Крыму, месяц. Сейчас живем в деревне. Мне что-то опять начинает нравиться русская деревня, и на днях не показалась даже дикой мысль прожить здесь зиму. Но этого, конечно, не будет. Наверное, мы будем жить зиму в Канн *(слово дается предположительно. — М. М.),* и уж во всяком случае не в Москве.

Сейчас пишу в некрасовский склад, чтоб выслали мне мой 4-й т., кот<орый> направлю тебе. Правду сказать, я стал очень ленив по части рассылки книг, и в Петербург, например, никому отправить не собрался. Но тебе все же пошлю. Мы знакомы с тобой более десяти лет, когда жив еще был Чехов! У меня сохранились лиловые книжки «Нового пути».

Что собираешься писать, и когда? Мне думается — большую вещь. Недавно читал большие похвалы «Сатане» в «Соврем<енном> Слове». Крепко тебя обнимаю и целую. Хорошо был бы зимой встретиться на Ит<альянской> Ривьере. Н. Г. поклон низкий.

Твой искренно *Б.*

212. И. В. Гессену. 27 июля (9 августа) 1914

27 июля 1914

Многоуважаемый Иосиф Владимирович!

Обращаюсь к Вам с просьбой, быть может, несколько запоздалой, но, как мне кажется, имеющей все некий смысл.

Мне хотелось бы писать о войне, с театра военных действий. Я мог бы давать очерки жизни там, очерки чувств, впечатления самой войны, беллетристические и, б<ыть> м<ожет>, портретные наброски — одним словом писал бы о том, что интересовало бы и взволновало меня. Вероятно, я очень плохой военн<ый> корресп<ондент> в *специальном* смысле и не могу гарантировать *ежедневности* писания, репортерской осведомленности и все-

проникновения, — это Вы, конечно, понимаете. Но в таком духе, как мне нравится, я, пожалуй, и сумею что-ниб<удь> сделать. По крайней мере, верю в это. Если бы Вы согласились, то должен добавить следующее: я не вполне полагаюсь на свои физические и нервные силы, поэтому, если они через $1^{1}/_{2}$—2 мес<яца> надломятся, я могу прекратить писание: писать через силу вообще не в состоянии.

Мне необходим был бы «фикс» умеренный, но достаточный для прокормления себя и остающейся семьи. Это вопрос второстепенный, и думаю, здесь затруднений не будет.

Итак, известите меня тотчас же, и в случае согласия вышлите нек<оторую> сумму на подъем и экипирование. Я приеду, разумеется, в Петербург тотчас. Адр<ес> мой: Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ., имение Притыкино. Если телегр<аммой>, надо добавить «нарочным». Впрочем, кажется, теперь лучше писать почтой. Телегр<аммы> ходят медленно.

Всего Вам доброго. Жду ответа с нетерпением.

Ваш *Бор. Зайцев.*

213. К. Ф. Некрасову. 11 (24) августа 1914. Притыкино

11 авг<уста> 1914

Дорогой Константин Федорович,

сколько событий мировой силы грянуло с тех пор, как последний раз сидели мы с Вами в «Праге»! Должен сознаться, мне тогда и не мерещилось ничего подобного.

Первые дни кошмар был сильный, скоро он превратился в длительную болезнь, с которой так или иначе — вероятно сживешься. Время страшное, а мирная жизнь все же идет; я попробовал было в военные корреспонденты, но, оказывается, никаких корр<еспондент>ов в армию не пускают. Сначала казалось, что ничем уже и нельзя заниматься кроме войны; но навыки ума, воображения, довольно прочны, и как ни странным может представиться — я даже *пишу* сейчас, и очень тихую, местами чуть не идиллическую вещь. Работаю и над Данте; и Вере, уехавшей на неск<олько> дн<ей> в Москву, поручил привезти Казанову.

Как смотрите Вы на издательскую деятельность в этом сезоне? Вы знаете, наверно, что бедный Павел Павлович стреляет где-то на западе из гаубиц! Что за великая бессмыслица и дикость! Впрочем, что же говорить о таких вещах, слов все

равно не найдешь. Что же теперь с «Софией»? Явно, — по крайней мере временно — она прекращается? Далее: я получаю и отправляю корректуры романа. Для меня очевидно, что если его выпустить этой зимой, то разойдется 50 экз<емпляров>, а к концу войны книга будет уже старой и три четверти ее останется на складе. Данте, по ходу работы, при напряжении можно окончить к декабрю. Но ни в одной газете о нем не появится ни строчки, и никто *не увидит* даже книги. Да и где статьи к нему? Напишите, как Вы на все это смотрите. Если бы меня кто-ниб<удь> спросил, что надо теперь в этом роде делать, я бы ответил: работать не меньше обычного, готовить рукописи, печатать книги, но не выпускать на рынок ничего. Пусть лучше полежат затраченные средства втуне, чем пропадут совсем. Когда война кончится, люди более горячо захотят культуры, и тогда им можно будет предложить кое-что по этой части. Делать же это сейчас — бесцельно. Интересно мне знать, согласны ли Вы со мною? Конечно, еще вопрос является при этом: литератору все же необходимо питаться, и окончив, напр<имер>, «Ад», он все же попросит «позлащенных возможностей». Но тут уже вопрос в том, есть ли у издательства оборотные средства. Впрочем, дело касается не столь уж значительных сумм.

Как бы то ни было, и какого бы взгляда Вы ни держались относит<ельно> продажи книг, я вынужден просить у Вас и под Казанову еще субсидии, в размере 200 р. Это для меня дело весьма существенное, и Вы очень обязали бы меня, если бы перевели эти деньги сейчас же.

Мне как-то тяжело говорить о статьях к «Аду», ввиду того, что П<авел> П<авлович> на войне. Но приходится и об этом думать; у меня как-то все крепнет чувство, что он их *не* напишет (если возвратится!) Я получил от него печальное письмо. Пишет он, что о будущем лучше не думать. Моя мысль — та: напишет ли он, *вернувшись*? И если бы вышло так, что не напишет, то вступительную статью могу написать я, но *лишь* вступительную (и то — покорясь необходимости; не бросать же труд многих месяцев?).

Я очень расписался. Прощайте. Жму Вашу руку и желаю всего доброго. Еще две маленькие просьбы: 1) где Павел Сергеевич? Если вблизи Вас, то поклон от меня и просьба написать о себе два слова; 2) Как по батюшке Ашукина? Ему не ответил, потому что забыл «батюшку».

Ваш *Бор. Зайцев.*

Я остаюсь на зиму в деревне (Мордвесс, Притыкино).

214. Н. С. Ашукину. 13 (26) августа 1914. Притыкино

13 авг<уста> 1914

Я забыл Ваше отчество, и пишу без обращения — очень извиняюсь.

Дело в следующем: в альманах было поставлено: ч. I, ч. II — совершенно механически, чтобы альманах выглядел законченней. В романе *совсем нет частей*, а я забыл в корр<еспонденции> вычеркнуть с титульного листа слова: *часть первая.* Будьте любезны, сделайте это Вы. Если же лист напечатан, и изменить нельзя, тогда пусть будет и вторая часть, где ей следует быть (перед гл. XXVIII).

С каких пор Вы в Ярославле, и как чувствует себя? По-видимому, Вы заведуете типографией К. Ф.? Это дело хорошее. Где Паша? Не имею от него вестей сто лет, и даже адр<еса> не знаю. Если он в Ярославле, то красное вино в доме К. Ф. страшно убывает? Да и Вы ведь замечательный истребитель?

Я живу в деревне, пока очень благочестиво, собираюсь пробыть тут всю зиму. Всего доброго. Еще раз извиняюсь.

Ваш искренно

Бор. Зайцев.

215. Н. С. Ашукину. 21 августа (3 сентября) 1914. Притыкино

21 авг<уста> 1914

Многоуважаемый Николай Сергеевич!

Посылаю Вам последнюю корректуру. Будьте добры, прикажите, чтобы в самом конце книги, на свободн<ой> странице набрали:

Того же автора

Рассказы. Кн. I, изд. 3 (Волки. Мгла. Тихие зори. Священник Кронид. Деревья. Хлеб, люди и земля. Миф. Черные ветры. Завтра). Ц. 50 коп.

Кн. II (Полковник Розов. Молодые. Любовь. Сестра. Гость. Аграфена. Спокойствие). Ц. 1 р.

Кн. III (Сны. Верность. Заря. Смерть. Жемчуг. Мой вечер. Актриса). Ц. 1 р. 25.

Издательство «Шиповник», Петроград, Николаевская, 31.

Кн. IV (Изгнание. Усадьба Ланиных. Вечерний час. Елисейские поля. Грех. Студент Бенедиктов. Лето. Актерское счастье). Ц. 1 р. 50.

Книгоиздательство К. Ф. Некрасова.

Жму Вашу руку, всего хорошего.

Бор. Зайцев.

216. К. Ф. Некрасову.
30 августа (12 сентября) 1914. Притыкино

30 авг<уста> 1914

Дорогой Константин Федорович,

Очень извиняюсь и вполне понимаю, что сейчас может быть трудно, но если есть возможность, переведите пока половину.

Имеете ли известия от П<авла> П<авловича>? Мне он писал давно, еще не участвуя в боях. Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

217. К. Ф. Некрасову. 11 (24) сентября 1914. Притыкино

11 сент<ября> 1914

Дорогой Константин Федорович!

Где Вы, и живы ли Вы? Получили ли Вы мою открытку? Говорят, письма теперь ходят неаккуратно, — пишу Вам еще.

Дело главное в том, что мне хочется знать, могу ли я рассчитывать на деньги или нет. Будьте добры, ответьте тотчас, я по крайней мере соответственно буду действовать; а в таком неопределенном положении мне трудно существовать.

От П<авла> П<авловича> ничего не имею, верно, бомбардирует он Перемышль!

Щекотов легко ранен, и находится в Москве; Койранский пишет, что очень стремится опять на войну (т. е. Н<иколай> М<ихайлович> стремится).

Всего доброго. Повторяю, вполне понятно, что сейчас с деньгами трудно, и если не можете — прямо так и напишите, но только очень прошу: именно напишите.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Мордвесское почт. отд., Тульской губ., Притыкино.

218. И. А. Новикову. 12 (25) сентября 1914. Притыкино

12 сент<ября> 1914

Дорогой Иван, очень, очень рад, что ты отыскался. Как раз нынче о тебе думал, и все мне казалось, что если так долго не отвечаешь, — значит, на войне.

Ко мне приезжай *непременно.* Независимо даже от того, поедешь ли в Москву и Ярославль. Ведь расстояние тут пустое! На Лаптеве слезешь, за тобой вышлют лошадей, только дня за

2—3 телеграфируй Мордвес *оказией* (у нас каждый день ездят на почту) — когда будешь. Если поедешь из Москвы, то к нам проще на Мордвес.

Для тебя во флигеле целая комната. Я сижу уже здесь почти три месяца, как сам понимаешь, жизнь какая-то особенная теперь стала. Но к деревне очень привязался, и без всякого страха жду зимы, которую собираемся проводить тут. Вера уже ездит дежурить в соседний лазарет; 2—3 дня дома, 2—3 дня там. Когда еще один откроется, буду немного работать и я, верно, с начала октября. Вероятно, один день в неделю.

Я все же работаю по литературной части. К Новому году собираюсь кончить «Ад», пишу повесть. Денег — ни гроша. О Некрасове слышу от тебя впервые. Но может быть, с ним нечто и произошло, т. к. уже около месяца он не высылает мне обещанных денег и не отвечает на письмо. Роман *сейчас* выпускать не советую. Мой набран, напечатан, но будет лежать до лучших времен. Лично у меня есть уверенность, что в текущем сезоне он не выйдет.

Бедного Джемса война застала в Париже, и лишь теперь (сегодня, вероятно, она и Донзель уже на русск<ой> терр<итории> — они возвращаются на Лондон и Швецию. Чуть было не попал в плен к немцам и муж Татьяны, Мечислав Альбинович.

О сборнике в пользу раненых ничего не слыхал.

Крепко тебя обнимаю, равно и Вера целует. Очень жду.

Искренно тебя любящий

Борис.

Саша Койранский развозит раненых на груз<овом> автомобиле. Сам он возвращался от русск<ой> границы на *крыше вагона*! Это в его жанре.

219. Н. С. Ашукину.
28 сентября (11 октября) 1914. Притыкино

28 сент<ября> 1914

Многоуважаемый Николай Сергеевич!

Сегодня получил экземпляры романа, благодарю Вас. Вам книгу вышлю теперь же.

Что касается времени выпуска на рынок — то это вопрос чисто технический. Я не буду возражать ни при каком Вашем решении. О литературной судьбе романа говорить уже не приходится, т. к. его своевременно в печати и устно достаточно ругали, и вряд ли стали бы, даже при отсутствии войны, возобновлять этот разговор.

Этому роману вообще не везло. В «Шиповнике» он лежал

всю зиму, пока не дождался глухого летнего сезона, и вышел, разорванный на две части. В сущности, ему и подобает, как моему сыну-неудачнику (правильно говорят, что родители больше любят несчастливых детей, чем счастливых) — выйти именно теперь, в такое время, когда он уже *решительно* никому не нужен. Я чувствую, что это будет так. Но препятствовать не следует.

Всего Вам лучшего. Ваш искренно

Бор. Зайцев.

220. К. Ф. Некрасову. 6 (19) октября 1914. Притыкино

6 окт<ября> 1914

Дорогой Константин Федорович,

правда ли, что конфискован мой роман? Справлялись ли Вы о нем? и какова его дальнейшая судьба, т. е. все это касается *лишь* военного времени, или вообще? И думаете ли Вы как-нибудь хлопотать о снятии ареста?

Будьте добры, напишите обо всем этом несколько слов. Получили ли Вы мою открытку с просьбой о книгах (мемуарах).

Ваш *Бор. Зайцев.*

Нет ли известий от П<авла> П<авловича>?

221. И. А. Бунину. 9 (22) октября 1914. Притыкино

9 октября 1914

Дорогой Иван Алексеевич, недели три тому назад видел я сон, касавшийся Вас. Приблизительно так: сижу я у Вас в гостях, у большого окна, в кресле (на дачу Вашу совсем непохоже). Подходит гарсон с меню, подает мне, и говорит что-то совершенно непонятное. Читаю меню. Названия кушаний тоже совершенно неизвестные, и чувствую, что нечто есть неплохое: верно, вроде бычков, которых жарил столь даровито Ян. Я что-то указываю. Потом оборачиваю голову назад, и вижу, что накрыт стол; и около него Вы наклонились, — ясно помню, на голове у Вас черная матерчатая шапочка, как ездят в вагонах (джентльмены). — Вот что-то в этом роде, и довольно длинное, но с симпатичным привкусом. В общем так живо, что захотелось написать Вам. Однако, собирался долго. Это потому происходит, что я живу так:

Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.

Насчет спанья Вы сами свидетель. Читаю, к сожалению, много газет, но ничего не поделаешь, это яд какой-то, нельзя оторваться. Вы, пожалуй, от своей Веры знаете, что мы засели тут на всю зиму. Пока что чувствую себя хорошо, но так тут прочно, тихо, что, пожалуй, сделаешься байбаком каким-нибудь. Впрочем, из дел основательных: месяца через полтора я переведу последнюю строчку 34-й песни «Ада». Если бы было красное вино, я подарил бы себе в тот день бутылку. Перепереть «Ад» это не то, что в «Прагу» сходить. Несмотря на войну я ухитряюсь и писать еще весьма мирную штуку. Даже так скажу — что верно, отдыхаешь на этом от страшных вещей. А потом, — должно быть очень уж врос в литературную жизнь, все равно, хоть война, хоть это никому не нужно сейчас, все же пишешь, и о Пушкине читаешь, и его самого читаешь. Вчера читал «Онегина» и вдруг так показалось чудовищно, и бессмысленно, что люди друг с другом делают, когда *есть* ведь область красоты, поэзии, таких необыкновенно прекрасных вещей. А потом лег спать, и опять мысли, как всегда: серьезно ли обходное движение на Перемышль, да и сколько у нас там войск, да где резервы, легко ли передвинуть и пр. Я ведь еще и шахматист (но, конечно, скверный). Так меня стратегические вопросы изводят, хотя и отлично знаешь, какая чепуха все твои стратегии.

Моя Вера совсем сделалась милосердной сестрой. Три дня в неделю дежурит у раненых, устает, но довольно бодра. Между прочим, она мне говорила, что свинство, что я не написал Вам, не поблагодарил за Одессу. Оно, конечно, свинство. Но не было большого желания писать. А сегодня захотелось, я и пишу, но вовсе не потому, что *нужно* Вас поблагодарить. Я, разумеется, благодарю. Письмо же расписал очень длинное неизвестно почему. Пожалуй, я хорошо тут высиделся, мало людей вижу. Недавно ахнул Айхенвальду 8 страниц. Если бы за письмо к нему, да и к Вам, «Шиповник» заплатил бы, как за беллетристику, то я по первопутку приехал бы с Верой недели на три в Москву. Но все же приятно в деревне. Мой месячный бюджет 50 р., и ощущение, что я барин, езжу на тройке и пр.

Тут были такие *десять дней*, что я вспоминал Рим. Это удивительно. Мне обычно так не везет на погоду в деревне, точно мне все назло устраивают, но этот раз полный реванш. Я резал сегодня сучья у яблони в одном пиджаке.

Кланяюсь Вашей Вере весьма дружественно. Как же Антоний? Пускай войной не смущается и точит напильничком. Т<ак> к<ак> Вы ни в коем случае не ответите, над чем работаете, то не

спрашиваю. Мне будет очень приятно, если напишете несколько строк. Но если не захочется, то не делайте усилия, этого не надо.

Крепко Вас обнимаю, будьте здоровы и благополучны.

Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Перечитал письмо. 400 р. с листа брать нельзя. Много лишних слов, надо было бы переделать, тогда выйдет прочнее.

Вера целует Вас и Веру.

Приписка В. А. Зайцевой:

Это уже по Дорошевичу.

В.

222. И. А. Бунину. 10 (23) октября 1914. Притыкино

10 окт<ября> 1914

Дорогой Иван Алексеевич, Сахновского я знаю довольно давно. Он очень способный человек, образованный и занимался как раз театром, старинным бытом и имеет склонности к музейной работе. Помню, он работал по выставке 12-го года в Историческом музее. Я уверен, что Бахрушину он — подходящее лицо.

Всего доброго. Крепко жму руку.

Я сегодня очень взволнован победой, и целый день ничего не могу делать.

Ваш *Б.*

Письмо В. А. Зайцевой:

Дорогой Иван! Обращаюсь к тебе с большой просьбой. Сейчас получила письмо от моего двоюродного брата, который просит меня попросить у тебя место в Бахрушинском музее. Он человек образованный и сведущий. Боря это подтверждает. Посылаю тебе его письмо. Ты можешь помочь ему в этом. Этим окажешь большую услугу. Прости, что обращаюсь к тебе, но мне очень хочется ему помочь. И по моему мнению он вполне достоин занять это место. Иван, если позволишь, я ему напишу, чтоб он позвонил к тебе, или ты к нему. № тел. 337-48. Зовут его Василий Григорьевич Сахновский.

Нежно целую тебя и Веруню. Люле привет.

Люб<ящая> тебя

Вера Зайцева.

Вчера Боря писал, сегодня я. Ответь мне, если можешь.

223. И. А. Бунину. 15 (28) октября 1914. Притыкино

15 окт<ября> 1914

Дорогой Иван Алексеевич,

Сейчас я кончаю повесть листа на $2^{1}/_{2}$. Если это не много, то могу дать Вам. Готово все это будет в начале ноября. Напишите пару слов, подходяще ли это Вам. Собственно, я обещал эту штуку Дм<итрию> Ник<олаевичу> Овс<янико>-Куликов<скому>, для январского № и если бы не Вы ко мне обратились, то не дал бы в издательство. Разумеется, я могу написать для «В<естника> Е<вропы>» что-нибудь небольшое, но мне не хотелось бы терять на гонораре (вопрос, как Вы знаете, для меня сейчас весьма существенный). В «В<естнике> Е<вропы>» лист считается в 36 т<ысяч> б<укв>, я и в сборнике желал бы получить 400 р. за ту же «цифрию».

Если возражений не встретится, то будьте добры, прикажите перевести мне 300 р. Я тогда привезу сам написанное.

Всего Вам лучшего. Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

224. И. А. Новикову. 18 (31) октября 1914. Притыкино

18 окт<ября> 1914

Дорогой друг, что же о тебе ни слуху, ни духу? Собираешься ли в наши края, или передумал? Я тебя очень жду, твой приезд был бы мне весьма приятен.

Я уже довольно давно тут, веду жизнь тихую и однообразную, но чувствую себя неплохо. Хочется тоже выбраться на неделю, на две в Москву, посмотреть, что делается на Божьем свете. Пока нет денег. Думаю, что в половине ноября будут, и тогда мы с Верой тронемся. Но мой отъезд — вещь более чем отложимая. Ты только напиши, когда будешь, чтобы я знал. Удобнее всего тебе на ст<анции> Лаптево Курск<ой> дор<оги>, но напиши заранее на Мордвес.

Сегодня привезли газеты, — война с Турцией! Странно сказать, я почти рад: это лишнее подтверждение, что сейчас над Россией как бы благоприятная десница. Правда, разбойничье нападение на мирное побережье, без объявл<ения> войны, какое еще *новое* обнаружение наших врагов! Отрадно чувствовать за всем этим руку немцев — руку внутренно-неправую и ведущую к катастрофе. Да, кажется, никогда не была Россия в такой праведной войне и никогда так не чувствовалось *провиденциальное,* как теперь. *Почти* веришь, что все это — борьба с антихристом, во всяком случае, — с началом мирового зла,

механической и материалистической культурой. А это, ведь, дьявол и есть.

Обнимаю тебя крепко, напиши о себе. Недавно я читал в газ<ете>, что в Орле лит<ературно>-муз<ыкальные> вечера для раненых, и подумал: наверно ты там участвуешь. Да, знаешь, из мирных дел: мой роман конфисковали. Я получил некое боевое литературное крещение. Как же это, — русский писатель, и никаких недоразумений с властями. Вероятно, это связано с войной и «чрезвычайными» положениями. Роман выпускать сейчас не время, но все же жаль насилия над книгой, которую я писал бережно, и с большой любовью. Думаю, после войны освободят, а сейчас отличный синий том лежит у меня на полке.

Итак, жду известий. Вера тебя обнимает также.

Твой душевно

Борис.

225. К. Ф. Некрасову. 27 ноября (10 декабря) 1914. Притыкино

27 ноября 1914

Дорогой Константин Федорович,

только что получил из Москвы известие, что постановлением Суд<ебной> Палаты арест с романа снят. Прилагаю вырезку — из Ведомостей Градоначальства.

Кажется, надо тотчас выпускать книгу. В объявлении необход<имо> указать — «арест снят». Быть может, следует сделать на книжках тоненькие бандероли, с этими же словами. Это окажет, пожалуй, нек<оторое> влияние на движение романа.

Я был в Москве почти две нед<ели>, но так неудачно вышло, что как раз Вас не видел, был у С<офьи> Л<еонидовны>. Будьте добры, пришлите мне неск<олько> экз<емпляров> романа. Я очень рад, как Вы понимаете, конечно, что роман мой выпустили из тюрьмы. Он мне во многих отн<ошениях> дорог (каков бы он сам по себе ни был!) — и его плен меня очень тяготил.

Крепко жму Вашу руку, всего лучшего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

226. И. А. Бунину. 5 (18) декабря 1914. Притыкино

5 дек<абря> 1914

Дорогой Иван Алексеевич, у меня есть к Вам следующая просьба — буду очень благодарен, если ее исполните.

Мы с Верой числа 15-го собираемся в Воронеж, на все Рождество. Очень бы хотелось получить к тому времени деньги за повесть. Если альманах выходит на днях, то и отлично; если же запоздает, перейдет на январь, то нельзя ли выслать мне теперь же 100 р. в счет аванса? Это меня устроило бы.

Где думаете Вы быть на праздники? Целуйте Веру, моя Вера обнимает Вас обоих.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

227. К. Ф. Некрасову. 7 (20) декабря 1914

7 дек<абря> 1914

Дорогой Константин Федорович, я получил сегодня письмо от адвоката, там сказано, что бумага о разрешении выпустить книгу в продажу послана в Ком<итет> по дел<ам> печ<ати> за № 264 (от прокурора суда). Между прочим, в «Русск<их> Вед<омостях>» третьего дня появилась заметка, что «Дальний край» *арестован*. Это очень характерно для почтенной газеты, опаздывающей месяца на полтора, но необходимо потребовать, чтобы было сообщение и о снятии ареста. Заметка может повредить в провинции, библиот<еках>, магазинах. Сделайте это Вы, тем более, что и ваше имя, как издателя, упомянуто. У меня достаточно дурные отн<ошения> с «Р<усскими> В<едомостями>» — не хочется опять раздражаться.

От П<авла> П<авловича> последнее письмо 19 ноября — все благополучно.

Крепко жму Вашу руку, всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

228. Г. И. Чулкову. 11 (24) декабря 1914

11 дек<абря> 1914

Дорогой Георгий, сегодня получил твое письмо, на кот<ором> надп<ись>: 17/30 ноября. Стало быть, около месяца пути между нами! В этом есть тоже отголосок грозных дней, в которые мы живем. Ты получишь мое письмо уже в 1915-м году.

Приветствую тебя, дорогой Георгий, и Вас, милая Надежда Григорьевна, с этим новым годом. Думаю, у всех нас одно чувство — чтобы кончилась в нем эта ужасная бойня или, если хотите, великое испытание, посланное людям за то, что они

много нагрешили, и «забыли Бога». Не знаю, как ты, Георгий, а я это ясно чувствую, и даже чувствую, что *все без исключения* ответственны за эту войну. Я тоже ответственен. Мне — это тоже напоминание — о неправедной жизни. Но, конечно, главная тяжесть ответственности на тех, кто идеей своей жизни сделал «мамону» — и слава Богу — не русский народ, и не русская культура утверждала эту идею. Слава Богу, даже, она русским совершенно чужда.

Мне пришлось два дня жить в лазарете здесь, верстах в 12-и. Я видел несколько десятков людей, бывших там, стрелявших, убивавших, коловших штыками. Это очень интересные люди. О многом, от чего мы холодеем, они рассказывают со смехом. Но на них есть такой отпечаток: они побывали в необыкновенном месте, и видели необыкновенное. Иногда даже казалось, что они продолжают видеть это необыкновенное. Некоторых преследовали временами страшные воспоминания. Я не видел, чтобы так *серьезно молились*, как тут. Вообще много удивительного. Между прочим, когда я переписывал их — меня поразило, как колоссальна Россия! Просто — сколько губерний, уездов, полков, племен. Но из тридцати против фамилий 17-и я записал: «хлебопашец». И вот эти-то хлебопашцы все и вынесут. Как может быть ты знаешь, сейчас трудный для нас момент борьбы: немцев прислали много с Запада, они наседают, б<ыть> м<ожет>, дойдут до Вислы. *Но это ничего:* наши не выдадут. Я в этом непоколебимо уверен.

На войне П. П. Муратов, Гриф, оба в артиллерии. Много еще разных знакомых людей. Послед<нее> письмо от Муратова было, как и от тебя, — 19-го ноября; он пишет, м<ежду> пр<очим>, что научился любить солдат, как народ; он говорит «наш умнейший народ правильно относится к войне: как к великому горю, кот<орое> следует перенести как следует».

Я разлетелся было писать дальше, но, оказывается, нет бумаги! Значит, обнимаю тебя. Вера писала Н<адежде> Г<ригорьевне>. — Получили ли? Мы живем *(приписка наверху страницы. — М. М.)* очень тихо, разумеется, Вера ездит в лазарет, но сейчас почему-то нет раненых. Были мы в Москве, 2 нед<ели>. Хотя трезво, но Москва все Москва. Я очень отошел, отвык как-то от городской жизни. Пишу, все же. Слышал, и ты работаешь? *(Приписка на 1 стр. — М. М.).* Ты живешь, судя по геогр<афической> карте, в отличном месте, и наверно, видна Италия. Поклонись ей от меня.

Вера целует. Твой искренно *Борис.*

Имеет смысл послать книгу? Я все думаю, что сношение со Швейцарией проблематично.

229. Э. П. Юргенсону. 12 (25) декабря 1914. Притыкино

12 дек<абря> 1914

Милостивый государь Эрнест Петрович!

Охотно исполняю Вашу просьбу, и посылаю еще письмо Бунина, и оказавшийся у меня под рукою, здесь в деревне, стишок Бальмонта. Письмо Бунина разрисовано моей дочерью, которая по малости лет не знает еще, что такое поэт и академик — и отнеслась к кусочку бумаги по-своему. Я не стал счищать — посылаю как было.

Родился я, как полагается русскому писателю, в Орле, 29 янв<аря> 1881 г<ода>. Первая моя напечатанная вещица появилась 15-го июля 1901 г. и называлась «В дороге». Не удивляйтесь, что помню число напечатания в газете («Курьер», издавался в Москве; беллетристику там читал Л. Андреев) — напечатания первого рассказа и провала первой пьесы писатель не забывает никогда.

Фотографий хороших (да и плохих) — у меня нет, снимаюсь очень неохотно. В 1909 г. в Петербурге меня снимал фотограф Перл, по случаю постановки пьесы моей. Он снимал горячо, усердно и сколько помню, некоторые снимки были хороши. Обратитесь к нему, б<ыть> м<ожет> сохранились негативы. А то есть в энциклоп<едическом> Словаре Брокгауза (или Граната?). Но где-то есть.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

Мордвесское почт<овое> отд<еление>
Тульск<ой> губ.; имение Притыкино.
Этот Перл помещался на Невском (против Аничкова дворца?)

230. Д. В. Философову. 16 (29) декабря 1914. Притыкино

16 дек<абря> 1914

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович!

Благодарю Вас за приглашение, если будет что-либо подходящее, охотно дам. В настоящую минуту ничего нет.

Георгий Иванович за границей, лечится от туберкулеза. Вот его адр<ес>: Sierre, Valais, Suisse. Это на склонах Швейцарии в нашу Италию. Здоровье его, как он пишет, медленно — но восстановляется. Письма к нему идут правильно и в пути — 2 недели. Жму Вашу руку, желаю всего доброго,

Ваш *Бор. Зайцев.*

Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ.; им<ение> Притыкино.

231. К. Ф. Некрасову.
23 декабря 1914 (5 января 1915). Притыкино

23 дек<абря> 1914

Дорогой Константин Федорович,
сейчас работаю над Казановой, кончаю имеющиеся у меня. Пришлите, пожалуйста, продолжение рукописи в *Воронеж, Острогожская, д. Клочкова,* Вере Зайцевой. Я еду туда через 2 дня, а Вера уже там.

У меня последн<яя> тетрадка № 24 (красн<ым> карандашом), гл. XXXI. Не думаете ли Вы понемногу готовить 1-й том? (т. е. Казанова). Затем: получили ли Вы *официальное* уведомл<ение> о снятии ареста? И еще как дела с моим IV-м т<омом> рассказов? Напишите приблиз<ительно>, сколько осталось у Вас, и как Вы вообще считаете движение книги.

Думаю, пробудем в Воронеже числа до 7-го — 8-го.

Всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

232. Н. С. Ашукину.
28 декабря 1914 (10 января 1915). Воронеж

Воронеж, 28 дек<абря> 1914

Многоуважаемый Николай Сергеевич.

Спасибо Вам за доброе письмо, за доброе отношение ко мне, и к моему роману.

Пишу Вам из Воронежа, где мы с женой и *дочерью* проводим праздники. Здесь так же обширно и тихо, как в Ярославле, нет таких замечательных церквей, но дыхание России в огромной мере ощущается. Воронеж — тихий и просторный город. Тут хлеба много, и полей.

От души желаю Вам всего доброго. Привет К. Ф. Если что понадобится — имейте в виду, что числа 6—7-го уже буду у себя, т. е. в деревне.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Острогожская, д. Клочкова.

233. Е. Л. Янтареву.
28 декабря 1914 (10 января 1915). Воронеж

Воронеж, 28 дек<абря> 1914

Дорогой Ефим Львович, пишу Вам, как видите, издалека. Мы с Верой и Мартыном проводим здесь праздники, у Устиновых.

Насчет рассказа: ничего у меня нет, кроме долгов в журналы, которые (долги) стараюсь покрывать медленным изрисовыванием разных штук. Новогодние пожелания у меня разные могут быть, смотря кому желаю. Вам напр<имер>, — ну, груды золота, молодое скользкое тело и еще разные роскоши. А для чего нужно об этом в газетах заявлять? Теноры и актрисы от Корша, да еще Вербицкая объявят, что желают скорейшего окончания войны, — и будут совершенно правы. К сожалению, только немцы не станут спрашивать их мнения. Итак, мои новогодние пожелания — личного характера. Да, я забыл еще пожелать: Вы ведь, оказывается, теперь женатый. Следовательно: добрых отношений с женой. Пункт же насчет скользкого и пр. уменьшается, по несовместимости.

Еще желаю Вам не толстеть.

Ваш *Бор. Зайцев.*

234. К. Ф. Некрасову. 7 (20) января 1915. Притыкино

Притыкино, 7 янв<аря> 1915

Дорогой Константин Федорович!

Получили ли Вы мою открытку, где я просил прислать продолжение Казановы? Отправляю Вам то, что у меня было, уже подготовленное к печати. Жду дальнейшего. Только что вернулся из Воронежа, куда ездил в дохе, хотя там была оттепель и на меня смотрели как на сибиряка.

Я писал еще о своей IV-й книге, если есть у Вас сведения о ее поведении, сообщите. О П<авле> П<авловиче> давно ничего не знаю.

Всего доброго.

Ваш искренно *Бор. Зайцев.*

235. Д. В. Философову. 13 (26) января 1915. Притыкино

Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульск<ой> губ., им<ение> Притыкино

13 янв<аря> 1915

Многоуважаемый Дмитрий Владимирович, отвечаю Вам с опозданием потому, что на праздниках был в Воронеже и лишь на днях вернулся. Мысль Ваша о деревенских заметках —

хорошая, но я уверен, что на *ряд* таких очерков меня не хватит, тем более, что вопреки Вашему мнению, я работаю и по обычной своей части. (Но для Вас это и неподходяще по размерам, и дорого.) Пока у меня в голове есть две вещицы, связанные с войной и деревней. Одну я пошлю Вам, другую в «Речь». Если еще появится, то опять Вам. Но обещать *последовательность, связность* не могу.

Пришлите мне №№ журнала. Жму Вашу руку и желаю всего доброго.

Бор. Зайцев.

P. S. Я потерял и книжечку с адресами, и Ваше письмо. Кажется — Сергиевская, 83? Но у меня дурная память, поэтому пишу в «Речь».

236. К. Ф. Некрасову. 20 января (2 февраля) 1915. Притыкино

20 янв<аря> 1915

Дорогой Константин Федорович,

известие о Павле Павловиче, разумеется, великолепно. Вера уже написала в Москву, Катерине Сергеевне, прося сообщить подробности.

Относительно Казановы — мне безразлично, понятно, когда его печатать, как Вам удобнее. Но отчего бы не послать дальнейшей части рукописи? Я между делом, не торопясь, и правил бы ее. В Главн<ом> управлении знакомых у меня нет, но если быть в Москве, то добраться можно. Но 200 экз<емпляров> — это уж чрезвычайно мало! Ведь Казанова — не «Илья Пророк», и не «Иоанн Богослов» (церкви).

Константин Федорович, ради Бога, печатайте объявления о книгах! У Вас вышел Новалис, Б. Констан — вещи настоящие, хорошие, — вышел мой роман — и ни звука ни в одной газете. Это скромно (и вместе: очень гордо) — но ведь если бы Вы сами мне не написали, я бы не знал, что мой роман есть в продаже. А не все же покупатели живут на Тверской и Кузнецком, где книжные витрины.

Между прочим: правда, что у Вас будет книга Бунина? Это было бы очень хорошо, но почему-то мне думается, что это *так себе,* не верно.

Желаю Вам всего хорошего. Ваш искренно

Бор. Зайцев.

237. И. А. Белоусову. 20 января (2 февраля) 1915. Притыкино

20 янв<аря> 1915

Дорогой Иван Алексеевич,

разумеется, я приму участие в подарке. Посылаю автограф и жалею, что не будет меня в Москве лично поздравить Ю. А. Напишите тогда, И. А., сколько придется на мою долю. Очень Вам благодарен за обещание прислать книжку. На днях отправлю Вам свой 4-й т<ом>, вышедший еще весной, да как-то я не успел его Вам вручить. В деревне жить, действительно, неплохо. Я вначале боялся, что будет тоскливо, а теперь привык и во всяком случае, здесь есть много *настоящего, хорошего.* Да и для работы условия отличные. Сейчас у нас была страшная метель, нанесла такие сугробы, что только на лыжах и можно. А нынче изумительный морозный день, солнце, просто прелесть.

Крепко жму Вашу руку. Всего доброго Вам.

Бор. Зайцев.

238. Г. И. Чулкову. 24 января (6 февраля) 1915. Притыкино

24 янв<аря> 1915

Дорогой Георгий, только что прочел в «Отечестве» твою статью. Это все правда, что ты пишешь. Меня тоже удивляло, почему не выступили за границей. Был протест писат<елей>, худ<ожников>, музык<антов> и актеров, по поводу «зверств», но и его не перепечатали за границей.

Получил ли мое письмо? Пишу на открытке потому, что, говорят, лучше доходят. — Мы все в деревне, и живем, наверное, не менее тихо, чем Вы с Надей. Сейчас были все метели, так нас занесло, что только на лыжах можно.

Из новостей москов<ских>: Толстой *женился* на *Тусе Крандиевской.* Соня в Петербурге. — Обнимаю тебя крепко, низкий поклон Наде. Вера целует. Твой *Б.*

239. И. В. Гессену. 30 января (12 февраля) 1915. Притыкино

Мордвесское почт<овое> отд<еление>
Тульской губ. им<ение>, Притыкино
30 января 1915

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

мне очень хотелось бы, чтобы Вы напечатали в «Речи» прилагаемую заметку о Первухине, художнике, только что умершем.

Во всех московских газетах были его некрологи. В Петербурге же его знают, наверное, меньше, но это ничего не значит. Он был настоящий художник и человек, и заслуживает доброй памяти.

С искренним уважением

Бор. Зайцев.

240. К. Ф. Некрасову. 2 (15) февраля 1915. Притыкино

2 февр<аля> 1915

Дорогой Константин Федорович,

письмо Ваше ни на минуту не разубедило меня. Мысль, что объявления в газетах не окупаются, конечно, неправильная. (Быть может, и есть книги, которых вообще никто, ни при каких условиях не желает читать — но тогда их надо издавать в 300 экз.) Книга же *вообще,* равно как и *книгоиздательство,* не может существовать, если публика *не знает* о их бытии. Если бы все думали, как Вы, то книжных объявлений не было бы. А они есть. Их влияние нельзя учитывать так: нынче я заплатил 30 р. за объявление, и в ближайшие 5—6 дней *не* продам на 30 р., — значит объявление не окупилось. Я по себе знаю: прочел объявл<ение> о книге, хочется купить, но не купил, отвлекло нечто. Попадется второй раз — и можешь через две нед<ели>, проходя мимо кн<ижного> магазина — вспомнишь, а вот «Вольфлина еще не купил» — и зайдешь. Результаты публикации могут сказываться через месяцы. Не говорю уже о провинции, провинциальных библиотеках т. п. Как бы Вы ни смотрели на это, у меня все же к Вам большая просьба: о моем романе опубликовать в «Речи» и «Русских ведомостях». (С подзагол<овком> *романа* «Арест снят».) Хотя бы по разу. Расходы я могу принять и на себя, ибо уверен, что они окупятся.

Получили ли Вы Казанову?

Всего доброго. На 4-й — 5-й нед<еле>, вероятно, будем с женой в Москве. Хорошо бы повидаться.

Ваш *Бор. Зайцев.*

241. И. В. Гессену. Начало марта 1915

<без даты>

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

очень извиняюсь, что своевременно Вам не ответил по поводу рассказа: к сожалению, ничего у меня подходящего нет.

Крепко жму Вам руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

242. К. Ф. Некрасову. 14 (27) марта 1915. Притыкино

14 марта 1915

Дорогой Константин Федорович,

сегодня вернулся из Москвы, где все же время идет очень быстро! — И не заметил, как две недели прошло. Вы мне обещали более точные сведения о книгах на 1 марта, но письма нет. Если имеются у Вас эти сведения, то будьте добры, пришлите. По поводу романа можно, по-видимому, говорить о втором издании — как Вы на это смотрите? Разумеется (если книга по-прежнему идет хорошо) — следовало бы напечатать второй завод непосредственно за первым, но возможно ли это осуществить до лета? Вопрос. Если нет — то надо отложить до осени, печатать летом.

Напишите мне несколько строк. Всего Вам лучшего.

Искренно Ваш *Бор. Зайцев.*

243. И. В. Гессену. 17 (30) марта 1915

17 марта 1915

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

забыл в предыдущей открытке поблагодарить Вас за напечатание объявления о моих книгах. Позвольте сделать это теперь.

Искренно Вас уважающий

Бор. Зайцев.

244. Н. С. Ашукину. 30 марта (12 апреля) 1915

30 марта 1915

Многоуважаемый Николай Сергеевич!

Не будете ли Вы так любезны, не напишете ли мне, сколько экз<empl> моего романа и IV кн. рассказов осталось у Вас на складе? Вообще, в каком положении это дело? Я писал К. Ф., но ответа нет.

Благодарю Вас за открытку по поводу романа.

Всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

245. С. А. Венгерову. 10 (23) апреля 1915

10 апр<еля> 1915

Многоуважаемый Семен Афанасьевич, к сожалению, у меня нет никаких своих карточек, ни плохих, ни хороших. Несколько

лет назад меня снимали в Петербурге, у *Перла*, это было на Невском, у Аничкова моста. Пожалуй, там остались негативы (1909 г., сентябрь). Там вышло неплохо; один из тех снимков я давал Ю. И. Айхенвальду для «Силуэтов». Кажется, в последнем их издании он хорошо воспроизведен. Есть еще недурной снимок в сборнике «Друкарь», за 1910 г., в Москве (это благотвор<ительный> сборник). Как будто ничего другого не могу указать.

Искренно уважающий Вас

Бор. Зайцев.

246. К. Ф. Некрасову. 11 (24) апреля 1915

11 апр<еля> 1915

Дорогой Константин Федорович,

одно обстоятельство осталось для меня неясным в Вашем письме: желаете Вы, чтобы я отдал Вашему издательству новую книгу рассказов (к Рождеству) — или нет? У меня осталось впечатление, что Вы обходите этот вопрос, но стесняться тут совсем не приходится, мне только надо знать, как устроить свои дела на лето. (Почти наверно — я должен буду доставать под эту книгу денег). Разумеется, нечего говорить о романе. Я писал это только потому, что тогда в Москве Вы сказали: «Едва ли осталось 300 экземпляров».

Павлу Павловичу относит<ельно> Данте написал. Завтра сажусь за четыре последние песни, и думаю, через месяц—полтора кончу все.

Жму Вашу руку, всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

247. И. А. Новикову. 17 (30) апреля 1915. Притыкино

17 апр<еля> 1915

Дорогой друг Иван, ужасно долго не имею о тебе никаких вестей, да и сам, правда, не писал давно. Одно время у меня была уверенность, что ты на войне; кто-то говорил даже, что в «Совр<еменном> Мире» были обещаны твои «Записки санитара». Но в начале марта Поярков сказал мне, что ты у него был в Москве и что по-прежнему работаешь в лазарете. Так ли это и посейчас?

Вот и зима прошла — такая странная, и страшная в этом году! Как ты, вероятно, знаешь, первый раз мне пришлось всю зиму провести в деревне. Само по себе это не оказалось плохим,

или труднопереносимым. Правда, за это время мы дважды были в Москве, и на Рождестве — в Воронеже, всего отсутствия $1\frac{1}{2}$ мес<яца> (из года). Но в некоторых чисто личных отношениях, зима для меня была очень тяжела — и Бог с ней, что прошла! Не говорю уже о самочувствии своем как гражданина России, и вообще как человека, выросшего в заветах христианской цивилизации. Достаточно все мы были холодны к разным Бисмаркам, «бронированным кулакам» и пр. Но все же предположить в них то, что оказалось — очень было трудно (по крайности, для меня). Радостно то, что наша, так любимая нами с тобой страна, оказалась на высоте трагедии, выпавшей на ее долю. Все-таки, молодцы, молодцы наши! И их поведение на войне, и отношение к ней, и скромность, молчаливость в беде, терпение, мощный приток сочувствия из общества, подъем самого общества — все это очень хорошо. Радостно знать, что вопреки всем скептикам-хулителям есть разные *Макухи и Панасюки,* в буквальном смысле слова кладущие *душу свою за други своя.* Сейчас, кажется, напряженность отношения к войне спадает. Я замечаю это на других, и на себе. Должно быть, нервы притупляются.

Когда же мы с тобой увидимся и где? Лето проведем мы еще тут (с временн<ым> выезд<ом> куда-нибудь), а на зиму тронемся, куда — не знаю пока, только не в столицу. Может быть, поселимся под Москвой, б<ыть> м<ожет> — и это вероятнее — в Крыму.

Напиши, не можешь ли приехать к нам, и если можешь, то когда?

За зиму я кое-что написал, и этим жил, и даже отдал до тысячи рублей литературных долгов. Сейчас надо бы кончать «Ад». Но задержка — в статьях П. П. Муратова. Он был на войне, а сейчас его перевели в Севастополь, где вряд ли сможет работать. Гриф в плену, в Германии. Бедный Государь мой! Его плохо кормят, но зато останется наверняка в живых.

В Притыкине работают *три пленных австрийца.* Сначала казалось странным, как это «враги» будут пахать и скородить, и не получится ли неловкость. Но неловкости не вышло. Конечно, они не могут отказаться, уйти, как обыкновенные рабочие; конечно, как в очень древние времена победители завоевывали себе *рабов.* Все же они получают жалованье, к ним относятся хорошо как хозяева, так и простонародье. Баба взвыла, увидев их впервые (вспомнила *своих*, пожалела). Проезжая барыня дала им рубль. У меня они попросили книг, и я дал им книжку *по-чешски* (они чехи). Это были мои собственные рассказы, на их языке. Они очень обрадовались (языку), и благодарили.

Думал ли я, что в Притыкине, нижние чины австрийской армии будут читать разные «Тихие зори»!

Вера крепко тебя целует. Приезжай посмотреть Наташеньку, она очень выросла, очень веселая и здоровая. Зная, что я читаю и пишу *книги*, она называет меня *книгель*. — Итак, до свидания. Жду и целую. Твой душевно

Б.

248. К. Ф. Некрасову. 17 (30) июня 1915. Притыкино

17 июня 1915

Дорогой Константин Федорович,

третьего дня кончил я «Ад». П<авлу> П<авловичу> писал, но по недостатку у него книг и свободного времени он сейчас этим заниматься не может.

Пришлите мне, пожалуйста, книгу Аполлона Григорьева, изданную Вами.

Крепко жму руку. Искренно Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Взяли ли Вы книгу Лернера «Труды и дни»?

Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ., им<ение> Притыкино.

249. К. Ф. Некрасову. 26 августа (8 сентября) 1915. Притыкино

26 авг<уста> 1915

Дорогой Константин Федорович,

недавно закончил работу по Казанове — сделал я столько, чтобы покрыть этой работой все, мною у Вас забранное (550 р.)[1]. Таким обр<азом>, по этой работе я с Вами состою в расчете. Дальше делать не буду, пока не получу уверенности, что Вы издадите эту книгу. В случае, если бы Вы раздумали печатать, я все равно буду считать этот свой долг Вам погашенным.

«Ад», как Вы знаете, я кончил. Но статей от П<авла> П<авловича> нет и не знаю, когда они будут. Он недавно писал мне в том смысле, что, может быть, мы обойдемся без него. Мое мнение — что следует подождать; но ждать

---

[1] Аванс под Данте не считаю, т. к. он уже покрыт, и с избытком в мою сторону. *(Примеч. Зайцева)*

придется долго, и в конце концов этот вопрос надлежит решить Вам.

Эту зиму, по-видимому, снова буду жить в деревне. В сентябре собираюсь в Москву на неделю, на две (в конце сент<ября>).

Рукопись К<азановы> передам в Ваш книжный магазин, — не встретимся ли?

Крепко жму руку. Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Читаю Стендаля. Перевод *плохой.*

250. К. Ф. Некрасову. 15 (28) ноября 1915

15 ноября 1915

Дорогой Константин Федорович,

разумеется, я ничего не имею против предполагаемой Вами операции. Однако, думаю, что называть: 2-ое издание — неудобно. Лучше остановиться на указанном Вами же варианте — «Грех» и другие рассказы.

В свою очередь прошу у Вас небольшой льготы — именно, разрешить мне поместить «Грех» и, б<ыть> м<ожет>, «Вечерний час» в книжку дешевой библиотеки, куда войдут еще с десяток моих рассказов из старых томов. Покупатель такой книжки — пассажир, прохожий у книжн<ого> киоска и т. п. — она стоит 40 копеек — я уверен, что читатель это *не Ваш.* И быть может, даже такой рынок шире раздвигает читаемость писателя — а косвенно это отзывается на *серьезных* его изданиях? Еще просьба: вышлите, пожалуйста, мне «Брамбиллу» и Павлову.

Всего доброго. Жму Вашу руку. Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Заодно припишите, сколько осталось романа и рассказов. Безусловно, было ошибкой с моей стороны назвать кн<игу> «Рассказы». Я теперь знаю, это от «Книгоиздательства писателей».

251. К. Ф. Некрасову. 18 ноября (1 декабря) 1915

18 ноября 1915

Дорогой Константин Федорович,

пишу еще несколько слов вдогонку: не лучше ли назвать книгу «*Усадьба Ланиных» и др. рассказы.* Дело в том, что пьеса эта с успехом прошла в театре и даже, как мне пишут, собирает порядочно публики. Я считаю, что это следует использовать.

Только надо быстрей действовать. Хорошо бы успеть до Рождества.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Просьба об одном экз<емпляре> «Ватека».

252. О. Л. Книппер-Чеховой.
18 ноября (1 декабря) 1915. Притыкино

18 ноября 1915
Мордвес, Тульск. губ., Притыкино

Глубокоуважаемая Ольга Леонардовна.

Из газет узнал, что 19-го — двухсотое представление «Трех сестер» и что Вы в двухсотый раз сыграете Машу.

Пьесу эту я всегда очень любил и очень хорошо помню ее первое представление, и Вас, и Ваших товарищей по прекрасному спектаклю, и тот юношеский восторг, который во мне он вызвал. Благодарю сердечно — Вас и Ваш блистательный театр. Радости искусства прелестны, незабываемы! Горячая хвала тем, кто дарит их нам.

Жалею, что не могу лично сказать Вам всего. Да и Вы и сами знаете, какая Вы чудесная Маша.

Я от Москвы за полтораста верст. Завтра вечером, 19-го числа, душою буду с Вами. Когда так тихо, морозно, и звезды, как сейчас, то острее ощущаешь то, что любил и что любишь. Желаю Вам еще много раз так же великолепно сыграть эту роль. Буду очень Вам благодарен, если передадите всему Вашему театру душевный привет.

Борис Зайцев.

253. И. В. Гессену. Конец ноября — начало декабря 1915

<без даты>

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,
посылаю Вам небольшой деревенский очерк. Если подходяще, напечатайте его в «Речи».

Искренно Вас уважающий
Бор. Зайцев.

254. И. А. Новикову. 2 (15) декабря 1915. Притыкино

2 дек<абря> 1915

Дорогой Иван, страшно был рад, что ты, наконец, отыскался. Сердиться на тебя я ни в коем случае не мог, но просто очень

жалел, что ты куда-то скрылся. Раз сидел в уединении и молчании, — стало быть, имелись основания к тому.

Благодарю тебя за поздравление. Пьеса, действительно, имела успех. Выводили меня напоказ многократно, в театре было очень шумно, и как-то оживленно. Сразу установилась *добрая атмосфера*. Инициатива постановки принадлежала не мне. Я ходил на репетиции, ободрял актеров, и делал все, что автору полагается. Но на успех никак не рассчитывал, хотя исполнение (кроме двух очень плохих фигур), было гораздо лучше, чем можно ожидать от театра Корша. Да кажется, и для всех в театре удача оказалась неожиданной. Сыграло изв<естную> роль и то, что много знакомых и литературно-сочувствующих людей пришло на спектакль. Но все же, мне кажется, в известной мере дошла *душа пьесы*. Это всего странней.

О материальн<ом> успехе пока не могу ничего сказать. Вчера пьеса шла в восьмой раз, в субб<оту> назначена в девятый. До сих пор идет 2 раза в неделю. А там увидим.

Мы и эту зиму в деревне! Два года назад я не поверил бы, что могу вторую зиму порядочно жить в деревне. (Прошлая зима, положим, для меня была очень тяжела, но по иным причинам.). Впрочем, в наше удивительное время ничего не удивляет. Быть может, весной, или летом (или осенью?) — придется надеть военную форму. Я ратник 2-го разр<яда> призыва 1902 г. С мыслью об этом давно уж я сжился, а последнее время — так и совсем не вспоминаю.

Растет моя дочь. Вера читает ей уже твои стихи (детские). Она живая и веселая девочка. Вера чувствует себя теперь хорошо, — и я тоже.

Шлю тебе вырезку из «Речи», статья была напечатана в прошлый понедельник (т. е. 23-го ноября, если не ошибаюсь). Конец ее мне не нравится, но, б<ыть> м<ожет>, тебе небезынтересно будет ее прочесть. В «Утре России» был *восторженный* отзыв о романе (одна из суббот конца октября). Какого-то мне неведомого М. З. Говорилось, что роман — радостное событие в литературе, и все в таком духе. Видимо, этот человек сильно был задет тобою. Для меня эта рецензия была страшно радостна; я весь день ходил, задрав нос. Как раз встретил Некрасова; сообщил ему, он тоже очень порадовался. В издательстве (московском отделении) мне сказали, что роман *идет*. Вот все, что я о нем знаю. Жду, что ты пришлешь мне авторский экземпляр.

Ну, всего тебе доброго. Если напишешь, буду очень рад. Вера тебя целует нежно, и любит. Я тоже.

Твой душою

Б.

Н. С. тяжело больна. При ней В. Г. Я видел ее; теперь ей неск<олько> лучше.

255. И. В. Гессену. 21 декабря 1915 (3 января 1916)

21 дек<абря> 1915

Многоуважаемый Иосиф Владимирович.

В очерке моем «Враги», напеч<атанном> в «Речи», в заключительном столбце почему-то выброшено два места, причем это искажение не оговорено. В общей сложности не хватает 10—12 строк, что нарушает связность и дух написанного. — Мне хотелось бы, чтобы эта типограф<ская> оплошность была оговорена в ближайшем номере газеты, ибо не хочу навлекать на себя упрека в нескладном и торопливом писании. На очерке моем не было никакого подзаголовка, но написали почему-то «рассказ». Это не беллетристика, а скорее статья; мне кажется, не следовало бы прибавлять того, чего у меня в тексте нет.

Буду оч<ень> Вам благодарен, если исполните мою просьбу отн<осительно> выпущенного. Разумеется, приводить выброшенное не к чему, но упомянуть об ошибке следует.

Позвольте поздравить Вас с Новым годом и пожелать всего доброго.

Искренно Ваш

Борис Зайцев.

256. К. Ф. Некрасову. 7 (20) января 1916. Притыкино

7 янв<аря> 1916

Дорогой Константин Федорович, как же дела с моей 4-й книжкой? Вы мне ничего не ответили, и я не знаю, на каком названии Вы остановились. Я продолжаю настаивать на *«Усадьбе Ланиных»*. Как бы она ни исполнялась в Ярославле, в Москве она идет успешно и, б<ыть> м<ожет>, перейдет даже на следующий сезон. Все это весьма странно, и для театра не менее неожиданно, чем для меня; пойди, угадай вкусы публики!

Над «Адом» я работаю, прохожу его снова. Пять первых песен мог бы Вам даже прочесть, они подготовлены. Но все меньше надежды у меня на П<авла> П<авловича>. Как Вы смотрите? Из послед<него> его письма я вынес впечатление, что он, в сущности, отказывается. Что Вы говорили с ним в Крыму об этом?

Был бы Вам благодарен, если бы прислали новых Ваших изд<аний>, между пр<очим> — Павлову и стихи Григорьева, о чем я уж просил.

С Новым годом!

Всего Вам доброго. Ваш *Бор. Зайцев.*

Когда выйдет, пришлите и 2 экз. моих рассказов.

P. S. Сколько осталось у Вас экземпл<яров> романа? И сколько рассказов? Напишите.

257. В. Э. Мейерхольду. 16 (29) января 1916. Притыкино

16 янв<аря> 1916

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич, несколько лет назад пришлось мне написать пьесу «Усадьба Ланиных». Напечатана она была в альм<анахе> «Шиповника», но в театр я ее никуда не предлагал, считая, что для сцены она неподходяща. Этой осенью Коршу в Москве вздумалось ее поставить. К моему величайшему удивлению, пьеса имела успех, идет вполне благополучно (уже прошла около двадцати раз). Поставлена она была *для Корша* (!) весьма недурно; и во всяком случае спектакль показал, что изображать эту вещь в театре *можно.*

Мне и пришло в голову отправить ее Вам. Если она сколько-нибудь заинтересует, мне было бы очень приятно поставить ее на Александринской сцене, разумеется, под Вашим «управлением». Знаю, что есть Лит<ературно>-Театр<альный> комитет, но направляю вперед к Вам, ибо если она Вам не понравится, тогда нечего с ней и делать. Если же Вы в какой-то мере одобрите, тогда, будьте любезны, напишите мне, что предпринимать дальше (т. е. — куда посылать, сколько экз. и т. п. Я представляю себе, что тут начинается чиновничья половина дела). Живу я сейчас в деревне. Адрес мой: Мордвесское почт. отд., Тульской губ., имение Притыкино. Итак буду ждать ответа.

Искренно уважающий Вас

Бор. Зайцев.

P. S. Пьеса кое-где требует сокращений (небольших), и одна сцена III-го действия несколько видоизменяется.

258. К. Ф. Некрасову. 29 марта (11 апреля) 1916

29 марта 1916

Дорогой Константин Федорович,

до меня дошли вести, что Вы прекращаете издательство — хочется узнать, правда это, или нет.

Если правда, то, конечно, очень жалко — личные мои интересы тут ничтожны, а жаль культурного и интеллектуального дела. Совсем недавно с большим интересом читал стихи бедной Карлины Павловой: прямо нельзя не поблагодарить за такую книгу. А разошлось ее сочинение — экземпляров сто! Это я очень хорошо понимаю.

Сколько осталось у Вас моих книг? Я думаю, что их следует сдать на склад «Книгоизд<ательства> писателей», т<аким> о<бразом> Вы дополучите за них все, по мере распродажи. Там концентрируются все мои тома. Будьте любезны, пришлите мне пару экз<емпляров> «Усадьбы Ланиных» (если, разумеется, вышла).

За Данте деньги (450 р.) я верну Вам из гонорара, когда книга выйдет. П<авла> П<авловича> я ждать не буду — это безнадежно. Да он и собирается взять новую огромную работу... Данте думаю издать или сам, или в «Книг<оиздательстве> писателей». Впрочем... осенью мне, вероятно, идти на войну. Надеюсь успеть (т. е. — сдам рукопись).

Итак, жду письма. Буду очень рад, если сведения мои неверны.

Ваш *Бор. Зайцев.*

259. И. А. Новикову. 10 (23 апреля) 1916. Притыкино

<Притыкино>
10 апр<еля> 1916

Дорогой друг Иван, Христос Воскресе! Только сейчас собрался написать тебе, и очень извиняюсь, что раньше не сообщил нужных сведений.

Относительно Корша: мою пьесу ставили на условиях 8 % валового сбора, считая в том числе и авторские (т. е. *не прибавляя* авторских к этим деньгам). Аванса не дал Корш. Театр у него невелик, сбор в среднем 700—800 р.

В «Вестнике Европы» читает беллетристику Овсянико-Куликовский.

Большая благодарность за роман. Вера его весь перечитала, и очень хвалит. Я еще не перечитывал (с января много довольно работаю), но заглядывая в него, я получаю ощущение ценной для меня вещи. Я знаю, что люблю его. Он также очень понравился в Калуге. Ляля — твоя горячая поклонница.

Наташенька очень просит прислать ей стихи. — Свою книгу непременно тебе вышлю, но сейчас нет экземпляра.

Летом я почти наверно иду на войну (я 1902 г. ратн<ик> 2-го р<азряда>). Неужели мы не увидимся до того времени?

Обнимаю тебя, искренно тебя любящий

Б.

P. S. Знаешь ли ты, что застрелился Муни? Он был в Красн<ом> Кресте и не вынес.

260. П. Б. Струве. 25 мая (7 июня) 1916. Притыкино

25 мая 1916

Многоуважаемый Петр Бернгардович, недавно я закончил одну вещь, по типу нечто вроде поэмы, или пьесы (в прозе, в форме сценич<еских> произведений). Из современной жизни; место действия — деревня. Название «Ариадна», размеры — листа два печатных. Если Вы не боитесь такого рода вещей (в «Р<усской> М<ысли>» они иногда печатаются), то я предложил бы ее Вам; размер гонорара мог бы быть значительно меньший, чем обычно. Пойдет ли «Ариадна» на сцене, и где, пока не знаю. Будьте любезны, сообщите мне Ваши соображения по этому поводу. Адр<ес>: Мордвесское почт<овое> отд<еление> Тульской губ., им<ение> Притыкино.

Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. В случае принципиального согласия добавьте, в каких материальных условиях Вы могли бы ее поместить.

261. В. Э. Мейерхольду. 30 июня (13 июля) 1916. Притыкино

30 июня 1916

Многоуважаемый Всеволод Эмильевич,

раз уж пьеса моя попала на Юг, пусть пропутешествует и на Минеральные Воды. Все это, разумеется, в том предположении, что Вы будете столь любезны и отправите ее Д. С., как члену Литер<атурно>-Театр<ального> Ком<итета>. Только тогда известите меня, что отправили — я напишу М. сам. Заранее благодарю

Ваш *Бор. Зайцев.*

Мордвесское почт. отд. Тульской губ.,
имение Притыкино, Б. Конст. З.

262. И. А. Новикову. 26 июля (8 августа) 1916

26 июля 1916

Дорогой Иван, конечно, ни письма твоего, ни оттиска не получал, иначе сейчас же ответил бы. Твое последнее письмо пришло как раз в то время, когда все мы тебя вспоминали, а я в особенности. Мне очень хотелось тебя повидать. И почему не можешь дня на два к нам собраться? Бог знает, когда теперь увидимся!

Я и Леша призваны. Он попал в 3-ю школу прапорщиков, в Москве. В половине авг<уста> возьмут в студенческий батальон, а 1-го сент<ября> в школу. Я же — юнкер Александровского Военного Училища; принят на 1-е октября. 15 авг<уста> должен явиться на мобилизацию; к великому моему удовольствию Каширский воинский нач<альник> дал мне отпуск (с 15-го авг<уста> по 1-е окт<ября>), приравняв в этом отношении к студентам. В противном случае мне пришлось бы $1^{1}/_{2}$ мес<яца> провести в казармах, питая собою блох, клопов и пр.

Борис Грифцов — юнкер; он кончает 1-го окт<ября>. Я видел его в Москве. Он наголо острижен, очень похудел, на улице непрерывно козыряет; говорит, что жизнь очень трудная. — Толстой — белобилетник, как и ты. Про Пашу ничего сейчас не знаю. Встречал его раз в Москве еще до мобилизации — он был необычайно мрачен. Для меня мой призыв (первоначальный, 15-го июля) был неожидан. Он застал врасплох. Пришла о нем телегр<амма> из Москвы, от Веры; я на другое утро был уже в Туле, надо было доставать свид<етельство> о благонадежности для Воен<ного> Уч<илища>. Первые два дня нелегко дались мне. Все же нужно время, чтобы перейти черту, отделяющую тебя от любимых людей, естественной жизни, работы, наполняющей тебе жизнь. В Туле я провел скверный, одинокий день. В Москве Вера, мой «гений победы» очень меня взнесла. После суток сумасшедшей беготни за документами она в несколько минут втиснула меня в Училище, где, не скрою, мое литературное имя сыграло роль добрую (вот тебе и военные люди!). Даже бумаг не посмотрели, и квитанцию выдали; конечно, нашлось и знакомство. — Пока я живу вполне по-прежнему: довольно лениво, мягко, удобно. Понемногу в доме все свыкаются с неизбежным. Внутренно чувствую себя неплохо; «крови», разумеется, никак не жажду. Но уж коли идти, так идти.

Пьесу я, действительно, написал. Называется «Ариадна». Пойдет в декабре в «Русской мысли»; попадет ли на сцену — не знаю; кажется, мало сценична. Озаровскому я ее чуть было

не предложил, но весной не собрался. Б<ыть> м<ожет> сделаю это осенью. — Бескин никаких условий не ставил; вообще печатание *театральных* экз<емпляров> литографией не имеет ничего общего с журн<альными> альманахами и проч. В публику те экз<емпляры> не попадают.

Если зимой будешь в Москве в *воскресенье*, можем увидеться. Обнимаю сердечно.

Твой *Б.*

263. Г. И. Чулкову. 14 (27) сентября 1916. Притыкино

14 сент<ября> 1916

Дорогой Георгий, пишу тебе из деревни, из Москвы не успел. Был у Язвицкого. Он ничего не имеет принципиально против твоей пьесы; просит только, чтобы ты прислал рукопись, он должен с ней познакомиться. Гонорар — 150—200 р. лист.

Его адр<ес>: Страстн<ой> бульв<ар>, Путинковский пер., газ. «Утро России». Валерию Иоильевичу Язвицкому.

Обнимаю тебя. Привет Надежде Григорьевне.

Сердечно твой *Бор. Зайцев.*

P. S. Книги, мои и Толстого, оставлены в «Кн<игоиздательстве> Пис<ателей>». Пишу Любе, чтобы взяла их.

264. В. С. Миролюбову. 28 ноября (11 декабря) 1916. Москва

28 ноября 1916

Дорогой Виктор Сергеевич, все последнее время был занят репетициями своей пьесы «Ариадна», которая на днях прошла у Корша, потому не сразу Вам ответил. Как это все выходит, что до сих пор ничего моего у Вас не было? Причины какие-то внешние. Вещь побольше, позначительней послать — Вам трудно ее оплатить; пустячок, набросок случайный, как в «Речи» печатаю раз, два раза в год — не хочется. Думал отправить Вам «Ариадну» — да интересна ли для провинциального читателя пьеса? (А для Вас — довольно дорогая). И получается какое-то топтанье на месте. — Теперь дело проще обстоит: на время я вовсе перестаю быть писателем. 2-го дек<абря> поступаю в Военное Училище, к 1-му апр<еля> — офицер, — а там, что Бог пошлет. Коли будем живы к минуте мира, увидимся в Петрограде Вашем, и какую-ниб<удь> форму надумаем, удобную

для обоих. Мне очень приятны в Вашем журнале именно Вы, *я Вас часто вспоминаю*, наши разговоры, прогулки в Кави. Есть какая-то неправильность в том, что ничего моего у Вас не было. Но теперь все это отходит. Приближается *Новое*, и какое оно будет, — кто знает! Христос с Вами!

Ваш душевно *Бор. Зайцев.*

265. И. А. Новикову. 6 (19) октября 1917. Притыкино

6 окт<ября> 1917

Дорогой Иван, обещался ты мне написать о своей военщине, да, видимо, не собрался. Впрочем, кое-что уже знаю, т. е. что тебе неважно. Меня радует только то, что тебе 40 лет, и ты или уже освобожден вовсе, или скоро будешь освобожден.

Собирается ли Клуб Писателей? Если да, то обязательно подними вопрос о выступлении насчет коверкания русского языка новой орфографией. Хорошо бы указать, что язык творится и видоизменяется теми, кому дан на это Божий дар, а не учителями гимназий. Следует указать также на самоценность языка и недопустимость взгляда на него с точки зрения начальной школы (Сакулин и К°).

Не присоединитесь ли вы также и к «Манифесту о свободе печати» — дожили мы опять до азов. Такой манифест, кажется, готовится литературными обществами.

Я живу, т. е. мыслю, как художник. Значит, пишу. Через две недели привольная жизнь в деревне кончится. Это печально. Осень дивная; по классическому примеру Пушкина я ее очень люблю.

Обнимаю тебя, очень рад, что буду видеть тебя часто. Привет О. М.

Твой душою

Борис.

«Калину» прочел с удовольствием. Кое о чем поговорю. — Если будете выступать, присоедините мою подпись.

266. Г. И. Чулкову. 4 (17) декабря 1917. Притыкино

4 дек<абря> 1917

Дорогой Георгий, статью посылаю. Должен сделать еще примечание, кот. передам тебе через 1—2 дня, о французск<ом> правописании, попытках к его реформе и неудаче эт<их> попыток. Все осталось по-старому, ибо французы умнее нас в этих делах.

Твой душевно *Б.*

267. В. С. Миролюбову. 12 (25) декабря 1917. Притыкино

12 дек<абря> 1917

Дорогой Виктор Сергеевич, простите великодушно, что не ответил — хотелось написать, когда что-либо уже будет. Кроме того, болшевистск<ое> восстание так выбило меня из колеи, и вселило такую неуверенность во всяк<их> лит<ературных> делах, что опять-таки медлил. Сегодня вернулся из Москвы и нашел Ваше письмо.

Если Вам подходяще — небольшой итальянский очерк «Рождество в Риме», кот<орый> сейчас пишу — то охотно вышлю его. Размер — прибл<изительно> 300—400 газ<етных> строк. Более существенного предложить ничего не могу, пишу сейчас повесть, но большую, листов 5, и готова она будет, если ничего не случится, не ранее февраля. Но вряд ли она приемлема по цене, и размерам.

Живу пока в деревне, летом было у меня восп<аление> легких, осталось поражение верхушки легкого, и это дает мне возможн<ость> тянуть офицерский отпуск. *Пока* у нас тихо. Но сколько врем<ени> удастся здесь прожить — неизвестно.

Крепко жму Вашу руку, обнимаю. Дорогой В<иктор> С<ергеевич>, не сердитесь на неаккуратность.

Душевно Ваш

Бор. Зайцев.

268. В. С. Миролюбову. 20 декабря 1917 (2 января 1918). Притыкино

20 дек<абря> 1917

Дорогой Виктор Сергеевич, посылаю Вам небольшой очерк «Рождество в Риме» — все, что могу в данное время предложить. Если можно, переведите мне за него 150 р<ублей>.

Живем еще пока в деревне. Грустно, но до сих пор терпимо. Что будет дальше, не знаю. Вера укладывает мои книги, думает свезти в Каширу. Нынче продали старое ружье, тоже за полтораста рублей.

Храни Вас Бог. Жму Вашу руку крепко, жена кланяется.

Ваш душевно

Бор. Зайцев.

P. S. Если Вам трудно, то пришлите меньше.

269. В. С. Миролюбову. 15 (28) января 1918. Притыкино

15 янв<аря> 1918

Дорогой Виктор Сергеевич, получил деньги, 150 р<ублей>, и решительно ничего не понимаю. Рукопись прислана обратно. Что же делать с деньгами? Считать их авансом под повесть в 6 печ<атных> листов ценою по 700—800 р<ублей> лист — невозможно, Вы сами понимаете. Другого у меня ничего нет. — Я ведь знал, что повесть для Вас и дорога, и совсем не подходяща по содержанию — она никак не для деревенских читателей.

Так как Вы давно, и неоднократно просили меня дать что-ниб<удь>, т<ак> к<ак> я знаю, что гонорары в «Е<жемесячном> Ж<урнале>» очень скромные, и аудитория довольно специальная, то большой вещи Вам за все это время предложить не мог. Наконец, чуть не для Вас нарочно написал маленький очерк, как мне кажется, понятный для *всякого* читателя, и отправил Вам. Это, конечно, только очерк, — тем не менее, скажу откровенно — был удивлен, получив его назад, с лаконической пометкой. Мне на Вас не везет, дорогой В<иктор> С<ергеевич>. Постоянно у нас какие-то qui pro quo![1]. Случись это с *чужим* редактором, я бы ответил... уж и не стану писать *как*.

Но все-таки, и с Вами меня это затрудняет. Посылать, как начинающий студент, холодеющими от волнения руками *на выбор* редактору из своей кошницы — как будто и поздно, да и вообще непривычно. Даже немного смешно об этом говорить. А если с тобой строго обходятся, так следующий раз просто ничего не пришлешь. Очень жаль, что все как-то шероховато выходит, только не подумайте, что сержусь на Вас, а только мы с Вами, видно, оба в литературе «с норовом». Как говорят хохлы: «начальство на начальство наскóчило».

Все же напишите, как быть. Сделаю величайшую попытку понять, чего Вам хочется, но во всяк<ом> случ<ае> скоро ничего не могу обещать.

Если и не пообещаю, то по напечатании где-ниб<удь> в другом месте, аванс верну. Или вообще поступлю, как Вам захочется.

Я пока еще здесь. На днях было собрание нашей волости, где решено нас и еще соседей Муромцевых, *не гнать*. Надолго ли? Этого уж не знаю.

Жму Вашу руку крепко. Всего Вам доброго, с Новым годом.

Ваш

Бор. Зайцев.

---

[1] путаница, недоразумение *(лат.)*.

270. С. А. Венгерову. 28 апреля 1918. Притыкино

28 апр<еля> 1918

Многоуважаемый Семен Афанасьевич!

В ответ на переданное мне М. О. Гершензоном приглашение записаться в Союз Писателей, извещаю Вас о своем согласии.

Искренно уважающий Вас

Борис Зайцев.

Мордвесское почт<овое> отд<еление>, Тульской губ., имен<ие> Притыкино.

271. И. А. Новикову. 8 июня 1918. Притыкино

8 июня 1918

Дорогой Иван, как ты жив, что у Вас в Москве? Вспоминаю о тебе часто и, говоря правду, не весьма завидую сейчас московским людям. Может, собрался бы к нам, немного вздохнуть? Только назначь день *очень заранее*, чтобы успеть выслать лошадей (на Мордвес).

Есть у меня маленькая просьба к тебе: если попадется что-нибудь в газетах об альманахе, где моя повесть («Голуб<ая> зв<езда>»), то отложи — я сейчас совсем отрезан от сообщения с внешним миром. И не знаю даже, существует ли бюро вырезок, а если и существует, то все последнее, что обо мне попадалось, — шло не через это бюро.

Я сейчас усиленно занимаюсь «Адом». Осталось обработать четыре песни (30 сделано), написать примечания к 18-й и статью о Данте. Если буду жив, к сентябрю думаю кончить все. Затянулось это занятие!

Привет мой искренний Ольге Максимилиановне. Очень буду рад, если соберешься к нам. Вера целует Вас обоих.

Твой душевно

Б.

P. S. Уехал ли Бунин на Украину?

272. И. А. Новикову. 30 июля 1918. Притыкино

30 июля 1918

Дорогой Иван, спасибо тебе за письмо и за вырезки, хотя последние, говоря правду, сейчас теряют всякий смысл: воистину, теперь не до литературы. Очень трудно. Как-то и не знаю, что начнешь писать, а осенью обычно мне хочется писать. Все

это лето ушло у меня на Данте. Перевод, наконец, закончен. Вчера кончил последнее «чтение» его, и если работают типографии, если не бежал еще в Германию Клестов, то можно бы и сдавать в набор. Готовы и примечания — три печатных листа! Не кончена лишь вступительная статья — к 1-му сент<ября>, если жив буду, умою руки и почию.

Мы живем не голодно и внешне спокойно. У меня такая теперь мерка: если не случается несчастий, то и хорошо. Большего не приходится ждать. Нынче день беспокойства: дошли вести, что в Москве арестовано 4000 офиц<еров>, а от Леши нет известий. Завтра еду на почту сам, может, что узнаю. А то, возможно, послезавтра Вера выедет в Москву. Очень жутко. Тем более, слухи говорят «о каких-то расстрелах»... Какой ужас с твоим племянником! Кажется, это тот, которого я видел раз в театре, с тобой, на твоей пьесе?

Говорят, Алеша Т. уехал на Украину? Время, кто может. Мне же сдается, — не придется ли еще воевать? Придут «белоэсеры», заберут нас, бывших офицеров, как людей, войною «умудренных», и окажешься где-ниб<удь> на границе Украины. Я не удивлюсь теперь ничему. Если бы был моложе и воинственней, то не без азарта бы пошел, но такому мне, каков я есмь, мало, все же, улыбается война. А уж особенно — гражданская, с расстрелами, нет, не по нашей с тобой это части.

Работаешь ли сейчас? И что? Не ленись, дорогой Иван, мне очень, очень приятно получить о тебе вести, о Москве, хотя она и стала сейчас особенной (и въехать-то в нее нельзя!), за двадцать лет ее такой не запомню. Родина, ведь, что ни говори! Хоть и Ленины в Кремле, а родина.

Ну, обнимаю тебя, и целую. Низкий поклон Ольге Максимилиановне. Вера шлет привет.

Твой душевно

Борис З.

273. Е. Л. Янтареву. 2 августа 1918. Притыкино

2 авг<уста> 1918

Дорогой Ефим Львович, более всего удивило меня в Вашем дружественном письме то, что находятся все же люди, собирающиеся в наше время что-то печатать, что-то издавать. На это только можно сказать: каждый развлекается, как ему нравится. Что касается меня, дело так обстоит: сочинения мои уже два года находятся в «Книгоиздат<ельстве> писателей». Авторы не *запродают* туда своих книг, а получают за них по мере

расхождения, от 20—30 % номинальн<ой> стоимости книги. Получаю и я, и надо сказать, с каждым полугодием все больше. Из известных мне «частновладельческих» издательств никто не платит такого высокого процента (обычно 15—20) и происходит это потому, что «Кн<игоиздательство> п<исателей> есть учреждение кооперативное, принадлежащее самим писателям. (Между прочим — я как раз исключение, я *не* пайщик. Но условия для меня, как и для пайщиков.) Изд<ательст>вом я доволен. Но есть, конечно, и отрицательная сторона — деньги идут в зависимости от оживления кн<ижного> рынка, и некрупными суммами. Сейчас положение в стране таково, что и весьма приходится думать о *наличных* деньгах, лежащих уже в кармане. (Я, может, в Крым бы уехал, если бы было много денег.)

Поэтому предложение Ваше меня интересует. Продать книги «Жизни» я могу, переведя к Вам остаток из «Кн<игоиздательства> писате<лей>. Так делал, например, Бунин, продавшийся на пять лет в «Парус». Для сведения сообщу о книгах (этой осенью должны были выйти 5-е изд<ание> 1 т., 3-е романа (IV т.), и новый VII том. Четвертого тома (2-го изд.) осталось экз. 500—600, весною вышли вторые издания II, III и VI тт., так что их тысячи две с половиной, но три имеется (издания в 4 тыс. экз.). — Вопрос в материальных условиях. Скажу прямо — для этого пришлось бы затратить много денег. Я исхожу из след<ующего>: я могу продать свои *семь* книг, на пять лет, для одного издания тысяч шесть экз<емпляров> каждый том. Цена уже вышедших томов 4—5—5½ руб. и осенью, несомненно, дойдет до 6—7 руб. Менее чем 15% с номинальной стоимости (продажной) издания мне не имеет смысла продавать; и при 15% я теряю много в количестве (выигрывая, конечно, в скорости). Если прикинуть по этой (разумеется, приблизительной) норме, то цифра выйдет довольно серьезная. Итак, если у изд<ательства> «Жизнь» керенок много, и оно сможет уплатить... *(конец письма не сохранился).*

274. Н. П. Витман. 10 октября 1918. Притыкино

10 октября 1918

Многоуважаемая Наталья Павловна, будьте добры, узнайте у Ник<олая> Сем<еновича>, набирают ли книги мои «Усадьба Ланиных» и «Дальний край», и если еще нет, то передайте мою просьбу поторопить их. Вышел ли I-й т<ом>? («Тихие зори»), и в каком положении — печатание VII-го?

Пишу Вам, а не Н<иколаю> С<еменовичу> потому, что больше полагаюсь на Вашу аккуратность. Очень обяжете, если черкнете пару слов по адр<есу>: Мордвеск<ое> почт<овое> отд<еление> Тульской <губ.>, им<ение> Притыкино.

Уважающий Вас *Бор. Зайцев.*

275. В. С. Миролюбову. 4 (17) января 1919. Притыкино

4 (17) января 1919

Дорогой Виктор Сергеевич, письмо Ваше получил, с большим опозданием, т<ак> к<ак> живу сейчас в деревне. Рассказ у меня есть около 1 печ<атного> листа. Вполне кончить думаю недели чер<ез> две. Название «Новый день». Не знаю, как Вы насчет гонорара? Я желал бы получить 2000 р<ублей> за лист, что, по теперешней цене денег не больше, а даже меньше, чем получал я раньше.

Если Вам это подходяще, черкните. Да — а для какого журнала? Нового, или Вашего прежнего? Адр<ес мой: Мордвеск<ое> почт<овое> отд<еление> Тульск<ой> губ., имен<ие> Притыкино.

Всего Вам доброго в Новом году. Хочется, чтобы не был он так горек, как ушедший.

Ваш

Бор. Зайцев.

276. Н. П. Витман. 10 (23) марта 1919. Притыкино

10 (23) марта 1919

Многоуважаемая Наталья Павловна!

Не можете ли мне сообщить, как дела с моими книгами «Путники» и «Дальний край»? Печатаются ли они, или застряли безнадежно, или, б<ыть> м<ожет>, даже («Путники») вышли в свет? В случае, если бы последнее оказалось верным (более чем сомневаюсь), то благоволите прислать мне 3—4 экземпляра.

Я засел теперь прочно отрезанный от всего белого света. Говорят, на 3 недели. Не 3 ли месяца? — Окончательно ли Вы замерзли и оголодали в Москве, или теплится еще искра? — Желаю Вам не угашать оной. Жму Вашу руку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Дочь моя, Ваша тезка, серьезнейшим образом обыгрывает уже меня в дураки.

277. Н. П. Витман. 5 апреля 1919. Притыкино

5 апр<еля> 1919

Многоуважаемая Наталья Павловна, писал Вам, да должно быть, письма теперь плохо ходят: хочется знать, чтó мои книги, т<о> е<сть> вышел ли т<ом> VII («Путники») и V («Дальний край»). Если да, то, пожалуйста, пришлите по 3 экз<емпляра>. — Также прошу перевести мне 2000 р<ублей>, причитающихся по февр<альскому> отчету.

Всего доброго. Христос Воскресе.

Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Пишите заказным.

278. Г. И. Чулкову. 7 (20) апреля 1919. Притыкино

7 апр<еля> 1919

Дорогой Георгий, Христос Воскресе! Целую тебя дружественно. Напиши мне о себе, о Москве, о жизни в *городе*. Я стал совсем уже деревенщиной. Устраиваем артель в 5 чел<овек>, берем $7^{1}/_{2}$ дес<ятин> земли и будем честными Цинциннатами. Коммуна в деревне теперь провалилась, выдумали другое слово, style russe — артель. Вероятно, придется и самому несколько работать в огороде, в поле (впрочем, еще неизвестно, утвердят ли нашу артель). Жив ли Профессион<альный> Союз? Обедаете ли? Много ли водки выпили без меня? Я без вас, увы, — ни капли. Перечитываю прозу Лермонтова, Мериме и Тургенева. Сам написал новеллу «Рафаэль». В остальное время либо курю, либо раскладываю пасьянс. Или же пью чай. Все-таки, Москва мила! Вспоминаю о ней часто. Буду очень рад, если получу от тебя некую весть. Кланяйся в Москве от меня хорошим людям — мужеского и женского рода, по твоему усмотрению. Привет Наде.

Твой душевно

Б.

Письма пропадают. Разорись на заказное.

Приписка: Через год, если буду жив, уезжаю в Урбино. Это решено. — Вера целует вас обоих. Особо — поцелуй от меня своего сына, и скажи, что «Владимиру Георгиевичу Чулкову кланяется Борис Константинович Зайцев» (дворянин и писатель).

279. Г. И. Чулкову. 30 апреля (13 мая) 1919. Притыкино

30 апр<еля> 1919

Дорогой Георгий, письмо твое получил, и рад был его получить как дружескую весточку из страны, где есть еще литература, книги, несколько порядочных людей и т. п. Я очень мало получаю сейчас писем, точно и нет никого на белом свете.

Рассказ, как и говорил, отдаю тебе весьма охотно. Он готов вполне, Вера должна лишь изготовить копию (это дело 3—4 дн<ей>), и я или вышлю тебе его, или Вера привезет, или я сам, или оба мы вместе. Горько будет увидеть его... *(окончание письма отсутствует. — М. М.).*

280. Г. И. Чулкову. 17 <1919 или 1920>. Притыкино

17 <месяц и год не указаны>

Дорогой Георгий, обнимаю тебя и целую, Дай Бог тебе силы и бодрости. Если не очень замотался, то напиши о себе. Мне приятно, когда доходят из Москвы весточки, да их так мало. Я живу так серо, что могу лишь перечислить книги, какие прочел, да перечесть страницы (очень скудные) — какие написал.

Душевно твой

Борис.

Начало письма — В. А. Зайцевой:

Дорогой Зоря! Узнала, что Надежа захворала. Серьезно? Тиф? Куда ее положили? В какую больницу? Все это меня очень интересует и беспокоит. С кем же Володечка и ты?

Зоря, милый, если тебе некогда, то пусть Люсенок мне напишет. Адрес: Захарьино П. О. Тульской губ. Деревня Притыкино. Непременно напиши. Так оторванно себя чувствуешь от всех своих. Господь храни вас, дорогие мои. Надежу целую, Володю и тебя.

Твоя В.

281. И. А. Новикову. 6 мая 1919. Притыкино

6 мая 1919

Дорогой Иван, разумеется, все мы будем рады (*очень* рады) видеть вас. Жить здесь можно — след<ующим> образом: есть комната небольшая, но отдельная. Есть кухня, где можно готовить (русская печь). Все это у нас во флигеле. Там же — библиотека, в кот<орой> никто из пейзан не бывает, ты можешь

там заниматься (но не спать, а пожалуй, что и спать; во всяком случае, тебя спать куда-нибудь уложим).

Припасов доставать придется у пейзан. Цены: картофель 200 р. мера, муки тоже как-нибудь раздобудем, но тоже недешево; возможно молоко, за ним придется ходить версты за 3—4. Керосин, спички, сахар рекомендуется везти из Москвы. Там же, где и молоко, б<ыть> м<ожет>, достанешь масла. Насчет круп ничего определенного сказать не могу.

Лучше всего приехать *тебе* вперед, все основат<ельно> изучить, и затем везти семью. О приезде извести *весьма заранее* (за неделю), чтобы не вышло чепухи с лошадьми. Телеграф<ируй> (на Мордвес приезжай, но не телеграфируй, редко посылаем).

За «Путь» спасибо. «Рафаэля» своего отдаю Георгу в альм<анах> «Задруги».

Приезжай, дорогой. Здесь тихо, довольно покойно... и оч<ень> скучно. Сыграем в шахматы.

Привет О<льге> М<аксимилиановне>. Тебя обнимаю.

Борис.

282. И. А. Белоусову. 8 августа 1919. Притыкино

8 авг<уста> 1919

Дорогой Иван Алексеевич,

хлеба Вам достану, разумеется. На деньги продают здесь неохотно, но все же, небольшое количество, как Вы просите, я раздобуду. Цена сейчас 700—800 р. Знающие люди говорят, что через неделю, две, упадет до 500—600. Тогда Вам и куплю.

Денег пока не присылайте, я извещу Вас. Тогда как-нибудь устроимся и с пересылкой. Письма ходят здесь долго, писать надо заказными.

Жму Вашу руку и желаю всего доброго.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

283. И. А. Новикову. 12 сентября 1919. Притыкино

12 сент<ября> 1919

Дорогой Ваня, пишу тебе лежа в постели — заболел ангиной. Сходил в Захарьино пешком, продуло, должно быть, чуть-чуть захватило и дождем. А помнишь, как мы тогда вымокли с тобой — и хоть бы что!

Спасибо тебе за письма и память. О Москве как-то *тяжело* и думать. Приятно для меня может быть лишь то, если ты,

действительно, соберешься к нам, хотя бы на неск<олько> дней. Мы живем серо, как всегда, раздобываем хлеба насущного, спускаем разные вещи и т. п. (Бычка за 10 п<удов>, самовар и вс<якие> др<угие> мелочи). Вера ездила с М-me Bovary за 40—50 верст за хлебом (на деньги). Проездили 2 суток и ничего не привезли, кроме обещаний. Яблоки убрал все лично, меняем их также.

Читал ли ты о смерти Л. Андреева? Жаль мне его *очень*, это, конечно, жертва волнений времени нашего. Я узнал о его смерти в Захарьине, и, возвращаясь, пешком, среди наших полей и рощиц, уже золотеющих, вспомнил, что несмотря на разные «Жизни Чел<овека>» и «Маски» он был (в основе) оч<ень> русский чел<овек>, орловский, любил Бутово, Царицыно, березки, луга, запахи родные. Я его очень пожалел, что никогда ему уже не увидеть этой скромной земной нашей, но — прелести. Я знал его на протяжении почти 20 лет, — и эти 20 л<ет> показались мне чуть не минутой. Мгновенность жизни уже очень почувствовалась. И по-моему, он умер так, как ему и полагалось — не дожив до седин, маститости и пр. (и *сразу!*). У него всегда было ощущение, что жить ему не много.

«Дон Жуана» я кончил. Размером он получился небольшой, печ<атного> листа. Никаких претензий на «великое» произведение (соответственно «великой» теме) в нем нет. Вероятно, его будут ругать. Продавать его думаю Гржебину, или «Книг<оиздательству> писат<елей>», или Абрамову, к кот<орому> питаю дружеств<енные> чувства.

Сейчас подошла Тата, и передает просьбу Веры (та — в больш<ом> доме) — навестить Лешу. Для него сейчас самое лучшее было бы уехать к нам, если возможно. Еще Тата передает поклон Мариночке и чтобы ты сказал ей, что Тата по-прежнему загоняет по вечерам коров, «и уж как я с ними мучаюсь».

Клим тебе кланяется. Он был очень польщен, что ты прислал ему из Москвы поклон. Голубые штаны свои он, разумеется, уже разодрал, на самом «причинном» месте.

Обнимаю тебя и целую. Господь Вас храни.

Твой *Б.*

P. S. Жаба у меня не сильная. Вообще, я нахожу, что иногда похворать (но не *очень*, конечно) даже неплохо.

284. И. А. Белоусову. 25 сентября 1919. Притыкино

25 сент<ября> 1919

Дорогой Иван Алексеевич,

пуд хлеба (ржи) для Вас есть. Но цена далеко не та, что думалось — 1200 р. Надо Вам сказать, что на деньги у нас

почти не продают. Для себя я купил только сегодня, да и то по знакомству, вроде как из одолжения. Мы вымениваем вещи, яблоки и т. п.

Теперь: как переслать? Если не будет препятствий на почте (в одном нашем почтовом отд<елении> внезапно прекратили прием хлеба почтой), то можно отсылать ковригами. А то, может, Вы бы собрались ко мне, если есть какая-нибудь рухлядь на обмен, то захватили бы и увезли отсюда 2—3 пуда.

Правда, ехать сюда трудно. От Каширы 30 в<ерст>, от ст. Мордвес 16, но до Мордв<еса> из Москвы билета не получите, надо в Кашире пристраиваться к <какому>-ниб<удь> к товарному — вообще целая история. Если бы Вы были молоды и здоровы, то прежде всего <надо> идти из К<аширы> к нам пешком, или выждать попутчика. Назад мы Вас бы доставили.

Напишите, как думаете. Если 1200 р. дорого, то Ваш хлеб возьму я, это безразлично.

Крепко жму Вашу руку, всего доброго

Бор. Зайцев.

285. И. А. Белоусову. 12 декабря 1919. Притыкино

12 дек<абря> 1919

Дорогой Иван Алексеевич, очень рад, что хлеб Ваш дошел, и в хорошем виде. Отсюда можно заключить, что и впредь его можно посылать не сухарями (это невкусно), а прямо ковригами.

О деньгах не беспокойтесь. Это такие пустяки, о кот<орых> не стоит говорить. На днях вышлю Вам еще.

Я был в Москве недавно и спрашивал о Вас у Н. Д. Телешова, но он сказал, что Вы еще в санатории. — У нас, И. А., большое горе: погиб пасынок мой, Алеша, 22 лет, в Москве. Его расстреляли. Когда мы с женой приехали, все уже было кончено. Я мог только поставить крест на братской могиле Калитниковского кладбища. Вы писали в предыдущ<ем> письме, что мы, вероятно, счастливо живем. Нет, сейчас далеко не до счастья.

Будьте здоровы, от души желаю Вам сил и бодрости в то ужасное время, когда приходится жить.

Ваш искренно

Бор. Зайцев.

286. И. А. Белоусову. 14 января 1920. Притыкино

14 янв<аря> 1920

С Новым годом, дорогой Иван Алексеевич!

Мира и воли хочется пожелать году этому, а что будет, Господь ведает. Надо, как будто все же надеяться. Да невелики силы для надежды.

Хлеб Вам послал неделю тому назад. Не удивляйтесь, если долго будет идти: это в порядке вещей теперешних.

Если у Вас есть дома телефон, то будьте добры, позвоните Крандиевскому в изд-во: я жду от них денег, 10 тыс., писал уже, но письма очень неаккуратно идут. — Желаю Вам от души сил, здоровья, и, сколь возможно, бодрости в тяжелые дни.

Ваш *Бор. Зайцев.*

287. И. А. Новикову. 18 января 1920. Притыкино

18 янв<аря> 1920

Дорогой Иван, очень был рад получить твое письмо, шедшее, разумеется, бесконечно: чуть не месяц! В ночь, когда ты садился и подвергался опасности, Джемс проснулся с тоской, и тебя вспомнил. Ей определенно показалось, что с тобой что-то происходит. Я, к стыду моему, должен сознаться, что ничего в ту ночь не ощущал.

Тебе легче из Москвы писать сюда, чем нам отсюда, ибо там есть жизнь, люди, впечатления, здесь одни лишь морозы. Мы с Морисом боремся с ними, пилим дрова ежедневно, тем не менее, оба наших дома плошают, оказываются не на высоте: дальше 7—8°, а во флигеле до 6 — дело не идет.

Морис получил письмо от Гильбо, очень его подвинтившее; тот зовет работать, что-то читать, вообще «действовать». Как потеплеет, наши думают трогаться. Они привились, это приятно видеть. Вообще приятно видеть людей, радующихся надеждам.

Насчет себя я твердо решил, что живу здесь последнюю зиму. По многим внутренним причинам нам надо поселиться в городе самостоятельно. Дурно только то, что это не вызывает радости, оба мы так ушиблены, что и не знаю, как, когда это залечится.

Рассказа для Абрамова я не написал, все сижу над «Римом», который выходит больше, чем я ожидал, да понемногу пишу об Андрееве, медленно разбираюсь в письмах, припоминаю былое.

Спасибо тебе, дорогой друг, за хлопоты, за память обо мне. Теперь, когда так суживается круг друзей, ценность истинных отношений еще возрастает. Жду тебя к себе снова, с такою же радостью, как тогда. Если живы будем, то собираемся с Верой в Москву до распутицы, но как потеплеет.

Привет О<льге> М<аксимилиановне> от меня и Веры. Эпизод с Гершензоном ужасен, он вызывает сострадание. Всякий пишущий должен помолиться в душе: «да минует меня чаша сия».

Крепко обнимаю тебя и целую.

Твой *Бор. Зайцев.*

288. И. А. Новикову. 22 мая (4 июня) 1920. Притыкино

22 мая/4 июня 1920

Дорогой Иван, давно нет о тебе, да и вообще о Москве никаких слухов. Не пишешь ты, не пишут бабушке даже французы наши бедные, должно быть, все дожидаются у моря погоды. Из глуши отсюда все мне кажется, что и не скоро выберутся. Мои надежды на заграницу тоже рухнули. Вообще время далекое от надежд. Ясно для нас здесь одно, что зимой голод будет жестокий *и в деревне*; 50 % ржи погибло от засухи, 30 % овса недосняли за недостатком семян; травы — ужасные. Падает лишь цена на скот, его распродают усиленно, ибо кормить зимой нечем. Голодать начали и сейчас (не мы лично). Твой знакомый Яков Иванович ходил побираться, дети Игната и Авдотьи побираются систематически, Афанасий ест окопятник, Петрович с женой побираются и т. д. Деревня грустна. Оживил нас вчерашний дождь; да нынче утром была гроза с ливнем, это хорошо может отозваться хоть на травах, овсе, картофеле (он тоже начинает гибнуть). Единственно, чего много будет — яблок.

Я кончаю свою итальянскую книжку. Она поддерживала меня этою ужасною зимой; в ее мире светлом я сколько-нибудь мог дышать. Сейчас пишу Венецию, а остался лишь Неаполь. Но когда все это *выйдет*? Через 3—5 лет? «Посмертными произведениями»? Все равно. Это сейчас жизнь моя. Еще — привожу в культурный вид малинник. Этим делом занимался и Ариосто, которого читаю, и нахожу, что он на меня похож. Хороший был писатель, дай Бог ему Царства Небесного. Ты, кажется, тоже Ариосто любишь. А если бы читал по-итальянски — еще больше бы любил.

Недели через 2, кончив Венецию, думаю побывать в Москве. Завтра едем с Верой в Каширу хлопотать о хлебе насущном.

Очень хочется тебя повидать, поговорить, покурить, сыграть в шахматы. Сердечное спасибо за табак — он уже выкурен, с добрыми воспоминаниями о Еропкинском друге.

Привет Ольге Максимилиановне (длинное отчество!). Вера целует. Дай Бог Вам сил и бодрости. Твой душевно

Борис.

289. Г. И. Чулкову. 28 сентября 1920

28 сентября 1920

Дорогие Надя и Георгий, нету слов, чтобы выразить вам чувствуемое о Володе и случившемся. Знайте, друзья, только, что все это время думой с вами, и горе ваше делает вас еще ближе, еще более своими.

За Володю мы молимся каждый день, но перед Богом он так чист и светел, что, быть может, как у ангельской души, нам у него надо просить заступничество.

Храни Вас Бог. Любящий Вас сердечно

Борис.

290. И. А. Новикову. 18 октября 1920. Притыкино

18 окт<ября> 1920

Дорогой Иван, спасибо тебе большое за письмо. Но дело в том, что теперь я буду ждать следующего.

Что поделывает твой кот? И когда Тата сможет посмотреть его со сцены? Что Москва, люди? Об них вести мне занятны в «мерлуге» моей. Было ли заседание памяти Леонида, и читал ли ты мои мемории?

Мы живем. Что сказать больше? Внешний мир мой — дом, флигель, флигель, дом, и т. д. Внутренний — пообширней. Им и живу. Книгами да работой. «Душу» кончил, теперь я пишу «Ривьеру». Это — черты итальянской жизни. Пишется легко, и сегодня утром как раз я думал, что от 20 до 30—32 лет жизнь моя была интересна. Помянуть, все же, есть чем. И еще хотелось бы, чтобы Татина жизнь не была слепа (если ей дано, конечно, долго жить). Мы ее все с Верой теперь *учим*, наукам разным. Сегодня она заявила, что актрисой быть хочет. Это, понятно, неведомо, но не дай ей Бог промусолить свою жизнь безвкусно, чтоб ни вашим, ни нашим. Мне бы хотелось, чтобы знала заграницу, свет, людей, книги, искусство.

О приезде в Москву моем пока не слышно. Может быть, когда покойнее у вас будет. Планов на будущее — никаких. Итак — пиши. Обнимаю тебя дружески, дорогой Иван. Поклон О<льге> М<аксимилиановне>. Не забывай *искренно* тебя любящего *Бориса.*

291. И. А. Белоусову. 7 февраля 1921. Москва

7 февр<аля> 1921

Дорогой Иван Алексеевич,

21 февр<аля> Союз писателей устраивает публичный вечер памяти Леонида Андреева в большой аудит<ории> Политехнического музея. Львов-Рогачевский скажет речь. Воспоминания предположены Немир<овича> Данч<енко>, мои, Телешова и Ваши. Очень просим принять в вечере участие. Размеры воспоминаний приблиз<ительно> на $^{1}/_{2}$ ч<аса> чтения, дабы хватило времени. Известите меня по адресу: Кривоарбатский, д. 4, кв. 4, можете ли принять участие.

Ваш душевно *Бор. Зайцев.*

Тел. 3-36-22

292. Н. М. Гариной. 25 июля 1921. (Запись в альбом)

Нине Михайловне Гариной.

Когда Вам будет плохо, читайте Петрарку.

Борис Зайцев. 25 июля 1921 г.

293. В. С. Миролюбову. 3 сентября 1921. Москва

Москва, 3 сент<ября> 1921

Дорогой Виктор Сергеевич, у Вас есть мой рассказ «Новый день». Я хотел бы выкупить его. Книгоиздательство «Мысль» могло бы внести Вам за него 150.000 руб<лей> (я получил от Вас 1500 р<ублей>). Очень прошу Вас произвести эту операцию, т<ак> к<ак> не хочется держать вещь под спудом, а «Мысль» печатает уже альманах. Переговоры с Вами будет вести г<осподин> Вольфсон, представитель издательства.

Крепко жму руку и желаю всего доброго.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

294. В. С. Миролюбову. 21 сентября 1921. Москва

21 сент<ября> 1921

Дорогой Виктор Сергеевич, обращаюсь к Вам вновь по поводу рукописи «Нового дня». Из слов Вольфсона я не вполне понял, хотите ли Вы ее *вообще* не вернуть мне, или же разговор идет о сумме, которую я должен возвратить.

Принципиально, думаю, вряд ли можно возражать против желания автора взять рукопись, лежащую $2\frac{1}{2}$ года без движения, и напечатать ее в другом месте. (Если не ошибаюсь, по тарифу, проведенному нашим союзом, срок для издателя определяется в 1 год.) Что же касается суммы выкупа, то я написал ее примерно; если она Вас не удовлетворяет, назначьте иную (и мотивируйте ее).

Еще просьба моя к Вам о копии. Копия нужна мне для заграницы, буду печатать и там, против чего русский изд<атель> возражать не может, ибо это совершенно обособленный рынок. *И вообще копия мне нужна.* Рукопись в ед<инственном> экз<емпляре>, черновик пропал, и у меня нет гарантии в целости рукописи, раз дело затягивается на *годы*. Дорогой В<иктор> С<ергеевич>, напишите мне, пожалуйста (Арбат, Кривоарбатский, д. 4, кв. 4). Я, значит, настаиваю на выкупе у Вас рукописи, на присылке ее мне (равно и копии), или на выдаче Вольфсону.

Сколько следует за переписку, сообщите, вышлю деньги вперед. Желаю Вам всего доброго.

Душевно Ваш

Бор. Зайцев.

295. В. С. Миролюбову. <1921—1922?> Москва

<без даты>

Дорогой Виктор Сергеевич, я был у Б. Я. Гринберга из Вашего издат<ельства>, и мы уговорились с ним о возвращении рукописи. К Вам должен был зайти некий Салтыков, из Москвы, и привезти сюда, в изд<ательст>во рукопись. По словам Гринберга он, однако, Вас не нашел, или не зашел — одним словом, рукописи у меня до сих пор нет, хотя я с Гринбергом разговариваю уже 2 месяца.

Поэтому и обращаюсь к Вам вновь с просьбою — просто выслать ее — Гринбергу ли, мне ли, как угодно. Буду очень благодарен, если не задержите — ее ждут в альманах, и мне крайне нежелательна дальнейшая задержка.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

Арбат, Кривоарбатский, д. 4, кв. 4.

296. И. А. Новикову. 1 января 1922. Москва

<1 января 1922>

Дорогой Иван, напиши сейчас же и отнеси нынче или завтра Когану след<ующее> заявление: Председателю Главхудкома, П. С. Когану. Прошу внести меня в число лиц, получающих семейн<ый> акад<емический> паек. Семья моя состоит... и т. д.

Мы получим семейные пайки, по $^1/_2$ пайки на члена семьи. Жена — если не трудоспособна, дети до 16-ти лет. След<овательно>, ты получишь на Марину и Ростю, я на Тату. К сожалению, Чулков сюда не подходит — сведения эти идут от первоистока, от самого Когана, кот<орый> *очень просил* не запаздывать, т. к. Серафимович будет всовывать и своих. Думал встретить тебя вчера у Арх<ипова>, но, к сожалению, ты не пришел. Весело не было, но приятно было бы с тобою посидеть.

Всего доброго. Твой душевно

Борис.

297. Э. Ф. Голлербаху. 1(14) февраля 1922

1/14 февр<аля> 1922

Получил письмо Ваше на днях, и очень был им тронут. Восторженно, молодо, напомнило мне собственные годы далекие, и даже захотелось самому написать такое письмо — найти бы кого-нибудь, кто бы зажег. Но что-то не видать. Хочется талант какой-нибудь новый раскопать — нет ли у Вас, напишите, в Петербурге? Я в Петербурге с 1914 года не был, никого не знаю там теперь, а знал всех, и вот Вы теперь появляетесь, тоже молодой и новый Голлербах, и почему-то обо мне вспомнили. Мне Ходасевич говорил, что сейчас меня никто в Петербурге не знает — неудивительно, за эти 8 лет не до нас, грешных, было, целое «племя молодое, незнакомое» подросло, и ни мы его, ни оно нас не ведает. Есть, говорят, «Серапионы» — что за люди? Хорошие? Напишите, вообще, мне, кого следует выуживать из петербургских прозаиков (мне и для альманаха нужно, составляю). Сологуб, Замятин — не в счет, не о них речь. Кузмин тоже.

Бердяев не важничает, я ему говорил, а ведь очень жизнь заезжает, не до писем, иной раз. «Портрет» жена раздобыла откуда-то из шкафа. Это еще в начале войны, я посытей тогда был, как мужики говорят, «глаже». Посылаю Вам его. Жму Вам руку и душевно благодарю за внимание, за добрые слова. Что Вы сами пишете? Как будто, по искусству? Смутно представляю себе. Видел где-то подпись, кажется, в «Среди коллек-

ционеров», а что написано — не прочел. Есть у вас книжка? Если да, то пришлите. Или оттиск статьи.

Ваш *Бор. Зайцев.*

298. Э. Ф. Голлербаху. 2(15) мая 1922. Москва

Кривоарбатский, д. 4, кв. 4

2/15 мая 1922

Многоуважаемый Эрик Фридрихович!

В день получения Вашего письма со стихами я заболел сыпным тифом, чуть не умер, и прохворал 2 месяца. Все же письмо и стихи прочел в тот же день, и даже думал на следующий — ответить, но не пришлось, температура поднялась, и через неск<олько> дней я уже «плавал в океане безумия», городил чушь по-русски, итальянски и гречески.

Тиф не отбил памяти. Я помню стихи (в общем) — приятные. Отравлены ли Вы ими навсегда, или они «для себя», в час отдыха, не знаю, но скорей последнее. Т<о> е<сть> — поэт ли Вы коренной, профессионал, или любитель — поглядим.

С изданиями и изд<ательствами> сейчас в Москве *очень туго.* Кризис. Ни у кого нет денег, никто ничего не покупает, цены на бумагу и типогр<афские> расх<оды> растут дико — издавать не желают. Ряд принятых книг откладывается. Т<ак> ч<то> с печатанием трудно.

Маленькая просьба к Вам: не можете ли Вы узнать, как часто ходят пароходы из Петерб<урга> в Штетин? Через месяц (приблизит<ельно>), я думаю выехать заграницу, через Петербург, и вопрос о пароходах меня оч<ень> интересует. (По каким дням? Сколько стоит билет?).

Еще: журнала я не редактирую, никакого, и не редактировал. Сейчас будет у нас «Временник» Союза Писателей, но там я числюсь лишь одним из соредакторов. Это крошечн<ое> издание, постараюсь провести туда что-либо из Ваших стихов, вряд ли больше 1—2.

Быть может, в Петерб<урге> увидимся? Вероятно, остановлюсь в Доме Литераторов (или в Д<оме> Искусств? все путаю). Всего Вам доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Извините, что переврал тогда Ваше имя. Мне кто-то так Вас назвал.

P. P. S. Перечел письмо, оно написано довольно идиотски и бестолково, но у меня хорошая защита: тиф. После тифа еще глупее бывают.

299. И. А. Бунину. 26 июня 1922. Берлин

Passauerstrasse 38, pension Pauli
26 июня 1922

Постоянн<ый> адр<ес>
Grschebin Verlag,
Lüfzowstrasse, 27. Berlin, W., для меня

Дорогой Иван Алексеевич,
пишу Вам из Берлина, с места нового, еще необсиженного, но после четырехлетнего русского сидения — кажущегося легким и занятным. Значит же притомился глаз, если и Берлин нравится! Но правда: очень уж осточертели кладбища, да пустыри, да выломанные заборы, грязь, болезни. «Не будем говорить о них: взгляни, и проходи!»

Я был тяжело болен — Вы знаете. Теперь стриженый, худой, но уж вхожу в «русскую» норму (здесь люди вообще гораздо сытее наших). Не знаю, как будет дальше — пока чувствую себя почти именинником; Вера в раже покупок. Мы приехали довольно рваные, и теперь переходим на европейский облик.

Дорогой И. А., мы с Верой очень, очень часто о Вас вспоминали, и среди современной стервы особенно резко (и хорошо) Ваш облик выделялся. Не писал я Вам потому, что из России писать надо с цензурой, а жизнь русская такова, что, что ни отзыв о ней — все нецензурно. Бог знает, что с Россией будет. Я верю, что она выживет и поправится, только нам с Вами вряд ли это увидать. Не доскрипим. А в общем, когда видел я в Себеже (граница) рваных и полуголодных, босых красноармейцев, и Тата бросила на землю русскую голубую ленточку на прощанье — стало мне даже жаль Россию, хоть и принял я от нее горечи немало. Романтизма славянофильского во мне нет сейчас, не думайте, а все-таки — страшная Россия, но — и бедная.

Сейчас мне туда *вовсе* не хочется. Но все же через год думаю вернуться. Если бы была со мною мать (здесь) и сестра, то вряд ли скоро стал бы оборачиваться вспять, но... корни там остались.

К осени мечтаю пробраться в Италию — увы, нужно уйму денег. Нельзя ли напечатать что-ниб<удь> у Вас в Париже, на франки? Мне оч<ень> бы хотелось повидать Вас и Донзелей, потолкаться по Парижу. Есть у меня новые вещи, привез (на 1 л., $1\frac{1}{2}$ л., $\frac{1}{2}$ л. и т. п.) — если не затруднит, черкните, можно ли поместить, напр<имер> в «Совр<еменных> Зап<исках>» или «Последн<их> Нов<остях>»? Не собираетесь ли Вы в Висбаден на лето? Или вообще в Германию?

Вера целует Вас обоих *очень горячо,* она сама напишет. Л. Ф. видели недавно, она удивительно бодра и хорошо выглядит. Павлик за мной ходил дружески во время болезни, у меня осталась к нему признательность. Тронут я был и Вашим добрым отношением к Донзелям, милый Ив. А.

Ваш *Бор. Зайцев.*

300. И. А. Бунину. 7 июля 1922. Берлин

7 июля 1922

Дорогой, милый Иван Алексеевич, очень был счастлив, получив Ваше письмо, — Вами, Вашей страстью и гневом (праведным) оно полно, ладно, пусть и нетерпимость (мне — довольно далекое чувство) — но у Вас все так и быть должно, Иван Бунин не мармелад. Любит, так любит, ненавидит, так ненавидит.

Нет, я не верю, чтобы наши пути разошлись. Не найдешь двух самостоятельных людей, которые бубнили бы слово в слово одно и то же, и возможны между нами мелкие разномыслия, но в основном, в главном — мы родственные, конечно. Да прибавьте еще братственность страданий, нами перенесенных (я ведь тоже узнал, что значит «колотиться головой об стенку». И Вера узнала), да еще то, что в моей жизни Вы, конечно, большее место занимали, чем я в Вашей (отношение ученика к учителю, образцу, и т. п.). За нами ровно двадцать лет, а новые дружественные связи не являются, и чем дальше, тем для этого шансов меньше.

Толстого нет здесь, он на море. Я его, конечно, увижу, и, конечно, голову ему намылю — таков наказ дан мне и от литературной Москвы. Порывать с ним окончательно не собираюсь, ибо считаю его талантливой и безответственной жопой, попавшей в дурное общество. Постараюсь всячески выуживать его из «Накануне». За письмо Чуковского прощения нет, и если он будет продолжать свое «редакторство», то натворит еще достаточно чепухи. О моем участии в «Накануне» речи быть не может. Тифом болел, но разума окончательно не лишился. — Гессена видел, встретились хорошо, обедал у него. Это, видимо, умный и культурный человек. В «Жар-Птицу» приглашение получил, буду печататься. «Руль» для меня мало интересен (газета, а не журнал, и др<угие> сооб<ражения>). Спасибо Вам сердечное за «Совр<еменные> Зап<иски>». В Комитете для меня денег *не* хлопочите, пока нет надобности, не хочу. Вижу здесь много русских, каждый день кто-ниб<удь> приходит. Вчера была немецкая переводчица с предложением издать

«Дальн<ий> Край». Есть предлож<ения> из Вены — книга расск<азов> по-немецки.

Ваше намерение жить в Амбуазе очень одобряю, это, наверное, отличное место. Вера уехала сейчас на море, к Альбек, с Наташей, к Гржебиным. Там должна найти 2 комн<аты>, и месяца $1^{1}/_{2}$ мы хотим пожить на купаньях. В Италию все же оч<ень> хочется — но это пока мечты. Думаю, хоть ненадолго выберусь — к декабрю. Обнимаю Вас и Веру, дай Вам Бог покоя и света, верю, что увидимся — как-нибудь да выйдет.

Ваш душевно *Бор. Зайцев.*

301. И. А. Новикову. 13 августа 1922. Остзеебад. Германия

13 авг<уста> 1922

Перед тобою, дорогой Иван, равно и перед нек<оторыми> русскими друзьями я отчасти виноват — давно бы следовало написать. Но есть смягчающие обстоятельства, за это время я проделал коррект<уру> 3-х своих книг (ныне напечатанных), и романа «Эгерия» Муратова, кроме того, масса писем срочного характера по разным общим нашим лит<ературным> делам. И прежде всего рапорт об этом.

Две недели только тому назад я узнал адрес Дымова в Америке и написал ему обо всех нас. Жду ответа. Печататься там можно, *небольшие вещи* в газете, платят 20—30 долл<аров> за фельетон, но долл<ар> = 700—800 мар<кам>, т. е. *на один* американский фельетон можно в Германии жить почти два месяца! Насчет переводов туда, кажется, слабовато.

С Францией в связь уже вступил. Там можно печататься в толстом журнале, гонорар *с мая убавлен* для живущих в странах с низкой валютой — 200—250 фр<анков> лист. На немецкие деньги это все же много (1 фр.= 60 мар<кам>). О твоих рассказах я писал, и ответили, чтобы я прислал — тут мал<енькое> затруднение, я дал «Костры» Ященке, Эренбург будет о них писать и увез с собой книгу на Рюгген (это вблизи меня). Я узнал об этом только из письма Ященки, расск<аз>, конечно получу через неск<олько> дней, но меня еще смущает, что он в *напечатанном* виде, здесь они не очень одобрительно к этому относятся (желают — нигде не появлявшихся вещей). Ну, это я как-ниб<удь> улажу — Гарахв<ена> у меня с собой, «Липу» вряд ли удастся устроить, — стихи. *Непременно* присылай мне новое, кончил ли ты «Адама»? Ответь немедленно — желаешь ли печататься в Парижск<ом> журн<але>? Для Америки пришли что-ниб<удь> — на *фельетон* (или на 2), на машинке, но не оттиск из книги.

Теперь Германия: платят здесь *слабо*. Марка так падает, что здешние гонорары совсем неудовлетворительны (2—3 тыс. мар<ок> лист, в *исключит<ельном>* случае, для небольшой вещи — 5—6!). Для альманахов здешних ничего не думаю давать, насчет твоих вещей — должен иметь твою санкцию. Тут преимущ<ественно> выходят *книги*. При 10% с номинала это выходит еще туда-сюда (ибо цены на кн<иги> оч<ень> растут), и кто продал полистно — проиграли, в дан<ном> случае, даже Толстой, продавшийся Гржебину по 3 тыс. мар<ка> лист (за $1^{1}/_{2}$ месяца, что я здесь, марка *упала* вдвое).

О себе, ехали до Берлина отлично, в Б<ерлине> остановились в отеле и в перв<ый> же день прожили 1500 мар<ок> (20 русск<их> мил<лионов>). На другой день были уже в пансионе по 100 мар<ок> с рыла в сутки, но кормили так плохо, что *я вновь стал худеть*. Вот так раз. Приняли нас оч<ень> хорошо, масса народу перебывала, знакомого и незнакомого, но чер<ез> 10 дней мы переехали сюда, в Мисдрой, на море близ Штеттина. Берлин наряден, шумен после Москвы, всюду танцуют, все отлично одеты, русских столько, что говорят, на Tanentzienstrasse один немец недавно повесился от тоски по родине. Но, вообще, положение Германии сейчас тяжелое — французы обдирают (что весьма с их стороны глупо).

Мисдрой — скромн<ый> курорт, собств<енно> деревня немецкая с простенькой жизнью, нехитрыми обитателями. Море, отличные леса сосновые вокруг, Тата и Вера на пляже, купаются, возятся (мне докт<ор> в Б<ерлине> запретил купаться). Тут все резко стали поправляться, я прибавил в 3 нед<ели> 5 фунтов, «дамы» выглядят блестяще. Думаем пробыть здесь еще месяц и в Б<ерлине>, откуда буду стараться организовать eine italienische Reise[1]. Это трудно. Лира, когда я приехал, была 16, а теперь 38 марок! Но я верю — так или иначе в Италии буду.

Визу тебе герм<анскую> (если твердо *решишь* ехать) — достать можно. Но уж теперь и здесь берут по 7 тыс. мар<ок> с лица за разрешение въезда! Имей это в виду. Об этом же пишу Муратову. На издание целиком у Гржеб<ина> надежды мало. Все же буду с ним говорить. (Если бы я жил в Б<ерлине>, многие лит<ературные> дела двигались бы быстрее, отсюда же — другое дело. Но я рад, что мы именно в такой немецкой деревне — Берлин слишком суетлив).

Настроение у нас хорошее у всех. Больше всего нравится тут (в Мисдрое) Тате. Здесь живет Толстой, и наши дети ближе оказались друг другу, чем мы, взрослые. Мы часто видимся, но *прохладно*. Сейчас он пишет фантастический роман с дей-

---

[1] Итальянское путешествие *(нем.)*

ствием на Марсе. Предполагается к переводу в Америку, из чего видишь, что там спрос свой, американский. Дети же собирают грибы, пускают кораблики, роются в песке и т. п. Погода — дрянь. Лето холодное, много дождей. Вчера перебрался сюда и Ходасевич.

Ну, друг, жму руку, обнимаю. О России и о всех Вас, кого любим, вспоминаем постоянно. Самые близкие и дорогие, ведь, конечно, там остались. Здесь *истинно* близких людей (как и ожидалось) — нет.

Привет О<льге> М<аксимилиановне> дружественный. Кланяйся *нашим* в Союзе. О тебе Ященке уже говорил, все напечатано.

Твой душевно

Б.

P. S. Мисдрой делается лучше по мере того, как публика разъезжается. Немцы стали гораздо скромнее, к русским отношение хорошее, но они так непроходимо бездарны, что иной раз раздражают даже своим видом. И при этом — чем богаче, тем хуже. Я пью много пива, бываю в простеньких пивных, где неплохо. Но вина порядочного тут нет, лакают разные Ersatz'ы. Увы, говорят, что даже в Италии вино стало хуже.

Цены здесь гораздо ниже наших — говорят, жить не весьма легко, но все наши, русские, выглядят бесконечно *глаже* московских, все хорошо одеты, живут в отл<ичных> комнатах и т. п. Вообще — иные требования к жизни. Впрочем, внутреннее настроение у немцев, кажется, плохое. К России большой интерес. Переводы на *немецкий* весьма возможны. Но об этом — в след<ующий> раз. Пришли «Между двух зорь», «Калину». Если скоро — сюда, а то на изд<ательство> Гржебина...

302. И. А. Бунину. 19 августа 1922. Миздрой

19 авг<уста> 1922

Дорогой Иван Алексеевич,

мы сидим в Миздрое нашем уже $1^1/_2$ месяца, «дамы» даже купаются, но меня на эту удочку не поймать. Холод, дождей сколько угодно, отличные леса и превосходные комары. Вечером все миздройщики на штранде только и делают, что отмахиваются. В комнатах, слава Богу, нет этой нечисти. Все-таки, место неплохое, и с разъездом немцев по домам становится все лучше. Я занимаюсь «культом самосохранения». В этом, по-видимому, успеваю: прибавил около десяти фунтов.

Настроение хорошее. Очень часто Вас вспоминаем. Как досадно, что как будто бы и близко, а повидаться еще Бог знает

когда удастся. И. А., мне известно, что переводчик Кейланский (или в этом роде, почти Койранский) переводит на англ<ийский> язык мою статью об Андрееве (а также статьи Горького и Блока). Я видел книжку Ваших рассказов, им же на англ<ийский> переведенных, из чего заключаю, что Вы — возможно — знаете его адр<ес>. Может, он мне $^1/_2$ фунта за статью взыщет с англ<ийского> издателя — я ведь мысли об Италии не только не бросил, но и еще в ней укрепляюсь. А здешняя ма́рка становится совсем невесомой. Вере на миздройском базаре немки все говорят, что у них революция будет. Черт бы их побрал. Так это на немцев непохоже, но сами знаете, поднятие цен, ма́рка и проч. — могут хоть кого раздражить. Еще вопрос к Вам: сколько было издано экз<емпляров> «Путников», существует ли изд-во и когда книга может считаться свободной? В договоре сказано 2 года, т<ак> ч<то>, по-видимому, весною 1923 г. Денег, наверно, мне не причитается, ибо авансом взято много. Но у кого все это можно узнать?

Здесь Толстой. Мы встречаемся с ним. Он очень изменился — по-моему, стал как-то мрачен и тяжел. Очень внутренно непокоен. Я его теперь *вполне* знаю. Он мне далек, и я жалею об этом, ибо у него большой талант, но нет значительности (серьезности). И даже смех его невесел. Вообще, в Германии нет близких мне людей. Жду сюда Муратова, но знаю, как трудно из Москвы подняться, и не думаю, чтоб это скоро ему удалось.

От души желаю, дорогой И. А., чтобы нобелевскую премию Вам присудили, этим шведы доказали бы свою толковость. Соперником Вам может быть один Мережковский (не как художник, конечно, но как писатель, *очень* на Западе известный).

Обнимаю Вас обоих, Вера целует, конечно, горячо.

Ваш сердечно *Бор. Зайцев.*

Ostseebad. Misdroy, am Markt, 7.

В половине сент<ября> думаем в Берлин. Очень Вас благодарю за деньги, к сожал<ению> Д<онзель> перевел их так неудачно, что мы получили едва половину.

Приписка В. А. Зайцевой:

Веруня, получила ли мое письмо? Ответь мне. Обнимаю Вас, дорогие мои.

303. Г. И. Чулкову. 18 октября 1922. Берлин

18 окт<ября> 1922

Дорогой Георгий, по просьбе З. И. Г<ржебина> посылаю тебе и Наде визу на Берлин. Георгий, не сердись на меня, что

не писал — до сих пор ждал ответа о твоих книгах. И как раз сейчас зашел сюда представитель издательства, твой близкий знакомый, и просил передать, что они *обеспечены* (его выражение) и по приезде ты тотчас получишь аванс.

Берлин, конечно, о, все-таки здесь жить легче, да, может быть, и выберешься куда-ниб<удь> в более любопытные края.

Обнимаю и заранее приветствую тебя и Надю на немецкой земле.

Твой *Борис.*

304. И. А. Новикову. 22 ноября 1922. Берлин

22 ноября 1922

Дорогой Иван, не писал тебе долго потому, что хотел точнее выяснить твои дела. Они обстоят так: в Париже и Праге ты печататься не хочешь (и на то есть основание — можно разно смотреть, тебе виднее). В Берл<ине> напечатать что-либо из старого почти невозможно — все требуют нового. «Между д<вух> зорь» пугает размерами. Новую кн<игу> могу устроить, но условия... В одн<ом> месте мне предложили 6—8—10 тыс. мар<ок> за лист («Огоньки»). Гржебин согласен издать из 10 % обложечн<ой> цены, но первый платеж — *в феврале.* Он завален книгами и *охоты* особенной платить у него нет. И вообще мое впечатление — что издатели здесь сейчас не весьма цветут — все же падение марки и неустойчивость жизни сказываются.

Таким обр<азом> без твоей санкции ничего дальнейшего предпринять не могу. Есть еще здесь большое издательство «Слово» — там я могу устроить *новую* книгу из 10 % с авансом — но как ты к этому отнесешься?

Послезавтра Вера отправляет мои вещи и «Жертву» в Англию Тырковой для русск<ого> альманаха (на английском языке). Там предположены еще вещи Бунина и Ремизова. Если все это и обернется, то все же многого не получим — в Англии львиную долю берут себе переводчики, и тут я надеюсь на Тыркову, даму благожелательную и защищающую интересы русск<их> пис<ателей>. — Вообще же за границу пробиться трудно. Об Америке не стоит и говорить. Во Франции Донзель прислал мне договор с изд<ательством> о «Дальн<ем> крае», но мое впечатл<ение>, что он его не переведет (занят, что ли, не знаю; ничего не пишет уже сколько времени). Единственно удалось мне устроить в Берл<ине> (Раф<аэль> — Д<он>-Ж<уан>. — Карл V) по-немецки роскошными изданиями, но и то в *русско-нем<ецком>* изд-ве «Нева». (Оно интерес<уется> больше ви-

ньетками, чем текстом). Видел уже корректуры, в понед<ельник> получаю аванс, но материально это пустяки. Прислал кое-что из Вены переводчик — оказался плохой перевод, я его раскритиковал и тот, по-видимому, обидится. Но уж лучше не выходить вовсе, чем в искаженном виде. — Из всего этого видно, что дела с «Европой» не шикарны. Сколько здесь писателей! (своих собственных). Один переводчик мне говорил, что, живя год в Берлине, *все читая*, он еще не ориентирован в направлениях и дарованиях.

Живем мы в Берлине неплохо, материально — несравнимо с Москвой, — но вообще здесь серовато и бледно. Занимаем 2 отличных, чистых, тепл<ых>, с хорошей обст<ановкой> комнаты, на днях Тате дают хозяева еще маленькую. Ходим обедать в пансион. Я работаю — это главное оправдание здешн<ей> жизни — пишу большую вещь, вроде повести-хроники. Это займет много времени и сил. Вероятно, зимой съезжу нед<ели> на 2—3 в горы или Мисдрой, ибо и здесь надо иметь некое Притыкино: в Б<ерлине> сл<ишком> много народу и есть желание пописать в тишине, тем более, что по-видимому для ященковских американцев буду писать «Жизнь Сергия Радонежск<ого>», это потребует усидчивости. Гржебин, Париж и Прага поддерживают. Печатать в Берл<ине> (в журн<але>, альм<анахе>) почти не могу, это несравнимо с оплатой в валюте. — Хотя и оч<ень> дорого обойдется — в нач<але> апр<еля> решил ехать в Италию, на 2 мес<яца>; а потом куда-ниб<удь> в нем<ецкую> деревню.

Недавно основали мы здесь «Клуб писателей», — собираемся в кафе «Ландграф»; Лидин тебе, наверное, расскажет. (Вообще же — многое расскажет и такое, чего вовсе не было). С Толстым в Берлине не встречался еще ни разу. Здесь его положение (морально) безнадежное, и он все возможное делает, чтобы окончательно увязнуть. Но доллары его любят. Он живет хорошо, пьянствует с темными личностями и т. д. В Клубе он *не* состоит, против него все слишком настроены.

Дорогой Иван, мы вспоминаем тебя и Олю часто и с любовью неизменной. Здесь людей много, но душевно близких очень мало (Муратов, М. А., раз, два да и обчелся).

Мил Андр<ей> Белый, но это залетное существо. В Клубе подбираем порядочн<ую> компанию, в противовес «Дому Искусства», где каждую пятницу кто-нибудь скандалит.

Сведения о тебе Ященке дал. Будет и рецензия о «Калине» — какая, не знаю, взял кн<игу> Глеб Алексеев.

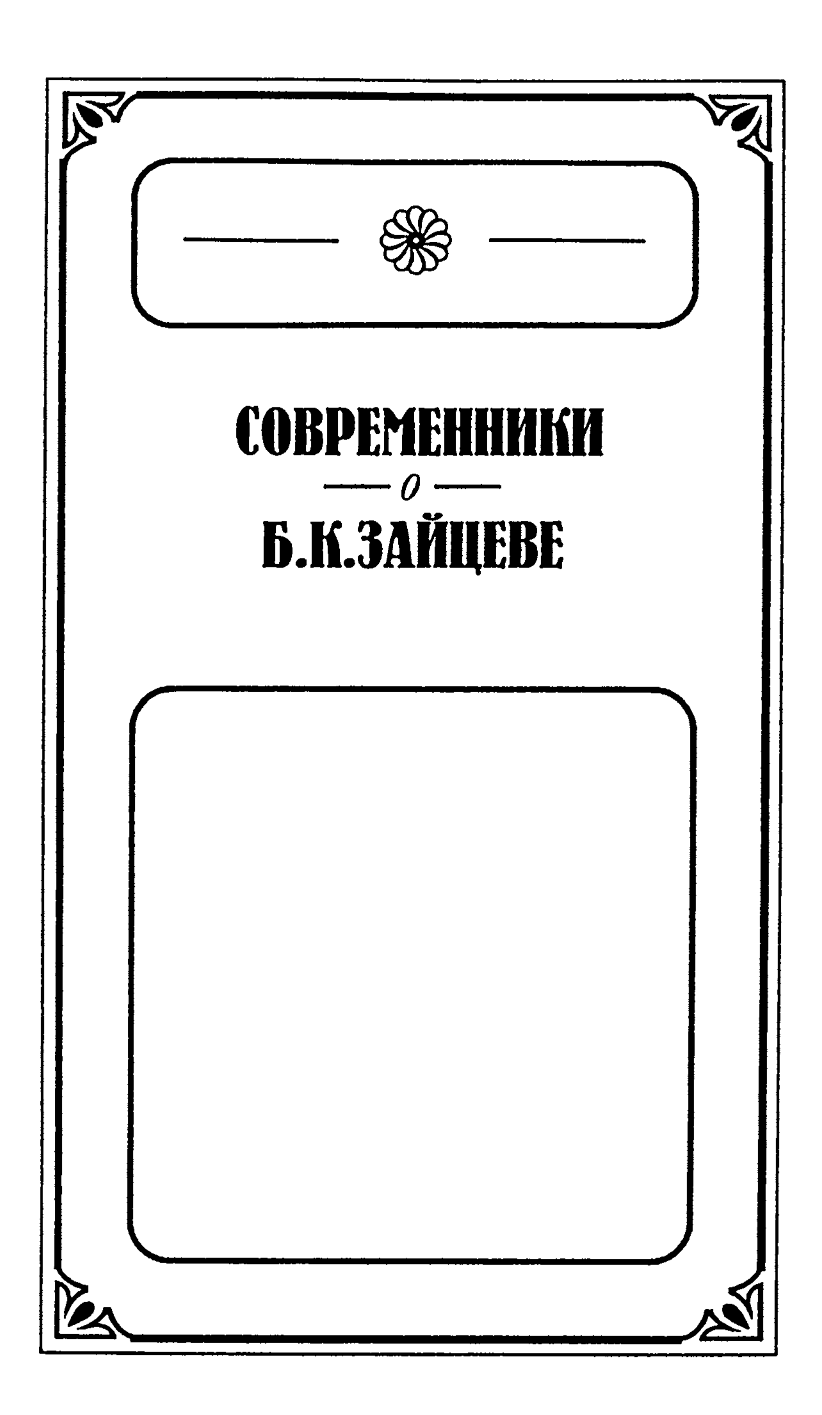
Иван, дай это письмо Танечке, м<ожет> б<ыть> отправит его и бабушке. Страшно рад, что мою Ару получили, скажи,

что чер<ез> американцев вышло еще $^1/_2$ Ары («Нансеновские посылки»). Обнимаю тебя дружески, храни Вас всех там Господь — немногих из тех, кого любишь в этой сумеречной жизни.

Твой *Борис.*

Р. S. «Уединение» напечатано *ужасно*, без разбивки на отрывочн<ые> части, т<ак> ч<то> получается чепуха. Я никому и *не показываю* «Феникса». Будь добр, скажи хоть «Кн<игоиздательству> пис<ателей>, чтобы в книжечке печатали без искажений.

Понаблюди, пожалуйста, за «Бел<ым> св<етом>», он у Арх<ипова>. А то и это испортят.

СОВРЕМЕННИКИ
о
Б.К.ЗАЙЦЕВЕ

Петр Коган

СОВРЕМЕННИКИ. ЗАЙЦЕВ

Молитвенное настроение в поэзии Зайцева. — Он — поэт радости. — Эпитеты. — Любовь. — Смерть. — Светлое в печальном.

«Нам дано жить в тоске и скорби, но дано и быть твердыми — с честью и мужеством пронести свой дух сквозь эту юдоль, неугасимым пламенем — и с покойной печалью умереть, отойти в обитель ясности. Это непреложно, и это дает сердцу мир и твердость. И тишина теперь, — не есть ли и она отображение той вечной тишины, что ждет нас? Боже, Боже, пусть будет всегда так в нашем усталом сердце».

Поэзия Зайцева — молитва. Он видит Бога во всех явлениях жизни и природы. Страдания и радости — отражение одной высшей силы: он знает, что седая печаль — ровесница самому миру, что для многих — только страдание, что несчастным не постигнуть гармонии, разлитой в мире, их не утешит мысль о высших целях бытия. И он молит Бога, чтобы скорее миновала чаша их и чтобы светлое и радостное, идущее от Бога, чаще сияло на земле. Его поэзия — молитва. Он молит Бога о тех, кто не может подняться к вечному источнику жизни, туда, «где все мы, родные любовью, соединены нерасторжимо». И стиль его повести возвышенно-молитвенный. Он говорит как мудрец и пророк, которому открыты тайны вечности и который молит Бога за неведающих и ропщущих. Сам он видит первоисточник жизни. Кажется, будто дивное внутреннее видение осенило его душу, как осенило оно душу Аграфены. Как ей в минуту горя, вся жизнь явилась ему в одном мгновении; «все любви и муки понялись одинокими ручьями, сразу впавшими в безмерный и божественный океан любви единой и вечной». Из-за знакомых лиц, к душам которых его душа «прилеплена земной основой,

восходя небесной к небу, выплыло новое потопляющее всех единым светом Лицо, принимающее в сверхчеловеческое лоно, напояя сиянием нездешним». Кажется, будто у него, как у Николая Гаврилыча, в голове глубоко, ясно и хрустальные мысли, как предвечное божество гностиков, что даже в красном закатном небе и стоне дальней выпи он видит то высшее и мудрое безмерно, в чем плывет его мозг, что он видит, как в безбрежной дали неба звенят хрустально эоны, как проплывает философ Филон в горних и печальная улыбка миру идет оттуда, — миру тесноты и тьмы. Кажется, будто и он перешел грань жизни и смерти и смотрит далекими глазами на деревни и лесочки, поля и огороды, которым, так же как ему, надлежит погибнуть, и думает: «смерть есть дочь Бога; она ведет нас к престолу».

Поэзия Зайцева — молитва, славословие Богу и мольба за страдающих одновременно. Этот возвышенный строй его души не только не побуждает его уноситься от земли, смотреть на нее пренебрежительным оком и копаться в глубине своей души. Напротив, «поняв все любви и муки одинокими ручьями, впадающими в безмерный океан Любви», он обвеял этой любовью жизнь и природу, полюбил в них все говорящее о жизни и силе. Мы не знаем писателя, к которому бы так подходило имя «певца радости». Зайцев обладает поразительной способностью улавливать во всем прежде всего светлые и счастливые тона. Он не скрывает «седой печали, ровесницы самому миру», но она служит для него только новым свидетельством радости, разлитой в мире. Жизнь и природа обольщают его. У редкого писателя вы встретите такое обилие эпитетов, выражающих свет и радость. Зайцев не хочет видеть тусклого и унылого в явлениях. Попадая в тень и холод, он не остается там и спешит к теплу и яркому солнечному свету. Его сравнения и образы говорят о глубоком чувстве жизни, здоровья и счастья. У него Ока легла «вольным зеркальным телом как величавая молодка». У него птицы непременно «милые», ветер влетает «веселыми» волнами, занавески «кивают и посмеиваются», у него день «полный, блестящий». Весь мир весел, здоров, смеется и радуется в его поэзии. Даже те явления, которые, казалось бы, ничего не могут пробудить в душе человека или должны навести на грустные мысли, приобретают у него радостный и светлый колорит. У него редиски — «нежно-розовые, как юные девушки». Закат разливается «обольщающим пурпуром». Что хорошего в пыли, — а между тем у Зайцева она «веселая, серая». Какие чувства, кроме грустных, может пробудить осень, «унылая краса, очей очарованье», — но даже в ней он любит проблески радости и

света: «в светлый осенний день при ласковом солнце» обручились друг дружке Гаврила и Глашка. Что хорошего в тех дровах, которые приходится таскать Аграфене, но посмотрите, в какие розовые цвета одевает их Зайцев: «Легким ходом пробежала Аграфена к знакомому месту, вся вздрагивая, внутренне холодея, вот и дрова, *милые, такие пахучие* — и там у каретного кто-то возится, пахнет оттуда дегтем, шорником, шлеей...»

Зайцев слушает трепет жизни во всем, его душа откликается на радость всего живущего. И «вольное зеркальное тело» реки, и серая пыль, и запах дегтя, — все одинаково говорит ему о радости жизни, разлитой в природе. Он так любит эту радость, он так ясно ощущает ее, что трагическое жизни не может нарушить ее светлого течения. Печальное — только спутник счастья, а смысл и цель в этом последнем. И кто владеет этим великим умением любить радость, пред тем бессильно скорбное и больное. Этим светлым взглядом смотрит Зайцев на все чувства людей. Любовь, это — высшее блаженство. Трагическое любви, ее неизбежные спутники — страдание и смерть — не могут уничтожить того счастья, которое дарит она. Кто умеет любить, тот нечувствителен к страданию и не боится смерти, тот знает, что они неизбежно следуют за счастьем любви, тот находится в состоянии вечного ожидания несчастья. Но тот выпьет счастье до дна, потому что цель жизни — радостное и светлое и им измеряется ее ценность. Аграфена знала опьянение и радость любви, знала и муки ее, но общий итог — светлый и счастливый. Бог взял у нее все, нищей осталась она перед Ним, но она познала Его в Его великой силе, она видит Его славу и любит ее, могучие блистательные вихри ометали ее душу, в дивном коловращении, и предстояли потоки света, всемирного торжества. «Правду говорил Равениус о любви. Верно — живешь и любишь, и вечно ждешь — когда же? Когда придет? А я тебе так скажу: вот с тех пор как я стала любить, мне совсем и не страшно. Ничего мне не страшно, даже умирать. Говорю пред тобой, как пред Богом, — ты ведь и есть мой земной бог: если бы пришли сейчас и сказали: умри, Рыжий, и никогда ты больше не увидишь солнца, земли, деревьев, — я бы ответила: ну, что же, приходите, берите меня. Потому, что любовь моя такая большая...»

Перед этим чувством жизни, перед этим сознанием ее всепобеждающей власти бессильна сама смерть. Она не в состоянии уничтожить жизни, как трагическое любви не в силах омрачить ее радости. Вспомните предсмертную агонию Феди в рассказе: «Спокойствие». Полумертвый Федя улыбался, он повторял, что умереть за нее — счастье, и слово «счастье» было последним

словом, с которым он отошел в вечность. И его другу вспоминались впоследствии лицо умирающего и его слова перед дуэлью о том, как велика и прекрасна жизнь, как она безмерна и непобедима. И при этом воспоминании ясно и тихо-радостно он почувствовал, — бесповоротно побеждает по всей линии кто-то страшно близкий, родной. «Цветут ли человеческие души, — ты даешь им аромат; гибнуть ли, — ты влагаешь восторг. Вечный дух любви — ты победитель». И так же мало его огорчило и удивило известие о смерти той, из-за которой погиб его друг и которая не захотела пережить своего возлюбленного. Напротив, сердце его стало биться чаще и яснее, как будто все исполнилось по его желанию. Кто чувствует присутствие «вечного духа любви», для того смерть — только одно из проявлений этой любви. «И, зная час свой, принять его с улыбкой — незримая свеча в глубине сердца. Жизнь, смерть — привет. Любовь благословение...»

Если земная любовь и смерть предстают в поэзии у Зайцева прекрасными отражениями вечного духа любви, то не трудно понять, какой великой любовью одел он жизнь. Мы не знаем поэта, который бы так пламенно любил жизнь и все ее проявления. Для Зайцева не существует выбора, он не знает высшего и низшего в человеческих действиях и желаниях. У него вы не встретите так называемых отрицательных типов, потому что он слишком любит все живущее. Он следует за своими героями по пятам, он трепещет от восторга, видя, как они вбирают в себя то или другое из рассыпанных в жизни наслаждений. Какой светлой любовью проникнуто его изображение полковника Розова! Какой писатель проявит столько неподдельной радости, столько чистого энтузиазма при виде того, как люди с наслаждением едят и пьют, беспечно болтают и с удовольствием спят? Вспомните эту сцену чаепития. Так и кажется, что автор боится упустить малейшую деталь этого здорового наслаждения. «Ради Бога, полковник, чай на улице! Конечно, конечно. Розыч хлопочет, он радостно взволнован, — не хочется ударить лицом в грязь, у него тоже ведь все есть — и медь, и варенье. С горячим чаем мы едим медь — белый пьяный, он кристально капает с ложки, и там в кружевных сотах он бессмертно чист». Или картина ужина: «Ужинаем мы тут же, на том самом столе, где была битва. Редиска полковничья с маслом — восторг, он изжарил еще «клетцечки», — он говорит «крючечки», — и потчует с видом старого кухонного маэстро. Орешка усасывает творог...». И с таким же восторгом следит автор за тем, как укладывается спать полковник Розов, как увлекательно играет он с детьми.

И Россию он любит за ее «широкие сени», за «синеющие дали верст», за «ласковый и утолительный привет безбрежных нив», за то, что берет она на свою мощную грудь бедных сынов своих, бездомных Антонов-Странников, «обнимает руками многоверстными, поит известной силой». Даже в гнетущих явлениях русской действительности он улавливает их бодрящие моменты. Даже в таком грустном рассказе, как «Сестра», звучат эти бодрые ноты. Даже воспоминания о студенте Косте, сидевшем в тюрьме «за беспорядки», полны чувством жизни и бодрости: «Как тогда чувствовалось! Маша, помнишь, к горлу подступали слезы, кажется, вот едет герой, и мы тоже герои, бежим по этому клеверу как-то необычайно, сердце рвется к великому. Хороша молодость!»

Зайцев присутствует всегда возле своих героев. Когда они путешествуют, он идет за ними в галереи и храмы, радуется и с удовольствием потирает руки, видя, что какая-нибудь достопримечательность произвела на них впечатление. Когда они сидят в ресторане, он вместе с ними похваливает вино, любуется его цветом, держа его против света. Вспомните такие мелкие штрихи, как посещение Федей и его другом церкви San Giorgio: «Ходили не зря: хороша была старая церковь — маленькая, в сумраке, квадратная; по стенам скамьи; фрески Карпаччио: святой Георгий разит дракона. Георгий, темный, резкий, летящий на коне с копьем». Или: «В ресторане пили кофе. Подали бенедиктин — душистую жидкость, настоянную самой природой». Это — наслаждение не рассказчика, а туриста, которому удалось показать своим друзьям редкую достопримечательность, или собутыльника, угощающего приятелей бенедиктином.

Зайцев — один из типичнейших представителей нового реализма, прошедших школу мистицизма и индивидуализма. «Вечный дух любви», высшее, сверхчувственное, которое манит наших мистиков и фантастов, веет и над поэзией Зайцева. Но это высшее не враждебно миру и жизни. Напротив, оно разлито в жизни и природе, и, читая Зайцева, вы чувствуете, что в его «сверхчувственном» нет ничего загадочного и таинственного, а в нем самом — высокомерного пророческого прозрения, что сам он — прежде всего тонкий наблюдатель жизни, реалист-бытописатель, а его «вечный дух любви» — просто итог его наблюдений, вывод, согретый теплым чувством отзывчивого и чуткого сердца. Это «дух любви» не надземный, не презирающий землю во имя неба. Для Зайцева высший мир не представляет собою чего-то «более значительного», как, напр., у Метерлинка, не представляется самодовлеющим, какой-то таинственной целью, раскрывающейся в бедной и несовершенной земной

действительности, в будничных явлениях жизни. У него небо служит земле, а не земля небу. Ни одна капля человеческого счастья не приносится в жертву алчным «духам», цели которых ведомы пророкам и поэтам. Если бы нужно было указать, какую черту в современном реалистическом течении особенно ярко воплотила поэзия Зайцева, мы сказали бы: тенденцию современных реалистов не заслонять жизнь идеалом. Современный реализм стремится взять жизнь как она есть. Поменьше субъективных оценок, поменьше критики во имя своих субъективных идеалов, поменьше пророческого высокомерия и побольше любви и уважения к человеку, ко всему разнообразию человеческих желаний, интересов и вкусов, так можно формулировать один из самых ярких девизов современного нам реализма. «Пророки» слишком уж подозрительно навязывают свои новые религии и совершенно не считаются с тем, что человек хочет радости и счастья прежде всего.

Зайцев сумел полюбить эту радость и счастье человека сильнее, чем капризы своей души, или, вернее, он настроил свою душу так, что все ее движения стали откликами этой радости и этого счастья. Его Розовы и Гаврилы не знают идеалов и отречений во имя всяких религий, но они полны такого яркого чувства жизни! Зайцев — своеобразный талант. У него «свой стакан». Но вместе с Куприным, Арцыбашевым и другими реалистами он служит великому делу нашего возврата на землю, к простору и счастью. И, переворачивая последнюю страничку его рассказов, хочешь воскликнуть вместе с автором: «О, шуми, шуми, ветер, говори о просторах, дальних звездах, радости!..»

Елена Колтоновская

ПОЭТ ДЛЯ НЕМНОГИХ

По поводу второй книжки рассказов Бориса Зайцева*.

Новая книжка рассказов Зайцева говорит о несомненном прогрессе талантливого писателя — и в области формы, и в содержании творчества. То и другое у него тесно слито. В тоне рассказа и в обрисовке образов меньше слащавости, однообразия и вычурности, в жизненной философии больше продуманности и света. От поэзии земли, от зверей и звероподобных «двуногих», Зайцев постепенно переходит к человеку; от пантеистической расплывчатой любви к жизни — к сознательному оправданию ее.

В новой книжке только два рассказа написаны в прежнем стиле: «Полковник Розов» и «Молодые». В рассказах: «Сестра» и «Гость» мы уже встречаемся с подлинным человеком, выделившимся из стихийного многоголосого мира природы и вполне индивидуальным. Правда, пока еще это человек очень смутного и тревожного миросозерцания, напоминающий героев ранних драм Метерлинка. Он трепещет перед вопросом о смысле жизни и чувствует себя непрочным на земле, несчастным.

Этим тревожным настроением всецело заполнены герои рассказа «Сестра». Делясь своими страхами и сомнениями, они беспомощно жмутся друг к другу, как застигнутые бурей пичужки.

«— Вот ты мне и скажи, — говорит героиня, молодая, но уже уставшая от жизни женщина: — так родились мы с тобой, жили сестрой и братом, и любили друг друга, и люди мы ничего себе, а однако — главным образом страдаем... И умрем, над нами все будет такая же ночь, да могила еще сверху. Как ты думаешь, к чему все это? так себе, зря, или не зря?

---

* Рассказы. Кн. 2-я. Изд. «Шиповник». СПб., 1909.

«— Ах сестра, сестра, — она мне попадает в самое больное место, — сознается брат: — да, к чему все это? И ее печаль, и скорбная жизнь, данная ей, и смерть, и наша беспомощность? Она смотрит на меня и ждет. Я ведь должен сказать что-нибудь. Но молчу, сижу, — какие слова я могу сказать?

— Как, и ты не знаешь? Слушай, брат, неужели и ты живешь так же, тоже и ты в потемках... и ничего, ничего?..

Голос Маши срывается и трепещет, вдруг вся она приникает ко мне в дрожи и беззащитности и сквозь острые слезы бормочет: брат, брат, неужели же ничего? неужели и ты? Я молчу, целую ее лоб, и едкие слезы стоят в моем сердце: слезы упадка и гибели».

Тот же роковой вопрос: «к чему?» отравляет существование молодого станового («Гость»), побуждая его довольно равнодушно относиться к собственной жизни и смерти. И он не без задора задает этот вопрос своему случайному собеседнику, молодому человеку, Николаю Гавриловичу.

«— Живешь и думаешь: к чему? Вот разве вы, человек ученый (усмешка), скажете. К чему?»

И Николай Гаврилович, с еще более едкою горечью, «глухим, одиноким голосом» отвечает:

«— К смерти. Вот к чему».

Николай Гаврилович поглощен внутренним созерцанием смерти и трепещет, чувствуя ее приближение, хотя он еще совсем юноша, — кажется, студент.

Характерно, что и другие пессимисты Зайцева отличаются такою же молодостью. Поэтому и напрашивается сравнение его героев с ранними метерлинковскими.

В более зрелых рассказах: «Аграфене» и особенно в «Спокойствии» тревожный пессимизм человеческой души сменяется более светлым настроением — доверием к жизни и оправданием ее.

Герой «Спокойствия» Константин Андреевич, после целого ряда тяжких испытаний, все же убежден, что в жизни «бесповоротно побеждает кто-то страшно близкий, родной»..., и не раз обращается к нему с молитвенной благодарностью. «Цветут ли человеческие души, — ты даешь им аромат; гибнут ли, — ты влагаешь восторг. Вечный дух любви — ты победитель...»

Большим достоинством Зайцева является его стильность. Есть у него малозначительные вещи или незаконченные, как, напр., пьеска «Любовь» (хотя возможно, что при тщательной постановке в условном театре она много бы выиграла), но нет ни одной, которая не была бы до корней *зайцевскою*, не носила бы печати его индивидуальности, писательских приемов и отношения к жизни. В художественном развитии Зайцев идет

медленным, но неуклонно своим путем и потому он всегда своеобразен. В каждом из его произведений звучит музыка его души.

К сожалению, эта музыка не может быть всем доступна. Чтобы уловить ее, мало обычного слуха и художественного вкуса. Нужно нечто большее. Нужно особенное созвучие со стороны читателя — чтобы душа его была тоже ищущей и открытой для восприятия всего нового в жизни, новых настроений и нового искусства, которое их воплощает.

Вот почему у Зайцева, наряду с восторженными поклонниками, есть читатели, совершенно к нему равнодушные.

У нас была довольно большая, сумбурная полоса господства молодой литературы, огульно называемой *модернистской*. Каких только писателей в это время не причисляли к новому направлению! И кто не пробовал своих сил в модернизме! Эта внешняя мода на молодую литературу прошла. Прошло и чрезмерное увлечение ею. Жизнь показала, что новаторам еще рано перебираться с тропинок на широкую общественную дорогу. У них для этого недостаточно сил. Однако некоторые завоевания молодая литература сделала. Стильные произведения Зайцева лучшее тому доказательство.

Зайцев — самый характерный и устойчивый представитель молодой литературы. Творчество его — хорошая иллюстрация ко всем ее «новшествам» с их положительными и отрицательными сторонами. Прежде всего оно красноречиво говорит о том, как далеко отошла современная молодая литература от бытописательного реализма, как она отрешилась от всех его художественных требований и принципов во имя свободного, самодовлеющего лиризма. Отличительная черта этой литературы — полнейшая субъективность.

Классифицируя писательские способности, знаменитый реалист Тургенев писал в своем обращении к молодым писателям:

«Если вас изучение человеческой физиономии, чужой жизни интересует больше, чем изложение собственных чувств и мыслей, если, напр., вам приятнее верно и точно передать наружный вид не только человека, но и простой вещи, чем красиво и горячо высказать то, что вы ощущаете при виде этой вещи или этого человека, значит вы объективный писатель и можете взяться за повесть или роман...»

Далее Тургенев говорит: «Нужно постоянное общение со средою, которую берешься воспроизводить. Нужна правдивость, неумолимая правдивость в отношении к собственным ощущениям».

Для представителя «молодой» литературы, как Зайцев, этот строгий завет художника должен звучат довольно чуждо. Он

не задается целью с точностью передавать впечатления действительности; он равнодушен к «правдивости» в указанном выше смысле слова. Вещи и люди для него прежде всего средство для выражения своих настроений. Изображения у него схематичны, условны, даже иногда совершенно неверны с бытовой точки зрения.

Такой художник мог бы обратиться к себе с требованиями, совершенно иными, чем те, которые предъявлял Тургенев. Отрешись от суеты мира... углубись в себя, найди свою правду о жизни и поведай ее другим... — сказал бы он.

О тургеневской «правдивости» — о верности действительности тут не может быть и речи. В этом отношении новый писатель слаб. Но при внимательном отношении к своим переживаниям, к собственному «я», к тому, как в нем преломляются впечатления внешнего мира, он может достигнуть другой, более широко понимаемой и чисто внутренней правдивости — лирической и философской. Не описывая и не изображая жизни, он может раскрыть ее смысл, передать ее музыку.

Такой внутренней правдивости в совершенстве достигает Зайцев в наиболее законченном из своих произведений: «Аграфене». Это вдохновенная поэма-симфония на тему о человеческой жизни, написанная так свободно, что кажется импровизацией.

Как и в известной пьесе Андреева, здесь на конкретном примере дана общая картина человеческой жизни, раскрыта ее сущность. Случайное название Аграфены смело можно бы заменить названием Женщины в pendant[1] к андреевскому Человеку. В Аграфене несравненно больше конкретных черт, чем в Человеке; и, несмотря на это, философская абстракция Зайцеву более удалась, чем Андрееву. В представленной им коротенькой картинке читатель действительно улавливает нечто общее, присущее всякой человеческой жизни, и воспринимает его, как обязательное при известных условиях. Возможно, что этому способствует более спокойное и свежее настроение, лежащее в основе повести, и ее подкупающий лирический тон. При близости замыслов у обоих авторов особенно поражает различие мироощущения. В «Жизни Человека» — протест, вернее проклятие больной, неуравновешенной, не нашедшей ни в чем удовлетворения души; в «Аграфене» — постепенное проникновение гармонией жизни и оправдание ее. Андреевский Человек кончает падением и гибелью, а зайцевская Аграфена — нравственным просветлением. В последние дни тяжелого жизненного пути ее посещает радостное видение.

[1] Дополнение *(фр)*.

«Вся жизнь явилась ей в одном мгновении; все любви и муки понялись одинокими ручьями, сразу впавшими в безмерный и божественный океан любви, и данными ей, как таинственные прообразы Любви единой и вечной. Из-за знакомых, дорогих когда-то лиц, к душам которых ее душа была прикреплена земной основой, восходя небесной к небу, выплыло новое, потопляющее всех единым светом Лицо, принимающее в сверхчеловеческое лоно, наполняя сиянием нездешним.

«Господи, Господи, — молилась она: — ты явился мне, ты все у меня взял, вот я нищая перед тобой, но я познала тебя в великой твоей силе, Господи, я вижу твою славу, Господи, возьми меня, я твоя, я тебя люблю»».

С реалистической точки зрения «Аграфене» можно сделать много упреков. Как конкретный бытовой образ, Аграфена — деревенская женщина — конечно, искусственна, даже неправдоподобна. Реальная Аграфена любила бы, жила и страдала бы иначе — проще и примитивнее, без молитвенного экстаза и апофеоза чувств. Она не молилась бы «овсам, небу и Богоматери», чтобы исцелилась душа, раненная любовью, не окружала бы возлюбленного такими тонкими выражениями любви, не целовала бы, расставаясь, земли, на которую ступали его ноги; не относилась бы к материнству, как к священной миссии; не была бы так уязвлена муками последней отвергнутой любви... Если эти детали вызовут в читателе-реалисте протест, он будет прав.

Но несмотря на реалистические дефекты, повесть Зайцева производит очень сильное впечатление. Сущность любви раскрыта в ней с большой убедительностью. В грустную историю Аграфены автор как бы вдохнул частицу мировой жизни. Повесть словно раскрывает перед читателем книгу бытия, дает возможность ощутить стихию жизни, вспомнить, а может быть, и увидеть в новом свете собственные переживания.

Верным инстинктом художника Зайцев угадал, что для раскрытия тайн жизни удобнее представить картину женской жизни, как более эмоциональной и близкой к природе. Поэтому же, вероятно, и героиней он взял простую женщину, свободную от всяких рефлексий и изломов культуры. Жизнь дана в самом значительном из ее проявлений — в любви. И все этапы любви — от ее нежной сверкающей весны до последних закатных лучей — воплощены художником с изумительною чуткостью. В каждом возрасте у любви свое отличное, особенное лицо, вырисованное с большим пониманием и проникновением. Вот ясный волшебный май с его ароматными радостями и хрупкими печалями, тающими, как облака... Вот «беспощадный» зной

зрелой любви... муки покинутости, радости материнства... Наконец, «огни и печали предвечерья», жуткая последняя любовь, обыкновенно в конце концов поруганная — любовь стареющей женщины к юноше: «такая плотская, больная, темная, непонятная...»

Как ни различны эти этапы любви, в них чувствуется единство, проявление одной таинственной стихии, голос одного светлого бога. И любовь, в таком изображении, не случайный эпизод и каприз человека, а часть его жизни. На ступенях, пройденных Аграфеною, в ее радостях и страданиях, восторгах и разочарованиях, чувствуются подлинные переживания человеческой души — вечной страницы на земле, неустанно ищущей связи с окружающим и остающейся одинокой. И красоту исканий, и красоту примирения с невозможностью найти художник передал превосходно.

«Аграфена уставала. Сзади стояли годы, оттуда сочилась черная влага, стекала в душу и скоплялась едкими каплями. Теперь она не могла бы рыдать, выбрасывая себя в буре слез, сухая печаль ложилась вокруг рта кольцом, въедающимся и мало видным снаружи.

«Мысли о смерти приходили чаще; что-то недвижимое и седое загораживало дорогу, тускнело все прежнее; прожитая жизнь казалась ненужной. Временами приятно было глядеть на камни, стены — как они тихо лежат, и как долго! как покойно! А иногда вдруг, перед вечером, когда бедные, северно-розовеющие тучки неожиданно разлегались над закатом, что-то манило и слышны были точно слова — детские и обаятельные. Становилось возможным невозвратное; на минуту сердце замлевало, будто ожидая чего. Но закат гас, и опять только закопченая кухня...»

Нужна большая внутренняя наблюдательность, нужно быть настоящим поэтом, чтобы так тонко передать впечатление надвигающегося в человеческой жизни предвечерья.

В представленной Зайцевым жизни, как почти во всякой жизни, несравненно больше страданий, чем радостей. Но душа его героини не склонна к отчаянию. Радости и страдания в ее представлении связаны тесной нитью и облегчают для нее постижение таинственных сил жизни, с ее глубоким, хотя и не разгаданным смыслом.

В этой оптимистической философии нет ничего неожиданного. Она непосредственно вытекает из самой жизни Аграфены, эмоциональной, стихийной. Она жила, следуя внутреннему голосу сердца, жила всем существом своим, не уклоняясь ни от радостей, ни от страданий. При таких условиях неизбежно

должно в конце концов наступить душевное равновесие, а затем и примирение с жизнью. Кто не боится жизни и не бежит от нее, тот ее постигает...

Последний рассказ в сборнике: «Спокойствие» — настоящий шедевр Зайцева. Его импрессионистская техника достигает тут виртуозности. Но этот рассказ так сложен, так ажурно тонок, что меньше всякого другого доступен неподготовленному слуху. Едва уловимые настроения, мечты, чувства, воспоминания и впечатления переплетаются в такой сказочной пестроте, что при чтении требуется большое напряжение, неослабный душевный отклик читателя.

Причудливым узором рисунка Зайцев напоминает здесь другого современного импрессиониста — Кнута Гамсуна, особенно в его «Драме жизни».

Из капризных зигзагов человеческой психологии в «Спокойствии» постепенно возникает поэма Жизни, полная гармонии и музыки.

Философия рассказа — *спокойствие*, просветленный оптимизм, еще более законченный, чем в «Аграфене». Люди тоскуют от неудовлетворенности, страдают, иногда ослабевают в борьбе, но не посягают на отрицание жизни. Они верят в жизнь и поддерживают друг в друге эту веру. Таково общее настроение.

«— Ты думаешь, легко жить? — спрашивает одно из действующих лиц рассказа: — нет, милый, не думай, и не надо, чтобы легко было. Кто мы такие? Люди-*светочи* — и нам дано не тушить себя, пока нас не потушат. Драмы есть, ужасы — да; но живем мы во имя *прекрасного* коли так, нечего на попятный».

Теоретически герои Зайцева все оптимисты. Но на практике, для проведения этого здорового настроения в жизнь, у них не всегда хватает сил.

«— Все за жизнь, — говорит Константин Андреевич: — я бы с вами тоже, да все вот не знаю: может, когда очень хлопнет, так и пятки покажешь...»

Эту слабость едва ли можно всецело отнести на счет дефектов авторской философии. Вернее, она объясняется той почвой, где он черпал свой материал. Пожалуй, мы имеем здесь дело с самой реалистической чертой в творчестве Зайцева. Быт у него слаб. Но исторические условия и национальные свойства отразились в созданных им характерах очень типично и ярко. Как Константин Андреевич, казавшийся иногда самому себе «вольным охотником, которому никуда не дано вернуться, да и незачем», так и другие герои рассказа, бесцельно слоняющиеся по Европе — прямые потомки наших Обломовых и Лаврецких,

не умевших устраивать жизнь. Вот откуда эта склонность «ослабевать».

Тонкими, едва уловимыми штрихами — в совершенно новой манере — набросан в рассказе роман Константина Андреевича, его рыцарская любовь к покинувшей его жене. Отношения не наладились. Между ним и ею стало ее чувство к кому-то другому, но и полного разрыва не последовало. В чем-то одном, глубоком, сердца мужа и жены слились и остались верны друг другу. Какая нежность струится от этих своеобразных отношений, когда супруги ненадолго свиделись после разлуки.

«— Друг мой, я уеду отсюда, уедете вы — мы не будем жить вместе. Это понятно? — она улыбнулась. — Но в наших сердцах, так глубоко, что никто, кроме нас, не мог бы увидеть — вечно будет жить эта любовь... таинственная наша любовь, устоявшая против всего. Мы свободны, бездомны. Костя, мы можем встречаться и будем это делать».

Еще более бегло, только намеками, очерчен своеобразный роман другого героя, совсем молодого человека Феди, влюбившегося в замужнюю женщину Туманову. Это та любовь, которая непреодолима и убивает, если встречает препятствия, за которую отдают жизнь, как бы она ни была дорога. И налетает она внезапно, как буря.

— Вам жить очень нравится? — спрашивает Федю Туманова, остановившись с ним в узком закоулке Венеции.

— Да, — сказал Федя твердо: — Если...

— А «если» — нет?

Федя молчал. Она поняла.

— А за меня... Впрочем, нет... не надо.

Вдруг она поблекла.

— Уходите лучше. Вздыхайте. Вы молиться, наверно, любите?

Федя подошел на шаг.

— Я вас люблю. И... мы должны вместе быть. Кто бы тут ни был, чтобы... Я знаю, — почти крикнул он, но тихим голосом — моя жизнь у вас.

Она подняла глаза, потом зажмурилась.

— А в канал прыгнешь? (Это шепотом).

Федя придвинулся.

— Мне выбора нет.

Она нагнулась — обняли его две руки, мягко повисли на нем; он понял: этого не могла она сказать».

Федя дрался с соперником на дуэли и был убит. Умирая, он просил приятеля передать Тумановой, что «гибнуть за нее для него счастье». Впоследствии читатель коротко узнает, что Туманова тогда застрелилась.

От всего рассказа «Спокойствие» веет свежестью. Гибкий, красочный язык вполне соответствует его богатому узору. Среди щедро рассыпанных образов, волнующих неожиданностью, встречаются иногда новшества, не для всех приемлемые, напр., «море стекленело», «молчание золотело»... Слишком щепетильные читатели, быть может, будут шокированы. Зато любители молодой литературы наверное порадуются ее росту.

Аркадий Горнфельд

ЛИРИКА КОСМОСА

Иногда я хожу в духовные концерты. Духовная музыка имеет свои особые цели, но средства у нее общие, художественные, и она дает художественное наслаждение тому, кто для чувства своей связи с бесконечным не нуждается в церковном культе. Это наслаждение своеобразно. В духовной музыке — я говорю о православной, вокальной, — против ожидания, нет напряжения, нет экстаза: она не рождает вереницы живых движений, она не волнует, она успокаивает. Волна величавых песнопений, чуждых цветистого сплетения мелодий, несет тебя плавно и увлекательно, точно речная волна, — но красочные пейзажи не мелькают перед тобой, зеленые леса не толпятся у берегов, обнаженные кручи не сменяются оживленными набережными — ты закрыл глаза, и поток многозвучного напева увлек тебя далеко от окружающего.

Это пассивное, неопределенно-созерцательное настроение воскресили во мне рассказы Бориса Зайцева. Ему сродни это настроение, как и многим; но он умеет его передать, как немногие. Он вообще, если говорит что, то говорит по-своему.

О чем он говорит? Его темы также свои, как и приемы. Он рассказывает о стае волков, которых травят люди и которые загрызли своего вожака, о чувствах охотника, преследующего зверя, и о чувствах друга, на глазах которого умирает друг; он передает подробно и сжато, как проходит тихая жизнь русского сельского священника; вам кажется, что вы прочитали целую биографию священника Кронида, — а вы прочли только десять небольших страничек. Он то дает широкие картины, неподвижно-отчетливые, намеренно-бледные, как стенная живопись, отвлеченно и выразительно, как она, рисует жизнь усадьбы, жизнь железнодорожной станции с ее хлебным круговоротом, то уг-

лубляется в переживания отдельного человека, возносимого вверх жизнерадостной стихийностью и возвышенными мыслями о будущем, то всматривается в бессознательную собирательную душу «черной сотни».

Зайцев — поэт космической жизни. Вся ее масса для него однородна; нет «сверхорганического» развития. Он сливает людей с природой, в человеке оттеняет его подсознательную стихийность, в стихийной природе чувствует сознание.

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Здесь надо различать: поэты всегда очеловечивают природу; это технический прием их мышления, редко больше. Они пользуются метафорами, но не верят в них; верить в них то мифическое мировоззрение, которое имеет только один способ объяснения: одухотворение. Что такое солнце? Богатырь. Что такое туча, с которой оно борется? Чудовище. Что такое заря? Девушка с розовыми пальцами. Один рассказ Зайцева так и называется — «Миф», — и в его взгляде на мир как бы чувствуются следы этого первобытного мифического оживления подлежащей объяснению природы. Его волкам, которых снега холодной зимы доводят до голодной смерти, кажется, что «белая пустыня ненавидит их; ненавидит их за то, что они живы, чего-то бегают, топчутся, мешают спать; они же чувствовали, что она погубит их, что она разлеглась, беспредельная, повсюду и зажмет, похоронит их в себе». И читатель чувствует, что и для Зайцева, как для его волков, это уже почти не поэтическое сравнение, а прямое указание на факт — он верит в ненависть насмешливых снегов, верит в злобу неба; он слышит говор полей и понимает язык их «темный, мрачный и малопонятный» и чувствует враждебность темной ночи. Солнце для него «золотой приятель», заря «внимательная»; он убежден, как его герой, что деревья поют песни. «Когда я думаю о христианах, — говорит его Миша, стоя с женой в березовой роще, — мне всегда представляется вот такой успокоенно-белеющий хор, и смотри, не может быть, чтобы эти нежные деревца не были невестами и не исполняли сейчас своей песни... Послушай, поют...» И, разумеется, «в коровах есть задушевность», и охотник, думая о своих собаках, представляет себе своего старого Добыча — «мудрого, многоопытного, всегда думающего, и теперь, наверно, — в свинцовых потемках о чем-то размышляющего по-своему, по-собачьи — смутно, затемненно».

И в человеческой душе не больше ясности. Пропасть между звериной бессознательностью и осмысленностью человека сглаживается. Молодые «попята», дети священника Крона, учащиеся в семинарии так и называются — «пятеро двуногих». Есть четвероногие, есть двуногие, есть небо, есть деревья, — но все это единое, то дробящееся на отдельные и как будто различные явления, то вновь сливающееся. «Вот на лавочке мой Гаврик с нянькой, доброй, коричневой мордовкой, похожей на ирокеза. Они сидят и глядят, мордовка шепчет что-то старыми губами, Гаврик ощущает свое, неопределенно машет ручонкой, покрикивает временами, как молодой зверенок. Что они думают такое в этой зелени, эти двое чудаков? Куда они глядят? Что видят? *Не они ли в той зелени и то зеленое не в них ли?»* Это звериное многообразно, и часто Зайцев отмечает его без той ласки, с которой любуются зверенком в дитяти и добродушной старушке. Он видит «подрядчиков, трактирщиков и людей в поддевках, с золотыми кольцами на руках» в вагоне второго класса, и, мимоходом, останавливается на одном из них. «Вот толстый человек с чемоданчиком, широко расставляет ноги, подошвы у него громадные, лицо в волосах, усы могучи, маленькие желтые глазки спокойны и сонны, как у медведя-муровятника. Вероятно, медвежьи, ровные мысли ворочаются в шерстистой голове, желудок за обедом вбирает фунты тяжелой пищи, днем полагается жаркий сон. Неизвестно, не двинет ли он со станции прямо на четвереньках куда-нибудь к себе в берлогу, в глухом барсучьем овраге». И в «Черных ветрах» — превосходной, сжатой и сильной картине темного и душевного мира мелкого городского мещанства, «черной сотни» — почти те же образы. Едва намечены они, но мы видим. Видим этот «тяжелый, тучный и сытый город» и на тихих улицах ряды домов лабазников, хлеботорговцев и бакалеев с их запертыми ставнями, захлопнутыми щеколдами и лающими со дворов собаками. «Близок час сна; пелена жирного сопенья охватывает эти углы; перед тем, как отойти к постелям, отягчавшая от денег, пеньки, бочек мысль ворочается в головах; волосатые тела накаляются изнутри жаром съеденного за день, кулебяки, гусь с капустой, — переходят в темно-пламенные желания, и перед ночным отдыхом волна наслаждений закипает в этих домах, где пахнет снедью, лампадками и накопителями — предками.

— А здорово наши ребята этим сукиным детям показали!

— Вот бы студентов еще, да этих шлюх стриженых!

Подымется злоба. Вспоминают убытки, застой в делах; и беспощадное, громоздкое выходит из самых дальних углов, помрачая умы.

— Я молодцам накажу: ежели у лабаза увидят стриженую — без разговоров тащи сюда! Мы уж тут разглядим, что там у нее красное!

В ответ бесстыдное рычание и ласки.

А потом мозги мутнеют, и тяжкий сон погружает всех в одну безвестную хлябь. Спят собаки, лошади в теплых конюшнях жуют овес, и в глубине их тел идет свое невидимое смутное бытие. Что-то медвежье раскинуло лапы и пыхтит, клокочет, храпит во всех разбросанных людях. Кажется, что в этой ночной, хмурой жизни, в спящих тварях вновь сгущается тьма, злоба, тяжесть».

Здесь есть уже осуждение, но не надо преувеличивать его значения. Везде это слияние с природой — и оно не должно быть только злом. И Крымов в зимней поездке с дедушкой находит в этом панпсихизме другие настроения. «Крымову кажется, что и он наполняется тем же деревом: песни полей и снега, ветра, воющего над могучей землею, околдовывают его. В этих звуках, в медленном, тугом ходе мыслей в голове солдатообразного существа (кучера), в ненужных неожиданных толчках саней, в грубой бараньей полости, скатанных клубках шерсти на брюхе и боках лошадей, — Крымов ощущает одно, простое и великое, чему имени он не знает и что любит глубоко». Не только в низах человеческого сознания ощущается подчас этот монизм естества: и надо ли напоминать об этом в литературе, которая имеет Тютчева и Фета.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотский и бесплотный, —
Твой только отблеск, о, солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный!..
И этих грез в мировом дуновенье,
Как дым несусь я и таю невольно, —
И в этом прозренье, и в этом забвенье
Легко мне жить и дышать мне не больно...

И рассказчик «Тихих зорь», отец Гаврика, так же мало может отделить себя от «зелени», как и своего неосмысленного малыша и его няньку. «...Безбрежною кажется жизнь мира отсюда, если лежать под дубом, закрыв глаза, слушая шум приречных лесов, созерцая тихий ход реки. Тогда сливаешься снова с этими неповторимыми лесными запахами, что запали внутрь в детстве; снова летят в мозгу небыстрые чайки-рыболовы, которые перевелись уже тут. Перламутровая, чуть серебристая, непонятная, ведет откуда-то река свой змеиный ход, плетет свои струи, исполняет сердце великим миром. Сердце немеет и лежит рас-

простертое, оно открыто любви; прошлое, настоящее и будущее в нем переплетаются; встает нежная радость о давно минувшем».

Естественно, что в этой нирване, где нет времени, где мягче радость обладания и легче острота потери, — нет безумной неутолимой тоски об умершем, и рассказчик передает о кончине друга с удивительной нежностью скорби. А в будущем будет еще отчетливее, что смерть — это только новый «аватар» индивидуальной психики — ее растворение в мировой душе. «Иногда со мной бывает, — говорит жене герой «Мифа» — как сейчас вот, что я ясно чувствую, как все мы живя, мысля, работая, как тот мужичонко... вон, пашет под озимое, — что все мы вместе плывем, знаешь, как солнечная система. Куда? Бог знает, но к какой-то более сложной и просветленной жизни. *Все мы переход,* и мужики, и работники, и человечество теперешнее. И то, будущее, мне представляется вроде голубиного сияния, облачка вечернего. Ведь люди непременно станут светоноснее, легче, усложнятся и мало будут похожи на теперешних людей». И на возражение жены, что это уж как будто рассказ не о человеческой, но об ангельской жизни, Миша почти сливает будущих людей с ангелами: «Людям незачем становиться бесплотными духами, — наоборот, они будут одеты роскошным, плывучим и нежным телом... такое тело, Лисичка, и портиться-то не может. Оно будет как-то мягко кипеть, пениться и вместо смерти таять, а может, и таять не будет и умирать не будет»...

«Все мы переход»... Оттого с равной любовью находит г. Зайцев душу в дереве и зверька в человеке, оттого он умеет «не плакать, не смеяться, а понимать», когда видит и изображает в человеке не безобидного зверька, а гнусное животное. Почти все его рассказы написаны в настоящем времени: он запечатлевает только момент, только преходящее, чтобы дать почувствовать, как много содержания в этом преходящем, как полно и действенно оно связывает прошедшее, которое оно целиком вобрало в себя, с будущим, которое велико уж потому, что оно необходимо. В этом смысле знаменательны заключительные слова сборника, как бы сводящие все его содержание к единому историческому воззрению. После бурного революционного дня, пережитого героем в большом русском городе, он ночью стоит на балконе и всматривается в тьму. «Вот он неизвестный, горячий, мудрый город! Великий бунтарь, костер, вихрь, огонь и мощь, что дано ему? Что будет завтра?..» Миша всматривается. Здесь, внизу в редком летучем мраке, лежат эти разгадки. Миша смотрит, слушает, стараясь разобрать чью-то поступь. Но взор никнет и лишь какие-то пламенные круги встают перед глазами, и колеблются людские хляби... «Ты великий дух, ты месишь,

квасишь, бурлишь и взрываешь, ты потрясаешь землю и рушишь города, рушишь власти, гнет, боль, — я молюсь тебе. Что бы ни было завтра, я приветствую тебя, Завтра!»

В этом привете неведомому завтра есть мистическое; оптимизм всегда мистичен; но оно в каждом слове Зайцева, — говорит ли он о лучезарном и неуловимом будущем или о мрачном настоящем в его весьма осязательных и грубых формах. Его слова умные, наблюдательные, нежные и определенные, — как то озеро, о котором он говорит в «Тихих зорях»: «Если пристально смотреть туда, начинает казаться, что выйдешь куда-то насквозь, глаз тонет в этом озере». Его рассказы полны чего-то невысказанного, но важного; как в хорошей картине есть воздух, так в его рассказах чувствуется психическая атмосфера — и подчас кажется, что именно эта воздушная перспектива настроения есть самый важный для него предмет изображения. Он пишет мелкими мазками, точками незначительных подробностей, легко брошенными, но вдумчивыми эпитетами; и часто, часто эти штришки разом освещают нам содержание явления, в которое мы еле вдумывались, и переводят в сознание то, что смутно ощущалось за его порогом. Один случайный пример. Пасхальная ночь; «мужики жертвуют, считают свои копейки и дают от сердца, но серьезно; соображают, берут сдачу». Мелочь, мимоходом брошенная, но ведь это целый просвет в простую и сильную, не знакомую нам душу. Мы, вот, не представляем себе жертвы в пределах; жертвовать и соображать — как можно; без истерики — стало быть, без искренности. Это явные признаки нашей слабости, наших сомнений, — а вот мужики «дают от сердца, но... берут сдачу». И таких выразительных мелочей распылено много; они и в пейзаже, и в настроении вещей, и в характеристиках людей.

Но люди, отдельные, живые, определенные люди не остаются в воспоминании читателя, когда он отошел от книжки Зайцева: они сливаются с чем-то более общим с пейзажем, с окутавшей их живой мглой обстановки, собирательной психики. Лирик перевешивает в Зайцеве — и в этом слабость его своеобразного дарования. Лирика всегда ближе к прозе — недаром она ближе к философии: поэзия больше открывает, понимает и объясняет в жизни тогда, когда создает отчетливые и многозначные образы живых людей; этих образов не находишь у Зайцева. Есть в его даровании и другие, более индивидуальные слабые стороны! Он создал свой стиль и подчас переходит в его употреблении границы: он бывает слегка манерен и слишком легко поддается каррикатуре; пожалуй, соблазнит пародиста, когда станет известен. Он создал свой мир и не выходит из него: он иногда однообразен.

Он однообразен, как то ритуальное пение, которое напомнили мне его рассказы. Слушаешь, наслаждаешься, — но во второй половине говоришь себе: довольно; хорошо, но... довольно. Бетховена не бывает довольно, Вагнер истомит физически и душевно, но еще усилит жажду впечатлений. А Бортнянский и Турчанинов могут только утихомирить: знаешь, что возможно и что будет дальше. Да и другие профаны уходят; остаются немногие: специалисты и верующие; первые для техники, вторые ради религии.

И, кажется, эта опасность грозит Зайцеву: его не примут профаны, и только в «тихой общине» единоверцев найдет признание мир, им созданный. Это — опасность потому, что хорошо быть временно поэтом «для немногих»: это значит стать потом «для многих». Но печально остаться в глухом углу «эзотерического» творчества, не расширяя ни предела своих слушателей, ни разнообразия своих наблюдений. Я боюсь, что Зайцев склонен повторять себя, и с радостью сознаюсь в своей ошибке, если его новые произведения опровергнут меня. Но пусть он слушает только самого себя.

Корней Чуковский

БОРИС ЗАЙЦЕВ

1

Г. Зайцев очень часто сближает людей с животными и растениями.

В его рассказе «Миф» мало того, что героиня называется Лисичкой, она сначала напоминает своему мужу «милого страуса», потом «светло-солнечную рыбу», а потом «приветливого жеребенка».

Во «Мгле» человека, волка и собак «равно охватывает далекий, неясно молчащий горизонт»; а в «Деревне» одновременно рождаются «пестрый теленок, маленький человечек и пара жеребят». В «Полковнике Розове» человек жалеет, что у него нет четырех собачьих лап.

Старики у Зайцева похожи на «сухие грибы»; лесочки — на «огромных зверей»; садовник — на «старого, белого, утреннего петела», а «яблоки несут свой прозрачный, теплеющий груз, как молодые матери». Какой-то «человек с чемоданчиком» напомнил ему медведя-муравьятника. Брать и сестра сидят, прикорнув друг к другу, как два полевых сурка.

Грибы и телята, и люди, и страусы, и собаки, и яблоки, и рыбы, и медведи, — все сливается для Зайцева в одно безликое, безглазое, «сплошное», животное, облепившее землю, текучее, плодоносящее, неоскудевающее чревом, без слов, без мыслей — прекрасное, упоительное именно своей «сплошностью», «безглазостью», «бесмыслием».

У персонажей Зайцева почти нет индивидуальных особенностей. Их психологию он заменил физиологией. Люди у него часто «сопят», «рыгают», «потеют», икают, едят, вдыхают разные запахи (это чаще всего!), — но думают чрезвычайно редко.

Мысли человека наибольше отличают его и от страуса, и от теленка, и от другого человека, в них начало человеческой индивидуальности, и потому г. Зайцев чрезвычайно пренебрежителен к ним.

Он часто называет их «тугими», «смутными», «грузными», «медвежьими», и если выводит их на свои страницы, то, как некий третьестепенный придаток к «сопению», «рыганию» и «потению», вполне подчиняя их «безликой» и «сплошной» физиологии.

Человеческая речь в рассказах Зайцева вся в плену у этой «физиологии», а типичных для русской беллетристики споров, «умных» речей, столкновения идеологий здесь не найдешь никогда.

Очень характерно, что силлогизм не существует для Зайцевых персонажей; он заменен более первобытными формами мышления.

Юноша несется у Зайцева на велосипеде и, встречая восход солнца, бормочет: О, дорогой! и ему кажется, что никогда раньше не видал он солнца в такой славе.

Женщина, проснувшись на солнце и воздухе, восклицает у него:

— Я ничего не понимаю. Как пьяная... Свет, свет, я пьяна светом!

А человек, догоняющий волка, кричит:

«Дер-ржи! Дер-ржи-и-и!.. Бей его, ворочай его-о!» и шепчет при этом: «не уйдешь, не уйдешь», — то есть шепчет то, что шептали бы мы все, догоняя волка, что без слова, без мысли звучит в душе каждого догоняющего, кто бы он ни был и за кем бы ни гнался.

Словом, даже и мыслями и ощущениями своими персонажи Зайцева сливаются в одно целое и со страусами, и с рыбами, и с телятами. Человеческая речь у Зайцева так же инстинктивна и рефлекторна, как и все бытие его персонажей, она так же «безглаза» и является как бы алгебраической формулой, верной для каких угодно «частных величин».

2

Поистине, Зайцев — поэт сна. Ни у одного русского писателя люди не спят так часто, как у него.

В крошечном рассказе «*Хлеб, люди и земля*» сперва спит начальник станции, потом засыпает его помощник, потом обнаруживается, что «все щели, бугры и косогоры земли полны сна, потом появляется медведеобразный какой-то господин, по-

груженный в «жаркий сон», потом мужики-солдаты, похожие во сне на кули с мукой.

В «*Деревне*» люди сначала спят так крепко, что кажется, «будто комната дрожит»; потом — «по-хозяйски, с храпом»; потом — «крепким, горячим деревенским сном», а один из них даже заранее чувствует, что «скоро заснет под свист ветра и будет видеть большой сон о полях, метелях, деревне и черной земле».

В *«Мифе»* Лисичка спит утром, вечером и днем. Утром она спит «в облаке сна и ласки», вечером — «по-детски», а днем — «спокойно и невинно».

В «*Завтра*» спят «под влажными кружевами ночи». В *«Аграфене»* спят «могуче». В *«Тихих зорях»* — «смутно, полубодрствуя». В *«Черных ветрах»* — «мутным и тяжким сном». В *«Госте»* спят коршуны и вороны. На первой же странице *«Сестры»* мелькают такие строки: «В усадьбе спали», «деревья тоже дремали», «тут мы спали, когда были ребятами», «я не хочу еще спать», «спит моя сердечная», и

— «Спатеньки, шлафен», — говорит герой рассказа *«Полковник Розов»*, — а вслед за этим на десятках строк следуют в разных перемещениях слова: спать, засыпать, почивать, дремать...

О спящих персонажах своих (как, впрочем, и о едящих, и о потеющих, и о рыгающих) г. Зайцев говорит восторженно и упоенно:

«Полковник мой спит еще — ...и так хочется припасть к этому старому-старикану, поцеловать в лоб его, как отца, — жаль будить: стареньким и спать-то только под утро». («Полк. Роз.»).

3

Удалив от человека мысли, отняв у него логику, сведя весь дивный и сложный аппарат человеческой речи к эмоциональным восклицаниям, привязав человека к грибам и телятам, и суркам, и страусам, и собакам, и яблокам, и рыбам, и медведям, — Зайцев сделал одно: он методически и последовательно отнял у человека его индивидуальность, — и не потому ли ему так люб человеческий сон, что именно сном больше всего сливается человек с «безликим человечеством», именно благодаря ему погружается вместе со всеми в одну «безвестную хлябь»?

Сон — всеобщий уравнитель; человек, как неповторяющееся, абсолютное, единственное, «бесподобное» существо, исчезает во сне, перестает быть т е м или э т и м человеком, и не потому

ли, повторяю, Зайцев так предан ему, что он скорее самого Зайцева сблизить нас и грибом, и со страусом, и с собакой?

В таянии индивидуальности, — и только в нем одном, — находит Зайцев поэзию.

Это даже пугает: такая хорошенькая книжка; рассказы, как акварели; звенят, как стихи, а за этими милыми и грациозными, и улыбающимися рассказами такое безличное, безликое, темное жизнеощущение.

Отдельный человек если и попадется в этой книжке, то только как пылинка толпы, как часть «всемужицкого тела», «сплошной стены мужиков», «человеческого моря», «людских хлябей» «кипящего тела человеческого» (как любит выражаться Зайцев) и сам по себе, со своими глазами, своим носом, своими мыслями, оторванный, отрезанный от «сплошной стены», — для Зайцева не существует.

И что примечательнее всего, Зайцева это только радует. Остановитесь на всех восторгах и умилениях, которые так любит Зайцев, и вы увидите, что источником они имеют все то же таяние в сплошном, родовом, одинаковом, общем.

Это странно, потому что до сих пор было иначе. Сплошное всегда угнетало русскую литературу, и не этого ли Зайцевского «всемужицкого тела» боялся Глеб Успенский, когда писал:

«Да, вот отчего мне и тоскливо. Теперь пойдет «все сплошь». И сом сплошь прет, целыми тысячами, целыми полчищами... и вобла тоже сплошь идет, миллионами существ, «одна в одну», и народ придет тоже «один в один», от Архангельска до «Адесты» и от «Адесты» до Камчатки, до Владикавказа и дальше, до турецкой, до персидской границы. До Камчатки, до «Адесты», до Петербурга, до Ленинграда, — все пойдет сплошное, одинаковое, точно чеканное, — и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужики, и бабы, — все одно в одно, один в один, с одними сплошными красками, мыслями, костюмами, с одними песнями...

«Все сплошное, — и сплошная природа, и сплошной обыватель, сплошная нравственность, сплошная правда, сплошная поэзия, словом, однородное стомиллионное племя, живущее какой-то сплошной жизнью, какой-то коллективной мыслью и только в сплошном виде доступное пониманию... Да, жутковато и страшно жить в этом людском океане...» (Глеб Успенский. «Мелочи путевых воспоминаний»).

Русской литературе всегда было «страшно» и «жутко» в людском океане: недаром и Герцен, и Михайловский, и Достоевский, и Горький, и каждый, самый маленький, беспомощный русский писатель, Баранцевич какой-нибудь, во главу угла по-

лагали личность, конкретную, вот эту, с такими-то глазами, с такими-то мыслями, — и вдруг скромно и тихо приходит благовоспитанный человек, Борис Зайцев, и вежливо выпроваживает эту личность со двора.

4

И всегда у Зайцева так: сначала кажется, будто выведен отдельный человек, с отдельными руками, ногами, головой, а потом смотришь: вобла, — вот та самая, что идет «сплошь», «одна в одну», «целыми тысячами», «целыми полчищами».

И, главное (на этом я настаиваю!) вся поэзия, все очарование всякого зайцевского образа в том и заключается, что он — вобла.

Отнимите от этого образа «сплошной» быт, вырвите его из «всемужицкого тела», и Зайцев не найдет, чем в нем умиляться (а он — умиляющийся художник, по преимуществу), не найдет, что воспеть в нем (а он — «воспевающий», единственный в России «воспевающий» художник).

Самое, казалось бы, индивидуалистическое произведение Зайцева — «Священник Кронид». Все-таки, хоть имя отдельное есть, хоть звание, хоть духовная деятельность, порою весьма прикосновенная к силогизму.

Но прочтите этот рассказ; ведь священник Кронид для Зайцева вряд ли даже индивидуум. «Не один он действует тут, — говорит про него Зайцев, — за его плечами, вдаль идут поколения отцов и пращуров; все они трудились здесь».

Крепко, как коралл, врос Кронид в своих дедов, точно таких же, как он, «один в один», «сплошных», — и в пятерку своих сыновей, «все здоровых, хороших дубов», точно таких же, как он, «один в один», «сплошных».

Даже имен этих сыновей не сказал нам Зайцев.

«Пятеро двуногих ждут, им хочется домой, поржать на весенней свободе; дома пекут куличи, ждет мамаша, приволье, церковь». Тем-то поэтичны они для Зайцева, что они двуногие, что все пятеро хотят ржать, «как один», и ни носа, ни глаз, ни вкусов, ни убеждений сами по себе, отдельно друг от друга, не имеют.

Событий в жизни Кронида. Зайцев не знает.

Событие, случай — явления индивидуальные, и потому Зайцев отворачивается от них. Он повествует не о том, что *было когда-нибудь* в определенное время, а о том, что *бывает вообще*. Бывает же со священником, что он хоронит, венчает, исповедует. Тут бы и Достоевский, и Лесков, и Андреев, —

все писашие о духовенстве, — понапривели бы столько текстов из богослужения, столько молитв, показали бы нам священника, предстоящего пред алтарем, изобразили бы хоть какие-нибудь психологические его переживания, но певцу человеческой воблы все это чуждо и неинтересно.

Как это ни странно, но и богослужение у Зайцева выходит «сплошным», инстинктивным, почти зоологическим, и Кронид молится так, как молился бы «страус», «петел», «приветливый жеребенок»; и ни на минуту не выражает в молитве себя, а все то же «всемужицкое тело», «воблу».

Старый Крон «исправно ходит на службу, возвращается домой, венчает, хоронит, звонит в колокола с приближенными дьячками и стариками и куда-то ведет свой приход».

Все время Зайцев о богослужении говорит так, будто это — косьба или молотьба.

Служит Крон, или даже не служит, а «работает» «исправно», «быстро», «просто», «много надо молиться и хлопотать» — «то читать Евангелье», «то причащать и исповедывать». «В день Егория Крону работа: благослужение гуляющему скоту». Пятеро «двуногих» помогли Крону в богослужении, но опять-таки физически, как в полевых работах; они «хорошо пели» и «давали ноту силы службе».

И вся поэзия церковной службы для Зайцева в том, что это какое-то древнее, деревенское, всемужицкое «дело».

«В очень черной ночи — повествует он, — церковь видна далеко; слишком светлы окна. Рано, задолго до торжественного часа, все полно, и Кронид ведет древнее богослужение; запоздалые с пасхами подходят летними тропами, пока Кронид читает и молится, в теплой ночи неустанно гудят ручьи, полным тоном, как могучие трубы, а звезд вверху без счету; они неожиданно встают от горизонта, заполняют тьму над головой и так же сразу пропадают у другого края неба. В минуту, когда двери растворяются и выступает из церкви хор с гимном, кажется, что светлая волна трижды опоясывает во мраке церковь, под сильный бой колоколов, с пением, и снова вливается внутрь. Теперь у всех в руках свечки; капает, и пот стекает по мужицким лицам; временами, через плечи, идет из рук в руки вперед свечечка; перед иконами блестят целые пуки».

«К часу, двум, люди устают; Христа встретили, попели, постояли со свечками, но страшно жарко, а обедня длинна».

И ни одного отдельного лица во всем молящемся народе! Народ за молитвой «потеет», «поет», «утомляется», — но ни одного отдельного, индивидуального жеста, ни одной позы индивидуальной... Это пасхальное богослужение в о о б щ е, в с я к о е

богослужение, а не то, которое вел именно этот священник — Кронид. Таким оно было и двести, и триста, и пятьсот лет назад. И эти звезды вверху, и эти гудящие ручьи, и лесные тропы, — вечный фон для всех повестей Зайцева, — как они сплелись, перепутались с таинствами и обрядами всемужицкого богослужения, как они расплавили в себе отдельные слова отдельных мотивов, отдельные вздохи отдельных скорбей.

А похороны! Как весело хоронит Крон!

«Маленькие гробики, — рассказывает автор, — легко и быстро тащат на кладбище на горе, в дальний угол; здесь много детских холмиков; среди них трава, а рядом канава с полынью. Очень далеко видно отсюда; славная страна лежит вокруг, как золотое блюдо».

И все очень хорошо, и все очень довольны, недовольна почему-то одна какая-то баба, мать лежащего во гробике ребенка. Она даже плачет. И как Зайцев ни гарнирует ее на «золотом блюде» равнодушной природы, — она все не может утешиться. Зайцева это не очень печалит: «С четырех сторон идет не сильный ветер, дымок бледно и покорно стелется, сизеет. Сзади плачет баба; красный юноша подпевает. Скоро опускают гробик, — и конец».

А она все не довóльна. Глупая баба, —

Игра и жертва жизни частной,
Приди, отвергни чувств обман
И ринься гордой, самовластной
В сей животворный океан.
Приди, — струей его эфирной
Омой страдальческую грудь, —
И жизни божески-всемирной,
Хотя на миг причастна будь!

Но глупая баба не хочет тонуть в «животворном океане», «божески-всемирной жизни» ей тоже не надо: она плачет вот об этом ребенке, и если вся гармония поэтичнейших ощущений Зайцева построена будет на забвении вот этой крошечной косточки мужицкого тела, — глупая баба откажется даже от гармонии:

— От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не для того же я страдаю, чтобы собой и страданиями моими унавозить Зайцеву гармонию. Не стоит она слезинки, хотя бы только одного замученного ребенка.

Глупая баба! Зайцев ей скажет, что и слезы тоже входят в «гармонию», он процитирует ей свои *«Тихие зори»*.

«Я плакал и целовал его (покойника) руку, но почему-то мои слезы не были кровавы и больны, и то, что слу-

чилось с Алексеем, в сознании моем не была смерть...». «На могиле Алексея крест и лампадка; я сижу на скамеечке у могилы, мне хочется плакать, но плакать сладко и светло, мечтать».

Если же и это не убедит глупую бабу, г. Зайцев расскажет ей о «глубоком небе, в котором тонем все мы», о «безбрежной жизни мира», о «странном бесконечном, от века существующем море, где плывет наша призрачная скорлупка», но глупая баба так скоро не поддастся; она скажет, что этический индивидуализм русской литературы, тот самый, который некогда заставил Белинского отречься от гегелевского Allgemeinheit и «возвратить Егору Федоровичу билеты на право входа во вселенскую гармонию», который создал Раскольникова и великого инквизитора, и подпольного человека, и «субъективный метод», и «власть земли», и «Коновалова», и «бывших людей», и «Палату № 6», — этот самый этический индивидуализм, любовь к человеку с маленькой буквы, к реальной человеческой личности, — постепенно исчез и заменился подозрительным каким-то пантеизмом, обоготворяющим и славящим «воблу».

Глупая баба прибавит, что с тех пор, как революция стала «сплошной», с тех пор, как, вместо революционных героев, пошла революционная вобла, «одна в одну», и человеческая личность, человеческая жизнь подешевела страшно, и переживания последнего времени научили нас брать человека «тысячами», «полчищами», — литература приняла на свое лоно «общечеловека», «всечеловека», «сплошного» человека, а о реальном человеке молчит, точно его никогда и не бывало.

Хорошо по этому поводу говорит в *«Литературном дневнике»* Антон Крайний (СПб., 1908):

«В книжке рассказов Бориса Зайцева, сочной и неподвижно-картинной, — нет, или почти нет, ощущения личности, нет человека».

«Есть последовательно: хаос, стихия, земля, тварь и толпа... А человека еще нет. Носится над землею дух созидающий... Но какой? Божий ли? Еще безликий. Уже есть бесмысленное, еще не сознающее себя, страдание, уже есть бесмысленная радость, и даже где-то, в каком-то невидном свете соприкасаются они, сталкиваются... А лика еще нет — и лица нет. Есть дыхание, но дыхание всего космоса, точно вся земная грудь подымается. Тот же космос вздыхает у автора и в его толпе безликой, без единого человека».

Реального человека вытолкали вон из русской литературы, но Борис Зайцев сделал это так изящно и даже нежно, что слова: пошел вон! — прозвучали у него, как серенада.

5

Бориса Зайцева очень часто называют акварелистом и сравнивают почему-то с Левитаном. Почему? Левитан — скорбящий интеллигент 90-х годов, и каждый кустик у него будто читал Чехова, а Зайцев стихийный и немного стихийностью рисующийся поэт животности и хаоса.

Особенность его в том, что, исповедуя грубую, животную, рубенсовскую, уитманскую веру, он умеет облечь ее в мягкие тона и нежные подкупающие краски. Впервые певец животности и хаоса приходит в литературу в такой изящной одежде; впервые кровь и пот всемужицкого мяса благоухают, как нежные духи. Предшественники Зайцева были отчасти похожи на мясников:

Верую в мясо и в его вожделенья.
Слушанье, зренье, хотенье, вот чудеса,
и чудо — каждый отброс от меня!
Я божество и внутри и снаружи, — все
свято, к чему прикоснусь.
Ароматней молитвы — запах ладони моей.
Моя голова превыше всех библий, и
вер, и церквей!

(Уитмен).

Зайцев же, когда начнет говорить (о том же самом!), его голос становится томен, застенчив и нежен, — и женственно-мелодичен. Иногда он даже слишком сладок: *«Май»* и *«Полковник Розов»* приторны, как патока.

Теперь «стихия» вошла в моду и вызвала много подделок. Но среди приверженцев «стихии» — единственный верноподданный Зайцев, и, как истинный поэт, он властительнее и опаснее других.

Михаил Морозов

СТАРОСВЕТСКИЙ МИСТИК (ТВОРЧЕСТВО БОРИСА ЗАЙЦЕВА)

I. МИР ПОЛОН ЗЛОБЫ

Мрачен, полон кошмара этот эмпирический мир, который представляется позитивному оку, мир раздробления и разделения. Он полон кровожадного неистовства и злобы. Ненависть царит в нем. Ненавидят даже камни, и божественный сосуд величайшей любви — человек — в позитивном поле не выше волка, зло торжествует в природе, и стихийная необходимость есть выражение этого зла. Все истребляется друг другом, все враждует между собой, покорствуя темному, неясному, но властному голосу тленной плоти. Только высшее понимание жизни, только отрицание плоти, как предела существования, только безумие любви освобождает человека от рокового проклятия.

Такова в общих чертах та основа, на которой вышивает мелким бисером мистические цветы своих рассказов Борис Зайцев.

Литературная критика отметила в нем лирика космоса, умиленного певца гармонии, нежного и деликатного поэта грубой веры в мясо, поэта стихийной животности. От ее внимания не ускользнула и скромная застенчивость, с которой г. Зайцев слегка любуется своей стихийностью. Но не заметили усердных стараний поэта приобщиться к сонму философов новой мудрости, его поисков религиозного смысла существования, намеков на мистическое жизнечувствие и, наконец, его пренебрежения к здешнему миру, к гордому человеческому разуму; не заметили, что *«свое»* слово г. Зайцева прогоркло в священном елее и явственно отдает душком церковного учения о дьявольской порче мира, его гибели от вселенского огня и о спасении плоти от тлена.

Обезличив, обезценив ценность здешней жизни, унизив разум, поэт не находит ничего существенного, что отмежевало бы уже теперь человека от животных или растений. Пред хозяйским оком дьявола, этого властителя эмпирического мира, все живущее и сущее равноценно, все равно способно к злобе и страданию. С добросовестной объективностью эконома г. Зайцев отмечает на приход космосу новорожденных растительного и животного царства. «Так шумит осень в деревне, — пишет он. — И уж ярко зеленеет озимь, рождаются в усадьбе новые обитатели, пестрый теленок, маленький человечек, сын застольной кухарки, пара жеребят». В изображении поэта белоствольные березки стоят как невесты и поют хором, а волки мыслят и изъясняются на великорусском диалекте, человек же утрачивает свой отличительный признак — членораздельную речь, предпочитая междометия для выражения своих чувств. Это так сближает его с животными! Не в тех же ли видах чуть ли не во всех своих рассказах г. Зайцев заставляет своего человека выспаться тут же, пред читателем, а иногда ласково уговаривает даже: «Спи, тихонечко усни». Ведь именно во сне жизнь протекает неведомая и смутная, тают грани сознательного существования, и человек воистину сливается с хаосом бытия.

Не только во сне, но и наяву души всех живых существ равноценны. Даже тогда, когда г. Зайцев, по-видимому, рисует картину с эпическим спокойствием, оставаясь сам в тени, он незаметным нажимом не преминет подчеркнуть одинаковость человеческих и волчьих переживаний; и горе волчьей души становится ощутимым до боли.

Вот, например, прелестное начало рассказа «Волки», украшенного эпиграфом из Гейне: «Там рощи шумны, фиалки сини».

Это тянулось уже с неделю. Почти каждый день их обкладывали и стреляли. Высохшие с облезлыми боками, из-под которых *злобно* торчали ребра, с помутневшими глазами, похожие на каких-то призраков в белых холодных полях — они лезли без разбору и куда попало, как только их подымали с лежки, и бессмысленно метались и бродили все по одной и той же местности. А охотники стреляли уверенно и аккуратно. Днем они тяжело залегали в мало-мальски крепких кустиках, икали от голода и зализывали раны, а вечером собирались по нескольку и гуськом бродили по бесконечным пустым полям. Темное *злое* небо висело над белым снегом, и они угрюмо плелись к этому небу, а оно безостановочно убегало от них и все было такое же далекое и мрачное.

Было тяжело и скучно в полях.

И волки останавливались, сбивались в кучу и принимались выть; этот их вой, усталый и болезненный, ползал над полями, слаб за версту или за полторы и не имел достаточно силы, чтобы взлететь высоко к небу и крикнуть оттуда про холод, раны и голод.

Белый снег на полях слушал *тихо и равнодушно;* иногда от их песни вздрагивали и храпели мужицкие лошаденки в обозе, а мужики ругались и подхлестывали.

На полустанке у угольных копей иной раз слышала их молодая барыня-инженерша, прогуливаясь от дому до трактира на завороте, и ей казалось, что это поют ей отходную; тогда она закусывала губу, быстро возвращалась домой, ложилась в постель, засовывала голову между подушек и, скрипя зубами, твердила: «проклятые, проклятые!»

Этими же словами, не уступая молодой барыне, а даже превосходя ее в экспрессии выражения, изъясняют свои чувства и хищные волки. «У-у, проклятые, у-у, проклятые!» — рычали они, оглядываясь голодными глазами на робкие огоньки деревни и скалили зубы...

Характерны эти *злобно* торчащие ребра, темное *злое* небо, *равнодушно слушающие* снега, уверенно и аккуратно убивающие люди.

Ужас одиночества и отчужденности смотрит отовсюду и также родствен душе волчьей, как и душе поэта.

Вся бездушная природа, все стихии наделены сознанием и волей, и при том волей злобной. Каждый одинокий кустик казался огромным и страшным; неизвестно было, не вскочит ли он вдруг, не побежит ли, — и волки злобно пятились. Сливая реальное с мифическим, действительное с воображаемым, отраженное волчьей душой — с внешним миром, поэт создает кошмарную картину.

Волки шли шагом. Безжизненные снега глядели на них своими бледными глазами, тускло отблескивало что-то сверху, внизу поземка *ядовито* шипела, струясь зигзагами по насту, и все это имело такой вид, бдто тут в полях наверно знают, что никому никуда нельзя добежать, что и нельзя бежать, а нужно стоять смирно, мертво и слушать. И теперь волкам казалось, что отставший товарищ был прав, что белая пустыня, действительно, ненавидит их; ненавидит за то, что они живы, чего-то бегают, топчутся, мешают спать; они чувствовали, что она погубит их, что она разлеглась, беспредельная, повсюду и зажмет, похоронит их в себе. Их брало отчаяние.

Углубляясь в волчью психологию, автор приводит бедных зверей к мысли о самоубийстве. Двум отставшим волкам «показалось, что лучше всего лечь и сейчас же умереть; они завыли, как им казалось, перед смертью».

Еще бы! Ненавидящая пустыня, загадочное злое небо, начинавшееся в летящем снегу прямо над головой, ядовито шипящая поземка, снег, насмешливо сыпящий в морды, снежные

поля с бледными глазами, ветер, злобно и насмешливо кромсающий волчью песню... — есть от чего с ума сойти.

В этом прекрасно, сжатым, скупым языком написанном эскизе нас интересует, конечно, не мнимая волчья психика, а подлинная психика самого автора, его мрачное жизнечувствие, крик одинокой души, наболевшей от страха одиночества, окружающей вражды и зверского равнодушия. На всем фоне пефзажа нет ни одного ласкового тона. Это как будто сплошной бред безумного, одержимого манией преследования. Разорванный на куски и съеденный старый волк-вожак довершает картину безысходного отчаяния. Любопытно, у волков просыпается все же чувство ужаса к сделанному. Они как бы стыдятся, не хотят думать о своей кровожадной расправе. «Что-то ужасное, к чему нельзя подойти близко, лежало над огрызками их вожака и безудержно толкало прочь в холодную темноту». Но человеку, совершающему убийство бесцельное и ненужное, г. Зайцев отказывает в том, в чем не отказал волкам. Такова «Мгла», где обрисовывается уже состояние человечьей души охотника. И ставя рядом волчью душу и душу человечью в изображении художника, отдаешь неизбежно предпочтение волку, который не обнаруживает бескорыстного, безцельного, в своем роде эстетического наслаждения убийством.

II. ЧЕЛОВЕК БЕСПОЩАДЕН

Обстановка во «Мгле» та же, что и в рассказе «Волки». Зимние полупотемки начинающегося утра, снежная пустыня, среди которой как призрак движутся розвальни; старый «многоопытный» пес Добыч, «мудрый, всегда думающий», по-своему, по-собачьему размышляющий, смутно, затемненно; лесочки, что кажутся огромными лесными зверями, которые будто, только что проснувшись, потягиваются и зевают, и, наконец, человек, ничего не думающий, ни о чем не размышляющий, но уже предвкушающий острое и тяжелое наслаждение пролития крови: «что-то темное, мрачно-сладострастное подкатывает к сердцу». И опять тот же далекий, неясно маячащий горизонт, охватывающий все, и опять та же насмехающаяся, враждебная, злобная и загадочная одухотворенность стихийных сил природы. Преследуя усталого раннего зверя, человек отмечает, что «все вокруг молчало, но имело иронический вид». Беззвучный выстрел наводит на мысль, «будто навалили в гордом, пустынном месте пухлый слой белой ваты, чтобы разные чудаки не мешали звуками этому небу и этой земле, которая туда глядит».

А раненый волк «бежит по дну оврага рысцой, устал. Снегу внизу много — пар валит от него. Сейчас, сейчас!.. Простым глазом видно, как хлестнуло его по боку, как мучительно он перекувыркнулся, завертелся на месте и все-таки рванул бежать. Я сжимал все мускулы в себе, корчился от желания схватить его, в слепой ярости бросался вниз за ним в овраг, что-то кричал, как будто себе в оправданье... В горле хрипело, пальцы хрустят, рот дергается, и что-то безумное, сладострастно-жестокое владеет мной; как будто руки мои жаждали теплого, трепещущего мяса, «его» мяса, и я, не задумываясь, зарезал бы его, наносил бы ему без счета раны, только бы он был мой!»

От этих сладостных переживаний травли г. Зайцев не может оторваться и шаг за шагом прослеживает нарастающее остервенение охотника, изнемогающего в преследовании зверя. Но вот волк увяз в снегу задом.

Оскаленная морда с прижатыми назад ушами обращена к приближающемуся врагу. В предсмертном сверкании глаз непримиримая ненависть.

Но он мой, мой! Теперь уж его серое тело крепко сидит на мушке моего ружья, — какое наслаждение! От первого выстрела, как от удара плетью, он весь передергивается, морда никнет в снег... Но он жив, он судорожно вытягивает еще в стороны то одной, то другой лапой. Увязая по пояс в снегу, подбираюсь ближе... Теперь уж, в десяти шагах, картечь шлепает тесной кучей, шерсть в одном месте разлетается, как пух из подушки, закоптелый пыж валяется вблизи на снегу, и противное, истерзанное мясо вылезает, кровавя снег вокруг!..

Не правда ли, жутко становится за человека? Поистине ужасна эта цельность сладострастной жестокости, не знающей никаких колебаний, никаких пределов. Человек-зверь пред нами встает во всей своей первобытной непорочности. К врагу нет пощады, для врага нет сожаления. Ни кровь, ни жалкий вид ковыляющей серой фигурки спасающегося зверя ни на миг не отвлекает от ненужной и злобной жажды крови. Человеческое спит в человеке, сохраняющем в полной мере и силу сознания, и отчетливость представлений, и яркость эстетических переживаний. Ему «странно слышать грубые слова в торжественном полусумеречном воздухе», он замечает, что снег не по-утреннему бел и беззвучен, что кровавый след чист, где снег посуше, а по мокрому ржавеет и расползается как «сиена» на сырой бумаге.

Как ни правдиво, по видимости, изображено охотничье опьянение, но за всем тем чувствуется какая-то нарочитая сгущенность красок, умышленное намусоливание злодейского в звери-

ной натуре человека. Под пером поэта волчья душа вырисовывается мягче и даже стыдливей. Слишком уж неестественно неизменное равнодушие к чужой боли и к чужой смерти, которое проявляет зайцевский человек не только во время охоты, когда ослепляет ярая, почти звериная страсть, но и после, когда утомленный напряженной, но удачной травлей, он спокойно созерцает окружающий мир.

«Мы взвалили волка на розвальни и поехали. Стемнело совсем уж. Я лежал на спине, вытянувшись во весь рост на розвальнях, придерживая левой рукой волка, который лежал со мной рядом и тоже как будто смотрел в небо. Впрочем, оба мы одинаково ничего не видели там и не могли ничего увидеть и понять: глухая страшная ночь чернела вокруг нас и над ними, и было все равно, смотреть ли вверх, вниз или еще куда. Все вокруг было одинаково непонятно и враждебно нам».

Странно и дико звучит это «мы» охотника, отнесенное к мертвому, замученному им же зверю. Только смерть примиряет и сглаживает границы отчужденности и вражды, ибо к мертвому тылу нет притязаний, оно уже не может питать сладострастной жажды крови.

Они возвращались почти друзьями. На раскатах волк откатывался и человек обнимал его...

«Дома волка трогали, жали, щупали; только старая, почти лысая кухарка Аграфена, которая прожила около восьмидесяти лет, всматривалась в него угрюмо и молчаливо». Предчувствие близкой смерти как бы сблизило старуху и убитого зверя.

«На улице же в это время выл и крутил уже яростный ветер и дергал ставни окон. Много позже, когда все в доме спали, я отправился через целую вереницу пустых, гулких комнат в залу посмотреть, заперта ли балконная дверь.

Толкнув ее, я вышел на балкон. Снег слабо белел на нем, а дальше чернела, как непереходимая бездна, бесконечная бушующая мгла, то свивающаяся вихрями, то удушающе налетавшая спереди, с воем охватывая всего, с головы до ног.

Вспоминая нашу пустынную борьбу, там, в безлюдном поле, я не испытывал ни радости, ни жалости, ни страсти. Мне не было жаль ни себя, ни волка, ни старую кухарку Аграфену, но не было бы странно и то, если б в этой бездонной тьме я увидел неподвижное лицо Вечной Ночи с грубо вырубленными, сделанными как из камня огромными глазами, в которых я прочел бы спокойное, величавое и равнодушное отчаяние».

Отчаянье — вот слово, которое составляет разгадку онемевшей души. Равнодушное отчаяние, как отзвук сознания своего бессилия и безволия пред зверским ужасом жизни, пожираемой смертью и утверждающейся на смерти же.

III. ЗВЕРИ

Коллективный человек не уступает одинокому в мрачном сладострастии убийства. С угрюмой беспощадностью вскрывает художник хищные и кровожадные инстинкты толпы, лишенной человечьего облика на всем протяжении рассказа «Черные ветры».

Холодно, слякоть. От дождя все встемнело. На площади стальные лужи, и сумерки кружат, веют темной птицей. На вокзальной площади кольцо мясных лавок. В них висят свежие туши, рубят мясники, и кое-где подвешенные рыбы, — как жирные плавни. Посреди площади, у водокачки, сбились кучей ломовики — громадные в белой муке; красные глаза у них сверкают.

— А-а, сволочь! Мы им покажем!

Поездов с вокзала нет, товарные склады безмолвствуют. Ломовики свирепо кричат. Их лошади грызутся, дыбятся, и по временам возчики жестоко бьют их кнутовищами в морды; и все эти белые гиганты, железный грохот телег, кулаки, драные одежды и распухшие веки — все сливается в одних злобных земляных духов.

— Только сунься, мы им покажем! Только пусть попробуют!

Приказчики из мясных склабятся и сучат рукава. Мрачная кровяная туча стелется по земле, ползет, как тяжелый пар. Элеваторы на путях железно отблескивают.

Вдруг из-за станции движется что-то: глухо-чернеющей лентой тянутся рабочие; поют, вверх летят шапки. Эта горячая волна ближе, ближе.

— Идут, идут, не зевай!

Черный поток все виднее. Ломовики бурлят; наскоро выламывают слеги, появилось дубье, бегут приказчики, взметывают батоги, и как орда скифских зверей рушатся они на противников. Тусклый ветер кружит над площадью, сумрак реет; мучные, вихрастые волны злей; точно огненная буря охватила всех, гигантская масса воет, бьет, кромсает; тело хляскает, бьют по живому, рвут; в кровавом бешенстве загоняют во дворы, давят, кусают. Лошади мечутся, телеги грохочут.

— Узнали как бунтовать! Узнали! Узнали!

Красная мгла застилает глаза. Хочется бить друг друга, бьют своих, себя — откусить себе руки и в пьяном экстазе броситься под колеса телег или товарных вагонов. Уже черных забастовщиков нет, как раздавленные муравьи сгинули они куда-то, и теперь ломовые бьют союзников. Мясные трещат, стекла выскакивают; засверкали убойные ножи — около освежеванных туш.

— Разбой! помогите!

Казаки — сухой вихрь. Узкие поджарые лошаденки вонзают седоков, как стрелы, в глубь свалки; снова хлест, нагайки, свист.

Так рисует угол жизни хлебного города кроткий, нежный лирик, каким многие почему-то представляют себе г. Зайцева. И как во «Мгле» он возвращается к переживаниям человека после травли и убийства зверя, так и здесь вслед за кошмарным описанием погрома поэт широкими штрихами набрасывает картину отдыхающего города.

Прошло полчаса — никого нет. Дождик сечет голую заплаканную площадь. На ней клочья крови, сбитые шапки, и по углам таится горячее страдание: боль изувеченных скул, расквашенные носы, глаза, зубы. В свисте ветра кричат черные вороны, предвещая мрак; фонари жалки, и все лавки угрюмо заперлись. Тяжелый тучный и сытный город лежит вокруг; по низким улицам рядами дома купцов и лабазников, — хлеботорговцев, булочников, бакалеев. Ставни заперты, захлопнуты щеколды, и изнутри, со дворов, лают собаки. Близок час сна; пелена жирного сопенья охватывает эти углы; перед тем, как отойти к постелям, отягчавшая от денег, пеньки, бочек мысль ворочается в головах; волосатые тени накаляются изнутри жаром съеденного за день; кулебяки, гусь с капустой — переходят в нежно-пламенные желания, и перед ночным отдыхом волна наслаждений закипает в этих домах, где пахнет снедью, лампадками и накопителями-предками.

Какая тяжелая и грубая кисть! Горячее страдание после погрома художник сводит без малейшей иронии к боли изувеченных скул и расквашенных носов; мысль, отяжелевшая от бочек, ворочается в головах, волосатые тела накаляются, как печи, изнутри снедью, гусь с капустой и кулебяки переходят в темно-пламенные желания! Аляповатая небрежность и шарж рисунка здесь заменяют пафос негодования, внушая отвращение к этому городу и к этим людям, так грубо и презрительно описанным в мнимо-объективной и спокойной картине.

Даже женщины циничны и зверски грубы и, отходя ко сну, злорадствуют вместе с мужьями.

— Я молодцам накажу: ежели у лабаза увидят стриженую — без разговоров, тащи сюда! Мы уж тут разглядим, что там у нее красное!

В ответ бесстыдное рычание и ласки вдвойне.

Недаром эту звериную жизнь поэт торопится погрузить вместе с собаками, лошадьми, «всех в одну безвестную хлябь» сна. Но и здесь кажется ему, «что в этой ночной, хмурой жизни в спящих тварях вновь сгущается тьма, злоба, тяжесть».

Литературная критика вменяла в заслугу нашим классикам умение отыскать в самом обомшелом и преступном сердце божью искру. Вместо ненависти к людям-злодеям внушалась боль по загубленном в них человеке и вся сила удара направлялась на социальные условия жизни, разделяющие людей на враждебные станы. Учитывалась великая потеря для детей тьмы, ибо быть человеком величайшее благо и величайшее зло — всякая неосуществленная возможность человека, в благородном значении этого слова. Жаль тех, которые могли быть людьми, а влачили жизнь звереобразную. Так своеобразно культ личности претворил идею христианской любви к врагу. Но благо ли быть человеком для г. Зайцева? Нет, это только горестный удел, который мы покорно должны влачить на грешной земле.

И хотя г. Зайцев, по-видимому, освобождается от романтического гуманизма абстрактного человека, хотя он чужд всеобъемлющей любви к врагам, но было бы ошибочно заключить отсюда, что в основе его беспощадной характеристики черной сотни лежит реалистическое понимание классовой психологии. Социальные антипатии, выступающие здесь, имеют иные корни, и решающим моментом является все тот же абстрактный человек, только вывороченный на изнанку, ибо вообще человеческая натура представляется поэту темной и низменной в своей животной основе. Вот почему, говоря с холодным бесстрастием о влечении к убийству, художник видит в нем не падение человека, а лишь естественное выявление его внутренней природы. Это не падение и не пароксизм безумия, как хочет показать г. Куприн в своем рассказе «Убийцы», а одно из звеньев в цепи естественного процесса жизни. Убийца г. Зайцева не кается, он органически лишен возможности по существу своей природы испытать когда-либо стыд или отвращение к своему деянию. Г. Зайцев как бы пишет ответ А. Куприну, у которого трагизм жертвы стушевался пред трагизмом ее убийцы, задавленного ужасом далекого воспоминания о содеянном. А. Куприн тоже говорит о непреодолимой стихийной силе «тихого влечения убивать», но он называет ее подлой и видит в ней не звено естественного процесса жизни, а патологический надлом в угнетенной психике человека, временное помрачение разумной воли и нравственного сознания. А главное, наряду с этим он выдвигает органическое отвращение к убийству, как глубочайшую основу человеческой природы, независимо от жалости или ненависти к жертве, независимо от характера социальных симпатий. Это глубокочеловечный мотив и он нам ближе и роднее, чем равнодушное отчание, которое г. Зайцев прочел в нарочито выдуманных им каменных глазах ночи.

IV. ХРИСТИАНСКАЯ КРОТОСТЬ

На всем протяжении рассказа г. Зайцев не изменяет своей жестокой и хладнокровной неприязни к человеку города. Чувствуется органическая ненависть к темным заблудшим людям, я бы сказал, святая ненависть, если бы она толкала на действенный подвиг, на борьбу. Вы послушайте, сколько уничтожающего презрения и равнодушной брезгливости вложено в это, например, изображение всероссийской сыти:

Грязное и туманное утро: праздник. В городе звонят в церквах, и туда идет темный народ. У часовен, икон, шныряют монахи, с амвонов попы читают проповеди. А на улицах сплошной грохот — плетутся допотопные пролетки, провозят в рыдванах иконы; стоят дюжие дворники, воняют нечистоты дворов, мутнеют трактиры, хлюпает грязь под ногой — кипит тяжеловесное тело, всероссийская сыть.

Ненавидит художник эту сыть, которая злится, что железные дороги не работают, что снедь подорожала и нет подвоза водки. Не жалея темных красок, рисует он, как прежняя жизнь, косолапая и развалистая, глухо рычит в подпольях, как оттуда оскаливаются ее зубы. Пред нами проходит ряд вариантов звериной злобы и насилий. «Черная сила обкладывает город, точно гигантское тело народа выгнало ядовитую сыпь, темную злую болезнь». Здесь бьют с остервенением человека в синей фуражке и, избив, «разбредаются по домам». Там «черные отряды липнут друг к другу, как стаи мух», «набрасываются жаркими оравами на одиночных, подминают, хрипят, давят, и как мерзкие цепы молотят кулаками по живому». А тут «их бросает в глубь домов, и как мрачные волны топят они жизнь в стонах, боли, крови, муке».

И в заключение широкий размах охватывает сразу скорбное зрелище всероссийского избиения.

В это время на старых колокольнях города ревут ветры, и мощные колокола гудят; они гудят страшным полуночным воем, как трубы бед. В дальнем мраке полыхают зарева, медный гул катит в воздухе на могучих колесницах; и в четырех концах города и дальше над великой страной встают четыре грозно-пламенных факела, четыре диких жертвенника, где горят люди, девушки, дети.

К чему же приводит автора эта страшная и грозная картина бед? Казалось бы, дай ему гильотину в руки, и он опустил бы ее, не задумываясь, чтобы одним ударом отрубить голову всероссийской сыти, которую он так беспощадно и с такой брезгливой ненавистью описал, не отыскав в ней и следа челове-

ческого облика, ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем: «ядовитая сыпь, темная злая болезнь!»

Нет, кроткая душа поэта-христианина смиряется пред ужасами жизни, и он произносит невероятные слова примирения.

— Да будет!

Высоко в черной тьме лицо Скорбной Матери; Старой Матери, что безмолвно точит слезы над великим страдалищем. Буря и тьма бунтует вокруг, вихри кричат железными и звериными голосами, мрак клубится; над вспененной рекой, на железно-сетчатом мосту засели небольшие черти и визгливо голосят; потом камнями падают вниз, с резким стрекотом мчатся над водой быстрее куропаток и захлебываются в кровавых наслаждениях.

Что это, бред больной души? Ростки христианской кротости? Художественный прием? Кто его знает! Во всяком случае тут добрая дань тому мистицизму, о котором иные только говорят, а г. Зайцев воистину поклоняется.

Мистическим аккордом завершается ярко и звучно написанный рассказ. И этот мистический выпад здесь не случаен, он глубоко коренится в самой сердцевине мировоззрения и жизнечувствия художника.

V. МНИМАЯ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ

Посрамление плоти и разума земли — такова основа миросозерцания поэта, быть может, и не сознаваемая им. Все плотское злобно и дико, плотское в том широком смысле, какой придал этому слову христианский аскетизм. Языческая многоцветная земная жизнерадостность — в свете христианского аскетизма есть орудие дьявола. Вот почему крепкий уклад жизни, завещанный «накопителями-предками», г. Зайцеву представляется не иначе, как чем-то звериным; его ненависть к отсталым слоям — отзвук отжившего миросозерцания; вот почему, рисуя быт, он напирает на растительную, а не на социальную природу жизни, и существование бытового человека в его изображении — просто какой-то смутный физиологический, идущий, как сквозь сон, из тьмы веков процесс. Звери, растения и стихии природы очеловечиваются им, они действуют самочинно и целесообразно, а сам человек, царь природы, — игрушка неясных темных сил. Не он действует, а что-то в нем и через него действует. Бытовая жизнь лишена творчества, лишена начинанья. Она безвольна и бессмысленна, зверообразна, утробна, беспощадна и жестока. Это механизм, не нами заведенный, не нами

направляемый, но механизм, работающий с холодной расчетливостью и неугасимой злобой, питаемой жадностью утробного человека. Тяжело и угрюмо движется мысль поэта в области быта, ничто здесь не радует его взора. Это или сплошное прозябание на лоне природы, или кошмарный взрыв ненависти против нового, незнакомого, нарушающего животную рутину жизни.

Темные краски своей палитры г. Зайцев приберег преимущественно для города. Он ненавидит городскую сыть, деревенская же рисуется ему на лоне природы если не всегда обворожительной, то во всяком случае не противной. Мало ли хищных попов в деревне, но г. Зайцев рисует нам благолепного эпического Крона, совершающего свое древнее и трудное дело так легко и хорошо, а главное просто и красиво. Мало ли деревенских богатеев, накопителей-хищников, кулаков, а г. Зайцев останавливает свои отдыхающие взоры на хозяйственной бабушке, которая вытаскивала нужные и забытые шубы или перебирала яблоки и которую всегда обволакивало что-то «здешнее, прочное, чего не возьмешь ничем». Мало ли в деревне мужичья неумытого, темного, злой, грубой деревенщины, глуповатых зубров, а г. Зайцев с упоением рассказывает про умытых и умных, здоровых и сильных степных людей, которые весело хохочут, целуются, обнимают друг друга за талию. Даже деревенские работники и те, у г. Зайцева, чувствуют себя в деревне, как у Христа за пазухой: «Земляные люди рады зерну, хоть и чужому». Режут боровов, похожих на ходячее сало, — так и это выходит нежно и красиво. Видите ли, сами «они лежат, ждут ножа». «И когда глядишь на такого, как будто уж видишь, как плавно и легко погружается тонкий нож ему под горло». Даже ветры на радость человеку тут утихают, «и в облаках любовь и благозвучие».

Христианское уныние и начало воздыхания еще не окончательно овладели душой поэта. В «Полковнике Розове» он даже обнаруживает такую силу буйного восторга, непосредственного восхищения и умиления солнцем, зеленью полей и бездонной зеркальностью вод, что начинаешь тревожиться за участь унылой христианской мины, которая так романтично и своеобразно освещает лицо поэта.

Он одобряет своего резвого пса и жалеет, что у «самого нет сейчас четырех упругих лап», чтобы молнией нестись по зеленым вечерним полям, кругами, зигзагами, волчком. Поэт сбрасывает с себя при сем случае бледные мистические одежды, и, поглядывая на мир поверх своих кошмарных очков, не мудрствуя лукаво, предается без оглядки радостям растительной

жизни. Пьет, ест с наслаждением, спит, нежится на солнышке, бесится и носится с детворой у бугорка, запуская змея, и в опьянении готов вместе с ним «подлецом» улететь в восторге туда, к небесным бродягам, облакам. И ночь, и день настраивает на этот раз поэта весьма благожелательно. Солнцу он желает от Бога здоровья, воздух для него — ром неба: «не хитро человеку и опьянеть». И хочется ему побегать в березняку, высуня язык, палить в воздух в честь неба и солнца, завтракать в тени, уложить спать старенького полковника и «отмахивать веточкой мух от полковничьего лица. Спи, полковник старый, спи, тихонечко усни». Сам полковник Розов — весь благодушие и одно умиление. Пьет чай с вареньем и «бессмертно-чистым» медом, возится с крестьянской детворой, с цветами и овощами на своем огороде. Одним словом, живет тихой умильной жизнью старосветского помещика. В такой безмятежной обстановке мистическому опыту, очевидно, не место. Старосветская усадьба, потонувшая было в туманах «Тихих Зор» и космических объятиях «Деревни», выступает вновь и душа поэта витает в пределах частокола в невинном умилении. Как хорошо, как мило написан теплыми тонами ласкового добродушного юмора «Полковник Розов»! На этот раз самому Борису Зайцеву, вечно и неустанно помышляющему о Провидении, «даже странно подумать», что от них, от убогой избенки полковника, этих бедненьких редисок, которыми он угощает, от сыровара Бирге и приказчика Орешки «вверх идет бездонное, точно некто тихий и великий стоит от нас и над нами, наполняя все собой и повелевая ходом дальних звезд».

Положительно, полезно Зайцевскому человеку пить портер, курить трубку, бегать, высуня язык, по березняку и прислушиваться, как визжат на деревне, где «кучер Петька не дает спуску девкам». Облагодушел, размяк вовсе человек, и следа нет волчьей жадности, желания рвать зубами и руками чужое мясо. Разгладились «мудрые» морщины поэта, сгибли скорбные нотки, очаровательная, сытая блаженством безмятежности мелодия торжественно льется от самого сердца. И как милы эти люди, не нуждающиеся в разуме, почти не размышляющие, растворяющиеся в лучах солнца, в питье, еде и в спанье, приближающиеся к уровню растительно-животной жизни до полного слияния с ней, так что чувствуют даже ту работу, которая идет «в груди крепко и грубо сделанной деревенской земли».

Таковы деревенские симпатии автора, его любовь к сельской уединенности, подальше от мира.

Мы не знаем источника неприязни г. Зайцева к городу, но она представляется нам весьма любопытной чертой. Это все

тот же православный романтизм благочестивого христианина, ненавидящего шум городов, их запутанную, сложную жизнь, требующую личного напряжения ума, социальной организованности, неустанной борьбы, творчества, железной воли. Город несет разрушение старосветской идиллии, он разметывает частокол усадьбы и безжалостно разбивает вдребезги деревенскую гармонию, ее тихие грезы наивно-набожных душ. И неприязнь поэта к городу чисто деревенская. Его кошмарная фантазия, минуя фабрики и заводы, преследует лабазников и хлеботорговцев, булочников, мясников, непосредственных пожирателей деревни. Древним духом пахнет город поэта и что-то старое, давно знакомое, как будто пережитое в далеком детстве, чувствуется в лирике «Полковника Розова». Поэт отдыхает душой и радуется безмятежности деревенских людей, однако лишь мимоходом. Слишком уж здесь много «здешнего, прочного, чего не возьмешь ничем», а душа поэта рвется в мистические дали. Стоит измениться погоде, а деревенскому человеку задуматься или почитать книжку о смысле жизни, — и вся деревенская идиллия летит вверх тормашками, тленная жизнь тускнеет, и снова на ее фоне выступает сморщенное лицо старушечьего уныния и покорности в ожидании погибели. Жизнь начинает отсвечивать прежними кошмарными отблесками, чудовищная и злобная.

VI. В ПОТЕМКАХ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

I

В мистическом, обвеянном смертью рассказе «Гость» осень надвигалась седыми туманами, осиннички краснели и старые вязы по аллее забагровели. И вот именно на этом фоне тихого умирания либеральный помещик Николай Гаврилович увлекается чтением французской книги о философе Филоне.

Даже в красном закатном небе и стоне дальней выпи виделось ему то высшее и мудрое-безмерно, в чем плыл его мозг.

И он, отложив книгу, встал.

— Жизнь или смерть, — думал он, — это все равно. Не это важно. Что же важно, он не отвечал; может быть, не знал слов, а быть может, и нельзя было словами сказать; но одно он чувствовал наверно: радость и холод надживненного, светло-ключевого нетленного бытия, процветающего на высотах.

В эту торжественную минуту босоногий мальчишка из кухни зовет Николая Гаврилыча ужинать и сообщает ему о приезде «господина станового».

Умело и сжато набрасывает Б. Зайцев встречу либерального помещика с добродушным жалким становым, молодым застенчивым человеком. Он просит ночлега, деться некуда. Пред читателем сразу обрисовывается пропасть, разделяющая этих людей, чужих и безнадежно далеких друг от друга. Они мыслят и чувствуют совершенно в разных плоскостях. Непринужденная объективность манеры письма заслоняет тенденциозный замысел автора, которого он не скрывает. Но вот в ярко и сочно написанную картину проскользнул унылый луч авторского понимания жизни и — пропасть исчезла. Все равны пред лицом смерти, и люди, безнадежно чужие, стоящие на противоположных полюсах жизни, становятся душевно близки друг другу. Вражда и рознь, оказывается, мнимые величины самообмана, в котором пребывают люди, лишенные скорбного понимания жизни.

— Много вы людей секли за это время? — обрывает неожиданно либеральный помещик простодушную повесть станового про свою жизнь «по честности».

И сразу побледнел снежно, потемнело в глазах.

Станового будто шлепнули.

— Нет, никого.

Потом что-то задергалось в лице у него, он сказал:

— Вы думаете, все полицейские — звери? — Николай Гаврилыч смотрел с тяжелой улыбкой; оскорбительная улыбка заливала его лицо; нужно было противиться — он не мог.

— А вы вот скажите, если б волнения аграрные были, вы бы ведь секли?

Жестоко было, трудно. Будто уж начинали порку. Становой опустил глаза и покраснел густо, почти подло. Он это чувствовал, и на молодом его лице, не привыкшем еще к гнусности, было отчаяние. Глухо он сказал:

— Наша служба трудна еще тем, что многие нас не уважают. Особенно образованные.

Николай Гаврилыч захохотал.

— Будете еще драть.

Однако после ужина под влиянием черной ночи, тоски и скорбного понимания помещик покаялся и извинился пред становым. И сам становой между прочим сообщил о себе, что его грозятся убить.

Николай Гаврилыч вздрогнул.

— Убить? Вас убьют?

— Не знаю, — становой сказал холодно: — быть может.

И немного погодя прибавил:

— Мне жену преимущественно жаль. Детей тоже. А самому мне весело не бывает. Живешь и думаешь: к чему? Вот разве вы, человек ученый (усмешка), скажете. К чему?

Николай Гаврилыч встрепенулся снова.

— Да, скажу.

И вдруг, голосом глухим и одиноким произнес:

— К смерти. Вот к чему.

И сказав, сам он побледнел, побледнел становой, и обоим показалось сразу, что Николай Гаврилыч сдвинулся куда-то, и, может, увидел то, чего не видать становому да и ему самому в другое время.

— Я пойду спать, извините меня.

Становой ушел. Он сжал плечи, и видно было, что ему холодно. А Николай Гаврилыч сел, потушил лампу. Оцепенение взяло его.

Тут следовало бы во благовремение поставить точку. Но поэт разрывает завесы здешнего мира и вводит нас в «страны мудрости». Описав предварительно холод, лившийся из ночи через сетку окна, пустынное безмолвие, огромный клен «в бездонном трауре осени и в мертвом свете ущербного скорбного месяца», он торжественно и плавно вещает:

«И тогда, в те минуты ощутил Николай Гаврилович *ее*. Теперь слышал он ясно, внутренним слухом ее ход неземной по пространствам, и ее божеский лик чувствовал, ее голос звучащий-звучащий, звучаший в нем и раньше, все той же грудной нотой — и скорбной. И он сидел, быв очарован ею, смотря в глаза своей погибели и не имея сил подняться. Сладким ядом он наполнялся».

Трудно без усмешки читать эти великопостные строки, несмотря на печаль и воздыхания, которые ими силятся изобразить. Этот трубный и скорбный вой смерти, это напускное умолчание ее имени, «глубокое знание», которое-де она несет, «страны мудрости», в которые-де она вводит — представляются нам мучительно надуманными. Так и рисуется унылая фигура творца-поэта с закрытыми глазами, старающегося куда-то сдвинуться, что-то увидеть из невидимого мира и невидимыми ушами подслушать неземные вещи. И вот он услышал, как в безбрежной дали неба хрустально звенели вечные зоны, увидел, как «Филон проплывал в горних, и загадочная, печальная улыбка миру шла оттуда: миру тесноты и тьмы». Собственно не поэт, а либеральный помещик все это видел и слышал, ощущая в своем сердце звучность и простор при мысли о том, что и лесочкам, и огородам так же, как ему, надлежит погибнуть.

«Смерть есть дочь Бога; она ведет нас к престолу», — так

он думал. «Мы теперь за порогом, и мы равны». И ему виделось, как спит сейчас становой, и какой он маленький и трпепаный; не было злобы, а в великой драме мира вставали перед сердцем дальние края той ужасной земли, где идет эта жизнь становойская, тех пустынь и скорбей, что лежат вдали, за селами и хуторами. «Все будет попалено, сгорит жизнь и ее мерзость».

В вышине шли холодные токи. Луна леденела, и некто строгий и кристальный говорил:

«Все у вас погибнет».

Но это не было страшно».

Мир быта и тления обезценивается в такой мере, что под звездным небом теряются всякие признаки социального и морального различия. Все равны, одинаково хороши пред лицом смерти: и либеральный помещик, размышляющий о Филоне, и становой, который если еще не сек, то будет сечь людей. Оба скорбны душой, обоим невесело, оба думают о смерти, обоим безразлично, жить или не жить, и оба одинаково жалки, ничтожны, никому ненужны и вероятно обоим «жаль преимущественно своих жен». Обоих сближает и как бы роднит скорбное понимание жизни.

2

Переоценка плотского существования естественно ведет к скорбному и печальному размышлению о «трубных нотах» смерти, с одной стороны, к апологии чувственности — с другой. Пессимизм не пускает глубоких корней на этой почве, а суживает лишь охват жизни в пределы жадного уловления радостного мига, приводит к «эгоизму вдвоем» и равнодушию ко всему, что находится за частоколом своей усадьбы, в прямом и переносном смысле слова. Утрата узкой «личной» жизни — вот момент, с которого начинается крах человека этого пошиба.

— «Знаешь, все, что есть лучшего в существовании таких, как я — ну, хоть женщин, все это сзади; а и есть оно по правде говоря одно: любовь. Мне ее уж не знать; никогда мне не жить и не любить, кого еше любила, — а вот буду только работать, работать на девочку да прошлое вспоминать».

Так глухой осенью ночью в поле говорит сестра брату.

— «Вот ты мне и скажи, — продолжает она, — так родились мы с тобой, жили сестрой и братом и любили друг друга, и люди мы ничего себе: а, однако, — главным образом страдаем, и умрем, над

нами все будет такая же ночь, да могила еще сверху. Как ты думаешь, к чему все это? Так себе, зря или не зря?» Ах, сестра, — она мне попадает в самое больное место: да, к чему все это? И ее печаль, и скорбная жизнь, данная ей, и смерть, и наша беспомощность. Она смотрит на меня и ждет. Я ведь должен сказать что-нибудь. Но молчу, сижу — какие слова я могу сказать.

— Как, и ты не знаешь? Слушай, брат, неужели и ты живешь так же, то же и ты в потемках... и ничего, ничего?» Голос Маши срывается, и трепещет, вдруг вся она приникает ко мне в дрожи и беззащитности, и сквозь острые слезы бормочет: «брат, брат, неужели ничего? Неужели и ты?» Я молчу, целую ее лоб, и едкие слезы стоят в моем сердце, слезы упадка и гибели.

Но этот взрыв слезливого отчаяния скоро идет на убыль и дело завершается покорным примирением. Сестра успокаивает брата и сама утешается любовью к своей девочке: «пусть, пусть мы умрем все, но мы так любили, так любили...» «Ах, брат, если б ты знал, что это за чувство...»

А брат, оставшись наедине, встречает утро со старым псом и, размышляя о гибели, благословляется:

«Стало быть, все мы погибнем. И он, и я, и сестра Маша, и старая тетка Агния» — в этот тихий, утренний час это кажется ясным особой, прозрачно-спокойной ясностью. Да будет! Нам дано жить в тоске и скорби, но дано и быть твердыми — с честью и мужеством пронести свой дух сквозь эту юдоль неугасимым пламенем — и с спокойной печалью умереть; отойти в вечную обитель ясности».

Мы не знаем, что разумеет г. Зайцев в данном случае над тасканием духа нашего с честью и мужеством «сквозь эту юдоль». Когда говорят нам эти же слова с церковного амвона, мы знаем, что речь идет о смиреномудрии, терпении, любви и кроткой покорности. Но в устах поэта эта речь попахивает излишком усердия ханжи, заговорившего языком требника.

Что же противопоставляется утробной жизни и скорбной юдоли здешного мира, над которым властвуют захлебывающиеся в кровавых наслаждениях «небольшие черти», куда уйти от «великого страдалища», над которым безмолвно «точить слезы Старая Матерь?» По ту сторону мира, прочь от мира, — отвечало старое христианство, и эхом повторяет тот же ответ и г. Зайцев.

В «Тихих Зорях» нежной и плавной кистью мечтательного поэта набросана картина, изображающая туманные образы людей не от мира сего. Их двое. Только друг друга любят они, только друг другом живут, точно на уединенном острове, и вспоминают еще о третьем, умершей жене одного из них.

— Больше года назад я потерял жену, — говорит один: — и она, и я, мы родились здесь, здесь я любил ее и был счастлив. Здесь ее отняли у меня, здесь я страдал и погибал — умру тоже здесь. После нее я люблю тебя только, и одно, что меня удручало, — это, что тебя нету тут со мной, что я потерял и тебя из виду.

Какой отчужденностью от живого мира звучат эти слова! Пригвожденное к месту одиночество светится в них тоскливою радостью уединения. После нее — он любит только одного Алексея, своего друга детства: после тяжких испытаний, горя и предвкушения смерти его удручает только одно — что вблизи нет друга Алексея. Вся многоцветная, многообразная жизнь с ее радостями и огорчениями куда-то незаметно провалилась, не оставив в страдающей душе никакого отзвука, оборвав все нити социального существования человека. Даже собственный ребенок с няней-мордовкой вырисовывается как-то случайно и неожиданно, где-то на заднем плане, и чувствуется ненужным и посторонним его присутствие на фоне идиллии уединившихся от мира друзей.

Тут, только в этой уединенности, оторванности от мира вырастает нежный цвет любви. И нежность их отношений изумительна. Взрослый мужчина, отец ребенка, опускается на колени и льнет головой к ногам больного друга, сидящего в кресле. И тот не удивляется, что голова сантиментального мужчины лежит у него на коленях.

Алексей не верит, что он будет жить и дальше. Но ему и так не страшно. Но зато его друг, видимо, верит. Когда Алексей умер, он заперся с усопшим. «Я плакал и целовал его руку, но почему-то мои слезы не были кровавы и больны, и то, что случилось с Алексеем, в сознании моем не была смерть. Я не знал, что это было; я ничего не знал, ни о чем не думал, но в то же время и глубоко знал, что Алексей неприступен».

Он так и не расстается с Алексеем. «Все время я жил с ним, и его образ, омытый светлыми слезами, прояснел — стоял передо мною нетленный, недосягаемый». Даже в шумном кругу молодежи они, мертвый и живой, неразлучны: «Вероятно, они чувствуют присутствие белых берез, глубокого озера, или знают, кто со мною: они ходят, играют и поют по особенному...»

Искренность, теплота и редкая задушевность этого эскиза говорят о подлинных переживаниях поэта, и чувствуешь, что не фраза в его устах слова о Едином: «Кто-то могучий и безымянный, чьего имени не разгадаешь, затопил все вокруг своей безмерною силой; он выдавливает из мозга мысли, он заливает все своей вечной, прозрачной зеленью; и небо, и вода

послушны ему. И тебя нет, хотя ты идешь и видишь». Это религиозное чувство, однако, не сопровождается ни подъемом активности, и творческой борьбой, о чем прожужжали нам уши воинствующие мистики. Религиозное чувство в изображении г. Зайцева не только не является устоем для утверждения личности, но, наоборот, сводить ее на нет. «Тебя нет, — говорит зайцевский человек, — хотя ты идешь и видишь».

Оно не вызывает на борьбу ни с миром, ни с дьяволом, а погружает в сладость бездействия и умиленной покорности:

«Сердце немеет и лежит распростертое, оно открыто любви; прошлое, настоящее и будущее в нем переплетаются; встает нежная радость о давно минувшем. Ползут сонные пароходы, стучат колесами. Из зеркальных далей, по реке, нисходит благословение горя».

Благословение горя! Радость о минувшем! — Даже здесь остался верен поэт тоскливым заветам старого христианства.

VII. В ДАЛЯХ ГРЯДУЩЕГО

1

Глубокая пассивность и безличие не оставляют зайцевского человека даже в минуты величайшего подъема духа, когда, по выражению поэта, «под мясом и черепными костями кипит тяжелая динамитная работа» и его герою, Мише, «кажется, что едут груженые обозы и идет корчевка старых пней». Увлеченный общим потоком могучего чувства, Миша мечтает:

— Если б была стена, меня хватило бы об нее, и я с радостью разможился бы и отдал себя». И глаза тянут вверх, точно оттуда кто-то строгим и точным компасом направляет движения людей.

Почти бессознательно, пассивный и ненужный, покорный чужой случайной воле, Миша ввязывается в толпу, идет со всеми неведомо зачем.

— Будут нас бить.

— Должно быть, будут. Может, будут стрелять. «Стрелять» — Миша внутренно, холодно улыбается. «Зачем все это? И для чего я иду на какой-то митинг? И почему тех двух барышен впереди будут стрелять!» Но мысли тонут и так и остаются законно недосказанными. А в ногах как-то весело и по-чужому легко.

Вот он — живой человек толпы, религиозно настроенный.

Нечего сказать, хорош. Не лучше представляет себе автор и того, кто влечет за собой эту толпу полумертвых людей, живых чужой волей, чужими чувствами, чужими целями.

— «Может быть, — говорит один из таких, — на нас нападут сейчас — но если и не нападут, то все равно, наверно, большинство погибнет в борьбе, к которой мы готовимся. Клянемся же умирать смело. Время подходит. Завтра все будут на улице! Завтра не будет работ, завтра не будни, а праздник, новый праздник народа. Кто за него, кто любит свободу больше, чем жизнь, — сюда, к нам! Здесь мы наклоняем знамена, и пусть тут будет дана братская клятва». — Сразу с двух сторон расступается человеческое море; бурный клич охватывает его; и тесной волной, как к великому жертвеннику, плещут люди к узкому проходу под знамена; слезы текут, знамена спокойны и мрачны. В кровавокрасном молчании, как божества, принимают они моления народа; и только пурпур алее переливает над светом факелов, освещая пламенным крылом проходящих внизу. А им, в чьих сердцах клокочет туман, эти огненные орлы кажутся строгой и несмываемой печатью. Миша захлебывается. «Боже мой! Боже мой!» И покорно, радостно он отдает себя волне людей.

— Завтра! — слышится справа. — Завтра! — говорят впереди, с боков жмут руки, и кажется, что завтра старые дома, улицы, люди, жизнь, сдвинется с места и пойдет в новом невероятном хороводе»...

Не печально ли? Талантливый художник, сам не замечая, опускается до театральной риторики, прибегает к бутафорским эффектам факелов, кроваво-красных знамен и каких-то огненных орлов, чтобы извлечь воодушевление из своей собственной груди. Но кроваво-красные эффекты оказываются бессильными там, где коллективная жизнь выступает из берегов стародавнего быта и ждет восторгов и похвал, а не посрамления от поэта, где нет уединения и нельзя уединяться нежным душам. Беспощадный и сильный в слове, позорящем толпу, поэт уединения тщетно пытается взять на своей лире верный тон для дифирамба. Он ему не дается.

Слезоточивое, ходульно-театральное зрелище братской клятвы борцов недурно гармонирует с мишиным объяснением народного возбуждения:

Миша поводит носом. «Нынче весь наш город поливают с неба серной кислотой, и мы дымимся, начинаем затлевать... глубоко, изнутри. Нас прожигает до костей». И сам он, на ходу, отдает встречных пылающими токами. А их мысли, как по телеграфу, отзываются где-то глубоко в нем.

Поэты древности говорили о похищении с неба огня. Г. Зайцев рассказывает о добровольном подарке неба, серной кислоте. Промышленному веку этот подарок вполне к лицу. Но все-таки он пахнет очень плохо. Недаром же Миша поводит носом.

Обожженный серной кислотой бедняга Миша после братской пурпурной клятвы сам не знает, что с собой делать. Оказывается — гораздо легче сразу с радостью размозжить себе голову на пользу общую, чем идти и бороться. Но поэт выручает своего любимца. Оказывается:

Безразлично, куда идти, все равно — идет не он, а они, — оно, и мыслить гигантское раскаленное оно. «Завтра? — Да, вероятно, завтра улицы пролягут иначе... Невозможно? Нет, очень возможно, и даже пожалуй иначе не может быть».

Не осилить бедному Мише вопроса, что будет завтра. Напрасно он всматривается в окно своей комнатки, с пятого этажа, в спящий «мудрый» город. «Взор его никнет, и лишь какие-то пламенные круги перед глазами, и колеблются людские хляби». В таком печальном положении остается одно — уповать на Бога и молиться. И зайцевский человек прибегает-таки к этому излюбленному средству, выручавшему в трудные годины его православных предков. Он молится:

— «Ты, великий дух, ты месишь, квасишь, бурлишь и взрываешь, ты потрясаешь землю и рушишь города, рушишь власти, гнет, боль, — я молюсь тебе. Чтобы ни было завтра, я приветствую тебя, Завтра!» — Миша снимает шляпу и низко кланяется.

Так жалко отразился в душе поэта могучий взрыв стихийной силы, коллективной воли, дерзкого до безумия вызова судьбе, брошенного творцами новой жизни в великом союзе с народными массами. Вместо апологии завтрашнего дня, вместо панегирика новой жизни написан злой памфлет на них. Борцы за великое изображены жалкими, театральными болтунами, а их солдаты — безвольными, ничтожными, почти малоумными людьми, готовыми лезть на стену, размозжить себе голову, отдать себя неведомо кому, неведомо на что, за одно только удовольствие поклясться под красными знаменами.

2

У Федора Сологуба солнце — злой, кровожадный змей-дракон, торопящий человека к убийству. Для Бориса Зайцева солнце — золотой приятель, навевающий тихие, блаженные и бла-

гочестивые грезы умиленного восторга. Коренной русский пейзаж не знает солнца-змия. У нас климат умеренный. Быть может, здесь имеет значение и различие религиозных настроений. Г. Зайцев истый христианин и содержит своих литературных чад в строгих правилах религии. Мысль о божественном почти никогда не покидает их, и говорят они таким языком, точно начитались листков Афонского подворья. «Чудесно растопить души в свете, — восклицает Миша в «Мифе», — и плакать и молиться. Быть может, после полудня над жатвой пролетают наши ангелы, особенные, таинственные русские ангелы...» Иконописное настроение поэта сказывается всюду. И в его плавно-торжественной речи, и в его словечках, и даже в рисунке пейзажа. Уж как далек, казалось бы, солнечный яркий день лета на исходе от христианского унылого благочестия, а поэту и здесь мерещится, что вкусные яблоки, тая, уплывут с дерев в небо солнечными призраками; в приозерных березах он прозревает «успокоенно белеющий хор» христиан: «не может быть, чтобы эти деревца не были невестами и не исполняли своей песни... послушай, поют». Самое место оказывается «на самом деле целомудренным», а поездка на велосипеде ни с чем иным не может быть сравнена, как с большим служением.

Вы послушайте, как любуется вечерним закатом влюбленная пара:

Они молчат — в строгости и благоговении, точно перед царскими вратами. Далеко по склонам и перелогам видны поля в радужной дымке; окно церкви сияет, как в алмазном венце; смиренные деревушки, распростершись под небом, льют кверху влажные и благовонные столбы-гимны.

— Правда, Лиса, все это ужасно глубоко? Точно тысячи блистающих кадильниц кадят. Иногда со мной бывает, как сейчас вот, что я ясно чувствую, как все мы, живя, мысля, работая, как тот мужичонка... вон пашет под озимое, что все мы вместе плывем, знаешь, как солнечные системы. Куда? Бог знает, но к какой-то более сложной и просветленной жизни. Все мы переход, и мужики, и работники, и человечество теперешнее... И то, будущее, мне представляется вроде голубиного сияния, облачка вечернего. Ведь люди непременно станут светоноснее, легче... усложненнее... и мало будут похожи на теперешних людей. И теперь это есть в них, но мало, искорками.

— Миша, — робко говорит Лисичка, — ты рассказываешь будто про ангельскую жизнь...

— Во-первых, ангелу вовсе не так трудно пролететь сейчас вон по той лазури. Во-вторых, людям незачем становиться бесплотными духами, — наоборот, они будут одеты роскошным, плывучим и нежным телом... такое тело, Лисичка, и портиться-то не может. Оно будет

как-то мягко кипеть, пениться и вместо смерти таять, а может, и таять не будет и умирать не будет».

Мы не хотим сомневаться в искренности автора, будем думать, что не в Записках философско-религиозного общества он вычитал разговоры эти и не позаимствовал их из публицистических писаний неохристиан и даже из семинарских учебников, а действительно подслушал в чьем-либо живом сердце нездоровые бредни о просветленной жизни с голубиным сиянием, о роскошных пенящихся и неумирающих телах. Но жаль, что г. Зайцев вообще мало подслушивает живых простых людей, а не выращенных на огороде религиозных идеологов; жаль, что у него человек либо обжорливая сыть, либо кровопийца, либо восхищенный до дури природою «милый страус», «рыба», «приветливый жеребенок». Жаль, что людям г. Зайцева дано плакать и восторгаться, унывать и молиться, но не дано ни говорить разумно, ни творить разумных дел. По воле их творца им не возбранено, а даже некоторым образом вменено в священную обязанность любить парно до исступления. И хотя у г. Зайцева много мудрых овсов, немало и псов тоже мудрых и многоопытных, всегда размышляющих, но разум человеческий все же не снискал пока еще у него благоволения. Быть может, это дело будущего? Дай Бог!

VIII. ПОСЛЕДНИЙ ЯКОРЬ

1

Когда наступает сезонная пора любви, г. Зайцев линяет, пепельно-серая маска христианской скорби истаивает в лучах солнца, обнажая румяное и веселое лицо. Так было в «Полковнике Розове», так повторяется в «Мае», где с небес никто не кричит: «все у вас погибнет», а прохлада, сходящая с звездных высот, не холодом смерти, а «бальзамом льет на городишко».

— «Очень вы меня любите? Пошли бы за мной на каторгу?» — спрашивает в записке отроковица. «И тут же на улице при улыбках и трепете огромной звезды Коля пишет ответ: на каторгу, на смерть, я люблю вас».

Даже великовозрастные особы с «понимающими глазами, с оттенком знания печали» ведут блаженный разговор.

— Соня, если б тебя любил кто и сказал: пойди на чердак, прыгни в слуховое окошко — так ни с того, ни с сего... Это хорошо бы по-твоему было? — Женщина молчала, про себя улыбалась и туманно сказала: «Хорошо, так и надо!».

Странные люди у г. Зайцева. При малейшем позыве к поступку, отвечающему их чувству, первое, что им приходит в голову, — размозжить себя об стену, пойти на чердак и прыгнуть в слуховое окошко... В конце концов эти головоломные упражнения для тех, кому «жизнь или смерть — все равно», не так уж трудны и ничего, кроме способности приходить в исступление, не доказывают. Но поэт именно в исступлении и видит спасительный якорь в погибельных волнах житейского моря. Это и есть тот заветный уголок, где еще ютится смысл жизни, если таковой вообще имеется у нее. В маленькой пьеске «Любовь» героиня, прозываемая Рыжий батюшка, очень умная женщина, все время думает, что бы такое сделать от любви к милому: «лечь бы ему под ноги, чтобы он прошел по мне, или в окошко выпрыгнуть и на смерть разбиться». В другом месте она же говорит своему возлюбленному, переходя с игривой нежностью на «вы»: «я как маленький песик на веревочке буду прыгать вокруг вас и тявкать... о чем я могу тявкать? Только об одном». У иных африканских дикарей при встрече с уважаемыми лицами маленькие люди опрокидываются навзничь или на брюхо и, подражая телодвижениям покорно и робко преданной собаки, выражают чувства своего почтения, преданности. Вообще раболепная мимика приниженной собаки дает дикарям целую гамму почтительных чувств. Но тявкающий песик на веревке, как символ глубочайшей любви, это уже значительный шаг вперед, — сделанный Борисом Зайцевым, вернее — его человеком. Подозревал ли автор, какую злую характеристику дает он этим незаметным, но по существу отнюдь не мелким штрихом.

В этой пьесе нежные возлюбленные все время беседуют о своей любви, поочередно изнемогая от нее до потери речи. То и дело пестрят ремарки:

«Прижимается к плечу и не может больше говорить...»
«Сидит в блаженном тумане, только глаза светлеют слезой...»
«Приникают друг к другу и так стоят в самозабвении без слов...»

Он настроен несколько мрачно: не знает, от чего зарыдать ему — от печали или от восторга; мучается, что «сотрутся имена на могильных плитах» и от них, и добрых знакомых на земле не останется ничего. Она его утешает.

Рыжий[1]: — Батя милый, а любовь наша? Разве можно ее унич-

---

[1] Это странное прозвище женщины «Рыжим батькой» иных читателей ввело в курьезное недоразумение. В прекрасной графине, этой очаровательной по замыслу поэта женщине, заподозрили дьячка с рыжей косицей. Само собою разумеется, друзья нравственности были весьма встревожены.

тожить? Нет, нет, нашу любовь ничем не вычеркнешь, вечно она будет жива. Разве может она умереть? Пусть мы умрем, и от нас ничего не останется, а может, мы и родились-то только затем, чтобы так вот любить, любить до самозабвения.

Граф: — Рыжий, рыжий, конечно, во что же я верю — только в одно, в любовь нашу» (*изнеможение*).

Трогательная пьеса заключается словами графа: Мы сгорим вместе и вместе воскреснем!

Читаешь и диву даешься, как мог такой задушевный художник не почувствовать, что он теряет меру, что от самозабвенной, слезливо сочащейся любви просто тошнит. Можно не соглашаться с Владимиром Соловьевым, когда он говорит об истинной любви, которая в своем величайшем выражении разбивает оковы необходимости и смерти, когда он уверяет, что такая любовь не может быть детородной, ибо вместо дурной бесконечности рода она утверждает личное бессмертие. Но какой шарж, какую грубую вульгаризацию этой метафизики представляет «Любовь» г. Зайцева! Чистое искусство мстит своему поборнику за самообман и жестоко карает холодную, тенденциозную надуманность замысла. Ни усердием речей, ни покрывающимися влагой глазами, ни изнеможением, ни гениальным движением снимания перчатки с руки, которое сердцу зайцевского человека говорит больше, чем иные слова, — не заменить подлинного глубокого чувства, всегда скромного и чуждого театральности. Да оно задохнулось бы в слезливой напряженности «тихого исступления», прославляемого пьесой г. Зайцева.

2

Наиболее крупным по размерам является последнее произведение поэта — повесть «Аграфена». Талантливый художник остался здесь верен себе и не внес ничего нового. Тот же торжественный, сбивающийся на церковный лад, стиль, та же тягучая, липкая и сладкая, как мед, речь, те же мистико-космические выкрутасы и то же миросозерцание, осколки которого, разбросанные доселе в зайцевских миниатюрах, здесь слиты в единое целое. Это синтез творческих мотивов г. Зайцева; человек представлен не в обрывках и не с космических высот, а вблизи и во всю свою долгую жизнь. Итог мрачный, почти кошмарный, ни одной светлой точки. То единственное — исступление любви — что еще видит в жизни как ценное зайцевский человек, здесь, в целом плане жизни, представляется острой и тяжелой отравой, радость которой почти мгновенна, но покупается тя-

желыми муками долгих лет. И злой насмешкой над человеком и человеческой судьбой звучат торжественные слова, которыми автор пытается выразить душевную ясность своей героини: «но о себе она знала, что такая жизнь, как она ведет, — без счастия и мыслей о нем, суровая рабочая жизнь женщины, отдающей себя, — есть наилучшая, честнейшая и самая ясная жизнь, как ни глубока печаль, коренящаяся в темных ее истоках».

Да разве в этом дело, в этом ложном знании, в этой печальной недоразуменной ясности и недалекой честности? Не этим ли держится раб в человеке и раба ли хотел опоэтизировать г. Зайцев?

Жизнь подъяремного человека, не согретого ни единым живым лучом общественности; жизнь безмерно-узкая, тягота которой облегчалась лишь мистическими верованиями во вмешательство в судьбу человека сил иных, засветных миров; жизнь без уюта, холодная, до боли одинокая, сплошная сочащаяся рана, изредка подживающая в ослепленном исступлением любви сознании, но не на деле, — вот что развертывает поэт пред нами с спокойной, кроткой христианской улыбкой в торжественно-тихой картине.

Какой-то недалекий критик возликовал по поводу разнообразия и богатства переживаний многокрасочной жизни несчастной Аграфены. Это жизнь-то крестьянки Аграфены, весь век промаявшейся в прислугах! Первая весенняя любовь ее сгибла, как однодневный мотылек, а потом шли годы темного, мелкого и грязного труда на чужих, не нужных ей людей, снова любовь кровоточивая, грубо и зверски оскорбленная, и опять труд, тяжелый мрачный труд в разлуке с дочерью, вдруг освещенный внезапной вспышкой животной тяжелой страсти к юношескому «телу-белый-цвет», страсти, не разделенной в своем «мрачном бешенстве» и уколотой брезгливой ненавистью, возвращение «смолкшей сразу» женщины в деревню, работа, смерть матери, ранняя смерть дочери от обманутой любви — и все.

Разбитое вдребезги сердце, черный труд без лазоревых далей, рабская тихая покорность судьбе, смерть и горе — вот чему позавидовал злосчастный критик. Надо быть упоенным или собственной фразой, или сладким голосом невинности, с которой г. Зайцев повествует свои кошмарные сны, чтобы сболтнуть такую непутевину. Проницательному критику Аграфена могла бы ответить всего одним словом: попробуй...

Именно попробуй, а не завидуй истерзанной душе.

Последний раз явилась не спавшей Аграфене монахиня.

В руках держала сосуд — «здравствуй, раба Аграфена». Так сказала. «Здравствуй». «Готова ли?» «Готова». Монахиня ей поклонилась.

«Вкуси». Аграфена медленно приподнялась, припала губами к чаше и долго пила. «Слышишь ли мою сладость? Идешь ли?» «Слышу», ответил наполовину не ее голос. «Иду». Монахиня подала ей руку, она взяла ее — медленно-медленно затянулось все туманными завесами, как бы сменялись великие картины, бренные на вечные, и чей-то голос сказал: «Вот идет та, которую называли бедным именем Аграфены, вкусить причастия вечной жизни и почить в лоне любви и благоволения».

Это были последние слова.

И последняя насмешка над несчастным человеком.

IX. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Г. Зайцев в своих рассказах набрасывает беглыми штрихами лик религиозного человека, который сливается с космосом, верит в преображение плоти, в бессмертие, в Бога. Пред нами встал во весь рост безвольный, пассивный, отдающийся, благословляющий горе, умиленный душою, недалекий, да и не нуждающийся в разуме человек, совсем не похожий на молниеносного творца жизни, опоясанного радугой знания и веры, который грезится иным мистикам-философам. Окруженный сиянием христианской нежной покорности зайцевский человек бездействен, лишен творчества, социальной общительности. Он одинок, и уединение не тяготит его. Случайная ли это игра религиозно-настроенной мысли или пророческое указание? Художественное творчество есть своего рода опыт будущего. Борис Зайцев незаурядный художник, и если он при всей своей симпатии к религиозному типу человека, ничего не мог иного сделать, как, оклеветав жизнь быта и унизив бытового человека, взрастить бесплодную смоковницу, то уж это вина, надо думать, не его одного, а и того миросозерцания, посильную дань которому он платит. Да и где и в чем могло бы проявиться религиозное творчество в социальной жизни? Наиболее активный, творческий и воинствующий класс современного общества не религиозен, он враждебен религии. Правда, до 40-х годов прошлого века все мало-мальски значительные социальные движения шли под флагом религии. Не чуждался ее и социализм. Но с того момента, когда низшие классы почувствовали под ногами почву, когда борьба за освобождение из области утопий перешла на поле практического дела, а социальная организованность рабочего класса дала уверенность в завтрашнем дне — социализм расстается с религией. Ее удел — утешать обреченных, вести их на борьбу, в которой они погибнут, видя в смерти порог к новой и лучшей жизни.

Не эти ли напевы мы слышали у Бориса Зайцева, который с своей древней христианской романтикой приютился в сборнике мистического анархиста г. Чулкова?

Мы не знаем, чего можно ожидать еще от г. Зайцева. В тех узких границах, в которых до сих пор вращалось его творчество, нам кажется, он уже достиг всего, чего мог достигнуть, и то изрядно повторяясь. Изменит ли он свой путь, и нащупает новую дорогу к более широкому и глубокому мироощущению, или же застынет и затеряется на старой — не берусь предсказать. Хочется, чтоб было первое. Правда, приемы его творчества не дают оснований для утешительных выводов. На протяжении одного и того же рассказа автор не устает варьировать понравившийся ему мотив, часто он бывает монотонен и однообразен, как бы подражает самому себе даже в архитектуре рассказа, в расположении частей. Но это писатель молодой и, что особенно важно, сразу обретший свой собственный лик.

Борис Зайцев делает вид, будто он дает объективную правду, рисует подлинную жизнь. Он ничего не проповедует, ничего не навязывает, он только описывает то, что видит, но описывает с тонким, обдуманным расчетом; и незначительный эпитет проходит, вероятно, строгий искус, прежде чем пойти в оборот. Поэт как бы старается вылущить жизнь человека из скорлупы очеловечивающих понятий и настроений, приближаясь и сливаясь с беспредельным охватом космоса. Космические картины эти получаются просто. «Пятеро двуногих ждут, — пишет г. Зайцев о сыновьях священника Кронида, — им тоже хочется домой, поржать на весенней свободе». Старики деревенские — «лохматое мшистое дедье... их лица в складках сплошь заросли мочалой, серо-рыжими космами; они похожи на сухие грибы, что растут на истлевших деревьях; глаза у них слезящиеся и усталые, а сзади за горбом длинная жизнь в хижинах, которые прохватывает насквозь ветер, с плетневыми навесами, курами, метелями и попами». Одним взмахом кисти художника сливает живого человека в одно целое со всем окружающим. Вместо солдат из полураздвинутых дверец вагонов выглядывают «шинели», шинели сидят, хохочут, хлебают, острят, орут песни. «В вагонах мужики-солдаты скоро засыпают. Тогда они совсем похожи на кули с мукой, что везут им навстречу».

Пассивная стихийность человеческого быта рельефно выделяется на фоне изображения мертвых сил природы живыми, весслящимися, действующими по воле. Полосы зеленей у г. Зайцева «ждут тепла, чтобы наливаться, зреть, передвигаться в деревне», где «частью застрянут, подтапливая мужицкие тела», а частью проберутся в город, «в красных вагонах медленно

будут пробегать среди *родных* полей, мимо *знакомых* верхов и широкораздольных речек». Ветер носится над полями, «отпевая русскую деревню», и т. п. Конечно, эти уподобления встречаются у всякого, но у г. Зайцева они слишком густо нанизаны, и двубоко подобранные, оттесняют человека в мир бессознательного, очеловечивая животных, одухотворяя стихии. Иногда на этом пути г. Зайцев договаривается до таких, например, выкрутасов:

«На козлах человек, у которого в мозгах свежее пахнущее дерево, стружки; Крымову кажется, что и он сам наполняется тем же деревом». Вот какие запахи бывают на цветистом огороде речи поэта.

Зайцевский человек слишком уж прост, немудрен и несложен, но беда не в этом, а в том, что он фальшив. Это не живой человек, а хорошо придуманный и великолепно срубленный манекен, на котором гораздо легче, чем на живом теле, расписывать пантеистические и мистические узоры.

Мы любим все же г. Зайцева как задушевного интимного поэта. Но нам кажется, и сам Борис Зайцев любит себя тоже. А это невольно нарушает прелесть эстетической непосредственности. Г. Зайцев любит, например, повторять до изнеможения удачные свои словечки. Красивое образное выражение «вихрастые» деревушки (на фоне равнинного русского пейзажа) автор положительно затаскал, не оставив ничего своим подражателям, буде таковые найдутся. Вихрастые деревушки, лохматые, взъерошенные, взлохмоченные, деревушки, риги, лошаденки так и пестрят. Если в одном рассказе вспоминается немец педагог, который говорит: «ожидаю тишино» («Май»), то в другом вспоминается такой же немец и тоже педагог, который говорит: «волк ел коза — действительный залог, коза ел волк — страдательный» («Полковник Розов»), попадется еще и третий немец, который скажет: «Видали вы зелэный пес?» Если не в каждом, то в двух, трех рассказах обязательно повторится одна и та же старушка-немка с чулком, с старонемецкими мыслями и с стереотипной фразой: «Ну, хороший мой человек». Только в одном случае она называется тетей Бунге («Май»), а в другой — тетушкой Люце («Аграфена»). Во «Мгле» есть старуха Аграфена, а потом и целая повесть «Аграфена». На стр. 102 фигурирует, «темное успокоение», а на 81 — «нежно-зеленое успокоение». Повторяются и целые фразы. Но особенно нравится поэту слово «мудрый». Конечно, мудрость штука притягательная, но премудро шепчущие овсы, мудрый безмерно утренний час, мудрый пес, мудрый город, мудрые страны и т. п. — это надоедает и начинает казаться напряженно фальшивым.

Скучна и деланна в любовных делах напыщенная торжественность, вроде: «Он же покинул в это время те края, не возвращался больше и прибыл таинственным посетителем, пришедшим в жизнь Аграфены», или: «Так в майской тьме, задыхаясь в сене, трепеща от любви, зачала Аграфена в своих недрах новое бытие», и т. п. фразы из жития святых. Неестественно и деланно звучит некий голос, принятый «внутренним слухом» крестьянки-прислуги, говоривший так: «Отныне ты будешь матерью, примешь и понесешь страдания, окрасишь твою душу цветом крови, и в муках и томлениях обретешь вечную правду, выше которой не было, нет и не будет ничего под солнцем». Весьма неудачно сравнивается ловко сплевывающий кучер Петька (тоже не разлучающийся с автором в его рассказах) с соколом в поднебесьи, которому место-де в дальних временах, в ватагах Разина, в грабительстве широко-волжском, в красных кафтанах, кутежах... и т. д.

Наконец, нестерпимо скучно делается на душе читателя от неизменной назойливой «чаши» гибели, которую тычет смерть в «Сестре», еще где-то, а в «Аграфене» надоедает до смерти: трижды подносится в приличное случаю время черной женщиной в одеянии монашенки, давая испить Аграфене темной влаги, указуя тем роковые этапы ее жизни. Но несмотря на эти неприятные художественные промахи, повесть «Аграфена» все-таки остается обаятельно прекрасной по своей форме, своим тихим, спокойным, надземным тоном. В ней, кроме этих мистических выкрутасов, есть подлинное мистическое настроение, важное и серьезное, столь понятное и родное для темной крестьянской души. Жаль, что в этих мистических потемках витает и душа самого автора. Они-то и сушат его талант, и если не рассеются, — поднесут ему тоже свою горькую чашу.

Самый пессимизм г. Зайцева, не глубокий и не последовательный, вытекает именно из его христианского романтизма. Христианство никогда не занимало той решительной позиции отрицания мира, какую занимать буддизм. Оно мир признавало, считалось с его реальностью, но презирало его и ненавидело, как царство диавола. Мирские блага — не кажущиеся, но малостоящие. Бегство от мира людей, устремление в загробные дали в христианском аскетизме часто уживалось с благословением тихой растительной жизни. Эта двойственность миросозерцания унаследована и г. Зайцевым. Характерно, что его жизнерадостность и его безотрадное уныние чередуются в строгом соответствии с ликом природы. Осень, дождь, глухая темная ночь, слякоть настраивают поэта на унылый и мрачный лад, и наоборот — солнце, звездное небо, лето и в особенности весна

внушают ему веселые мысли и тихие восторги. Фон безотрадного «Гостя» — унылая осень, в безнадежной «Сестре» — глухая, непроглядная осенняя ночь, свирепые «Волки» и жестокая «Мгла» тонут в холодных и злых зимних сумерках, в «Черных Ветрах» холод, слякоть, мрак, дикий ветер. Это неглубокие приемы, и становится как-то неловко за поэта, но зато радуешься за человека, который не окончательно погрязает в тине уныния и печали, и возвращается от смерти к жизни с переменой погоды и сезона...

Николай Абрамович

«ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА» У Л. АНДРЕЕВА И БОРИСА ЗАЙЦЕВА

I

Зайцева от большинства, от огромного большинства современных беллетристов отличает наличность определенно выработанного лирико-мистического миросозерцания. К земному он привержен крепкой, какой-то болезненной любовью. Любит тучную землю, «шелковеющий и сухо шелестящий овес» на ней, животных, людей, их избы, их скарб, их тела, их любовь и жизнь. Но берет все это он в тонком, проникновенном созерцании. Я однажды назвал его русским Роденбахом. И теперь мне хочется повторить это определение. Зайцев жизнерадостнее и лиричнее Роденбаха. Этот последний — как серовато-мягкий неподвижно-задумавшийся вечер, как беззвездные сумерки. В Зайцеве же есть росистое, солнечное, звонкое утро, голубой воздух и краски трав и цветов. Но, как и у Роденбаха, у Зайцева есть способность интимнейшего созерцания вещей. Души обоих склоняются над такими тонкими и нежными очерками красивого и изящного, что они кажутся слишком воздушными для грубого обихода людей. И у обоих карандаши очень воздушны и легки для рисунков этих неуловимых очарований.

Вот провел он читателя по путям жизни деревенской женщины Аграфены. И все — и жизнь, и любовь, и материнство, и муки, и смерть — обвеяны тишиной твердого и полного утверждения на мудрости и красоте. Рассказ жизни ведется благоговейно и строго, как будто совершается богослужение.

Таинственным предощущением жизненной полноты заставляет он страстно и болезненно волноваться молодую душу девушки Аграфены. Это волнение — стихийно, обще. Оно

охватывает того, кто живет, кто молод, кто стоит на земле и в жизненной жажде протягивает руки ее далям. И в первую юношескую любовь входят тайное обаяние весенних утр и ночей, «белых и росных зорь», свежих сумерок в прозрачной березовой роще, «медвяно-липкая и пурпурная травка луговых скатов» и ландыши, что по утрам бросала Аграфена в окно возлюбленному... Шуршали «премудро» овсы по вечерам, спокойно выходила над полями лилово-дымчатая луна в меланхолии, пахла унылей и пахучей полынь... Все это входило в боль и красоту первого расставания.

Потом — страсть, горение, стихийное и чистое, освященное, как из переходимых ступеней мудрой лестницы жизни. Зайцев останавливается над этим огнем не так, как современные беллетристы в своих эротических замыслах.

В саду жизни он на все смотрит тихо и строго. И страсть — один из цветков вечного цветения, над которым, как и над всем, — общий тихий полог мудрости стихийного жизненного творчества. Все пути ведут к живому и тихому началу, от которого разливается течение жизни. И страсть восходить к тому же началу красоты и жизни; это — «торжественное буйное богослужение на алтаре жизни».

И в светлой слиянности с природой с вечной тайной ее молчаливого цветения и жизненного трепета сливает он и тайну человеческой страсти, любовного расцвета, борьбы и зачатия. В саду в тихий рассветный час Аграфена почувствовала это.

«Тут было тихо; матовой пеленой одели росы траву, молодые яблони стояли все в цвету — белыми предутренними кораблями. Только вдали, где старая береза подымалась у забора, вдруг слабо и нежно завела свое курлыканье горлинка. Аграфена стояла. Под сердцем у ней билось живое и далекое, никому еще неведомое существо. И так молитвенно тих и мудр безмерно был этот утренний час, что вдруг показалось ей, теперь она постигает глубочайшую тайну. Точно предстала она перед Богом, как покорный сосуд, скудельный сосуд Его благодати и ужаса, и некто тихою десницей навсегда отмахнул от нее время, когда была она беззаботной. В величии и восторге этого чувства она пала на землю...»

Дальше эпизод, вполне совпадающий с замыслом одного рассказа Роденбаха, названия которого не припомню; прислуга, опытная молодая женщина, — пленяется болезненно-нежной хрупкостью юноши и с нежностью матери и любовницы берет его... Главы эти исполнены довольно тонко. Последний дар Аграфены — «братцу» — эти тоненькие вербочки в стакане с водой, отнесенные в его комнату, поразительно напоминают

Роденбаха и его любовь к тонким и нежным деталям жизни. Ткани, запахи, огни, цветы, краски воздуха — все это схватывает Зайцев с той любовью к их очарованию, которая еще сильней и сложней отличает Роденбаха.

Язык Зайцева своеобразен. Он не боится ни обветшавших торжественных слов, ни новых словообразований. Разбираясь в сложности ощущения, он находит тихую простоту слов для чувств природы и искренно-благоговейную пышность их для передачи ощущений мистических. Здесь строй его фразы становится твердым, а слова ставятся с особой обдуманностью, так что звучат строже и обнимают смысл широкий и вещий. Порой торжественность кажется излишней, и не всегда понимаешь, почему вместо «рука» он пишет «десница». Но прощаешь ему эту пышность, в которой есть какая-то ребяческая искренность.

И, наконец, в формах своего рассказа он проявляет красивую инициативу и вольность. Редко кто осмеливался, после Гоголя, ввести в эпическую ткань повествования нечто вроде прорвавшегося лирического ручейка. Зайцев свободно это делает и художественно согласует лирическую главку с общей архитектурой рассказа.

Так, глава XVII внезапно у него начинается! «хорошо в светлом лете ласточкам носиться над полями, ржам шуметь сухим шорохом...» и т. д. Но это говорит о большем, чем лирическая вольность повествования. Этот прорыв лирики естественно связан с основным складом таланта Зайцева, писателя очень цельного, дающего вещи из одной и той же своей глубины, из одного и того же творческого центра. В океане лирического приятия жизни, лирического озарения ее Зайцев затопляет все. Лирикой обнимает он судьбу людей, поэзию их любви, тайну их скорби, гнет их трудов. Жизненный путь, по Зайцеву, путь лирический. Человека всегда обнимает вещая таинственность природы, затопляет в себе, и нет ни одного стона муки, ни одного крика восторга, которые бы не входили красивым стихом в стройность мудрой поэмы существования. Человек не оторван от живой мудрости мироздания, но всецело живет в нем. Оттого так глубоко входят в душу и жизнь человека: зимой — белая тишина снегов, серебряное спокойствие окутанных в белое далей, тяготеющий сон мертвенного спокойствия; весной — травы, зори, ландыши; летом — тучные ржи, душные ночи, темные дали полей и звезды... Все оправдано и озарено чем-то океанически-огромным, затопляющим нас, какой-то вещей, восторгающей душу красотой. И к ней подходим мы в лирике ощущений мира и жизни. Еще в «Тихих зорях» Зайцев именно

таким образом, сквозь мистический лиризм, посмотрел на человеческую смерть и растворил эту смерть в беспечальной и ясной поэме мудрого и тихого цветения и умирания жизни на земле. Одни цветут, другие отходят к холодным и светлым далям земли, но все примирено, все связано одной мудростью и одной красотой. Все нужно. В «Аграфене» же в этой лирике, которая есть сущность миросозерцания Зайцева, растворена не только смерть, но жизнь и вся судьба человека.

Вот — тоже своего рода «Жизнь человека». Но проведите параллель между тусклой и холодной тоской и серостью существования Андреевского «Человека» и многокрасочной, полной теплоты и восторгов жизнью Аграфены Зайцева. «Человек» Андреева прежде всего мещански скуден и нищ. Он бессильно мечется в своих протестах против рока, он вместо того, чтобы жить живой полнотой данной ему жизни, бросает свои жалкие вызовы року, а вокруг него, Человека, — дивные богатства, россыпи переживаний, богатства чувств, которых он в слепоте своей не касается. Насладившись только сытостью и кошмарно-тупым довольством, этот жалкий человек кричит в бесконечность, в мировые пустыни свой крик: караул! Его грабят, у него отнимают его мещанское довольство. Но пройдя все ступени человеческого существования, он даже не прикоснулся к богатству, к мудрости, к красоте и тайне жизни.

Деревенская девушка Зайцева взяла у жизни столько, что у андреевского Человека глаза разбежались бы на эти богатства. Чего стоят одни только непередаваемо-прекрасные предвидения жизни в грезах юности, в полевых зорях... И все, чем поила эту душу жизнь, бралось в бессознательном благоговении, в бессознательной близости к вечной сердцевине жизни, к источнику ее чистоты и мудрости. Человек Андреева о природе ничего не знает. О мудрости и красоте общего потока существования ничего не знает. О тайне мук и счастья любви ничего не знает. Он живет в душных четырех стенах, в которых бессильно мечется. Аграфена же идет под вольно-открытым небом, в просторах воздуха, в виду светлых и цветущих далей.

И потому-то разно принимают они бремя скорби и мук. Человека тяжесть их пригибает к земле, и он в конце концов бессильно распластывается, как раздавленный ногой червяк. Аграфена же, осушая свою чашу горя, выпрямляется и становится все тверже и все больше устанавливается, и в тихом просветленном самоутверждении ждет последних шагов идущей к ней смерти.

Эту последнюю берут они в характерном различии. У Человека — кошмар, дом пьяниц, бредовые старухи, спертая

духота кошмарно-человеческого, в котором бессильно и тоскливо душа человека напрягается и гибнет. У Аграфены — спокойная ясность сознания; она принимает и жизнь, и смерть, смотрит смерти в глаза и умирает в ясности, в тишине, подобной осеннему светлому спокойствию.

В варианте пятого акта Андреев перенес умирание Человека из кабака в его обветшалый дом. Но кошмарность не уменьшилась, а, пожалуй, увеличилась. Бред пьяниц заменился пошлостью «Наследников». Затем те же старухи и — смерть.

Бедный Человек Л. Андреева! Автор отнял у него мудрость, поэзию, просветленность духа, тишину самоутверждения, чуткость к тайне и поэзии, жизни. Таким невооруженным, таким беззащитным пустил он его в жизнь. Только одно дал он ему — исступление духа перед раздавливающей его пятой рока. И совершенно непонятно, во имя чего же эта исступленность духа у такого духовного скопца, у такого грезящего о сытости мещанина, как андреевский Человек? Вот в чем видится мне та брешь, от которой разваливается вся постройка автора. Совершенно несовместимы карикатурная тупость человека в его довольстве (сцена бала) и гордое исступление в бедах. Это обличает зияющую ошибку всей постройки. Андреев выпустил автомата-человека в умерщвленную, пустую, серую жизнь и в отдельных моментах попробовал сделать его живым. Получилось не художественное произведение, а положительно, какое-то уродство.

О том, что для радостного и полного принятия жизни не нужна была какая-либо особая духовная одаренность, говорит уже то, что, например, Зайцев взял в своем рассказе женщину деревни, человека, который одним из миллионов ручейков вливается в общий океан существования.

Метерлинковские схематические формы губят последние произведения Андреева. Ключом матерлинковского творчества Андреев не овладел. Он упускает из виду тот элемент лиризма и особой тонкой и смутной мистической идейности, которые у Метерлинка питают сухую ткань драматической схемы и сообщают ей жизнь и своеобразную творческую значительность. От схем Метерлинка веет дуновением живой жизни, запахом цветов, ароматом непосредственных человеческих переживаний. За схемами бельгийского поэта есть какой-то задний план; автор открывает читателю новую глубину, в которую он входит, новую сложность. Через эти схемы читатель, силой творческого чуда, соприкасается с живой жизнью. У Андреева же кроме схем ничего. Пробуя идти дальше, читатель наталкивается на плоскость, на пустоту. У Метерлинка схема — это что-то вроде

окна, из которого дает он смотреть на вольность и простор жизни. Андреев вводит в комнату, окна и двери которой заколочены, сообщение которой с жизнью прервано. Вот четыре стены, душный потолок — и только.

Таков Андреев в «Жизни человека» и в «Царе-Голоде». Им совершен грех убийства жизни путем схематизирования, как в легенде ученик сделал орудие власти орудием своей гибели. Для мастера таких форм — схема — тонкое орудие в целях дать живое и нежное дуновение жизни. И в «Слепых», «Пелеасе и Мелизанде», «Аглавене и Селизете» и всюду у Метерлинка не мертвая схема, не паутина, в которой запутались высохшие трупы персонажей, а лирическая живая ткань, касающаяся нас ощущением жизни. Ученик же Андреев внутренней поэтической сущности этого орудия не понял. Он взял схему только как схему, отвлеченность как отвлеченность; жизненную непосредственность он как бы отрубил... И в результате — сухие контуры фигур, лишенные света и теней; не художественное воссоздание жизни, а решение математической задачи с заранее предрешенным ответом и готовыми данными.

«Царь-голод» еще безнадежнее, еще скуднее «Жизни человека». Художник к этой вещи не прикасается, ее делал ремесленник, — это несомненно. Минутное прикосновение к этим страницам художника дало им красоту и глубину творческого замысла и очарование воссозданной жизни. Но ни того, ни другого в пьесе нет ни следа. Замысел ее поразительно убог, а выполнение — однообразно-плоское, мертвое, не дающее ни одного живого штриха. И самое страшное — на этой вещи лежит печать какого-то искательства, какого-то угодничества писателя перед злободневными интересами публики. Андреев — слишком талант для того, чтобы пьеса, написанная по внутренним творческим побуждениям души художника, могла быть такой, по истине, бездарной. Несомненно, что писалась она насильственно, без того подъема, который сопровождает процесс живого художества.

После прочтения «Царя-голода» не остается ничего, потому что ни одной крупинки золота творчества в ней нет.

Колоссальные в основной концепции фигуры Царя-голода и Смерти вышли какими-то жалкими и смешными в пьесе. В них нет ни того величия разрушительных сил, какое должно было бы быть в них в картине народного взрыва страстей, ни романтической прелести рисунков-примитивов, в роде произведений Гольбейна, давшего серию рисунков-легенд. Картонные фигуры вяло движутся, а вокруг них деланное, какое-то фальшиво-декоративное движение народных масс. Слезливый и сан-

тиментальный Царь-голод проводит мелодраматическую сцену с призывом к бунту, которая вышла бы сильные и у Конан Дойля; здесь нет даже сильных эффектов; рабочие говорят затрепанные фразы, и недостаток впечатления дополняется чисто внешними средствами: ударом молота и рогом смерти. Ни одного жизненного рисунка, штриха. Далее, все эти Председатели, Хулиганы и пр. даны в тонах бульварных романов, и положительно кажется, что они вышли из романов Монтепена и других мастеров притонного и кабацкого жанра. Это фигуры, данные в трафарет. Наконец, третья картина показывает полное отсутствие стройности и цельности общего идейно-художественного плана произведения. Сцена суда дает подсмотреть что-то вроде развала творческого процесса, указывает на вялость, насильственность его, на вымучивание из себя неожиданных сцен, совершенно органически не связанных с предыдущими и последующими. Видно, что не было единого, цельного замысла, предопределяющего необходимость той или иной сцены. Вялая и скучная сцена суда — какой-то нелепый скачок в движении завязки пьесы. Она неожиданна и до самого конца пьесы непонятна. Почему Царь-голод превращается в галантного судью, зачем дешевая и ходячая тенденциозность конфет богатых и голода бедных, зачем вся эта сцена, полная фальшивых реплик?.. От начала до конца ее чувствуешь какую-то неловкость за автора: видимо, он попался в собственные сети надуманности, резонерства и тенденциозной сочиненности и бьется в них и не знает, как выпутаться.

Сцены пятая и шестая по замыслу величественны, но выполнение их убивает весь трагизм и силу замысла. Повторяя мотив «Жизни человека», Андреев хотел и в сцене «великого бунта» дать ту же кошмарную пошлость и плоскость толпы, охваченной тупой радостью или тупым страхом. Вообще, жизнь человеческой толпы символизируется у него бесконечно пошлыми звуками знаменитой польки. Но непонятно одно: если «Человек» — понятие общее, единое во всех условиях и формах жизни, то почему в «Царь-голоде» на долю одной части толпы он дал величественность разбушевавшейся стихии, дикий размах воли, а на долю другой — только уродливый страх и мелкое ликование? Ведь стихийный порыв жестокости, мести, торжества мог быть и у буржуа. Если вообще человек живет как бы под звуки гаденькой польки, то и бунт и взрыв и все будет совершаться под тот же пошленький и глупый мотив.

Впрочем, в произведении, где каждая страница, видимо, вытягивалась и вымучивалась из усталого от чуждой работы мозга, где работа облегчалась усвоенными формами и баналь-

ными, избитыми штрихами, образами и положениями, где художник работал как бы по заказу, давая не то, что *ему* нужно дать, но что казалось ему необходимым для читателя, — в такой работе трудно искать какого-либо примирения противоречий.

Это обычный самообман художника, который забывает, что для читателя лучшим будет только то, что нужно самому художнику, что произведение должно создать потребность не читателя, а самого художника. Допустить предписывать себе какие-либо требования, склоняться на них, идти навстречу им — это гибель для художника.

Художник силен только самим собой. Его дар, его замыслы, его богатства заключены в нем самом. Отойти от самого себя, как это делает Андреев, ловить интерес дня, фиксировать идеи, которыми волнуются все, кроме него, — словом, *навязать* себе чуждый замысел, — это значит не дать, в конечном счете, ничего.

«Царь-Голод» вышел, действительно, до тоскливости пустым и ненужным творением.

На сцене внешние эффекты пьесы могут создать некоторое впечатление, но при чтении обнажается скучная пустота этой книги, где художник дал все, кроме себя. Пьеса эта писалась как-то помимо души и таланта художника: это широкий удар в пустое пространство.

II

Андреев в своей краткой автобиографии («Ж. Д. В.») упоминает о том, что в юности ему жилось и серо, и бедно, и тоскливо. Бесконечное число унылых, гнетущих или больно бьющих по нервам впечатлений наслаивались над душой. В таких-то серых и грубых покровах она прятала свою нежность, свою скорбь, жажду красоты и свободы. Раз сильно согнутая, душа эта не могла выпрямиться и позже. Когда начались годы успеха, когда раскрылась оживляющая и свежая атмосфера труда, творчества и радостных, живых впечатлений, надломленная психика оказалась как бы окутанной облаком сумеречных или беспокойно-мучительных настроений, а острая, въедающаяся во все, как жало, упрямо сверлящая мысль уходила все глубже и глубже туда, где недрятся корни всех жизненных чувств и впечатлений. Здоровая непосредственность творческих отражений была безвозвратно потеряна. Осталась склонность ко всему яркому, режущему глаз и ухо, вызывающему ужас и содрогание, к мистицизму, к той подпочве трагизма, где им управляет холодная, вызывающая кошмарные образы мысль. Отсюда берет

начало сравнение Леонида Андреева с американским фантастом Эдгаром По. Здесь же начало всех тех образов и настроений, которые отразились потом в «Василии Фивейском», в «Бездне» и пр.

Ошеломляющая известность открыла ему ту полную свободу творческим проявлениям, которая для молодого, неустановившегося дарования бывает часто очень опасной. Не у всякого внутренний голос безошибочно указывает на тот путь, которым надо следовать. Свобода эта опасна тем, что молодой писатель, с болезненной внимательностью прислушивающийся к каждому движению своей души, часто сам создает, выдумывает эти движения, принимает за них какие-нибудь мимолетные отблески смутных и неопределенных настроений, в котором слишком пристальному слуху чувствуется какое-то откровение и тайный внутренний смысл. Это сообщает творчеству тяжелое и нездоровое *напряжение*, резкие следы которого остались на «Василии Фивейском», «Призраках», «Красном смехе» и проч.

Тут-то тяжесть свободы поднял и понес на себе Л. Андреев. Было ясно, что читатель *поверил* ему, что отныне художник предоставлен сам себе, что все написанное им, как и что бы он ни воспроизвел, будет принято читателем серьезно и с уважением, как к редкой и ценной вещи. Бремя огромного доверия всего русского общества принял на себя Л. Андреев. Даже такие рискованные в смысле темы и исполнения вещи, как «Бездна», как «В тумане», были приняты с выражением шумного интереса и восторга. Время шло. В своем своеобразном мирке Л. Андреев находил все новые, оригинальные, им лишь пережитые темы, которыми питались и общество, и литература. Горы произведений скопились вокруг первой книжки его рассказов, вокруг «Бездны», «Мысли», «В тумане», «Жизни Василия Фивейского».

Если изменяющиеся условия жизни меняют и психику человека, если не все равно жить в тюрьме или на свободе, если тот, кто широко и смело расходует полноту своих жизненных сил, кто обогащается свободным притоком жизненных впечатлений, разнится от лежащего в пыли под ногой Держиморды, — то в соответствии с этим должны меняться и наша оценка, наше мерило всего окружающего и в частности литературных произведений.

И действительно, то олицетворение мещанской пассивности русского общества, которое дал в лице своих героев Чехов, — разве не вызывает оно теперь еще более глубокой тоски и отвращения? И разве тонкость художественного рисунка искупит тот невольный протест против настроения, разлитого в этих рассказах, который поднимется в душе читателя?

Но если отойдет от нас в некоторых своих вещах Чехов, то кошмары Л. Андреева отойдут еще дальше. Пусть не кажется это странным тем, кто находит, что Л. Андреев, в противоположность Чехову, затрагивал вечные темы, чуждые злободневным вопросам современности. Ничто в такой мере не ошибочно, как это утверждение. На страницах Л. Андреева, в мрачном колорите его рассказов, в вымученности и болезненной остроте его тем, в том *напряжении,* которым проникнуто лихорадочное, беспокойное, порой исступленное нервное изложение, в замене свежей жизненной непосредственности каким-то сухим и рассудочным экстазом мысли и идей отразилась целиком наша трагическая, задавленная, изнемогавшая под каблуком Держиморды, действительность. Чувствуется, как на этих страницах дрожит и бьется искривленная, надломленная этими каторжными условиями жизни душа. Откуда эти кошмары, эти галлюцинации, эти видения «бездны», эти «призраки»?.. Ведь это все создала и родила лежащая вокруг грязным и мелким болотом жизнь. Перечитывать Леонида Андреева не значит ли возвращаться к кошмарам прошлого, не значит ли возрождать впечатления душных и страшных казарм дисциплинарного батальона, в которые давно превратилась было русская действительность?

Вспоминается картина одного прерафаэлита: оконная решетка тюрьмы и сквозь нее облик Христа, глядящий на мир глазами нечеловеческой печали, скорбными, больными от тоски глазами. Эти глаза видишь в лучших вещах Андреева, не таких надуманных и тяжело созданных, как «Губернатор» и «Так было», а там, где есть личное, «свое», андреевское, веющее подлинной жизнью.

Старое, старое вино Леонид Андреев вливает в новые мехи. Нужен прежний фон для этих созданий фантазии, те полусумерки мысли и сознания, что были... Но разве все, что было, уже сметено?

Разве кошмар возвратился?.. Неужели опять лихорадочная мистика, религия пессимизма, возврат удушья, отчаяния и бессилия?..

Александр Закржевский

МИСТИКА ЖИЗНИ И СМЕРТИ

> Я ничего не могу видеть вокруг себя в цвету, я хочу, чтобы все, меня окружающее, было печальным, поблекшим.
>
> *Бенжамен Констан.*

> Будь подобен розам: пусть порывы страстей отрывают твои лепестки, пусть их топчут страданья!..
>
> Пусть каждый экстаз умирает в тебе, пусть каждая страсть стремится к смерти!
>
> ...Смотри: мгновенье — и колыбель и саван; пусть всякая жизнь и всякая смерть кажутся тебе странными и новыми!
>
> *Марсель Швоб.*

Странен и неожиданен был приход Бориса Зайцева в русскую литературу. Это было в самое удушливое, самое кошмарное, самое больное время, когда умерли все силы и все надежды, когда душа истлевала в истомленных муках бессилья, когда все погибло и было бесцветно, серо и тоскливо, тоскливо до отчаянья, до безумия, до слез. И вот, среди этой безнадежной болезни, среди жалкого кривлянья паяцев, среди грязи, шарлатанства и всевозможных подделок под литературу, вдруг так неожиданно, так странно возник кто-то свежий и радостный до солнечного сияния, кто-то опьяненный жизнью и молящийся на нее, кто-то мягкий и светлый до умиленности, чья озаренная улыбка жгучим аккордом упала во тьму, и все вокруг вдруг запело, заликовало, зацвело, и родился новый мир — ликующий

и светлый, полный *своего,* интимного, сокровенного. полный неземного очарования, соединенного с тяжелым, парным, черным дыханьем земли... И все встрепенулись, заговорили, и маленькая книжка рассказов имела небывалый успех, вызвала восторженные отзывы во всех журналах различных направлений, и Ю. Айхенвальд заявил открыто, что возродилась русская литература!.. И то, что поразило, что тронуло, что удивило, была улыбка, давно невиданная, давно забытая, давно похороненная улыбка — лучистая и свежая, и искренняя до детскости, улыбка, проникающая прямо в душу, улыбка, как луч солнца в осенний, хмурый день, когда умирает вся жизнь, когда гаснут силы, когда в желтых, измокших листьях тихо тают скорбные слезы. И было чему удивляться: в час великой боли, в час суровой, безнадежно тоскливой скорби, в мрачный час, когда стыдно жить, пришел человек любящий и кроткий, с детскою, светлой душой и принес свою любовь, свою ласку, свое тихое счастье, и землю — ту страшную, залитую кровью землю, на которой свершается столько грязи и страданий, облек в лучистый покров света, полюбил ее, полюбил страстно и нежно, как любят прекрасную мать, воплотил ее в музыку, в тающую, серебристо напевную музыку, открыл в ней глубокие тайны, и рожденья чудес, и смолистое вино лесов, и таинственную жизнь зверей, и непонятное слияние людей с природой среди шороха листьев, среди поцелуев солнца, среди холодных аккордов снега... И принес свою душу в мир — свою женственно прекрасную, горнюю, прозрачную душу, и в своих звуках, в своих улыбках, в своих молитвах задумал создать новое царство, царство ласки и света... И это было так любовно, так светло, что хотелось проследить это творчество, чтобы увидеть, как люди умеют улыбаться и чем кончится эта улыбка — такая опасная в наше неулыбающееся время.

Можно двояко понимать жизнь: можно или пытаться в ней найти смысл, или же полюбить ее ради нее самой, полюбить до самозабвенья, слиться с ней. Последнее сделал Зайцев. Он пришел к ней уже понимающий, уже любящий, уже родной, он бросился в ее объятья доверчиво и блаженно, он навстречу ей вышел с открытым сердцем. И то, что в ней одухотворяет все, именно природа, очаровало и опьянило его. И ему захотелось сказать людям о чуде, что рождается в природе в час раскрытья души, о том великом чуде, что рассыпается золотыми лучами среди бытия и сквозит сквозь деревья, сквозь цветы и травы холодным, манящим дыханьем, призывая разум вникнуть в сущность видимых вещей и научиться понимать их душу, то, что — в них, то, что скрыто от людских глаз и является лишь в минуты откровения, внутреннего познания и экстазов души! Он

заговорил о том, что мы не знаем, в каком сложном, таинственном мире мы живем, что мы ходим и топчем священные цветы непознаваемого на земле, и что вся она — прекрасный цветущий сад, полный музыки и волшебных чар. Он познал голос природы, то призывающий, то томный, то сладко печальный, голос, что зовет душу в головокружительной бездне экстаза; и плачет, рвется, умоляет душа, улетая, и всюду тихо, и кто-то незримый в волнах света и ласки роняет расцветы волшебств, и вся земля, — как алмазный покров божества, и вся природа — как блаженное причастье бесконечно льющегося, белого восторга... Он преобразил землю в цветущую, золотистую ниву, где ходят зеленые волны, где цветут яблони и свершается майское чудо любви, всепрощенья, надежды, где пред ликом скорбящим, пред ликом родным, пресвятым, в жарком распятьи любви и страданья, вся — истомленная, пышная роза, отдавая жадные губы, молясь и чаруя, стоит Аграфена.

Когда читаешь Зайцева, кажется, что нахлынула на душу какая-то огромная, беспредельная волна самых разнообразных звуков и красок. И каждый звук полон глубины и обаянья, и каждая краска пышет сочностью, свежестью, каким-то ароматным, вкусным запахом, каким-то тайным и мягким очарованьем! Его творчество преображает мир, оно наряжает его в белоснежные одежды сияния и покоя, оно делает его другим, не таким, как видят все, а таким, каким дано видеть лишь немногим. Оно претворяет мир в дивную чашу, полную дорогого, редкого вина, которое опьяняет душу художника, которое дает ему высшее причастье. Что мы знаем о жизни земли, что мы знаем о северных дремучих лесах, о русской деревне с черной землей и навозом, и запахом пряных полей, о мгле — густой, таинственной мгле, что окутывает мир мутною фатою, в которой жутко и больно душе? Ничего не знаем, знаем заученные, надоевшие слова, знаем привычные формулы, знаем не то, что нужно, не то, что внутри, а — снаружи... Зайцев заглянул в самую сущность одежд этого мира, он проник сквозь них, и увидел нечто непонятное, нечто жуткое и манящее, что выше жизни, что светится сквозь жизнь и делает ее какою-то особенною, какою-то прозрачною и таинственною. Для него нет ничего мертвого, все движется, все живет, все чарует, каждая травка, каждый вздох ветра, каждое явление в природе имеет для него свой сокровенный смысл и одухотворено какою-то высшею силою, и когда голодные волки бредут среди острой пурги безнадежною цепью, и когда черный поезд мрачно тяжелеет в глуши, и когда выходят из недр земли мужики, серые и тяжелые, как первобытные люди, — он не копирует все это

с равнодушием художника, он чутко прислушивается, он всеми фибрами души вбирает в себя, впитывает *душу всего этого,* проникает сквозь покровы к корням, пьет с наслажденьем, с тоской тот сок, которым пропитано все это, старается как можно крепче слиться с ним, пропускает сквозь творческую интуицию, и являет миру новым, преображенным, вечно живым, вечно молодым и зеленым, словно воссоздает мир, словно облекает его своею душой.

Вот зимнее утро в деревне («Мгла»), когда тоска делается прозрачною и тает в серо-синеватых тонах, когда у снега, свой запах и отливают безбрежные поля багровым блеском, когда люди охотятся за зверем и сами превращаются в лихого, тоскливого, жуткого зверя; все вокруг бело, бело до алмазности, и сам символ зимы, ее музыка, ее вкус проникают насквозь и заставляют мечтать, по-детски мечтать о чем-то мягком и теплом, о какой-то сказочной уютности, о какой-то хрупкой и нежной до слез тайне!

Вот деревня — большие, прохладные комнаты, краснощекий, крепкий дед, отражения необозримых степей, отражения пахучих, смолистых деревьев, парное, густое дыханье амбаров, конюшен, тихие сумерки — сказочно бархатные, когда «что-то особенное истекает от кресел, дивана, ковров, на которых столько сидело, ходило», долгие, немного жуткие ночи, когда рано слипаются глаза, когда снится большой сон о полях, метелях, о древней и черной земле!..

Вот священник Кронид — крепкий, шестидесятилетний, сильный поп, что царит над черной мужицкой душой, как единый властелин; гудят ручьи томным стоном, барахтается, пышет, опьяняет, рассыпаясь ароматными, душистыми грудами земля под плугом, могучая царица-земля живет, трепещет, страдает, брызжет ароматами, брызжет цветами и сочной травой, в глубоких провалах рождает и хоронит людей, обволакивает огрубелые, страшные, дикие души какою-то тяжелою, непонятною, непривычной тоской, обрушивает на плечи бремя тяжелое, тяжелое до муки, и они несут его, несут покорно до самой могилы, и Кронид хоронит их — привычно и вяло, без сожаления, без слез, без страха. И у Зайцева пока нет сожаления над бессмысленными могилами, он сливается с этими жизнями, совершенно не думая о том, зачем, для чего эта жизнь, зачем эти гроба черные и унылые, к чему это бессильное барахтанье в сетях той великой, той чадной тоски, которую он так хорошо понимает. Он не думал пока о смысле жизни, потому что не знал страданья, и в этом — его великое счастье. Он купается душой в ослепительном свете и жаждет только солнца, только

земляного, цветущего, ароматного тепла, только мягкой ласки и кустов сирени с их запахом странным, навевающим сквозные сны, уносящим душу в беззакатные поля розового детства, убаюкивающим и ласкающим лучисто-прекрасную жизнь... И он ложится на свою землю, и тихо слушает, как горизонт молчит в солнечном дыму, как подымается от земли белый туман и кажется, что земная, прозрачная грусть тает в алмазных слезах... И хорошо ему, и он думает: «Боже мой, хорошо лежать в чистом поле, при паутинках, в волнах ветра. Как он там тает, как чудесно растопить душу в свете и плакать, и молиться. Быть может, после полудня над жатвой пролетают наши ангелы, особые, таинственные русские ангелы!»... И любви своей говорит он: «Все мы — переход, и мужики, и работники, и все человечество... И то, будущее мне представляется вроде голубиного сияния облачка вечернего. Ведь люди непременно станут светоноснее, легче... усложненнее... и мало будут похожи на теперешних людей. И теперь это есть в них, но мало, искорками... Люди будут одеты роскошным, плывучим и нежным телом... Оно не будет умирать и портиться, оно будет как-то мягко кипеть и вместо смерти таять, а может, и таять не будет, и умирать не будет!..

Здесь расцвет очарованья жизни, очарованья, может быть, неразумного, инстинктивного, но такого светлого, такого безбрежного, искреннего. И всюду тишина, покой, умиленность, ласка, и вся душа словно зеленый сад, и струится восторг сквозь деревья, и цветы благоухают томно и прекрасно, и вырастают тихие, незримые крылья молитвы. «Полуоткрытые губы радостно шепчут: «милый, золотой день... милый день весны, любви и беззаботного счастья!» Они молчат — в строгости и благоговении, точно перед царскими вратами. Далеко по склонам и перелогам видны поля в радужной дымке; окно церкви сияет, как в алмазном венце; смиренные деревушки, распростершись под небом, льют кверху влажные и благовонные гимны...» Повторяю, было чему удивляться, наблюдая пышный расцвет этого редкого творчества! И оттого, может быть, были устремлены на него все глаза, что хотели видеть в нем какую-то надежду, какое-то новое, бодрое слово, какого-то нового человека, быть может, принесшего спасенье истерзанной и надорвавшейся душе. И вместе с тем было странно видеть такого человека в *такое* время, такого кристально чистого, такого спокойного перед изуродованным, безумно больным лицом современности. У некоторых даже являлось подозрение, не из тех ли он толстокожих, которые закрывают глаза на все и живут теплотой своего жира? Люди никогда не могут простить человеку

того, что он счастлив, что он светел, люди до того жадны и подлы, что только и живут мыслью о том, как бы вырвать у человека кусок его счастья, разорвать его на клочки и самим не воспользоваться, другим не дать... Но на этот раз ошиблись, ибо немыслимо, ибо дико, чтобы человек с такою глубокой душой остался до конца улыбающимся и довольным в этой жизни, ибо только идиоты могут улыбаться всю жизнь, ибо не смеет, не должен человек ликовать, когда нет выхода, когда вокруг страдают, когда боль — тягучая, страшная, разрушающая душу и мозг боль наполняет до краев всю жизнь. Ошиблись в Зайцеве те, которые хотели видеть в нем бодрого и сильного человека. Вот появился рассказ «Сестра», и оттуда глянуло уже побледневшее, уже усталое лицо, измененное... И как зарыдали, как забились в безумной тоске эти светлые, лучистые глаза, и какая истерзанная, какая печальная эта улыбка, уже не прежняя, уже страдальческая на еще светлом, но уже поблекшем лице! Началась трагедия, потому что автор направил мысль свою к цели жизни, потому что коснулось детской и нежной души беспощадное, неизбежное, роковое страданье!

Из цветущей земли, из изумрудных трав, из тихих долин, полных росистой мглы, поднялась легкая, терзающая печаль и ударила острыми перстами в нежность хрупкую молящейся души, заныла душа, затрепетала, заплакала... И на вершинах восторга, куда вознеслась она, — вспыхнула тяжкая скорбь и забота, и слезы — чистые, невольные, печальные слезы муки. И стало понятно, что не спасут: ни майская ласка солнца, ни воздушные сны сирени, ни шепот зеленой травы от того горя, от того кровавого, острого, что уже закралось в душу и гасит свет, благоухание светлости покрывает тяжким трауром безмолвного отчаянья... И стало понятно, что есть нечто, что выше всякой красоты и всякой природы, что есть крест, проклятый, черный, неумолимый крест, который свалился на душу при первом сознании, что все бессмысленно, что все — прах, все — суета, что над жизнью стоит великое страданье и требует искупленья, требует жертвы, требует теплой, липкой, свежей крови!.. И стало понятно, что тот зеленый сад чуда, на который так самозабвенно молилась душа, весь залит почерневшею кровью тысячей мучеников, страдальцев и кажется купиной кровавой, пред которой все замирает, все гаснет, все умирает! Стало понятно, что есть минуты в жизни, когда ясно становится, что некуда идти, что реальна одна только смерть, что всем нам суждено рано или поздно погибнуть, и что с этим нельзя примириться ни за какую цену!

И больно стало, и эта боль присосалась к сердцу, и нет от

нее забвенья; и темною ночью, когда так звонок ужас безмолвия, измученная сестра прильнула к душе и требует ответа на то жестокое, на то неумолимое, что мучает и ее, и нас, и весь мир: «Вот ты мне и скажи: так родились мы с тобой, жили сестрой и братом, и любили друг друга, и люди мы ничего себе, а однако, главным образом страдаем... и умрем, над нами все будет такая же ночь, да могила еще сверху. Как ты думаешь, к чему все это? Так себе, зря или не зря?

«— Ах сестра, сестра — она мне попадает в самое больное место: да, к чему все это? И ее печаль, и скорбная жизнь, данная ей, и смерть, и наша беспомощность! Она смотрит на меня и ждет. Я ведь должен сказать что-нибудь. Но молчу, сижу, какие слова я могу сказать? — Как, и ты не знаешь? Слушай, брат, неужели и ты живешь также, тоже и ты в потемках... и ничего, ничего?

Голос Маши срывается и трепещет, вдруг вся она приникает ко мне в дрожи и беззащитности, и сквозь острые слезы бормочет «брат, брат, неужели же ничего? неужели и ты?». Я молчу, целую ее лоб, и едкие слезы стоят в моем сердце: *слезы упадка и гибели...».*

Так кончилась светлая идиллия Бориса Зайцева — единственного цельного и оптимистического человека наших дней. Те, что ждали от него «бодрого слова», повесили носы и отшатнулись в недоумении, их возмутило то, что он сам нуждается в этом бодром слове, которого никто и ничто в жизни не может ему сказать!

Но Зайцев мистик, и это спасло его от томительно бесцветной скуки тех обреченных, тех умирающих, которые не могут сделаться мистиками... И вот, над умершею жизнью встал кто-то суровый, беспощадный, темный и обвеял холодом... Может быть, это явился сам суровый Рок. И даже само отчаянье, сама гибель у Зайцева воплощается в символ, проникает за грани жизни, открывает бездны таинственного, непонятного.

Это пришло в ту ночь, когда брат и сестра жаловались на безвременье, пришло все от той же земли, которую так любит Зайцев, и кажется, что это сам ее грустный, прощальный вздох, сама ее душа скорбит по своем погибающем брате. «Вот шуршит что-то на меже, все быстрей, быстрей: чей-то ровный, сильный скок. В пятидесяти шагах от нас остановился тихо, неприятно. Мы тоже не двигаемся, глаза стараются прорезать тьму, бьется сердце и точно что-то пустое, напряженное появилось между им и нами. Кто он? Что ему надо? Волк, собака? Неизвестно, снова прыжок, снова тот же ровный, прямой галоп. И через две минуты так же непонятно и бесследно исчез этот странный

путник, как и явился...» Так описывает Зайцев вторжение гибели в нашу жизнь сквозь мистику облеченной в траур земли. И потом стало ему ясно до боли, что смерть неизбежна, что она озаряет своими холодными, матовыми лучами всю жизнь, что она может уничтожить одним мановением все эти травы лазурные, все это сияние солнца, всю теплоту и аромат земли, всю красоту и очарование этих зеркально-чудных ночей, когда хочется плакать и молиться Богу!.. Смерть ежеминутно уничтожает всякую жизнь, уничтожит и Зайцева, и его белолинейный, ликующий мир, смерть сотрет с лица земли всякое искусство, всякие игры и укрывательства перед нею, смерть сравняет богатых и бедных, гениальных и глупых в одно бездонное, величавое небытие, и от всего этого останется только одна разлагающаяся вонь!.. И когда становой (рассказ «Гость») спрашивает Николая Гаврилыча, в чем цель жизни, он отвечает — яростно и злобно, словно обрубая мешающую преграду: *«в смерти, вот в чем!»*.

Так закончилось Зайцевское прославленье жизни к ужасу и негодованию чающих пришествия в эту истлевающую пошлость бодрого и нового пророка.

Когда человек поймет, что выхода нет, ему страстно хочется искупить стыд своей жизни — великий, гнусный стыд — какой-нибудь жертвой. Зайцев тоже сотворил себе жертву и бросил в недра вечности с отчаянным криком, словно вечность можно чем-нибудь насытить... Его Аграфена — именно эта жертва, жертва целой жизни, жертва, попираемая и терзаемая ногами людей, жертва, сгорающая в сладострастной муке какой-то страшной, какой-то нечеловеческой страсти. И в Аграфене вылился его вопль безмерный, вопль голодного, погибающего духа, стремящегося насытиться жизнью до обморока, до отвала, одним глотком выпить ее всю красоту, всю ее сладость, в одном поцелуе познать всю бездонность любви, в одном объятии задушить эту чудную, зеленую землю, которая должна погибнуть, которая с каждым часом приближается к гибели.

И вместе с тем, какой покой в этой муке, какая тишина, какое блаженство! Зайцев остался светлым до конца, великое страданье, которое дала ему жизнь — сделало еще более прозрачною его душу, и на лице его снова появилась улыбка, бледно-истерзанная улыбка святой печали, и страданье преобразило внутренним светом его измученные, усталые, строгие черты... И нам более понятна эта озаренная, страдальческая улыбка, чем прежняя — довольная, она тихо нежит душу, в ней зреет новая молитва, молитва, благословляющая Бога за то, что он дал душе такое великое, такое священное, такое глубокое

страданье, благословляющая смерть за то новое счастье, что вспыхнуло в ее недрах, счастье слияния с другими, незримыми мирами... И когда зажигаются тихие зори на ясном небе, душа полна чистоты, ясности, покоя, с горных высот льется благословенье горя, и по-прежнему хочется слиться с природой, омытой слезами, освященной тихою болью сердца.

Зайцев принял страданье с молитвой, на это способны немногие; в своем рассказе «Спокойствие», он бросается на колени перед женщиной, которая измучила его, и говорит ей: «Благословите меня на новую жизнь, теперь я ваш верный, далекий рыцарь!»

Он знает, что все — погибло, но он знает, что именно в этом таится, быть может, какой-то новый, сокровенный смысл. И на страстную жалобу сестры отвечает своими прозрачными, тихими словами:

...Стало быть, все мы погибнем. И он, и я, и сестра Маша, и старая тетя Агния, в этот тихий утренний час это кажется ясным особой, прочно покойной ясностью. Да будет! Нам дано жить в тоске и скорби, но дано и быть твердыми — с честью и мужеством пронести свой дух сквозь эту юдоль неугасимым пламенем, и со спокойною печалью умереть, отойти в обитель ясности. Это непреложно, и это дает сердцу мир и твердость. И тишина теперь, не есть ли и она отображение той вечной тишины, что ждет нас?

«Боже, Боже, пусть будет всегда так в нашем усталом сердце!» («Сестра»).

24 апреля 1910 г.

Корней Чуковский

ПОЭЗИЯ КОСНОСТИ

I

Борис Зайцев — молодой человек, и не странно ли, что в его последних повестях и рассказах так много стариков и старух, и хоть бы один молодой.

«Я старая, седая ворона», «Я старый и скучный пес», — твердят его любимые герои.

Давно ли этот же Зайцев восклицал: «О, девичье сердце, молодая душа, закрутись, взыграй, взмой — на великое счастье и радость», — а теперь в рассказе «Жемчуг» он пишет:

«Я старею... Прошло все».

В рассказе «Сестра»:

«Мы стареем... Дорожка книзу».

В рассказе «Актриса»:

«Просто мы отживаем. Я уже не молода».

И любимое у его героев занятие — элегически вспоминать свою молодость:

«Этих дней уже нет, — умиленно вздыхают они. — Это неотвратимо. И не будет никогда ружья, стрельбы в воробьев, верхового конька Червончика».

«Видите седой волос...»

«Вот она, седина...»

«Обидно, что я седею...»

«Когда седеешь, счастливой быть трудно».

А если случайно в последних рассказах и появится молодая душа, поэт непременно потребует, чтобы, кроме смерти, ей ничего не осталось, и только такого — не человека, а тень человека примет к себе на страницы: все пусть простятся со всеми, пусть все потеряют всё! Если у Аграфены есть дочь,

которая ей милее всего, то пусть эта дочь умрет! Если у какого-то Яшина из рассказа «Спокойствие» есть обожаемый сын, то нужно отнять и сына! Если какой-то Никандр больше жизни полюбил («Мариэтт — вы цветете, как гиацинт за стеклом!»), то вот уже Мариэтт на вокзале.

«Третий звонок! Начинайте прощаться. Прощай, Мариэтт, прощай!»

Зайцев в последнее время собрал целую, как говорится, галерею таких *бывших* людей, которые уже не живут, а доживают, ходят по земле, как по кладбищу, — простились со всем и со всеми, — ветераны, инвалиды жизни! — и кротко, покорно ждут, когда же придет их час. Эта милая книга Зайцева — не книга, а богадельня, убежище для инвалидов, и пускай другие воспевают победителей, бойцов, Наполеонов, у Зайцева единственный герой — «полуразрушенный, полужилец могилы».

II

Но странно: почему же этот полутруп улыбается? Или это такое счастье — ходить по земле, как по кладбищу? Или увядание лучше расцвета и отчаяние милее торжества?

У Зайцева он беспрестанно улыбается. И чем он отдаленнее от жизни, тем его улыбка блаженнее.

Когда в рассказе «Спокойствие» у какого-то Константина Андреевича убили любимого друга, он весь просиял и почувствовал:

«Боже мой, как легко!.. Прекрасная жизнь!»

А самый этот друг, умирая, улыбался и твердил полумертвый: «Счастье, счастье, счастье».

А когда умерла и та, которую любил его друг, «его сердце, — говорится в рассказе, — стало биться чище, ясней», — и «светлое, просторное настроение» не только не покинуло его, но даже «возросло со дня смерти».

«Как будто все исполнялось по его желанию», — говорится в рассказе. Зайцев всячески нашептывает нам, что это именно наше желание, чтобы все отмирало у нас, отпадало, — люди, проститесь со всеми последним предсмертным прощанием, и вы засияете, словно лампада пред образом! — и поэт изображает рабу Аграфену, которая полюбила кого-то, а тот избил ее до крови; она полюбила другого, но и тот оттолкнул ее, она отдала свою душу ребенку, «последнее упование стареющей жизни», но и ребенок ушел от нее, и когда уже все отошло, когда она стала старухой, Зайцев пламенно прославил ее:

«Осиянная! Прозрачная! Светлая!»

«Она... уже проникнута мудростью нездешней, — умилялся писатель, — «готова к последнему очищению», и «ей предстоят потоки света, всемирного торжества», она вся «напоена сиянием», и точно таким же сиянием он наполняет любого, кто так или иначе начнет умирать.

«Свет» — его любимое слово. В его рассказах светится все решительно: и волны, и небо, и голуби, «светло-летящие голуби», но люди у Зайцева лишь тогда просветлеют, когда отнимут у них «последнее упование стареющей жизни».

Покуда актриса в рассказе «Актриса» была молода и победительна, что ему было до нее! Но вот она освистана, скоро старуха, навеки покинута тем, в кого влюблена безнадежно, и тотчас же от нее заструился тот же тихий, предзакатный свет, и она с улыбкой твердит:

Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, любви вечерней.

«Ровный *свет* означился в нем», — говорится в книге об отце, у которого только что умер ребенок.

«Опрозрачнела душа ее», — говорится о матери, у которой только что умерла дочь.

«Чувство... *светлой* тишины нашло на него», — говорится о бедном Никандре, от которого отлетела его Мариэтт.

И всеми словами, какие находит, Зайцев только о том и твердит, что гибнуть — это сладчайшее в мире и что высшее торжество быть раздавленным. И такова сила его поэтической лирики, что, читая, начинаешь жалеть, почему ты и сам не раздавлен. Он словно на лютне играет и ласково под эту хрустальную музыку ведет нас, покорных и смиренных, на кладбище. И нам вправду на минуту покажется, что «закат прекраснее утра и поражение лучше победы».

III

Не только смерть, но и всякое отдаление от жизни, отстранение от жизни кажется ему поэтическим.

Каким засиял сиянием в его последней новелле этот мечтательный и странный герой, адвокат, когда он вдруг ни с того ни с сего бросил практику, оставил жену и дочь и ушел неизвестно куда («живи я пятьсот лет назад, я бы ушел в монастырь», — пишет он) — подальше от этого «грохота войн, переворотов, культур», от всякого дела и делания.

Замечательно, что люди у Зайцева решительно ничего не

делают, — лежат в гамаке и вдыхают вянущий лист, слоняются зачем-то по земле, и у всех у них одно неизменное чувство: уйти бы.

«Уйти... в безвестность, бедность, одинокую жизнь. И, зная час свой, принять его с улыбкой», — говорит Константин Андреич.

Ведь ушли же апостолы, мечтает другой. Христос сказал им: идите за мною. «Они оставили сети, жизнь, промысел, друзей и ближних и навсегда ушли с Ним... Может, и я бы ушел».

И он уходит, — куда, все равно. «Прах и суета достаточно уже владели мною», — говорит этот человек, и как-то удивительно легко стряхивает с себя и свою семью, и профессию, становится странником, Власом, «в армяке, с открытым воротом», и, по свидетельству автора, «чувство простора и радости наполняет» его.

Это-то самое главное! Каждый из персонажей Зайцева верует в глубине души, что жизнь есть прах и суета, что всякое строительство, устроение жизни есть глупая вавилонская башня, — и пускай себе строят, надрываются, а мы лучше полежим в стороне.

«Пусть идут в море, — думает Константин Андреевич, — пусть схватит их там... ну, потопит... разве это важно?»

Они все до одного посторонние, чужие на торжище жизни, и даже невозможно представить себе, чтобы они, например, строили дома, пароходы, писали картины, лечили, учили, так или иначе участвовали в созидательной жизни:

«Какие мы воеводы Пальмерстоны!» — усмехаются сами они над собой, и у каждого в душе поется:

Не лучше ль в тихой безжеланности
Уснуть, как спит ночной ковыль?

Сон — безжеланность — бездействие — безглагольность — оцепенелость — тихое мление — застылость — коснение — окостенение — сладкое полубытие, — здесь источник их очарования: пусть завтра они станут работниками — очарование сейчас же исчезнет. Поэзия работы, созидания, творческого утверждения жизни недоступна, непонятна для автора. Пусть другие поэты воспевают, как мускулистые люди роются в шахтах, строят машины, мосты, — для Зайцева какая здесь поэзия! Вот если б они строили, и не достроили, и махнули бы рукой, и пошли бы блуждать по кладбищу, и вспоминали Тургенева (у Зайцева все герои непременно вспоминают Тургенева!), и меч-

тали бы уехать в Италию (у Зайцева все герои мечтают уехать в Италию!) — это была бы поэзия.

В последнее, впрочем, время Тургенева заменило Евангелие: здесь они еще скорее найдут оправдание своему непротивлению, неделанию, и, право, до евангельский святости дошла их смиренная кротость.

Когда в рассказе «Изгнание» кому-то изменяет жена, он покорно и кротко лепечет:

«Ничего, ничего, хорошо!»

А когда в пьесе «Верность» какой-то женщине изменяет любимый муж, она говорит сопернице:

«Ничего, ничего, все прекрасно... Побеждаете вы — и уже победили... Мы раздавлены. Но и не надо, торжествуйте, пусть!»

Удивляюсь, как эти люди не взяты живыми на небо: с такой нечеловеческой кротостью как же им быть на земле, среди пинков, тумаков, кулаков нашей ошпаренной жизни?

Женщина в рассказе «Актриса» даже как будто рада, что любимый мужчина не любит ее:

«Вы меня не любите. Я люблю вас безнадежно... В этом сила моя. Милый, милый!»

И целует у мужчины руку с каким-то умилением отчаяния:

Люблю я отчаянье, мое безмерное!..
Тебя я приветствую, мое поражение!..

Ни борьбы, ни упорства, — уступчивы, как восковые, тронешь пальцем — они упадут, упадут и скажут спасибо.

Сидит один этакий в вагоне и, коченея, думает:

«Придет ли кондуктор, поедут ли, нет ли — это силы не имеет».

Посадили его, он и сидит и радостно мечтает о гибели:

«Идет снег, заносит следы... и меня занесет... Крути, крути!.. Заметай».

И все это, конечно, отлично, эта поэзия вялости, инвалидности, инерции, бездействия, умирания, она так щемяще прекрасна, и Зайцев восхитительный поэт, но наше несчастье, наше проклятие в том, что мы все — такие же Зайцевы! Вы только представьте себе на минуту огромную толпу, всю Россию, из одних только Борисов Зайцевых, Зайцевы сеют и жнут, Зайцевы сидят в департаментах, Зайцевы продают, Зайцевы покупают, да ведь это величайшее наше страданье и величайшая слабость! Тают, вянут, никнут, блекнут — хлипкие, восковые фигурки, — ни одна не стоит на ногах! И пожалуйста, не подносите к огню, так и закаплет воск. И при этом еще улыбаются: ах, как приятно таять.

IV

Таять мы все мастера, умираем весьма талантливо; еще тургенев смаковал: «удивительно умирает русский человек»; но ведь, кроме смерти, есть еще жизнь, кроме бездействия — действие, и здесь-то нашему таланту конец.

Вот только что с почты получена новая книга «Суходол» — великолепные рассказы Ив. Бунина, — раскрываю где придется, читаю:

«Он поставил таган на грудку сучков и стал поджигать, поддувать их, намереваясь что-то стряпать. Сучки были сыры, только дымились, он плакал от дыма... и, видно, раздумав стряпать, сел на обрубок дубового корня. Из-под тагана пошел молочно-белый дымок, покурился и потух».

Здесь мне видится бессознательный символ всего нашего русского действия: стал делать, недоделал и бросил. Вздумал стряпать и недостряпал. Зажег — и потухло. А он сел на обрубок и сидит. Да и стряпать-то не было надобности, и, перевернувши страницу, я снова читаю, как какой-то Егор бросил на заводе работу, хоть работа была не тяжела, и ни с того ни с сего, «всем на посмешище», ушел в Москву в босяки (вот оно, это поэтическое: уйти бы!) и, вернувшись, оборванный, даже не сумел объяснить, зачем он шатался в Москву.

Вообще это слово «зачем» изъято из их обихода. Этого, например, Егора нанимают зачем-то в караульщики, хотя караулить решительно нечего. Он должен стеречь кустарник, который все равно вырублен. Вырубили же кустарник крестьяне, — тоже зря, безо всякой надобности, и снова Егора потянуло: уйти бы. Он ушел, но только тогда, когда нужно, чтоб он остался... и так дальше, и так дальше, плетется этот нелепый узор демонстративно бессмысленных дел...

Я не говорю, что и вправду такова наша русская практика, то самое дело и действие, от которого так лучезарно отстраняются поэтичные инвалиды Зайцева, я только говорю, что такою ее ощущают теперь наши современные художники. Бунин, например, как дотошный прокурор, пристрастно выслеживает каждое малейшее наше движение и ежеминутно отмечает: не то, не то, не так. Именно на этом «не так» основаны его многие рассказы.

В «Суходоле» чуть только какой-то помещик скажет себе и окружающим: «Вот так-то должен сделать я!» — в ту же минуту, по свидетельству автора, он делает как раз обратное.

Бунинская тоска есть тоска по хозяйственности, по какому-то «правильному» делу, — это так небывало, так ново в литературе нашей! Бунин с содроганием ощутил в русской душе «жажду гибели», «жажду самоуничтожения, разора» — и вот старается ее за это презирать.

Но Зайцеву, как мы видели, именно эта «жажда гибели», «жажда самоуничтожения» и любезна в русской душе, именно всякий «разор» дорог для него и упоителен.

«Здесь же все плохое, — говорит у него кто-то про Русь, — отсталое, над чем всегда смеются, — и *тем оно милей*».

А если один у Зайцева и почувствовал: «Русь, Русь, горькая Расея...», «грязь, нищета, тупость столетняя — ужас», «хорошо отдать за нее себя» — то сейчас же уехал в Италию, — таять, млеть, цепенеть, светиться, лучиться, как икона...

V

Но неужели и вправду нет никаких исключений? Неужели вся литература теперь лишь о том и поет, как стареют стареющие, как умирают умирающие, — и славит блаженство неделания?

Разве нет у нас Сергеева-Ценского?

Вот уже нисколько не Зайцев! Зайцев журчит и струится, а этот целую Ниагару ежеминутно вам выльет на голову. Зайцев словно на лютне наигрывает, да и то на одной струне, — а Ценский и в барабан и в цимбалы, — так что даже стекла дребезжат. Зайцев такой благолепный, причесанный, а у Ценского все лохмато, надрывно, чрезмерно, он не прославит расслабленности, не поведет в монастырь, не шепнет: как сладостно гибнуть. Вы только всмотритесь внимательнее, — все у него полнокровно, обильно, огромно, насыщено жизнью: не Сергеев-Ценский, а Рубенс.

В его новой последней повести на минуту появился кот, но это не кот, а котище великанский — тринадцать фунтов! Появился на минуту мужик — не мужик, мужичище: шутя таскает мешки по двенадцать пудов, и гнет кочерги, словно прутики, и с медведем — один на один! Герой этой повести полковник Алпатов — уж такой колоссальный гигант: всех человечков Зайцева раздавит и сам не заметит. Это уж не воск, а чугун. Статуя командора какая-то. «Громкоголос, бородат и грозен, — восхищается Ценский, — хозяин со всех сторон». «Всех выше и всех краснее». «Крупнейший» — сидит за «прочнейшим» столом (у Ценского все в превосходнейшей степени!), и рядом с ним десять, — а может быть, двадцать! — таких же прочнейших его сыновей; читаешь и торжествуешь: наконец-то эстетика ущерба, изнеможения, неделания преодолена в наших книгах, а значит, и в наших душах!

Повесть зовется «Медвежонок» (странно, что не «Медведище», — и я вспоминаю с отрадой, что и в других произведениях Ценского так же гомерически вздувалась и дыбилась буйная многокровная плоть. В его прославленной «Печали полей» кто-то

на первой же странице опрокинул четырнадцать нагруженных телег, один одолел семерых — и, тоже как бантики, вяжет железные полосы. И если рожь вокруг него — то «камыш камышом», если цветы — то «как веники!». Вот жук — он «огромен, как рак». Вот бык — рога двухаршинные!

И я с торжеством отмечаю, что эти колоссы родосские — суть в то же время титаны труда, созидания, радостного утверждения жизни. Мне никогда не забыть, как в замечательной повести Ценского — я бы сказал: в поэме — «Движения» один из таких великанов в экстазе кричит:

«Человек — ро-бо-тай! Лошадь — ро-бо-тай! Дерево — ро-бо-тай! Трава растет, так сказать, — и траву в роботу — гей, гей! щоб прело, горело, щоб пар шел, вот как надо, добрейший мой!»

Это не бледная немочь зайцевских полупокойников: «идет снег, заносит следы, и меня занесет»; «не лучше ль в тихой безжеланности заснуть, как спит ночной ковыль?» — это не сердце, а солнце в груди, тысяча бьющихся пульсов...

Но вот к этому «медному всаднику», громчайшему и бородатейшему герою из рассказа «Медвежонок», подкрался как бы на цыпочках некто узкий, холодный, костлявый, подал ему узкую руку и, сощурившись, поглядел на него; и удивительно! даже страшно сказать! — этот мастодонт моментально превратился в желе, — чугун оказался студнем! — и Ценский не для того ли вздумал изобразить его такою горою, пыжил его и распирал, чтобы хлюпнуть его с размаху в какую-то жижицу, не для того ли он громоздил эту пышную свою Великанию, чтобы дернуть вдруг за какую-то ниточку и все превратить в Лилипутию — даже не в Лилипутию, а в яму, дыру, — неужели и он, даже он, не знает иного пафоса, только пафос убыли и гибели, только одно неизбывное чувство, что высокое понижается, великое умаляется, и не затем ли в повести «Движения» он вывел такого титана труда и строительства, чтобы потом сладострастно подсматривать, как построенное им разрушается, как смертная косность и томь охватывают его со всех сторон, как он бьется и трепыхается, а могила то отпустит, то снова затянет, — и вот непоседа, силач, вихрь быстрых слов и внезапных поступков, воплощение всяческих движений — без движения простерт на столе. Не в смерти здесь дело, — и кто же бессмертен! — не в смерти, а в умирании: Ценский пишет уже четвертую повесть на эту свою единственную тему, и отсюда, только отсюда все чары его поэзии...

Характерно, что лучшее произведение Сергеева-Ценского «Неторопливое солнце», недавно напечатанное в «Современном мире», о том, как какой-то никчемный печник строил печку и

не достроил, только разворотил и ушел, — и *это-то для автора и поэтично, этим-то его герой и обаятелен.*

Все это очень печально. На него на одного, на Ценского, была наша последняя надежда, он ведь полнокровный, бурнейший, но и он оказался Зайцевым. Только притворяется Рубенсом, а на деле такой же Зайцев!

Было и нету. Шумело и отшумело. Мечталось, и вот в гробу. В этом основной мотив его лирики. И когда мы в его «Медвежонке» читаем:

«Прежде гремела тайга... и по речке Тентюге ловили здесь много рыбы, били выдру, сводили лес», — мы знаем, что сейчас же прочтем:

«Но отгремела тайга, но отловилась рыба, перевелась выдра, сильно поредели таежные делянки».

Словом, все та же, все та же эстетика истощения, иссякновения, ущерба.

VI

Я нарочно избрал двух наиболее различных писателей, отстоящих на тысячу верст друг от друга по своему темпераменту, творчеству, по традициям и жизнеощущению. Зайцев исходит от Тургенева, от весь гармонический, целостный, Ценский — от Гоголя: он дисгармония, надрыв, и вот не случайно же эти различнейшие — каждый на своем языке — говорят об одном и том же. Ведь в море, откуда ни черпни, вода везде одинаковая, хотя волны так разнообразны. Ценского я зачерпнул в новейшем «Альманахе писателей», но я точно так же мог бы черпать в последнем альманахе «Шиповник», в последнем сборнике «Знание», и там оказалось бы то же.

Я было заглянул на минуту в эту последнюю книгу «Знания» — там повесть Ильи Сургучева, длиннейшая, очень старательная, и я на первой же странице прочитал:

«Помни, что между тобой и мертвецом разница не велика».

На второй:

«Гроб сделаю на заказ у Ермолова».

На третьей:

«Он любил воображать картину своей смерти со всеми подробностями».

И так до последней страницы, а в повести чуть не триста страниц! Герой к реке — и река ему кажется гробом. Он прислушался к колоколу, но и там услыхал свое:

«Смерть близка! Близка смерть! Совсем близка!»

Я тотчас же успокоился и отложил эту милую повесть. Ведь хватило же таланта у автора медленно и любовно выслеживать,

как ежедневно, вершок за вершком умирает один умирающий, и он лишь тогда остановился, когда спел ему вечную память.

Конечно, и Зайцев и Ценский виртуозы, артисты. Сургучев перед ними — тапер, но мелодия у них одна и та же, и я думаю, что весьма показательно, что у всех, у великих и у малых, нынче одна, только эта, мелодия...

Я заглянул на минуту и в последний «Шиповник». Там Сологубовы «Заложники жизни» — пьеса о каком-то поединке между двумя влюбленными женщинами, между солнечной Катей и лунной Лилитт из-за какого-то юноши. В газетах уже разъясняли, что Катя совсем не Катя, а Жизнь; Лилитт не Лилитт, а Мечта, — и что, значит, этого юношу солнечная будто бы Жизнь тянет к себе, лунная Мечта тянет его будто бы к себе, — и вот которая перетянет, в этом будто бы главная суть.

Это правильно пишут в газетах, и я, изучив Сологуба, все его томы и томики, уже давно в специальном трактате доказывал, что этот поединок солнечной Кати и лунной Лилитт тянется десятки лет решительно во всех его книгах. Там вечная схватка жизни и мечты, Передонова и Триродова, вечная диалектика этих двух мировых начал, единственных, которые Сологубу известны. Но критики в газетах почему-то забыли, что у Сологуба есть давнишний секрет, что Мечта, как спасение из плена жизни, для него одноименна со Смертью, что в эту свою новую пьесу, под видом поединка Мечты и Действительности, он контрабандой пронес поединок жизни и смерти, и недаром его лунная Лилитт повторяет:

«Я прихожу к нему в часы мечтаний сладостных и лунных и в *темные минуты смертной истомы*».

И снова:

«Когда пришел его смертный час, душу его я вынула и отнесла ее в царство теней!»

И недаром про эту Лилитт говорят: «Какой траурный вид; недостает только катафалка».

И когда эта смерть-мечта, торжествуя над румяной бабищей-жизнью (которая победила лишь на время), появляется в траурном, черном хитоне, как царица, «венчанная золотой диадемой, осиянная торжественным светом», — здесь только формально закреплено в отчетливых аллегориях то, что туманно клубится, лирически зыблется в певучих творениях Зайцева и Сергеева-Ценского:

— Да здравствует Лилитт бледноликая: созерцание, мечта, умирание. Отвергнем жизнь, ее скучное дело и делание. Жизни все равно не переделаешь. Пусть она сплошь передоновщина. Лучше уйдем от нее — в Италию, в смерть, в мечту.

1913

Василий Львов-Рогачевский

БОРИС ЗАЙЦЕВ

Автобиография Б. Зайцева. Скитальцы и бездомники. Основное настроение. Тишина, призрачность и туманность. Основа мистики Б. Зайцева.

Борис Зайцев является последним видным представителем уходящей дворянской культуры. В VIII книге «Русской литературы XX века» под редакцией С. А. Венгерова автор «Тихих зорь» сообщает о себе следующее:

«Родился 29-го января 1881 года в Орле. Отец мой Константин Николаевич, по профессии горный инженер, из дворян Симбирской губ. Происхождение нашего рода — татарское; имеется и примесь польской крови. Мать моя, Татьяна Васильевна, — дочь малоросса и великороссики. Детство (до 11-летнего возраста) я провел в Калужской губ., где отец служил на заводах, и частью в имении под Калугой — в атмосфере приволья и самого доброго к себе отношения со стороны родителей. Одно из главных влияний детства — *постоянное общение с природой и охота*. Домашнее образование (гувернантки) сменяется гимназией. Годы средней школы прошли в Калуге, где в 1898 году я кончил реальное училище. Затем учился в Москве в техническом училище, откуда в 1899 г. был уволен за участие в беспорядках. Был студентом горного института. Стремясь в университет, сдал в 1902 году экзамен по древним языкам и попал на юридический факультет, но его не окончил. Этот период могу характеризовать как время метания (пока не определилась деятельность литературная 1905—1906 гг.). Первые литературные опыты относятся к возрасту 16—17 лет. Первая напечатанная вещь — рассказик «В дороге» («Курьер», июнь 1901 г.). Ход литературного развития приблизительно таков: начал с повестей натуралистических; ко времени выступления

в печати — увлечение, так называемым, импрессионизмом, затем выступает элемент лирический и романтический. За последнее время чувствуется растущее тяготение к реализму. Из литературных симпатий юности (и до сих пор) самая глубокая и благодарная — Антон Чехов. Первые шаги в литературе проходят под покровительством Леонида Андреева, в то время члена редакции газеты «Курьер». В начавшейся тогда борьбе модернистов с представителями дореволюционной литературы стоял за первых и участвовал преимущественно в их изданиях, но держался *несколько в стороне*. В складе мировоззрения наибольшую роль сыграл Владимир Соловьев. Поклонение Пушкину перешло позднее всех из влияний русских писателей (Гоголь, Толстой, Тютчев, Тургенев, Чехов). Среди поэтов Запада — Данте, Гете и Флобер. Не могу не прибавить, что одним из крупнейших фактов духовного развития были: путешествия в Италию и страстная любовь к итальянскому искусству, природе и городу Флоренции. Не боясь преувеличения, автор этих строк мог бы сказать, что имеет две родины и какая ему дороже — определить трудно».

Эта крепкая автобиографическая заметка дворянина-интеллигента, «державшегося несколько всегда *в стороне*» от борьбы, мистически настроенного художника, влюбленного в природу, в старую Москву, в древнюю Флоренцию, помогает нам живее и ярче представить себе образ этого ученика Толстого, Тургенева, Пушкина, Тютчева и Чехова. Если Лев Толстой создал эпопею старого барства, Ив. Бунин — маленькую поэму запустения, Алексей Н. Толстой — смешной анекдот, который после вторичной революции 1918 г. стал у заграничного писателя-эмигранта, тоскующего по России, анекдотом трагическим, то Борис Зайцев дал нам нежную, мистическую элегию. Эта элегия говорит о призрачной усадьбе, об одиноких тоскующих людях. В элегии звучит нежно-грустная молитва: «о кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою», о спасении плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, у которых нет своего угла на свете и которые не знают, где преклонить свою главу. «Полковник Розов», «Сны», «Усадьба Ланиных», «Тихие зори», «Дальний край», «Земная печаль», «Путники» — таковы заглавия его книг и центральных рассказов-элегий. Все главные герои Б. Зайцева носят на себе печать элегических настроений. «Душа моя — элизиум теней» — каждый из них может сказать о себе: и Ахмаков, и Казмин («Путники»), и Алексей Петрович («Тихие зори»), и тихий Петя («Дальний край»). Все они склонны к минору, к меланхолии, к чеховским настроениям, сумеречным и осенним. «Их грядущее не манит,

им прошедшего не жаль». Это люди «с разгромленной душой и без надежды на будущее». Обычно они подавлены и расстроены. В самые светлые минуты они мечтают о далекой, голубой звезде, о дальнем крае, об Италии — этом элизиуме красоты. «Мы все, как в пустыне» — могут повторить вместе с Ахмаковым и Казминым все эти «путники», все эти «бездомные» и «Франциски Ассизские», разъезжающие по России и по Европе «не по делам». «В пустыне, где я живу, да путаюсь» — точно откликается помещик Ковалев в рассказе «Осенний свет». «Да кто вы такой?» — спросила Елена своего случайного спутника Казмина, с которым встретилась в вагоне. («Путники»).

На странный вопрос странной странницы Елены Казмин отвечает: «я — никто. Путешественник». («Путники»).

«Елена сидела и имела вид неприкаянный, какой-то *неустроенной* женщины...»

— *Вы шальная головушка,* — сказал Казмин. — Очень неосновательное существо.

Елена положила руки на стол, голову на бок на руки и глядела на него зеленым тусклым взором.

— Головушка, головушка... — она потрогала себе пальцем голову, — а куда мне ее девать.

Неожиданно для себя одинокая Елена едет со случайным спутником к его знакомому Ахмакову, одинокому чудаку, который умирает, покинутый близкими, на руках этих посторонних, но родных ему по духу чудаков. «Как и предполагала, на другой день утром, одевшись попроще, Елена ушла с партией странниц, где были знакомые из имения бабушки. Шли они к Тихону Задонскому. Елена простилась с Казминым по-дружески, но сдержанно. Оба знали, что у каждого свой путь, — и если они встретились на минутку, то чтобы разойтись навсегда. Но как товарищи по общему делу, пожелали они друг другу добра». В этих строках основной мотив всех произведений Бориса Зайцева с его странными, милыми и тихими странниками, неприкаянными и неустроенными, для слуха которых смешно и нелепо звучат слова «хозяйство», «по делу»... У них свое «общее дело», эти люди без дома и без приюта идут к Тихону Задонскому, идут к Франциску Ассизскому, исполненные тихой и нежной грусти, и освещенные прощальным «Осенним светом», «под всегдашним покровом голубой мечтательности», ненужные всякой хозяйственной и благоустроенной жизни, чуждые всякого трезвого делового расчета. Невольно вспоминаешь чеховский рассказ «На пути», читая Бориса Зайцева. У всех героев Б. Зайцева мистический уклон, весь мир для них одевается дымкой тумана и кажется Ковалеву («Осенний свет») все совершающееся

кругом фантасмагорией и *миражем*, «медленно проходящим в жизни *призраком*».

Сама природа, деревья, усадьба, древняя Москва, возлюбленная Италия с неумирающей красотой прошлого встают перед вами в осеннем свете угасания, над всем элегично и молитвенно кротко звучит «свете тихий» Бориса Зайцева. И если все эти Алексеи Петровичи («Тихие зори»), Миши («Миф»), Крымовы («Деревня»), Пети («Дальний край») по-чеховски женственны и пассивны, то и пейзажи художника, и его Москва и его Венеция точно воплотили душу блоковской прекрасной дамы: «Женственно молодые деревца, первая весенняя зелень, сумерки в апреле».

Вместе с женственностью веет от пейзажа рафаэлевскою хрупкостью и призрачностью... Под кистью художника затихает шум огромного города и на фоне тихих зорь и угасания чахоточного Алексея Петровича Москва становится призраком. «Внизу под нами был переулок, тихий и старый. Налево в нем подымалась церковка, почти до той же высоты, на какой были и мы. Она тоже была старая и смирная церковь; сейчас в зачинавшемся оранжевом полусумраке она вычерчивалась тонким и благородным силуэтом; в этой русской ее незаметности, в пирамиде над колоколами, в городках, глубоко уходивших в пирамиду — было что-то вековое, дотатарское, почти черные июльские липы охватывали ее кольцом; они цвели, их сладкий запах шел оттуда струями и расплывался по переулку».

Былым, далеким усадебным веет от зайцевской Москвы, пропитанной сладким ароматом цветущих лип.

Рассказ «Тихие зори», с описанием тихой и смирной призрачной Москвы (которая, как мертвый Брюгге Жоржа Роденбаха, становится усыпальницей Алексея Петровича), ведется от лица его друга, который детство провел в «старом-старом» дворянском гнезде, над русской рекой, под мягким русским солнцем.

К тихим зорям, к тихим настроениям, к уединенным мечтаниям о нездешнем ведет вас тихий художник, высококультурный, талантливый, хотя и однообразный. Он, несомненно, выделился из целого ряда художников своими первыми тремя томиками рассказов и вписал свое имя в историю русской литературы. Его последующие IV, V, VI, VII тома, вышедшие в «книгоиздательстве писателей» в Москве, уже не представляют прежней ценности. В них нет прежней новизны. В рассказах Б. Зайцева наиболее ярко запечатлено выражение пережитой после 1905 года минуты.

Первый томик (1906 г.) в 100 страниц с девятью рассказами-миниатюрами сразу выдвинул Бориса Зайцева на видное

место. Поэт-лирик привлек к себе симпатию, стал близким читателю, а его томик попал на полку рядом с книгами, которые перечитывают.

«Тихие зори», «Миф», «Священник Кронид», «Волки» — все это сжатые, точно сгущенные, проникнутые глубоким настроением произведения запали в душу, заражали нежною любовью к природе, тихою грустью о чем-то невозвратном. Вспоминались невольно бледно-зеленые тургеневские акварели, веяло от них усталостью тургеневского «Довольно», да и вообще было что-то тургеневское в этих рассказах-стихотворениях, согретых лирическим волнением, в этих «призраках».

И недаром в своих позднейших рассказах («Жемчуг», «Мой вечер», «Заря») Борис Зайцев часто вспоминает об И. С. Тургеневе, а в повести «Заря», из детских лет, которая носит явно автобиографический характер, он рассказывает, что первая книга, которая глубоко взволновала мальчика Женю, была «Первая любовь» И. С. Тургенева. Мальчику казалось, что у ног Зинаиды, героини «Первой любви», он умер бы с гордостью и радостью.

Можно думать, что эту великую радость пережил и запомнил навсегда и Борис Зайцев, благоговейно влюбленный в любовь. В его творчестве «виденье-Зинаида» занимает большую роль, в особенности в его позднейших произведениях («Миф», «Любовь», «Верность», «Актриса», «Жемчуг», «Мой вечер» и т. д.).

Нужно признать, что после И. С. Тургенева, рыцарски верного своей любви, никто с такой чистотой, нежностью и некоторой старозаветностью не пишет об этом чувстве в наше время, как Борис Зайцев.

У И. С. Тургенева — бесконечное разнообразие женских лиц, у Бориса Зайцева запоминается навсегда одно женское лицо, к которому он постоянно возвращается после «Мифа», как Данте Габриэль Россети к своей рыжеволосой возлюбленной.

Сияющая Лисичка, Рыжик, Солнечная женщина, Магистр любви и наслаждения, Царевна, какое-то мифическое золотисто-рыжеватое существо — излюбленный образ Бориса Зайцева. Эта слишком шумная, но милая, преданная женщина, слишком земная, является контрастом к тихому, слишком неземному герою Б. Зайцева.

После первого томика, выдержавшего в короткое время несколько изданий, последовали второй (1909) и третий (1911), потом появился роман, но уже не было прежнего очарования.

Только Аграфена останавливала внимание, это была жизнь *женщины*, точно написанная в параллель к книге Л. Андреева «Жизнь человека». В этой жизни главную роль играла любовь.

То, что появлялось после первого тома, было что-то вялое, приторное; что хорошо было, то уже встречалось в первом томе: что еще не встречалось — было нехорошо.

Сладостный, сладкий аромат струился от всех этих слащавых рассказов: «Жемчуг», «Мой вечер», «Актриса», и от драмы «Верность», и от драмы «Верность»...

И во всех этих произведениях благоухают гиацинты, липы, акации, черемуха, струится «тихая сладость роз», и от полей веет «летним мёдным духом». Когда в драме «Верность» герой беседует с девушкой, которую начинает любить, он ставит рядом с ней грядку гиацинтов. Константин Иванович любит эти цветы, как и швейцар из рассказа «Сны». Вот он задумался о своей любви:

«Наклоняется к цветам. Гиацинты пахнули сладко, пьяно... но от них сердце болит еще сильней».

Этот сладкий, пряный, назойливый аромат кружит вам голову во многих произведениях Бориса Зайцева и, в особенности, в его неудачном, неладно скроенном и на живую нитку сшитом из разных лоскутьев романе, уносящем нас от этой действительности к *иной* действительности *бурной* эпохи, к *тихим* религиозным настроениям. О романе «Дальний край» мы будем говорить в другом месте.

Уже в первых рассказах Бориса Зайцева при внимательном чтении бросалась в глаза некоторая искусственность в подборе эпитетов: рассказ «Миф» был написан в золотых тонах, рассказ «Черные ветры» был написан в черных и темных тонах и оттенках. Уже тогда порой вместо сгущенности настроения получалось однообразие. Читаешь коротенький рассказ, «короче воробьиного носа», а кажется, что перед тобой длинная вещь, которую никак не кончить. Когда Борис Зайцев перешел к большим, сравнительно, вещам, однотонность и приторность стали бросаться в глаза.

С каждым новым произведением после 1905 года, а в особенности после 1917 года сгущалась грусть и мистичность произведений Б. Зайцева, его земная печаль, и все чаще и чаще вставала далекая голубая Италия и все глубже разрабатывалась тема о тщете земного, и все меланхоличнее и безотраднее становился тон.

Борис Зайцев начал печатать свои рассказы с 1901 года. Томики его рассказов, тонкие и хрупкие, появились после революции 1905 года, но от всего, что он писал и пишет, веет «старым-старым», давно прошедшим. Из «старого-старого» дворянского гнезда, из туманного детства плывут паутины, и сквозь туман, сквозь осеннюю золотую паутину глядят на вас все эти

усадьбы «Лиски», «Кочки», сквозь туман бредут без надежд впереди все эти путники и бездомники, все эти московские итальянцы и итальянские москвичи. Приглядишься к ним и узнаешь прежнего питомца дворянской культуры, вечного скитальца, вечного лишнего человека, тургеневски слабого и тургеневски женственного, отравленного чеховской безнадежностью. «По Европе разъезжающий», «здесь и там везде чужой», живет он «красоту боготворя», чуждый современности, борьбы, общественности в годы величайшего подъема. Это не Мишука Алексея Толстого, не одичавший житель медвежьего угла, это высококультурный европеец, по-чеховски тонко чувствующий интеллигент, сохранивший еще возможность разъезжать «не по делам», но утративший последние соки жизни, потерявший под ногами почву. Усадьба стала прошлым, легендой, мифом, призраком, призрачной стала и жизнь путешествующего русского потомственного барина, бездомника, иронизирующего над «хозяйством», над «благоустроенными» и философствующего в духе Владимира Соловьева («Голубая звезда»).

В элегическом очерке «Земная печаль» в сжатой схеме рассказана история усадьбы, которая стала призраком. «Если вспомнить, кому принадлежало это поместье, — пишет Б. Зайцев, — придется отойти века на полтора. Имением, сельцом при нем и несколькими усадьбами в соседстве владели князья с фамилией громкой. Ныне осталась одна фамилия, а богатства разбрелись и ничто не указывает, что две деревни, в пяти верстах одна от другой, было одно. А тех князей дальний потомок с той же громкой фамилией служит околоточным в губернской полиции...» «Время героических помещиков прошло. Отошли барские забавы, новый век наступил. Усадьба перешла к разночинцу, того больше, к актеру...» И вот, попавши в такую усадьбу после актера Борисоглебского, философ-дворянин думает о тленности и призрачности всего земного. И говорит духовный сын усадебной культуры с философски-обломовской покорностью, говорит тихо и нежно, как тургеневский Лаврецкий:

«Возвратясь в свою комнату, взглянув на дорогие портреты, дорогие книги, тоже с усмешкою подумаешь, что, быть может, через тридцать лет твоим Пушкиным будут подтапливать плиту, страницы Данте и Соловьева уйдут на кручение цигарок. Тогда летописец скажет слово и о твоей жизни. Какое это будет слово, кто знает».

Здесь, в этом очерке, нет героя, здесь просто «земная печаль» автора, печаль, родившаяся под сенью «старой-старой» усадьбы, которая свой героический строй сменила на элегический, свой мажор заменила минором. Корни этой печали ясны вполне...

Той же земной печалью, идущей от тех же корней, веет от меланхолического очерка «Бездомный», написанного после революции 1905 года.

Виктор Михайлович был родом из тех дворян, что дают земцев, думцев-либералов и в провинции читают толстые журналы. Во время японской войны он заведовал продовольствием и кормил так удачно, что добавил своих денег несколько тысяч.

«Возвратившись на родину, он как раз попал в революцию. Черносотенцы чуть не сожгли его дома и на любимых лошадях, на тройке ему с братом приходилось спасаться. Он уехал в Париж...» Виктор Михайлович — мечтатель, не умеющий вести расходные книги, связан со старой культурой. На войне у него не было канцелярии, «но томик Пушкина наверное был». И вот, оторванный от усадьбы, Виктор Михайлович по Европе разъезжает. Попадает в Мюнхен, который ненавидел всегда, и там он занимается археологией, изучает раскопки Трои. В Мадриде вспоминает о самарских покосах. В ненавистном Мюнхене, чуждый всем, он умирает... Герой романа «Дальний край» Петя переживает революцию 1905 года и уезжает после революции в Италию, мечтая не о новой жизни, а о дальнем крае.

Герои Бориса Зайцева культурны, либеральны, знают археологию, любят красоту, ненавидят хозяйство, но все они старомодны, несовременны, все они — вне века, вне бурной эпохи, вне борьбы... Лев Толстой ушел из барской усадьбы, герои Б. Зайцева выброшены самим историческим процессом из дворянских гнезд. Все эти бездомники становятся мистиками в силу призрачности своего существования, становятся скитальцами по традиции и неприспособленными к делу по воспитанию.

Все они — в прошлом, и все они приходят еще раз напомнить об этом прошлом. После революции 1917—1918 годов это прошлое стало уделом летописцев. Оно «погребено и не воскреснет вновь...» Борис Зайцев показал, что в этом призрачном прошлом не было сил для жизни. В 1922 году, в июле месяце Б. Зайцев уехал в Италию...

Те писатели-дворяне, которые писали после Бунина, Ал. Толстого и Б. Зайцева об усадьбе, не дали ничего нового и повторяли одного из них. Тема была исчерпана до дна. Отзвуки первого периода, связанного с дворянским гнездом, постепенно затихают.

Константин Мочульский

БОРИС ЗАЙЦЕВ. УЛИЦА СВ. НИКОЛАЯ. РАССКАЗЫ 1918—1921

Рассказы о «годах вихрей и трагедий»; но вихри эти — пожары, братоубийство, людоедство — как черный бархат рамы. А картина — тихий и светлый пейзаж. Душа художника невозмутима, «не зашелохнет, не прогремит».

«Как будто нет той жизни — страшной и безжалостной, где мы живем»... «Так тихо, так все благозвучно, светло и мирно». «Душа эфирная» не хочет «жизни, как она есть». Стоны пухнущих от голода, крики расстреливаемых, неистовые звуки революции должны быть заглушены «торжествующей песнью души». Автор рассказывает о крестьянской сходке. Он тоже заседает со своими «гражданами». Но «меж нами — пропасть. В разные стороны мы глядим, разно живом, разно чувствуем. Я для них слишком чудной, они для меня — слишком *жизнь*». И глава заканчивается решительно: «Жизнь, как она есть — долой».

Не станем же удивляться, что вместо Дантова Ада перед нами: «Уединение Воклюза, Сорга, жизнь Петрарки. Отдаленные прогулки по холмам в Провансе». Как несущественна фабула для поэта-лирика — и как чужда ему действительность! Разве можно упрекнуть Зайцева за то, что грохот войны и революций не мешает ему петь, что очарованный песнью, он томно закрывает глаза на «грубую жизнь»? Ведь и Петрарка жил среди междоусобий — а разве вид крови отвлекал его от «звуков сладких»?

У Б. Зайцева лирический строй души проявлен еще выразительнее: он преодолевает и форму (проза, бытовой рассказ) и фабулу. Трагедия до конца переплавлена в лирику. Мрачное,

чудовищное, кровавое скрыто под «светлой дымкой сентябрьской» — и нежнейшими красками переливается ландшафт. Как неожиданен колорит Лоррена в зловещей Московии — как удивительны эти соловьиные трели в выжженных лесах России двадцатого года!

Лирические рассказы Зайцева построены на этом — едва ли сознательном — контрасте между «вихрем» ненавистной жизни и неподвижном светом души. Единая тема — романтически-мечтательная, «некровно»-зыбкая, — развивается вопреки сюжету. Вот стихотворение в прозе о Москве, вот элегия об уединении, вот песня о душе... убогий быт, со стояниями в очереди, с пайками, примусом и ценами на молоко — все это страшная сказка, рассказанная няней. Добрейшие старики-романтики любили поговорить о кладбищах и привидениях. Романтик Зайцев немного подновляет прием, заменяя призраки «вспухающими детьми» и «людоедами». Это только усиливает кротко-умиленное состояние «прекрасной души».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Борис Зайцев

ТА ОСЕНЬ

(Двадцать лет)

> Pourquoi est tu triste, mon âme,
> et pourquoi me troubles tu?
>
> *Leon Bloy*[1]

...Такая ж, именно такая, как сейчас. Деревенский август, тишина, высокие и бледные, барашком свернутые облачка. Крестцы овса в полях, жнивье, краснеющие клены в роще.

Наш работник Климка — диковатый, одинокий, с вечною соломинкой в бороде непролазной, впервые услыхал слово «Австрия». Оно ему понравилось. «Ишь ты, Австрия! Гы-ы... Скажешь тоже, Австрия!»

— Климка, ты хотел бы, чтобы наши победили?

— Победили! Наши победили! Австрия. Ишь ты! Победили!

Климка невнятен. Мозги его первобытны. Наверно, желает чего и все, но сказать не умеет.

В этом году на Успенье напиться, залечь в канаву, у берез, ему не пришлось. Пропустил счастье! Ни ему, и никому из сограждан наших по деревеньке: водку запретили. Сразу стало сумрачнее и покойнее. Столяр Гаврила перестал лупить жену. Из молодежи кое-кто ушел, но не так много.

И жизнь продолжалась. Убирали овес, молотили, веяли. Не остановишь повседневности, вечно движущегося ее станка...

Когда вечером приходилось проезжать верхом через лет или по полынной меже полем (а сквозь сумрак мигнул первый

---

[1] Почему ты печальна, душа моя, почему тревожишь меня? Леон Блуа *(фр)*.

огонек Двориков), трудно было поверить, что вот где-то сейчас атакуют, валятся, бьются в штыки. Вольно, пустынно. По крутой горке подымешься к яблочному саду — сквозь кусты акаций, тропкой въезжаешь в него. Остановишь лошадь у знакомой антоновки, сорвешь яблоко. Ветвь в темноте закачается. Высоко в небе прочертит золотой метеор. И когда тронешься, другие звезды, постоянные, привычные, так же будут цепляться за верхи яблонь. Так же в пруду отразятся. Так же мирно засветит окно столовой, выходящее на террасу и пруд. Накрывают к ужину. Полоса света легла на жасминовый куст. Надев пенсне, крепко поддерживая голову руками, облокотясь на стол, отец читает: только что привез газеты Климка — каждый день он возит фляги с молоком на станцию Мордвес.

Изо дня в день мы ждем этих вестей, странных и кратких, и всегда грозных. «С боем занят фольварк. Германцы очистили позиции. Под натиском противника наши передовые части отошли к селению...»

Что это означало? Эти фольварки, пленные, отступления, наступления? Все, что угодно, лишь нисколько не похожее на августовское Притыкино, на отца с «Русскими Ведомостями», на меня, на Климку...

* * *

У нас были карты войны, мы за всем следили, втыкали флажки, читали военных обозревателей. Много ли больше мы знали о войне, ее ходе, судьбе, чем Климка? И не столько ли, сколько император Вильгельм, маршал Жоффр, император Николай? Всем казалось, что такое долго не продлится, два-три месяца и конец... А у нас еще ощущение пространств: далеко, как далеко! Невесть где там война. Это чувство было общее нам и согражданам нашим, всем бесчисленным Климкам земли российской, шедшим умирать покорно, но неизвестно зачем. «До нас далеко». Грустное и роковое над Россией — «надо умирать», но неизвестно за что... И сибиряки, не рассуждая, легли под Варшавой. А приятель мой, артиллерийский офицер, писал с фронта: «Русский солдат смотрит на войну с большою мудростью. Считает, что пришла беда и не приходится от нее отказываться. Общая беда, неизвестно почему посланная». (Значит, Платоны Каратаевы еще не перевелись?)

Я жил у себя во флигеле. На стене у меня, между книжных полок, висели лубочные картинки, унижавшие австрийцев и германцев. К ним сочинены были подписи, для возбуждения любви к отечеству и вознесения народной гордости:

Да за дали, да за Краков,
Будут пятить стадо раков.

На картинке смешные австрийцы смешно удирали от орлов наших, и нетрудно, верно, было изобретать подписи бахвальные будущему певцу коммунизма — Владимиру Маяковскому. Но гораздо трудней было «пятить».

В другой половине флигеля сестра с волнением ждала писем от мужа — он застрял за границей. Застряла и другая сестра, в Париже: первый, примерный набросок будущего рассеяния семей. Юноши же наши, два гимназиста старших классов, тем и жили, как будут сражаться.

По ночам сестра плохо спала: боялась за мужа и оплакивала Париж, как казалось ей, да и нам всем, уже захваченный.

* * *

Париж отбился. Мы радовались взятию Львова, страдали за Самсонова. Между тем кое-кто из сограждан по деревне попал в плен. Убили жениха нашей учительницы. По правде говоря, мы преувеличивали чужое, за счет своего: Бельгию, Лувенскую библиотеку, Реймский собор — на то мы и русские, «всеотзывность» наша знаменитая. Ни француз, ни англичанин и не чхнул бы, если бы разоряли Кремль. Что Кремль, никто здесь пальцем не шевельнул и не шевелит, когда сотни тысяч русских вымирали — да и продолжают вымирать.

Мы, конечно, многое совсем не так себе представляли, как оно в действительности было. «Освободительная война», «война войне», прекраснодушный союз наций, навсегда мир обеспечивающий, — вот, оказывается, за что ложились наши мужички в Пруссии и Галиции.

О «союзниках» мы представляли себе условно — подогревала печать, разные гимны по театрам и пр. Явно, что и пропаганда всех «немецких зверств» ставилась, как театральное действо. (Немцам так же преподносили зверства наши и союзнические.)

Другая картинка, висевшая у меня во флигеле, так отзывалась о немцах:

«Ну-ка, немец, при же, при же,
Не допрешь, чтоб сесть в Париже».

«Goethe's Werke»[1] поглядывали с полок на творение Маяковского. Сердце мало сочувствовало Гетевской родине.

---

[1] Сочинение Гете *(нем.)*.

Чувство России! Сквозь весь сон интеллигентский пробуждалось и оно. Нельзя сравнить, как настроены мы были в японскую, и в мировую войну. Всегда не хватало в России чувства национального. Только что начинало оно пробуждаться: не допробудилось! Опоздали.

Гимназисты, в настроении воинственном, уехали пока что учиться. Я ждал своего призыва. Осень шла все сумрачнее, тяжелей — в дождях, хмурых облаках, смутном и грозном шуме ветра среди берез (сторожевых, вокруг усадьбы). Суров октябрь в деревне! Нерадостны даже жеребята на зеленях, беспросветны зигзагом летящие вороны, размокшие дороги, почерневшие от дождя строенья деревянные. И неизъяснима скорбная поэзия пейзажа — когда на вечерней заре вдруг брызнет холодною медью с золотом, ветер замрет и сердце, в непроходимости, величии, печали всего ощутит нечто невыразимое и потрясающее.

В этом мраке, ветрах, прошли дни боев на Немане. А попозже мой приятель, с гаубицами своими, наступал на Мехов, недалек был Краков, армия широким фронтом подходила к границе. Начались лодзинские знаменитые бои. И вновь в углу нашем волнения, надежды — кажется, вот-вот враг будет сломлен, окружен и при вторжении в Германию войне конец. От этих острых дней осталось ощущение ноябрьского тумана, слякоти и непролазности, давящей, окровавленной тоски. Сидя в Тульской губернии, могли ли мы знать, что артиллерия наша достреливает последние свои снаряды, и весной готовится Голгофа армии.

Но зато мы узнали теперь войну в лицо: недалеко открылся лазарет, мы туда ездили, кое-что возили раненым (жена дежурила).

Там развернулась пред нами Империя Российская: Волга, Кавказ, Украина, Финляндия... — воистину «от финских хладных скал до пламенной Колхиды». Жив ли сейчас финн Кэлка, щуплый человек с сильной контузией, потрясенный кровью и убийствами? (Странно сказать теперь: мучился тем, что убил нескольких. По вечерам молился на коленях, плакал и был близок к нервной болезни.) Или Антошка Хрен, болтун, рассказчик анекдотов, кажется — и симулянт? Крысан (звали его Хрисанф) — немолодой мужик самарский: основательный, терпеливый, философически сносивший перевязку загнивавшей раны — опора всех царств и республик? Изящный Халюзин, сын мельника, кутавшийся в шинель, постоянно читавший? Красавец украинец, гвардейского полка, со смоляными кудрями, в правильных завитках, как у Зевса Отриколийского — имени его не помню: звали мы его Софоклом.

Эти люди мелькнули как бы дыханием войны — несли ее в своих ранах, гимнастерках, словах, глазах, языке. Они были сдер-

жанны, в большинстве — подавленны, молчаливы, не склонны к бахвальству. Что-то иное, не притыкинское в них чувствовалось: не покажешь им лубочных картинок про Краков и Париж.

Это, должно быть, и было единственно подлинное, что узнали мы в тульской глуши о страшном несчастье, случившемся с Россией и всем миром.

* * *

Рождество я провел в Воронеже.

Помню этот просторный, сытный, покойный город с монастырем, далеким заречным видом, с ощущением огромных пространств вокруг — пространств не подмосковных, а степных и скифских... Я жил в молчаливом и роскошном доме миллионера воронежского, городского головы. Ряд скучных, в зеркалах, комнат, все давнее, слежавшееся, застывшее. Равномерная жизнь, равномерная скука, священнодействие обедов, холод богатства, серебряный хлад снега на улицах, воронежские вороны — чувство отрезанности и совсем от войны даль. (Даже и лазаретов не помню.)

Мы встречали торжественно новый год. Его первые дни принесли радостное волнение Сарыкамыша — вновь надежды, надежды, а потом...

. . . .

И вот — двадцать лет. Как в синема: дрогнуло что-то, перескочило сразу чрез бездну.

Гимназистов наших давно нет. Подросли, пережили войну, в революции легли оба — «убиенные и умученные». Климка умер. Отошли и владетели земли нашей тульской. В моем флигеле ветеринарный пункт — говорят, там стоят теперь лошади. Мой хозяин воронежский повесился в Москве с голоду. Я живу в западной части Парижа и во сне часто вижу родину.

Не одна Тульская и Воронежская губернии изменились: мир перевернулся. Можно ли, нельзя ли было начинать войну в ту осень, поздно теперь говорить. Миру дано было испить Чашу, он ее испил. Самую горькую, самую страшную испила Россия. Зря ли, бессмысленно ли? Разные могут быть ответы. Для верящих в великий, хоть и тайный, смысл совершающегося вообще не может быть ничего «зря».

И глядя из парижского своего окна на восток, откуда нередко идут к нам грозовые тучи, вспоминая двадцатилетний страдальческий путь родины — все продолжающийся! все длящийся! — что можно сказать? Веселится ли сердце? Радуется на мир?

Этого сделать оно не может. Но в одиноком пути смотрит и поверх жизни. Может быть, видит и дальше. И тогда обретает силы.

Борис Зайцев

БЕСЕДА О ВОЙНЕ

Настал вечер, — теплый летний вечер после знойного дня. Полагалось в лагере уже спать. Но во многих палатках, размещенных в правильном порядке среди леса, светился еще огонь. Солдаты играли в карты.

Дежурный офицер Иванов, намаявшись за день, снял фуражку и вышел из своей караулки. Был он не первой молодости, бородатый, в поношенном платье, запыленных сапогах. Отойдя немного, Иванов сел, просто на траву. Из-под куста, в нескольких шагах, доносились голоса. Чиркнула спичка, огонек осветил лицо солдата, лежавшего на животе. Он внимательно, с серьезностью закуривал.

— Клугин, вы, что ли? — спросил Иванов.

— Так точно, господин прапорщик, — ответил негромкий, приятный голос, тульско-рязанского выговора.

— Или спать не хочется?

— Теперича наши до утра в карты резаться будут. С ними не заснешь, господин прапорщик.

— Сво-бода! — сказал другой голос. — Свободу свою применяют.

Иванов узнал темноглазого унтер-офицера Ларионова, человека смышленого, из приказчиков.

— Огонька у вас не раздобуду? — спросил он, подходя. — Ни одной спички, черт бы их побрал.

Ларионов, сидевший на корточках, немного приподнялся и зажег спичку. Иванов закурил. Теперь заметил он и третьего солдата, молодого, со вздернутым носом и задорными глазами. Фуражка его, с красной ленточкой на кокарде, была на затылке; на ногах штиблеты и суконная обмотка.

— Значит, у вас тут целое собрание, — сказал Иванов. — И как раз наша рота.

— Спать что-то не спится, господин прапорщик, — ответил Ларионов. — А между прочим, и пора бы спать, днем с караула сменились, а под вечер и прошлись порядочно, до самого до Братского кладбища.

— И чего это туда ходить, — сказал Клугин: — только себя расстраивать. Как посмотришь, все-то лежат, могилки да могилки, ах ты Господи Боже мой, Создатель небесный, да что же это такое? Сколько же народу уложено?

Молодой солдат сплюнул.

— Даже и без всякого царя небесного. Цари и капиталисты. Их дело.

Ларионов почти что согласился.

— Я так считаю, что простому народу эта война даже очень мало нужна.

Клугин по-прежнему лежал на животе, и пощипывал травку. Черный мундир на нем был расстегнут. Он курил, и изредка подымал на собеседника голубые, усталые глаза.

— Взять хотя бы меня. Жил я себе в деревне, у меня жена, детишки. Я никого не трогаю, меня не трогают. Нет, оказывается — на войну попал. В газовую команду. Газ этот самый на немцев пускали. Та-ак-с. А там и они нас потравили. И даже я стал кровью харкать. Меня поручик Веселовский все химиком звал. «Ну, что, химик, как здоровье?» А уж тут какое здоровье! Прямо химик.

Иванов поддержал его.

— Последнее это дело — воевать!

— Дозвольте спросить, господин прапорщик, — сказал Ларионов, с обычной степенностью и почтительностью солдата бывалого: — раз, положим, все против войны высказываются, и простые, и образованные, и думаю, не только что у нас, но и во всем свете, так чего ж ее не кончать? Ведь знаете, уж совсем терпения не хватает. Прямо — сил больше никому нет.

— Да, у нас с вами сил нет, а у немцев есть. Как думаете, почему?

— Здоровы очень, сукины дети, — сказал Клугин задумчиво. — Даже очень хитрейший народ.

— Ну, а я думаю, и понимают они эту войну получше, чем мы, русские. Больше знают, из-за чего воюют — и крепче держатся. Кончить же ее сейчас, действительно, трудно.

— Мы тоже знаем, — сказал молодой солдат: — мы знаем, что для того нас бьют, чтобы капиталисты наживались.

— Капиталисты-то некоторые наживаются, это что говорить, наживаются они и в Германии, однако, тамошние рабочие, и

крестьяне дерутся так, как дай Бог всякому. А кто не на войне, то дома за четверых работают. И конечно, нам с ними трудно бороться. Они все заодно, а мы только и делаем, что друг с другом грыземся, никакого единения нет. Нам и тяжко. Одни хотят с немцами воевать, другие с ними братаются. На этом далеко не уедешь.

— Я про то и говорю, господин прапорщик, — сказал Ларионов: — что нам непонятно, из-за чего же столько народов три года кровь-то свою, как воду льют? И как бы сказать, всем очень туго, еле дышут, а между прочим война не кончается. Наши было сказали, Совет Рабочих Депутатов: так и так, мол, товарищи, которые трудовые люди в других странах: давайте мириться, чтобы мир был без аннексий и контрибуций, чтобы, значит, никто ни с кого шкуры не драл, а все ж таки выходит, что такого мира никто признать не хочет, и по-прежнему пушки палят, кровь льется — что такое за несообразное дело?

— Потому что нашим союзникам, — сказал молодой солдат: — хочется захватов и контрибуций. Англия колонии желает взять, Франция Эльзас и Лотарингию. Все такие же капиталисты, везде одно, прибавил он презрительно.

Иванов помолчал. Он глядел в сторону Москвы. По Ходынке кой-где светились костры — солдаты играли в карты. За полем темная полоска — Петровский парк. Правее, на Александровском вокзале, блестело электричество, высились постройки, дома, колокольни Москвы. Над городом — голубоватое зарево; а еще выше — синее небо, легкий беспредельный простор.

— Чтобы ответить вам, — сказал Иванов, — надо начинать с начала, с самого возникновения войны, даже ранее.

Он откашлялся, закурил новую папиросу.

— Дело все в том, что лет шестьдесят, семьдесят тому назад Германия совсем не то была, что теперь. Не то что великая держава, а просто несколько княжеств и королевств — среди них — Пруссия. Народ, однако, умный, трудолюбивый и гордый. Он стал силу свою сознавать, и по этой силе надо бы ему больше власти. Да и богатства уже подкопили. В то время, как бывает всегда, нашелся у них, в Пруссии, человек, Бисмарк, который стал во главе государства, первым министром при короле Вильгельме I. Бисмарк подготовил армию, финансы. Начались войны. Сперва отхватили кусок у датчан. Потом побили австрийцев — австрийцы для того и существуют, чтобы их били. Во главе мелких германских государств стала Пруссия. Но самое-то главное — надо было одолеть Францию, могущественную соседку, где в то время императором был Наполеон III. И одолели. Тот же Бисмарк, в 1870 г., с помощью отлич-

но устроенной армии, разбил французов совершенно. Взяли в плен Наполеона, взяли Париж. Мир заключили такой, что французам пришлось платить 5 миллиардов франков контрибуции, да землю отдать, целые провинции — Эльзас и Лотарингию. Немцы тогда по всей северной, и восточной Франции прошли — ну, показали себя так же, как теперь в Бельгии. Мы и не знаем здесь, как французы ненавидят немцев — много от них тогда натерпелись. Мне одна старушка француженка, рассказывала: «Мы, говорит, в Париже, во время немецкой осады, мышами питались. А кониной — как роскошью. Детям трудно приходилось».

После этой войны была провозглашена Германская империя — и Вильгельм I стал императором. Деньги, награбленные с французов, пошли впрок. Немцы расторговались, еще больше стали богатеть. Фабрики и заводы росли во множестве. Так процвела промышленность, и торговля, что продавать у себя дома негде стало, — надо в других странах захватывать рынки. Для этого стали всюду рассылать своих комиссионеров, везде связи завели, торговлю, всюду втерлись. Правда, и товары у них дешевле и порядочнее, рассчитанные на широкое потребление.

Построили огромный флот, и торговый, и военный, — тянулись за Англией. Обзавелись колониями, куда товары возили на кораблях. Умер Вильгельм I. На престол вступил Вильгельм II, человек способный, самонадеянный и дерзкий в высшей степени. Он все ту же линию вел, только Бисмарк хотел сделать Германию первой в Европе, а этот — первой в мире. Флот, армия, колонии — все росло. В 1904 г. очень удачное дело вышло с Россией. Надо сказать, что нашего царя Вильгельм всегда поддерживал; отлично понимал, что Россия свободная, сильная, никакого интереса для них не представляет. А вот если Россия на уровне Сербии, или Болгарии, это великолепно; Россия нам хлеб, дрова, кожи,— сырье, а мы ей машины, материи, краски — десятки вещей, что на наших фабриках выработано. И совсем не требуется, чтобы в просвещенной России собственные фабрики заводились. Немцы все сделают лучше и дешевле.

Случилась у нас в 1904 г. японская война, а за ней революция. Царский трон покачнулся — все же, не упал. Но затруднение у правительства было большое. Немцы воспользовались. У нас не было тогда Государственной Думы. Под шумок немцы с нашим правительством заключили такой договор, что мы за хлеб, который в Германию везем, особую пошлину им уплачиваем. Если же договора не принять, грозили войной, а мы были совсем ослаблены японской историей.

Договор на десять лет, до 1914-го года. Таким образом, они с нами и не воевали, а каждый год прикарманивали миллионы наших денег. Пока были мы вполне безграмотной, и полурабской страной, понятно, нас они и вовсе не боялись. Все-таки, понемногу и Россия крепла. Мало того, что одна Россия. На Балканском полуострове в 1912—13 гг. сербы, болгары и греки почти-что выгнали турок. Немцам это очень не нравилось. А наши как раз этих, восставших славян и греков — поддерживали. Немцы же всегда считали, что на Балканском полуострове их влияние, торговля должны быть беспрепятственны. И даже далее, в Малую Азию, на Багдад они зарились. Т. е. — вернее, их купцы и промышленники. А социалисты помалкивали, кроме очень немногих. Почему молчали? Этого уж я не знаю. Почему позволили, и даже не протестовали — обмануть, и насилием обойти весь русский народ, всех русских трудящихся — тем, что заключен был договор о хлебных пошлинах? Ведь немецкие социалисты знали, что это значит — воспользоваться бедой ближнего, и обобрать свою же братию, пролетариев. Да. Но они очень практические, видно, люди. Может быть, чувствовали, что не только их купцам, но и им самим это выгодно. Не думайте, немецкие рабочие отлично понимают, что им *тоже выгодно*, чтобы немецкая промышленность процветала. Они тогда больше зарабатывают.

Иванов остановился на минуту, передохнул, и продолжал:

— Чтобы вам яснее было, надо немного сказать об Англии. Последние лет двадцать пять немцы старались на море стать, если не выше, то вровень с англичанами, чтобы обеспечить себе морскую торговлю и владычество в колониях. Англия — не военная держава; у ней ни воинской повинности до войны не было, ни войска; ну а флот могущественный; за флотом немцы, как ни старались, угнаться не могли. Но все же в торговле соперничество между ними шло огромное; и надо сказать, за последнее время немцы в самую Англию со своими товарами проникли, не говоря уже об английских колониях. Однако, Англия страна столь богатая и сильная, что немцы давно поняли: именно Англия поперек дороги им стоим. Если бы не она, то куда легче было бы мировое господство осуществить, полмира обратить в свои колонии, а четверть мира — завоевать. Конечно, и англичане тоже не такие люди, чтоб признать над собой чье-нибудь господство. Все же, до поры до времени, помалкивали обе стороны — выжидали. Россия же, после японской войны, занялась перестройкой армии. Японская неудача многому научила. Да и чувствовалось, что если немцы напрут, то с плохой армией пропадешь. А немцы о себе знать

давали. Например, в 1908 г. Австрия *присоединила* к себе Боснию-Герцеговину, даже без всякой войны. Все в Европе были поражены, но стерпели, потому что никакого союза, и сил для отпора еще не было. С Францией, правда, у нас союз с 1891 г., с Англией же тогда ничего еще не завязалось; а французы с англичанами только с 1904 г. начали немного столковываться — опасаясь немцев. Так что скандал с Боснией Европа молча съела. Немцы же объясняли захват тем, что им надо двигаться на восток, расширять там свое влияние и рынки.

Договор о хлебе с ними приходилось возобновлять в 1914 г. Но теперь этого договора Россия не подписала бы. Армия наша крепка, к 1917 году должна была совсем переустроиться и увеличиться. Затем существовала Дума, без нее договора не подпишешь, она же не позволила бы, дело ясное. Вообще, обстоятельства менялись. На Балканском полуострове после войны с турками 1912—13 гг. сербы очень подняли голову. Ждать для немцев становилось опасным — во Франции вводили трехлетнюю воинскую повинность, чтобы увеличить армию. И вот-с, с начала 1914 года немецкие газеты определенно заговорили, что нужна «предупредительная» война с Россией, т. е. война, предупреждающая усиление России. Им нельзя было допустить, чтобы Россия от них не зависела; Россия должна быть рынком сбыта их товаров, выплачивать хлебные пошлины, кроме того — часть Польши, Литвы пусть отойдет к ним, чтобы избыток населения туда переселять, обрабатывать земли и богатеть. Видите, как все отлично выходит. Ну, и конечно, повод начать войну нашли легко. Вы, наверно, слыхали, как в Сербии молодой человек убил австрийского престолонаследника. Тогда Австрия потребовала суда чуть ли не над всей Сербией, с введением австрийских чиновников, т. е. уничтожения Сербии, как самостоятельного государства. Россия вступилась, и пошла писать губерния. Немцы сейчас же французскую границу перешли, потому что для них воевать с русскими — значит, одновременно и с французами, нашими союзниками. Они им даже войны не объявляли, прямо вторглись. Вы уже знаете, как они в Бельгию ворвались, несмотря на собственное обещание сохранять ее нейтралитет; отсюда удобнее им было напасть на французов; Бельгию они разорили, проникли во Францию, что можно было разграбить — разграбили, повыжгли; кого можно — насиловали, из некоторых городов население к себе уводили, на работы — как в древности побежденных обращали в рабство. Вообще показали себя теми же немцами, которые в 1870 г. разоряли Францию. Ну, и на нас налетели, под Калишем. Тоже знаете, конечно, что они там выделывали. Что же стесняться?

Все другие народы для них дрянь, удобрение, как они говорят: чтобы на этом удобрении великолепные немцы расцвели.

Вот вы меня спросили, — обратился Иванов к Ларионову: — из-за чего народы три года кровь, как воду льют. Я вам кое-что рассказал: как война началась, и из-за чего, по-моему. Могу яснее назвать: из-за того, что в соперничестве народов Германия с грубостью и свирепостью добивалась верховенства над всем миром. Другие же, в том числе и мы, сказали: нет, этого не допустим. Вы, немцы, сами по себе, а уж нам разрешите жить и работать, как нам удобно.

— Значит, сказал молодой солдат, по-вашему и выходит, что одна Германия во всей войне виновата. Немецкие капиталисты рынков хотели, а французские, английские — не хотели? А наше царское правительство? А Италия — небось, так на Триест и преть. Что вы там ни говорите — для нас всех это такая же захватная война, как и для германских капиталистов.

— Что одна Германия виновата в войне, я тоже не говорю. Конечно, все, кто желает быть самостоятельным, богатым, кто живет во имя земных интересов, земных благ — те все ответственны. Если бы соседями Германии были не англичане, французы и русские, а мирные союзы, скажем, христианских общин, или толстовцев, или индийских мудрецов, то вся война обратилась бы в то, что в несколько недель их сделали бы рабами Германии. Т. е. — рабами в хозяйственном и политическом отношении. В духовном же, — быть может — самим германцам пришлось бы учиться у них, как учатся англичане у завоеванных ими индусов. Но дело в том, что во всех нас очень много приверженности к земному благополучию; мы не святые, и не мудрецы; мы люди Европы, где жизнь, свобода, наслаждение ценятся очень высоко. А если так, то и мы, конечно, хотим жить лучше, быть свободнее и богаче. И Англия, и Франция шли к этому столетиями. Неужели же теперь они изменятся? И, понятно, все стали защищать свою землю, достояние, жилища, богатство. Мало того что защищать, а и свои интересы, свои выгоды соблюдали. И у всех была мысль — Германию победить. Все-таки, я скажу: ни Англия, ни Франция, ни Россия не собирались Германию разгромить, унизить, обобрать. Их главная цель была — обезопасить себя в будущем от такой соседки. Немцы же явно зарились на Польшу, Балканы, Северную Францию, где отличные копи и рудники. А затем — на контрибуцию. Я бы так сказал: немцы горячей всех стали на путь захватывания власти, богатств, на путь хищничества; они дальше всех по этому пути пошли, меньше всех стеснялись; для этой цели — больше всех совершили преступлений по своей гордости и

ослепленности. Значит, и больше всех ответят. Им пришлось уж признать, что все средства хороши: удушливые газы — они их применили; с аэропланов мирные города бомбардировать — они начали; древние храмы, библиотеки разрушать — они; подводными лодками пассажирские пароходы топить — тоже они.

Вы видите — все силы ума, изобретательности на то направлены, чтобы добиться *власти*, силу свою и богатство утвердить. И это равно — среди богатых и бедных, и капиталистов, и рабочих; рабочие-то немецкие ведь молчали, когда все это делалось, да и сами отлично насиловали женщин в Бельгии. Я бы еще сказал: в Германии сама мысль эта, мысль о господстве силы, преклонение перед силой уж несколько десятилетий воспитывается в народе. Как раз после победоносной войны с французами в 1870 г. это и началось. Выдвинулся у них замечательный мыслитель, Фридрих Ницше. Он возвел силу в божественный культ; христианство ненавидел — считал религией рабов, а не свободных, могучих людей. И высшим образцом для человечества поставил не Бога, а «сверхчеловека». В роде того как корабли называются — одни «дрэдноты», а другие, сильнее их — «сверхдрэдноты». Пушки — «сверхпушки». — Это учение подхватили, исказили, то, что было в нем глубокого и поэтического — отбросили, а в грубом виде, опошленное — под ним может подписаться любой прусский лейтенант.

Спору нет, что и в Англии, и во Франции, и у нас в России есть люди, для которых ужасная война даже выгодна — это разные дельцы, спекулянты и владельцы предприятий, работающих на войну. Есть, конечно, — особенно в Англии, партия богатых, для которых тоже важно сохранить за собой заморские рынки, если можно — даже их приумножить. Как и немецкие — английские и французские рабочие тоже практичны и не отказываются от своих выгод. Эти свои выгоды, наряду со своей независимостью, западные народы, наши союзники, будут защищать упорно, серьезно, как люди зрелые и культурные. И все же, к счастью, надо сказать, что с самого начала войны мы в союзе с теми, кто гуманнее, и мирнее немцев, у кого нет грубых деспотов, как Вильгельм, нет придворной военной партии, для которой война ремесло, средство сделать карьеру. Англия, как уж я говорил, до войны и вовсе не знала военщины. В то время, как в германской армии еще в мирное время солдат жестоко били, усовершенствованными способами, когда в Австрии их *подвешивали* — вы можете узнать, как это делается у наших возвратившихся пленных — в это время английские граждане ходили по своим городам на равной ноге с министрами

и королями. Да, попробуйте вздуть английского гражданина! А немецкие социал-демократы отлично мирились с тем, что в войсках у них дерут не хуже, чем у нас в Николаевские времена. Нет, уж это как угодно: кроме того, в каждой стране есть рабочие и капиталисты, в каждом народе есть еще свои, *особенные* черты, наследие истории, выражение народного характера, духа. Почему в Германии и Франции больше бьют детей, даже не очень маленьких, чем в Италии или России? Этого из буржуазии не выведешь. Я лично знал немецкого социалиста, который давал затрещины дочери, *пятнадцатилетней*! Он был очень порядочный, при этом человек. Дочь не находила это дикостью. Попробовали бы вы тронуть русскую гимназистку! А там — всех их с детства ведут строго, приготовляют будущих солдат, работников *государства*. Государство же их — вроде казарм: социалисты покоряются императору, как рядовой фельдфебелю.

Вот наши, русские, обратились с призывом: давайте определим цели войны: без захватов и контрибуций. Что они нам ответили?

Иванов разволновался, встал и отер платком лоб.

— Шиш с маслом показали, кукиш! А почему? Да отлично поняли: наша армия в апреле, и в мае сражаться не могла, сила ее свелась на пустяк, так станут они с нами разглагольствовать? Нет-с, они как стояли на своем, что сила — все, так и остались. И презирают нас, что мы бездельничаем. Сами же в это время на французов, на англичан прут. Их мысль очень ясная: пока у нас тут неурядица, побить противников своих на западе, а уж тогда и с нами расправиться. Ужасно нужно Вильгельму, чтобы у нас республика была! Не беспокойтесь, как только нас вздуют, тотчас Николая какого-нибудь разыщут нам на шею.

— А почему же, — спросил сердито молодой солдат: — почему же союзники до сих пор ничего нам не ответили? Они-то на мир без аннексий и контрибуций согласны? Почему это французы все про свой Эльзас толкуют, а итальянцы с Триестом никак не могут расстаться? Они б тоже сказали: мы, как русские. Тогда и немцы приняли бы наш мир.

— Ну, — сказал Иванов, — целиком за них ответить я не могу, но думаю, что есть основания. Во-первых, с самого начала войны англичане заявили, что борются не для захвата, а для сокрушения германской военщины, того верховенства над миром, к которому стремятся немцы. Главная цель войны для них — именно эта. Неужели вы думаете, что Англия пошла бы в мировую войну из-за захвата каких-то африканских колоний?

Я думаю, — это для англичан мелочь. Теперь Америка вступила — и президент ее, Вильсон, ясно сказал в своем послании, что американцы добиваются такого мира, по которому образовался бы союз всех держав, и этот союз управлял бы всеми делами мира. Ну, а Германия — какою она доселе была — на это ни за что по доброй воле не пойдет, потому что хочет быть *первой*, а не равной среди равных. Ее надо принудить силой.

Мысль эта вполне ясная, и правильная. В каждом государстве, больше или меньше, установился порядок — есть законы, власть, слабый более или менее защищен от сильного. Но между самими государствами — никакой связи, и по-прежнему, кто сильней, у кого больше машин, пушек, пулеметов, тот и хозяин над соседями. Этому пора положить конец; а пока что — из такой жизни вышли разные обиды, которые отравляют сердца народов и мешают заключить мир с теми границами, какие были до войны. Чтобы исправить старые несправедливости, придется изменить старые границы государств, а это уже не будет в чистом виде мир «без аннексий».

Например, больше ста лет назад Польшу разодрали на три части — одну забрали немцы, другую — австрийцы, третью — мы, русские. Польша сто лет стонала под чужим владычеством, задыхалась в ненависти к насильникам. Про Францию я уж говорил, как у нее отняли Эльзас и Лотарингию. Эти провинции ничего особенного из себя не представляют; французы и так очень богаты, им эти области нужны, по-моему, не из хозяйственных причин; а чтобы удовлетворить национальную гордость. Оскорбление национальное смыть. За эти сорок лет во Франции крепко сложилось требование *«реванша»*, как они говорят — т. е. возмещения. «Восстанови мне то, что у меня отнял», вот что значит реванш. То же самое и в Италии. Если бы время было, я б вам больше рассказал об этой удивительной, дивной стране, откуда, собственно, и все европейское просвещение пошло, образованность и искусства. Кто хоть раз там побывал, тому уж не забыть этого края, этого милого, приветливого и веселого народа. И вот, народ итальянский пятьдесят лет вел борьбу за освобождение с австрийцами. В половине прошлого века вся северная Италия принадлежала австрийцам, вся же остальная Италия была — ряд мелких областей: в одной управлял Римский папа, в другой Неаполитанский король, в третьей король Сардинский. Больше всех мешали Италии объединиться и добиться свободы — австрийцы. Сколько смелых и горячих патриотов сидело в австрийских тюрьмах, погибло в казнях! Не раз на полях сражений австрийцы разбивали

итальянские войска — наскоро собранные, малочисленные, вроде народного ополчения. И все же, в конце Италия своего добилась: австрийцев вышибли, итальянские земли отошли от Австрии, соединились под управлением итальянского короля. Остался Триест, и его область; они и посейчас в руках австрийцев — да еще Трентино. Эти места итальянцами населены, а владеют ими австрийцы.

В 1908 г., когда Австрия заняла Боснию и Герцеговину, мне пришлось в Риме, на одной площади, где помещается австрийское посольство, видеть демонстрацию итальянцев против Австрии. Причина была та, что в Вене и Триесте австрийцы избили итальянских студентов. Какое в Риме было негодование! Как вопили все мы — и я вопил и свистал — перед австрийским посольством. Итальянские мальчики закладывали в рот два пальца, и свистели оглушительно. Другие бросали гнилой картошкой в зеркальные стекла важных австрийцев. Для австрийцев же Италия — дрянь, народишко, с которым и разговаривать нечего. Австрийцы, мол, баре, а это просто шумные итальяшки, макаронники. Ну, вот эти макаронники в 1908 г. ничего не могли сделать, а теперь Горицу уже взяли, и Триест, Бог даст, возьмут. Нет, не могли они в этой войне сложа руки сидеть, когда исконные их враги австрийцы, сообща с немцами, стремились утвердить всемирное свое владычество. Ведь если бы им это удалось, Италия бы опять сошла на роль рабы?

Наши, русские, говорят: мир без аннексий, без присоединений. А французы: как, Эльзас, Лотарингию немцам отдать? Итальянцы: Триеста *не* освобождать? Все оставить как было? Ничего не исправить? Тут и выходит, что надо хорошенько условиться, что значит — без аннексий. По-моему, если это значит — вернуться к прежнему, как до войны было, то это чепуха. Война должна исправить старые несправедливости, обиды смыть. Я приветствую, поэтому, самостоятельность Польши. Но пусть уж и австрийцы отдадут свою часть Польши, и немцы — свою (Познань). Области Австрии, где живут итальянцы — должны Италии отойти. Чехия — стать свободной. Бельгия, Сербия — тоже, и им должны возместить за то разорение, какое причинили. Это не будет контрибуция, потому что контрибуция есть побор с обиженного, с побитого в пользу более сильного. А Бельгии, Сербии должны помочь возродиться те, кто их раздробил. Эльзас и Лотарингия по справедливости должны уйти французам. Армения, если может жить самостоятельно, то пусть живет; но никак не в турецких руках — нет, довольно уж турки их резали. Этому пора конец положить. И все-таки, главное в мире будущем то, чтобы подготовить путь

к всемирному союзу народов; именно о нем и говорит американский президент Вильсон.

Я уж сказал, что государства теперь образовались, и в каждом установлен свой порядок, закон. Но между государствами — по-прежнему лишь право сильного, лишь кулак, пушки, штыки. Мы видели, как можно обойтись с Бельгией, или Сербией. Это мерзко, а пожаловаться на грабителя некому. Нет еще верховного суда над государством. Такой суд должен быть. Он может состоять лишь из союза государств, их верховного совета. Тогда домогательства каждого члена семьи будут рассматриваться на этом совете, и постановления будут делаться по справедливости, а не по силе.

Я не знаю, и не могу сказать, добьются ли люди уже сейчас такого порядка, после этой войны. Может быть, в полной мере и не добьются. Все равно — это дело будущего, и будущего недалекого. По-моему, это произойдет тогда, когда во всех странах трудящиеся займут первое место, когда международная связь между ними возрастет, окрепнет, когда окрепнут и понятия о том, что в международных делах не должно быть насильничества так же, как и во внутренней жизни. По глубокому моему убеждению, больше всех противится такому порядку Германия. Потому — и прийти к нему для Германии будет труднее, но и она придет. Ей необходимо для этого сбросить своего Вильгельма, выйти из национального самомнения, стать скромнее. Когда она станет скромнее, то станет духовно выше. Ведь в прошлом Германия дала миру огромные богатства духа — в литературе Гете, в музыке Бетховена, Вагнера, дала великую философию — не пустое же место Германия и немцы. Но они увлеклись тем, что на древнем языке называется «мирскою славой, славой от мира сего», — и заплатят за это дорого. В гордости и ослеплении от успехов техники, они понастроили адских машин, всех себя отдали машинам, забывая о том, что человек и его душа — несравнимы ни с какими машинами, ни с камими аэропланами, пушками, газами и прочими дьявольскими изобретениями. Один писатель сказал, что теперь иной раз кажется, будто машина стала сильнее человека, создавшего ее; и делается страшно, а вдруг *машины одолеют человека*, и начнут жить самостоятельно, как сорвавшиеся с цепи злые псы. Да не будет этого. Мы все, следом за германцами, тоже принимаем участие в постройке этой Вавилонской башни — имя которой — техника, машины, вообще все материальное, все, что противоположно духовному. Поэтому и на нас есть ответственность в войне за земные блага, войне, ведущейся дьявольскими средствами. Мы тоже должны быть скромны, сознавать, что воюя, убивая, мы действуем *только как люди*; святые,

мудрецы всегда были вдали от этого. Люди же рядовые должны все-таки войну принять, ибо принимают жизнь; борются за лучшее, а живут, к несчастию, в такое грубое время, когда не только достояние свое, но и само это лучшее будущее приходится добывать с оружием в руках. Все же, чем меньше мы будем увлекаться войной, как войной; чем меньше будем ее воспевать и гордиться ею; чем больше будем смотреть на нее, лишь как на горькую необходимость — тем лучше.

Иванов задохнулся, опять отер лоб и замолчал.

— А пока что, — сказал молодой солдат: — должны, стало быть, громить немцев, кровь свою проливать за то, чтобы французы Эльзас взяли, а итальянцы Триест? И чтобы капиталисты ихние наживались? Да если Эльзас к французам переходить хочет — спросить его об этом. Хочет — переходи, не хочет — оставайся у немцев.

Клугин лежал на животе, и покусывал травку.

— Чудак ты парень, — сказал он: — что же это, так он и позволит этим землям по доброй воле к французам отойти? Это, конечно, пользительно было бы, да не такой он дурак. Я-то, небось, его видел. Нет, он не дурак.

— Позволит, как не позволит, — ответил молодой солдат, не очень, впрочем, убежденно. — Позволит. А мир и братство народов? — вдруг выпалил он, чувствуя, что нашел слово.

— То-то вот из-за мира, братства народов он меня газами и травил, — сказал Клугин печально.

Подошел заспанный вестовой из караулки.

— Господин прапорщик, вас зовут, арестованных привели.

Иванов медленно поднялся.

— Ну, опять! Эх-ма, товарищи-дезертиры.

Надев фуражку, оправив ремни снаряжения, лениво зашагал он за вестовым.

Поднялся и молодой солдат.

— Их послушать, офицеров да буржуев, так сейчас всем нам в окопы лезть. Их бы самих туда, толстобрюхих.

— Да уж и ты тоже, зарядил одно: буржуи да буржуи, — сказал Ларионов. — Он имел вид серьезный, даже несколько мрачный.

— Ну, и поезжай, коли хочешь, на позиции. Иди завтра к каптенармусу, бери новую шинель.

— Ври, ври, да не завирайся, — сказал Ларионов строго. — Молод очень. И про меня помалкивай. Я, брат, в кусты никогда не прятался. Придется, так и пойду. Я, брат, в японскую войну за хунхузами по месяцам гонял. А ты тогда еще за мамкину юбку держался.

Минут через десять Иванов возвратился. Молодого солдата не было, Клугин лежал теперь на спине, закрыв лицо ладонями рук.

— Значит, это мы идем, а я как в газовой команде был, меня ротный около себя держит. Идем сменяться, а ротный говорит: «Клугин, говорит, химик, никак газом пахнет?» — «Так точно, — говорю — газом» — а и вправду я запах этот почувствовал. Кто мало его знает, говорят, будто яблоками пахнет; да только это вовсе даже не яблоками. Хорошо, маски скомандовал надеть. Надели маски, позицию заняли, а тут он на нас в скорости атакой пошел, даром что сумерки. Наш-то ротный отчаянный был, из окопа выскочил, маску с себя сорвал, только на минуточку, значит, чтобы команду громче подать — и тут же грохнулся — как, стало быть, глотнул этого газа, так враз и кончился. Да и я с тех пор кашляю, даром что атаку отбили.

Иванов сидел задумчиво, курил, вздыхал. Оживление его ушло.

— Что же, господин прапорщик, — сказал Ларионов, сумрачно. — Стало быть, воевать нам?

— Да, уж так выходит.

— До коего же сроку, позвольте спросить?

Иванов развел руками.

— До того сроку, как Германия согласится на наш мир — ну, я вообще не знаю хорошенько, каковы именно эти условия будут. Только могу сказать, что власть сейчас в нашей стране у таких людей, что зря наша с вами кровь не прольется.

— А пока, стало быть, лей!

— Пока лей, — тихо ответил Иванов.

Все замолчали. Клугин лежал, по-прежнему закрыв лицо, временами вздыхая. Он казался небольшим, хилым «химиком», никак не воином. Дать ему косу, плуг, загон в Рязанской губернии, и как отцы, как деды будет он возделывать свой клок, не думая о войнах, капитализмах, газовых атаках. Ларионов сидел упорно, хмуро. Точно бы что-то обмозговывал. Иванов тоже задумался. И на эти минуты, казалось, все трое отошли от обычной жизни; страшные картины встали пред ними, те видения войны, пред которыми слабая душа бледнеет.

Становилось светлее. Редкий туман обозначился у Петровского парка. Костров на Ходынке стало меньше; над городом погасло зарево, и медленно, слабо, занималось другое, заря вставала, возвещая день Москве, полям, России и всему белому свету, томящемуся в муках.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В томах 10-м и 11-м, завершающих Собрание сочинений Б. К. Зайцева, впервые предпринята попытка опубликовать в хронологической последовательности значительную часть его писем, находящихся главным образом в России. Издание не претендует на полноту, поскольку работа по освоению эпистолярного наследия писателя продолжается. Большой пласт его писем находится за рубежом — в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (США), в Русском архиве Лидского университета (Великобритания), в личных архивах.

Письма (за редкими исключениями, объясняемыми в примечаниях) публикуются без сокращений. В ряде писем Зайцева рукою его жены Веры Алексеевны сделаны приписки — они выделены курсивом. Тексты приведены в соответствии с нормами современного правописания, но с сохранением особенностей авторского стиля. Установленные публикаторами даты, а также сокращенные написания слов восстанавливаются в угловых скобках. Общие сведения о лицах, упоминаемых в письмах, вынесены из примечаний в аннотированный Указатель имен (т. 11), составленный Т. Ф. Прокоповым.

Значительную и разнообразную помощь в подготовке эпистолярных томов оказали многие исследователи, музеи, архивы. Издательство «Русская книга» и составители выражают глубокую признательность всем, кто принял участие в осуществлении этого издания полезными советами, предоставлением материалов, уточнением документальных свидетельств. В первую очередь благодарим за неоценимую помощь потомков писателя: его дочь Н. Б. Зайцеву-Соллогуб, внуков Михаила Андреевича и Петра Андреевича Соллогубов, Елизавету Александровну Соллогуб, Марию Михайловну Соллогуб (все — Париж), а также Н. Б. Волкову (РГАЛИ), Е. Н. Чавчавадзе и В. И. Сахарова (Дирекция президентских программ Российского фонда культуры), В. В. Софронову и сотрудников ОГЛМТ (Орел), Н. И. Катаеву-Лыткину и Д. А. Беляева (Дом-музей Марины Цветаевой), Н. В. Рыжак (РГБ), В. А. Москвина (Библиотека-Фонд русского зарубежья), Т. Г. Иванову (ОР ИРЛИ),

исследователей: С. О. Шмидта (академик РАО), Е. Б. и Е. В. Пастернаков, Е. Ц. Чуковскую, М. В. Михайлову (МГУ), С. Д. Островскую (ИМЛИ), О. В. Вологину (Дом-музей Леонида Андреева, Орел), О. К. Переверзева (Москва), А. П. Черникова и Е. Н. Зайцева (Калуга), К. В. Шилова (Москва), С. В. Сомова (Гуманитарная академия, Самара), И. В. Ваганову (Ярославль), А. М. Любомудрова (С.-Петербург), Л. Н. Назарову (С.-Петербург), Е. Б. Северову (Москва), Л. Н. Клименюк (Москва), А. Е. Парниса (Москва), В. И. Лихоносова (Краснодар), И. А. Васильева (Москва). Особая благодарность зарубежным исследователям: Ричарду Дэвису (Русский архив Лидсского университета, Великобритания), В. П. Крейду (США), Норману Крузе (США), Кристине Брагоне и Августе Докукиной-Бебель (Италия), Зизеле Эрбслье (Германия).

Тексты писем в т. 10 подготовили и примечания составили (все — с участием Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопова):

И. В. Ваганова — 141, 142, 145—147, 151, 152, 157, 160, 172—174, 177, 183, 188, 191—193, 195, 197—199, 201, 204, 206—208, 210, 213, 216, 217, 220, 225, 227, 231, 234, 240, 242, 246, 248—251, 256, 258;

О. В. Вологина — 125, 128, 133, 170, 190, 218, 224, 247, 254, 259, 262, 265, 271, 272, 281, 284, 288, 289, 291, 297, 302, 305;

Е. К. Дейч — 2, 4, 5, 7, 8, 29, 35, 36, 39, 42, 43, 45, 62, 63, 65, 68, 70, 71, 75, 76, 78, 80, 82—86, 89, 92, 93, 95, 98, 100, 101, 103, 107, 108, 110, 114, 121, 123, 124, 127, 130, 131, 132, 134—137, 139, 140, 143, 144, 148, 149, 150, 155, 156, 158, 162—166, 176, 179, 181, 182, 186, 187—194, 196, 209, 212, 214, 215, 219, 221—223, 226, 232, 233, 237, 239, 241, 243, 244, 252, 253, 255, 257, 261, 273, 282, 283, 285—287, 292, 300, 301, 303;

А. М. Любомудров — 1, 3, 25, 33, 38, 44, 48, 50, 52, 54, 55, 56, 61, 66, 73, 77, 79, 81, 87, 90, 91, 97, 102, 106, 111—113, 115—119, 126, 129, 138, 153, 154, 159, 175, 180, 184, 185, 200, 202, 203, 205, 229, 230, 235, 245, 260, 264, 267—270, 274—277, 293—296, 298, 299;

М. В. Михайлова — 6, 9—19, 21—23, 26—28, 30—32, 34, 37, 40, 41, 46, 47, 49, 51, 53, 57—60, 64, 67, 69, 72, 88, 94, 96, 104, 105, 109, 120, 122, 161, 211, 228, 238, 263, 266, 278—280, 290, 304;

С. Д. Островская — 20, 40.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. К. Михайловскому (с. 11)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 181 (Михайловский). Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 1—2. В 1900—1901 гг. Зайцев, будучи студентом Горного института в Петербурге, отправил свои первые произведения (в том числе рассказ «Неинтересная история») Н. К. Михайловскому, а позднее В. Г. Короленко, редактировавшим журнал «Русское богатство», и А. П. Чехову. О встрече с Михайловским Зайцев рассказал в очерке «Молодость — Россия» (см. т. 9 в нашем изд.).

2. А. П. Чехову (с. 11)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 331. Карт. 45. Ед. хр. 8. Не получив ответа, Зайцев 9 марта отправляет Чехову телеграмму: «Беспокоюсь получили ли рукопись адрес для телеграмм Москва прокат Зайцеву. Зайцев» (ОР РГБ. Ф. 331. Карт. 43. Ед. хр. 8). На обороте телеграммного бланка карандашная запись ответа: «Холодно, сухо, длинно, не молодо, хотя талантливо. Чехов» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 9. М., 1980. С. 56).

3. Н. К. Михайловскому (с. 12)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 181 (Михайловский). Оп. 1. Ед. хр. 251. Л. 3—4 об. В письме Зайцев вновь обращается за советом к Михайловскому, «благословившему» его на литературный путь во время беседы в январе 1901 г. 18 марта Зайцев написал письмо к Короленко и отправил ему еще одну рукопись. «Все это было для меня важнейшее, самое в жизни первое... Эти трое: Михайловский, Короленко и Чехов — первые мои крестные, но практически бесполезные. Все гораздо старше меня! Нужен был более молодой, более сверстник» (*Зайцев Б. К.* Молодость — Россия. См. в нашем изд. т. 9. С. 7).

Короленко моей рукописи не принял... — См. примеч. к № 4.

Абцуг (нем. Abzug) — отход, отъезд.

4. В. Г. Короленко (с. 13)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 135. Л. 11, 13. Короленко, прочитав рассказ Зайцева, пишет ему 5 марта 1901 г.: «Милостивый государь. Хотя «Неинтересная история» и не будет напечатана в «Русском богатстве», но, если есть у Вас

еще что-нибудь написанное, — пришлите. Появлению в журнале «Неинтересной истории» мешает не исполнение, а тема, действительно, малоинтересная и как-то бесцельно тяжелая. Но исполнение возбуждает интерес к другим Вашим работам. Желаю всего хорошего. Вл. Короленко». Зайцев послал Короленко еще одну рукопись и в ответ получил его письмо от 6 апреля 1901 г.: «Милостивый государь Борис Константинович. К сожалению, и «Три дня» не пойдут. Вопрос опять не в том, как написано. Написано хорошо, но это как будто только отрывок (нрзб. — *Ред.*), и этим живо выписанным деталям не хватает чего-то, чтобы стать живым и интересным целым. Это как будто одна главка из неоконченного рассказа о <сол>датской жизни. Охотно прочитаю, если пришлете еще что-нибудь. Желаю всего хорошего. P. S. Рукопись возвращаю заказной бандеролью. Вл. Короленко».

5. И. А. Бунину (с. 14)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1, 2.

«Новый путь» (СПб., 1903—1904) — религиозно-философский и литературный журнал Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (Мережковской); ответственным редактором был Д. В. Философов, секретарем редакции — Чулков (см. главу «Новый путь» в мемуарах Чулкова «Годы странствий» в изд.: *Чулков Г.* Валтасарово царство. Сост. М. В. Михайлова. М.: Республика, 1998. С. 463—468).

...моей заметки о Бальмонте... — Такая заметка в публикациях Зайцева 1903—1904 гг. не найдена.

...не отдал Кожевникову... рецензию о «Homo Sapiens».. — В. А. Кожевников — редактор-издатель ежемесячного журнала искусства, литературы, общественной жизни «Правда» (1904—1906), в котором Зайцев в 1904 г. работал корректором. Его рецензия о романе С. Пшибышевского «Homo sapiens» (М.: Скорпион, 1902) не найдена.

6. Г. И. Чулкову (с. 14)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. В дате письма исправлена очевидная ошибка: судя по содержанию, речь в нем идет о событиях 1904 г. В частности, упоминаемый сб. Чулкова «Кремнистый путь. Стихотворения и поэмы» был выпущен издательством В. М. Саблина в конце 1903 г. (на обложке — 1904). Кроме того, в январе 1903 г. Чулков находился в Нижнем Новгороде, и Зайцев вряд ли мог знать его адрес. Упоминаемый как готовый к печати рассказ «Мгла» опубликован в февральском номере журнала «Правда» за 1904 г. Основной состав писем Зайцева к Чулкову хранится в рукописных отделах РГБ (их обзор впервые опубликовал Ю. М. Зыбалов в изд.: Археографический ежегодник. М., 1997) и РГАЛИ.

...у нас не Брюгге... — Упоминая бельгийский город Брюгге, Зайцев намекает на роман Ж. Роденбаха «Мертвый Брюгге» (1892), рецензию о котором напечатал журнал «Правда», где в это время сотрудничал Борис Константинович. О романе положительно отозвался также Чулков (см.: Новый путь. 1904. № 4). Творчество Роденбаха было близко Зайцеву своей религиозно-мистической направленностью. В русской критике начала XX в. неоднократно возникало сопоставление этих двух художников (например, в статьях Н. Абрамовича и А. Закржевского, публикуемых в разделе «Современники о Б. К. Зайцеве»).

...что же касается «Уединения».. вспоминаешь «Дом с мезонином» Чехова... — Сопоставляя творчество Чехова и Чулкова, Зайцев обнаруживает тонкое критическое чутье. Возможно, указание на «Дом с мезонином» как на источник мотивов сыграло свою роль впоследствии, когда Чулков писал рассказ «Ненавистники» (1924), в котором это прослеживается особенно отчетливо.

...музыкальностью, которая становится приторной... изобличает в авторе Маковского или Штембера. — В переписке Зайцева имена К. Е. Маковского и В. К. Штембера возникли в данном контексте вероятнее всего потому, что стиль этих живописцев воспринимался некоторыми современниками как слащаво-салонный.

.. вдруг хочется временами «Падение дома Эшер» По. — Возможно, имя Эдгара По и здесь появилось как «знак» писателя, демонстрирующего в своем творчестве принципы истинного модернизма в соединении с мистическими настроениями.

...не нравится обложкой... — На обложке сборника «Кремнистый путь» помещена репродукция картины «Кричащий человек» немецкого художника-модерниста Ф. Штука.

7. И. А. Бунину (с. 16)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 3.

«Сон» — рассказ Зайцева, опубликованный Буниным в «Правде» (1904, № 4). По этой публикации датируется письмо.

8. И. А. Бунину (с. 16)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 4. Предположительная дата та же, что и № 7: начало 1904 г.

9. Г. И. Чулкову (с. 16)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Датируется по содержанию началом 1904 г.

Рыженький, Рыжий — домашние прозвища жены Зайцева Веры Алексеевны. Позднее прозвище Рыжий Зайцев дал Графине, героине своей первой пьесы «Любовь» (1909). Письма к В. И. Стражеву отчаянная, экспансивная Вера Алексеевна, любившая крепко выразиться, подписывала «Рыжая Сука» и «Батька Russe».

«Правда» — в этом журнале Кожевникова Чулков не публиковался.

Надежда Григорьевна — жена Г. И. Чулкова; литератор, переводчик.

Анна Ивановна, Нюрка — младшая сестра Г. И. Чулкова.

Бобик — домашнее прозвище Б. К. Зайцева.

10. Г. И. Чулкову (с. 17)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 1, 2.

«Скопцы» — рассказ Зайцева, опубликованный в журнале «Новый путь» (1904. № 7).

...если не задержат экзамены или Саблин... — Зайцев в это время учился на юридическом факультете Московского университета и для заработка зани-

мался корректурой рукописей у В. М. Саблина, сотрудника газеты «Русские ведомости» и книгоиздателя, выпускавшего «Библиотеку классиков современной мысли».

«Тревога» — рассказ Чулкова, опубликованный в «Новом пути» (1904. № 4).

...Вы собираетесь разносить социализм... — Видимо, имеются в виду статьи, в которых Чулков отстаивал идеи мистического анархизма (см. его сб. «О мистическом анархизме». СПб., 1906).

...читаю теперь Верхарна... — Названы сборники стихов Эмиля Верхарна «Вечера» (1887) и «Разгромы» (1888).

11. Г. И. Чулкову (с. 18)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо датируется по содержанию.

«Скопцы» — см. примеч. к № 10.

...с отцом и Верой... — Отец Зайцева — Константин Николаевич. Вера — жена Зайцева, Вера Алексеевна.

12. Г. И. Чулкову (с. 19)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо датируется по содержанию.

Что мой рассказ? — Возможно, речь в письме идет об одном из рассказов, опубликованных Зайцевым в конце 1904 г. в «Новом пути»: «Тихие зори» (№ 11) или «Деревня» (№ 12).

Что у Вас Розанова совсем не будет? — В. В. Розанов был ближайшим сотрудником «Нового пути», печатавшим в нем свои публицистические и философские работы. В октябре 1904 г. к руководству журналом пришла булгаковская группа (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев), заполнившая своими публикациями последние три номера. Через год вместо закрытого «Нового пути» Булгаков с единомышлениками основывает журнал «Вопросы жизни», в котором Розанов не печатался. Отделом поэзии и прозы в «Вопросах» руководил Чулков. В нем он, по собственному признанию, «собрал всех символистов» (см. главу «Вопросы жизни» в мемуарах Чулкова «Годы странствий» в изд.: *Чулков Г.* Валтасарово царство. Сост. М. В. Михайлова. М.: Республика, 1998. С. 468—473). В этом журнале в 1905 г. увидели свет рассказы Зайцева «Океан» (№ 2), «Хлеб, люди и земля» (№ 4/5), «Священник Кронид» (№ 8).

...только Скорпионы недовольны. — Имеются в виду соратники В. Я. Брюсова, объединившиеся вокруг московского издательства «Скорпион» С. А. Полякова; они вели активную полемику как с московскими «младшими» символистами из «Грифа» С. А. Соколова, так и с петербургскими.

13. Г. И. Чулкову (с. 19)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...«Правда» окончательно меняет свою физиономию... — В 1904 г. в журнале «Правда» активно печатались большевики, в том числе П. П. Румянцев. Опасаясь цензурных преследований, В. А. Кожевников отказал Румянцеву в сотрудничестве, после чего и остальные большевики решили не печататься в журнале,

хотя статьи А. Луначарского и В. Фриче появлялись в нем и в 1905 г. С этого времени «Правда» в большей степени стала ориентироваться на творчество писателей-реалистов, вытесняя представителей литературного модерна.

Балтрушайтиса уже выставили оттуда... — В 1904 г. в «Правде» (№ 9) была напечатана подборка стихотворений поэта-символиста Ю. К. Балтрушайтиса.

...за рецензии свои я деньги уже получил... — Рецензии Зайцева в «Правде» не найдены.

...о «Homo Sapiens» — В журнале «Правда» не публиковалась рецензия на перевод романа С. Пшибышевского «Homo sapiens» (М.: Скорпион, 1902).

...согласиться на разные изменения, которые устроят Бунина. — И. А. Бунин в «Правде» заведовал литературным отделом. О его уходе из журнала Кожевникова было сообщено в «Золотом руне» (1907. № 3/4).

...писать же об изданиях «Знания» неинтересно: и так расходятся... — «Знание» — сборники, выходившие с 1904 по 1914 гг. (всего 40) в издательстве «Товарищество „Знание"» под началом М. Горького. Уже первые сборники, вышедшие в марте и мае 1904 г., получили множество положительных рецензий благодаря участию в них Чехова (он напечатал здесь «Вишневый сад»), Андреева, Бунина, Горького, Серафимовича, Н. Гарина, Чирикова.

...тяжелая артиллерия вроде Гольцевых, Кизеветтеров и Грузинских... — Известных публицистов и литературоведов В. А. Гольцева, А. А. Кизеветтера и А. Е. Грузинского объединяло одно качество: консерватизм литературных взглядов.

В этом отношении Мережковский ужасно мне близок... — Возможно, такое утверждение диктовалось обоюдным интересом писателей к Италии. К этому времени, в 1899—1900 гг., Мережковский уже опубликовал свой роман «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)». Кроме того, это признание важно еще и потому, что после закрытия в 1904 г. журнала «Новый путь» Чулков и Мережковские находились в весьма напряженных отношениях.

...я начал недавно его «Леонардо да Винчи», как это захватывает... — Фундаментальное исследование А. Волынского «Леонардо да Винчи» (СПб., 1900) было написано в полубеллетристической форме, основывалось на огромном фактическом материале, изобиловало многими интересными наблюдениями. За него автор был удостоен звания почетного гражданина Милана.

Что ваш сборник? — Возможно, речь идет о подготовке к печати сборника статей Чулкова «О мистическом анархизме» (1906) или редактируемом им альманахе «Факелы» (1906—1908).

Вера — В. А. Зайцева.

Л. И. — возможно, Любовь Ивановна Чулкова (в первом браке замужем за известным психиатром Ф. Е. Рыбаковым); сестра Г. И. Чулкова. О ней Зайцев вспоминает в книге «Москва» (в гл. «Молодость — Иван Бунин». См. т. 6 в нашем изд.).

Страницы наоборот — случайно... — Зайцев имел обыкновение писать на четных страницах, а нечетные заполнялись в том случае, если написанное не помещалось. Поэтому после 1-й шла страница 3-я и т. д.

...стучу на Ремингтоне. — Ремингтон — пишущая машинка немецкой фирмы.

14. Г. И. Чулкову (с. 20)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...собираюсь писать небольшую статейку о Чехове... — Тогда эта статья не была написана. Впоследствии Зайцев опубликует около полутора десятка статей о Чехове и роман-биографию о нем (Нью-Йорк, 1954).

...для Вашей редакции... — Имеется в виду журнал «Вопросы жизни» С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева и Д. Е. Жуковского; отделом прозы и поэзии заведовал Чулков.

...к июлю — годовщине его смерти. — Чехов скончался 2 (15) июля 1904 г.

О «Возврате» Андрея Белого у Вас еще не писали. — Третья симфония А. Белого «Возврат» написана в 1901—1904 гг., опубликована в 1905 г. В «Вопросах жизни» не рецензировалась.

...по части Художественного кружка... — Литературно-художественный кружок (1899—1920), игравший значительную роль в культурной жизни Москвы, впервые собрался (по инициативе известного психиатра Н. Н. Баженова) в октябре 1899 г. на Кисловке, в доме Игнатьева. Затем проводил свои вечера в Козицком переулке и вскоре «переселился — неподалеку, на Дмитровку, в особняк Востряковых» (*Зайцев Б.* Москва. Литературный Кружок. См. т. 6 в нашем изд.).

15. Г. И. Чулкову (с 21)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 6. Год установлен по содержанию.

...значительная поддержка моим финансам... — По-видимому, речь идет о корректорской работе у книгоиздателя Саблина.

...всякие эти «попечения», «жоржики»... — Возможно, намек на значительно ухудшившиеся отношения между Мережковскими и Чулковым.

Талантище 196 пробы... — На золоте ставилась высшая 96-я проба.

16. Г. И. Чулкову (с. 21)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо датируется по почтовому штемпелю.

<1>

...письмо от Кожевникова — по-видимому, он издаст... — Очевидно, имеется в виду журнал «Зори», который издавался В. А. Кожевниковым с 11 февраля по 19 мая 1906 г. (№ 1—14). Зайцев, вспоминая о своем редакторстве в этом журнале, пишет: «Как все, что затевал Валентин Алексеевич, наши «Зори» оказывались малозлатоносными: журнальчик, где золото пущено было на обложке (и Москва на ней тоже изображена), расходился, кажется, в 60 экземплярах. <...> Что-то от светлой зари, юношеское и чистое, было в этих «Зорях», и навсегда они для меня овеяны светом весны, тех особых неповторимых чувств...» (*Зайцев Б.* Москва. «Зори». См. т. 6 в нашем изд. С. 42).

«Современная жизнь» — общественно-политический и литературный журнал, издававшийся и редактировавшийся П. М. Ярцевым с апреля 1906 по февраль 1907 г. Зайцев в 1906 г. опубликовал здесь рассказы «Завтра» (№ 1) и «Черные ветры» (№ 6).

Вас печатать наверное будут. — В «Современной жизни» Чулков не публиковался.

<2>

(см. «История живописи» Мутера. «De profundis» Уайльда). — Перевод книги немецкого историка искусства Рихарда Мутера вышел под ред. К. Д. Бальмонта (СПб., 1901—1904); сборник О. Уайльда «Письма. Афоризмы. Стихотворения в прозе», посвященный его памяти («De profundis»), издан в переводе Е. А. Андреевой (Бальмонт) — СПб.: Гриф, 1905.

...спросите Ремизова... — Чулков постоянно общался с А. М. Ремизовым в период работы в «Новом пути» и «Вопросах жизни».

Рассказишко кончаю еще один... — Имеется в виду «Священник Кронид», опубликованный в «Вопросах жизни» (1905, № 6). Ранее журнал напечатал два рассказа Зайцева: «Океан» (1905, № 2) и «Хлеб, люди и земля» (1905, № 4/5).

Н. Г. — Надежда Григорьевна Чулкова.

Лидия Юдифовна — жена Н. А. Бердяева.

17. Г. И. Чулкову (с. 22)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...притянули б к Иисусу Андрея Белого. — Так Зайцев выражает недовольство символизмом А. Белого и его отношением к религии.

Пишу Вам... «Жизнь и город»... — Рассказа с таким названием у Зайцева нет.

С «мистическим анархизмом» Вашим вполне согласен... — Идеи «мистического анархизма» — попытка связать религиозные искания с освободительной борьбой — возникали во многих журнальных выступлениях Чулкова. Так, в статье «Перевал» (Новый путь. 1904. № 4) он заявляет: «Социализм... должен быть освящен религиозной истиной». В «Вопросах жизни» (1905. № 7) в разделе «Из частной переписки» появилась его известная полемическая работа «О мистическом анархизме». Видимо, ее и имеет в виду Зайцев.

...статью о Соловьеве. — Статья Чулкова «Поэзия Владимира Соловьева» опубликована в «Вопросах жизни» (1905. № 4—5).

...Булгаков Вам возражает — не сильно. — «Подлинный Соловьев в своих стихотворениях, — пишет Булгаков, — вовсе не тот скорбный и анемичный монах, какого рисует нам Чулков, а тот же могучий дух, многогранный, многообъемлющий, каким мы знаем его и в философских творениях» (*Булгаков С.* Без плана. Несколько замечаний по поводу статьи Г. И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева // Вопросы жизни. 1905. № 6).

Нюхом Вы угадали Соловьева лучше... — В своей статье Чулков развивал тезис «о трагическом разладе, аскетическом мировоззрении и черной победе смерти» в творчестве Вл. Соловьева. Впоследствии он отказался от этого взгляда, став последовательным «соловьевцем».

Гриф предложил мне издать святого Антония... — Грифом подписывался в письмах С. А. Соколов (Кречетов); и друзья так называли владельца московского издательства «Гриф» и журнала «Перевал». Философская драма Флобера «Искушение святого Антония» в переводе Зайцева вышла в сб. «Знание» (1907. Кн. 16) и в серии «Дешевая библиотека» издательства «Знание» (СПб., 1907). Перевод был сделан по предложению Горького.

...тридцать лет назад цензура его бесповоротно запретила. — Цензурный запрет был связан с антиклерикальным и антирелигиозным пафосом драмы Флобера, в которой «видения» и «искушения» святого не соответствовали агиографии сурового аскета-отшельника III—IV вв. н. э.

...вышлите август журнала... — В августовском номере «Вопросов жизни» напечатан рассказ Зайцева «Священник Кронид».

«Глубочайший»... бердяевское слово... — Н. А. Бердяев — философ, литератор, публицист; с осени 1904 г. — соредактор (с С. Н. Булгаковым) журнала «Новый путь», а с 1905 г. — журнала «Вопросы жизни».

18. Г. И. Чулкову (с. 23)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

Рассказ вышлю в сентябре. — После августовского номера Зайцев в «Вопросах жизни» ничего не печатал.

19. Г. И. Чулкову (с. 23)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

«Наша жизнь» (1904—1906) — ежедневная общественно-политическая, литературная и общественная газета, издававшаяся в Петербурге. Чулков публиковал здесь главным образом театральные рецензии.

Высоцкий В. А. — друживший с Зайцевым переводчик с польского (в частности, рассказов Стефана Жеромского: сб. «Забвение». СПб., 1915). Зайцев публиковал его переводы и заметки о встречах с польскими писателями в журнале «Зори».

20. А. М. Горькому (с. 24)

Печ. по автографу: Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. КГ-п-28-14-2.

...перевод «Небожественной комедии» Красинского... — *Красиньский З.* Небожественная комедия. Перевод с польского и предисловие А. Курсинского М.: Скорпион, 1902. Книга вышла осенью 1901 г., а 31 декабря она была изъята из обращения специальным циркуляром Главного управления по делам печати.

...написать ему пару слов... — Письмо Горького не обнаружено. Материалов об изданиях В. А. Высоцкого в «Знании» нет.

21. Г. И. Чулкову (с. 24)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

«Зори» — журнал литературы и искусства, издававшийся в 1906 г. в Москве В. А. Кожевниковым.

...хорошо, если бы вы дали нам что-нибудь из статеек... — Чулков в «Зорях» не печатался. А в выпуске 11/14 был даже допущен выпад против него: Б. Грифцов в статье «Праздник памяти Достоевского» указал на «бледную заметку Г. И. Чулкова о мистическом анархизме Достоевского» в «Освободительном движении» № 1.

«Влад» взят. — Имеется в виду рассказ французского писателя Th. Dan Cerkez, напечатанный в переводе Н. Г. Чулковой в вып. 7 журнала «Зори». На эту публикацию «Вопросы жизни» (1905. № 9) отозвались восторженной рецензией А. Мирэ, приятельницы Чулковых.

Хорошо бы зацепить Барыбу. — Барыбой мог быть назван С. М. Городецкий. В его сборнике «Ярь» есть стихотворение, в котором говорится о придуманном автором славянском божестве Барыбе. Возможно, это стихотворение читалось на «Башне» Вяч. И. Иванова, которую посещали Чулков и Зайцев.

22. Г. И. Чулкову (с. 25)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

За статью большое спасибо. — Статья Чулкова в «Зорях» не была напечатана.

«Факелов» я еще не читал. — Имеется в виду кн. 1 (СПб., 1906) альманаха. Оформление «Факелов» было выполнено Е. Е. Лансере.

Когда выйдет следующая книжка.. — Вторая книга альманаха вышла в 1907 г.

...в каком-то сборнике социал-демократов.. — С рассказом Зайцева в это время вышел лишь один сборник стихов и прозы — «Корабли» (М., 1907), в котором напечатана его «Земля».

«Черные ветры» — рассказ Зайцева, вышедший не в «Факелах», а в журнале «Современная жизнь» (1906. № 6).

В «Зорях» о «Факелах» непременно напишем. — В «Зорях» (1906, вып. 9/10) Зайцев напечатал свою статью «Новый реализм и сборник „Факелы"» (см. т. 9 в нашем изд.).

«Адская почта» — петербургский еженедельный иллюстрированный журнал политической сатиры, издававшийся Е. Е. Лансере в 1906 г.

23. Г. И. Чулкову (с. 25)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40

...думаю выпускать сборник рассказов... — Имеется в виду сборник «Рассказы. Кн. 1-я» (обложка М. Добужинского). В нем 9 рассказов из 20 опубликованных Зайцевым к этому времени. Сборник вышел тремя изданиями: СПб.: Шиповник, 1906, 1907, 1908. Первые рецензии (см. т. 1 в нашем изд.) опубликовали Брюсов («Золотое руно». 1907. № 1) и Гиппиус («Весы». 1907. № 3). Вслед за ними с благожелательной рецензией выступил Чулков (Перевал. 1907. № 4). Рецензировать первую книгу Зайцева намеревался и Блок, однако ограничился лишь тем, что весьма похвально отозвался о нем в статьях «О реалистах» и «Литературные итоги 1907 года».

Предлагает мне издать Петр Кожевников... — П. А. Кожевников (брат издателя В. А. Кожевникова) и Зайцев в 1901—1904 гг. печатались в газете «Курьер», участвовали в заседаниях кружка «Среда», в 1906 г. сотрудничали в «Зорях».

«Содружество» — петербургское издательство, основанное в 1905 г.

Что Ваш перевод? — Речь идет скорее всего о пьесе Э. Верхарна «Зори», переведенной Чулковым (СПб.: Знание, 1906).

Где Горький? — М. Горький с марта по сентябрь 1906 г. находился в США.

...Ваша любовь, например, к Гамсуну? — Чулков напечатал несколько восторженных рецензий о произведениях К. Гамсуна.

24. А. М. Горькому (с. 26)

Печ. по автографу: Архив А. М. Горького ИМРЛИ РАН. КГ-п-28-14-1.

...рукопись «Антония». — См. примеч. к № 17.

«Золотое руно» (М., 1906—1909) — ежемесячный художественный и литературно-критнческий журнал, издававшийся крупным предприинимателем Н. П. Рябушинским. До 1907 г. здесь печатались все основные символисты, но после конфликта с редактором-издателем из журнала ушли Брюсов, Мережковский, Гиппиус, Белый, Кузмин, Балтрушайтис. Издание перешло в руки

Вяч. Иванова, Блока, Чулкова (о конфликте в журнале см. подробно: *Лавров А. В.* «Золотое руно». Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 154—155). В «Золотом руне» Зайцев напечатал рассказ «Миф» (1906, № 4).

«Иридион» (1833—1836) — трагедия польского писателя Зыгмунта Красиньского, изданная в переводе А. Уманьского (наст. фам. А. А. Дробыш-Дробышевский; СПб.: Знание, 1904).

...это для меня уже вопросит<ельный> знак. — В Архиве А. М. Горького сохранилось письмо Зайцева заведующему конторой издательства «Знание» С. П. Боголюбову в СПб. от 28 октября 1907 г.: «...Я совершенно неожиданно узнал, что «Искушение св. Антония» вышло в «Знании» отдельным изданием. <...> Я ничего не имел бы против отдельного издания, но тогда надо было известить меня, прислать *снова* корректуру, я дал бы примечания, предисловие и проч. Относительно всего этого желал бы получить объяснение» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1995. Т. 5. С. 137).

...пишу наугад... — Публикуемый текст был приложен к письму Зайцева Пятницкому в СПб. от 15 мая 1906 г.; в постскриптуме он просил: «Будьте добры, перешлите прилагаемое письмо Алексею Максимовичу, адреса которого я не знаю» (Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. П-ка «Зн »-18-34-1).

...этим Маркам Твэнам... — Зайцев имеет в виду скандал, поводом к которому послужило то обстоятельство, что Горький и его гражданская жена М. Ф. Андреева поселились в одном и том же отеле «Белькпер» в Нью-Йорке. Они были выселены из гостиницы 1 (14) апреля 1906 г. Травлю писателя начала газета «World». Горький отправил письмо в редакции нью-йоркских газет по поводу «некрасивой выходки» против него, инспирированной, по-видимому, друзьями русского правительства. «Лучшие люди всех стран будут с нами», — писал Горький (Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Вып. 1. М., 1958. С. 599). Однако М. Твен, который встречался с Горьким и входил в «Комитет помощи Горькому для осуществления целей его поездки», не выступил в его защиту, в то время как о поддержке ему высказались многие известные писатели, ученые США, Англии, Франции, России. Горький и Андреева получили приглашение от учительской семьи супругов Мартин и поселились в качестве гостей сначала в их доме на острове Стейтен Айленд (в заливе Нью-Йорка), а затем, после пребывания в ряде других городов США, переехали в их имение в горах Адирондак, где Горький писал роман «Мать».

Когда думаете в Россию? — Горький после посещения в феврале 1906 г. ряда европейских стран в марте прибыл в США, а в сентябре поселился на Капри в Италии. Он оставался в эмиграции до конца 1913 г.

...опять сойдемся? — В Архиве А. М. Горького сохранились шесть писем Зайцева к С. П. Боголюбову и два — к К. П. Пятницкому. В них речь идет в основном о финансовых расчетах за издания (см. подробно: *Островская С. Д* Переписка Б. К. Зайцева с издательством «Знание» // В поисках гармонии: О творчестве Б. К. Зайцева. Межвузовский сборник научных трудов. Орел, 1998).

25. В. С. Миролюбову (с. 27)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 1, 2. Переписка Зайцева продолжалась с 1906 по 1926 г. В 1901 г. Л. Н.

Андреев рекомендовал Миролюбову начинающего писателя: «По моему совету послал к Вам свой рассказ и некто Борис Зайцев. Он студент, и на мой взгляд очень талантлив малый; знаю его мало, но судя по посланному и по другим, даже неудавшимся ему рассказам, которые он мне читал, нужно думать, что из него будет прок. Он очень волнуется в ожидании, и просил меня узнать у Вас, пойдет его рассказ или нет» (Лит. архив. Кн. 5. М.; Л., 1960. С. 87).

Зайцев встречался с Миролюбовым во время его приездов в Москву, о чем говорят визитки Зайцева с надписями, находящиеся в его фонде рукописей в РО ИРЛИ: «Дорогой Виктор Сергеевич, очень хочу Вас видеть. Тел. 73-93 (Благовещенский, д. 4, кв. 26). Ваш Б<орис> З<айцев>; «Дорогой В<иктор> С<ергеевич>, если свободны, приходите завтра завтракать в 2 ч<аса> дн<я>. Благовещенский (Тверская), д. 4. Ваш Б<орис>» (РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 5, 6) и записка В. А. Зайцевой: «Москва, 191... Была Вера Зайцева, хочет скорее Вас видеть у себя. Может быть, по телеф<ону> 73-93 — вызовите меня или Бориса. Вера Зайцева. Очень рады, сговоримся, когда у нас соберемся» (на бланке: «Большая Московская Гостиница Торгового Дома С. Н. Дмитриев, А. П. Сергеев, П. Е. Рогожин в Москве». РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 536).

«Ночью» — этюд Зайцева, не обнаруженный среди опубликованных.

«Завод» — рассказ Зайцева, опубликованный в «Ежемесячном журнале для всех» (1906. № 1).

26. Г. И. Чулкову (с. 28)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

«Панург» — новелла Th. Dan Cerkez.

27. Г. И. Чулкову (с. 28)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

Рукопись Вашу отдал в «Руно»... — Возможно, речь идет о поэме Чулкова «Весною на север», опубликованной в «Золотом руне» (1906. № 11—12).

Курсинский А. А. — в 1906—1907 гг. критик и редактор в «Золотом руне». Оскорбительное поведение владельца журнала Н. П. Рябушинского по отношению к Курсинскому стало главной причиной разрыва с «Золотым руном» Брюсова и его единомышленников.

«Шиповник» (1906—1918) — частное издательство в Петербурге, основанное З. И. Гржебиным и С. Ю. Копельманом. Первой книгой издательства стал сборник Зайцева «Рассказы. Книга 1-я», выпущенный тремя изданиями. Здесь также вышли еще два его сборника. Зайцев был редактором (вместе с Л. Н. Андреевым) литературно-художественных альманахов издательства «Шиповник», где напечатаны его роман «Дальний край», 8 рассказов и повестей, пьесы «Верность», «Усадьба Ланиных», «Пощада».

28. Г. И. Чулкову (с. 28)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Год установлен по содержанию.

Все насчет «Антония»... — «Искушение святого Антония» (см. примеч. к № 17). Рецензия на перевод Зайцева появилась в журнале «Перевал» (1907. № 8/9).

Ваша вещь пойдет в декабре. — Поэма Чулкова «Весною на север».

29. В. И. Стражеву (с. 29)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Д. 18. Л. 1, 2.

Что я могу сказать... об «Антоне бедном»? — Имеется в виду «Искушение святого Антония» (см. примеч. к № 17).

30. Г. И. Чулкову (с. 30)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр 40.

...«к барьеру»... — Возможно, цитируется реплика героини пьесы Чехова «Медведь».

...читать в Кружок. — Имеется в виду лекция в московском Литературно-художественном кружке (см. примеч. к № 14).

31. Г. И. Чулкову (с. 31)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 25, 26.

«Народная газета» — московская ежедневная газета, издававшаяся в 1906 г. А. П. Алексеевским и М. И. Бриллиантовым. Была ориентирована на читателя из старообрядцев (имелось приложение «Голос старообрядца»). Издание было приостановлено «ввиду вредного направления».

Бульвардьерская — бульварная.

«Зима» — пьеса П. П. Гнедича, написанная в 1904 г. Рецензия Зайцева в «Народной газете» не найдена.

32. Г. И. Чулкову (с. 31)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 27.

«Антоний» — «Искушение святого Антония» (см. примеч. к № 17).

33. А. М. Ремизову (с. 32)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1—2. На первой стр. надпись красными чернилами (по-видимому, рукой Ремизова): «И все-таки много опечаток. Есть и поправки».

«Посолонь» — сборник сказок Ремизова (М.: изд. «Золотое руно», 1907) Зайцев вычитывал корректуру книги.

34. Г. И. Чулкову (с. 32)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 28.

...Айхенвальд Вашего «Шамана» побаивается. «Шаман» — стихотворный цикл Чулкова; опубликован: Белые ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907. Ю. И. Айхенвальд в 1907 г. был членом редакции журнала «Русская мысль».

«Товарищ» — газета, основанная в августе 1906 г. Л. В. Ходским после закрытия «Новой жизни».

...деньги за «Бранда». — Заметка Зайцева «Московский Художественный театр. Бранд» напечатана в «Товарище»: 1907. 7 января. № 159.

35. Ф. К. Сологубу (с. 32)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед хр. 290 (из коллекции

Оксмана). Письмо на бланке: Издательство «Шиповник», СПб., Невский, 102, тел. № 33-92. На письме рукой Сологуба: «Ответ 3 февр.».

36. Ф. К. Сологубу (с. 33)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 290 (из коллекции Оксмана). Письмо на бланке издательства «Шиповник».

37. Г. И. Чулкову (с. 33)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 29, 30.

...посылаю Вам... статейку о «Драме жизни»... — «Драма жизни» (1896) — пьеса К. Гамсуна из трилогии (две другие — «У врат Царства» и «Вечерняя заря»). Поставлена К. С. Станиславским и Л. А. Сулержицким на сцене МХТ. Рецензия Зайцева на этот спектакль напечатана в газете «Товарищ»: 1907. 15 февраля. № 192.

...насчет бы Гагары. — Имеется в виду стихотворение Чулкова «Песня» («Стоит шест с гагарой...»), опубликованное в его сборнике «Весною — на север» (СПб., 1906).

...условия второго издания... — Имеется в виду 2-е изд. сборника Зайцева «Рассказы. Кн. 1-я» (1906). В 1907 и 1908 гг. сборник был переиздан.

Боба — домашнее прозвище Зайцева.

Эдгар — вероятнее всего, сын сестры Чулкова Анны Ивановны (Нюры), в первом браке Гренцион. В ОР РГБ имеется письмо Чулкова, адресованное Гренциону-сыну с обращением «Гарри».

38. З. И. Гржебину (с. 34)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 29. Л. 1. Письмо на бланке издательства «Шиповник».

Сборник пока продвигается медленно. — Речь идет о подготовке кн. 2-й «Шиповника». Из упомянутых в письме авторов в этом выпуске альманаха представлен только Бунин (рассказ «У истока дней» и подборка из четырех стихотворений: «Петров день», «Проводы», «Геймдаль», «Александр в Египте»). Здесь же опубликован рассказ Зайцева «Май». В 1907 г. вышла и кн. 3-я альманаха, в которой напечатаны рассказы «Астма» Бунина, «Сестра» Зайцева и ч. 1 романа Сологуба «Навьи чары».

Экземпляр 1-го сборника получил... — Имеется в виду, вероятно, кн. 2-я «Шиповника», в которой напечатан рассказ Зайцева «Полковник Розов».

39. В. Э. Мейерхольду (с. 34)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1576.

Петр Михайлович — П. М. Ярцев.

40. Г. И. Чулкову (с. 34)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 31. Открытка датирована по штемпелю: 23 февраля 1907.

«Драма жизни» — см. примеч. к № 37.

«Перевал» (1906—1907) — ежемесячный журнал издательства С. А. Соколова «Гриф».

«Шаман» — см. примеч. к № 34.
Гриф — см. примеч. к № 17.
Гагара — см. примеч. к № 37.

41. Г. И. Чулкову (с. 35)

Печ. по автографу: РО РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 32. Открытка датирована по штемпелю: март 1907.

«Товарищ» — см. примеч. к № 34.

...один Станиславскому послать. — Имеется в виду газета «Товарищ» с рецензией Зайцева о «Драме жизни» Гамсуна, поставленной К. С. Станиславским и Л. А. Сулержицким на сцене МХТ.

Н. Г. — Надежда Григорьевна Чулкова.

42. Ф. К. Сологубу (с. 35)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 290 (из коллекции Ю. Г. Оксмана). Письмо на бланке издательства «Шиповник».

«Творимая легенда» — первая часть романа Сологуба, первоначально называвшегося «Навьи чары»; печатался в «Шиповниках» (1907. Кн. 3; ч. 2 «Капли крови». 1908. Кн. 7; ч. 3 «Королева Ортруда». 1909. Кн. 10) и в сб. «Земля» (ч. 4 «Дым и пепел». 1912). В окончательной редакции роман получил название «Творимая легенда» (*Сологуб Ф.* Собр. соч. СПб.: Сирин, 1914. Т. 18—20).

..задавлены Октавом Мирбо... — О. Мирбо в «Шиповниках» напечатан не был («отказался». — См. № 79). Из переводов в кн. 2 (1907) была опубликована пьеса Сен-Жоржа де Буэлье «Король без венца».

Зиновий Исаевич — З. И. Гржебин.

43. В. В. Муйжелю (с. 35)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 288 (из коллекции Оксмана). Письмо на бланке издательства «Шиповник».

...Виктор Владимирович... — В письме Зайцев ошибочно называет Виктора Васильевича Муйжеля Виктором Владимировичем.

...дочитал Вашу повесть. — Имеется в виду рассказ Муйжеля «Пока...», которым открывается кн. 2 «Шиповника» (1907).

44. Ан. Н. Чеботаревской (с. 36)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289 (Сологуб). Оп. 5. Ед. хр. 104. Л. 1—2.

45. И. А. Бунину (с. 36)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 285 (из коллекции Оксмана). Датируется по содержанию: в конце мая — июне Зайцевы были во Флоренции. На открытке — надпись Ф. Ф. Фидлера: «От Б. К. Зайцева. Кажется, 1907 г. Получено в Константинополе Ив. Буниным. Начало написано рукой Веры Алексеевны Зайцевой».

46. Г. И. Чулкову (с. 37)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Год установлен по содержанию.

...почта сюда почти как во Флоренцию. — Зайцев бывал во Флоренции

много раз (впоследствии назвал ее своей второй родиной): впервые — в 1904 г., во второй раз — в мае-июне 1907 г. В августе этого года он напечатал в «Перевале» (№ 10) свои «Письма из Италии. Флоренция», а 17 сентября в «Литературно-художественной неделе» (№ 1) — очерк «Пиза». Из его публикаций об этих поездках составилась книга «Италия» (1923; см. т. 3 в нашем изд.).

«Золотая ночь» — стихотворение Чулкова (Шиповник. 1907. Кн. 3), давшее название его циклу.

Сонеты Чулкова в альманахах «Шиповника» не были опубликованы; они вошли в книгу поэта «Весною — на север».

...Вас естественнее с Вяч. Ивановым, а не с Белым, стихи которого тоже будут... — Вяч. Иванов в «Шиповниках» не публиковался, а стихи А. Белого альманах напечатал в кн. 6 (1908).

...Италию я люблю... Ваши стихи... имеют к ней отношение... — Такое умозаключение Зайцев сделал интуитивно. Чулков в Италии побывал только в 1911 г., после чего в его стихах (например «Венеция») действительно отразились итальянские впечатления.

47. Г. И. Чулкову (с. 38)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо датировано по содержанию.

...раз Вам важен 3-ий сборник... — Зайцеву удалось опубликовать стихотворение Чулкова «Золотая ночь» именно в этом сборнике.

Если рассказ будет, дам с удовольствием. — Возможно, «Гость» для сборника «Факелы» (1908. Кн. 3).

48. А. М. Ремизову (с. 38)

Печ. по автографу. ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 4—5.

...возобновляется газета «Утро». — Имеется в виду газета «Утро России», выходившая в Москве (с перерывами) в 1907, 1909—1917 гг. Субсидировалась братьями-предпринимателями П. П. и Н. П. Рябушинскими. Редактор — А. П. Алексеевский. Большой литературный отдел вел Зайцев (до 5 марта 1910 г. — см. № 116). Все годы с газетой активно сотрудничали Л. Н. Андреев и его младший брат Андрей Николаевич Андреев (псевд. А. Болховской; 1885—1920).

Вы как автор «Лимонаря»... — «Лимонарь сиречь: Луг духовный» — книга переработок апокрифов, вышедшая в С.-Петербурге в 1907 г.

49. Г. И. Чулкову (с. 39)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Год установлен по содержанию.

...принимаюсь за повесть... отдам ее в «Знание»... — В сборниках «Знание» произведений Зайцева не было. Вероятно, речь идет о повести «Аграфена»: она была опубликована в «Шиповнике» (1908. Кн. 4).

...без Леонидовского редакторства... — Л. Н. Андреев прекратил редактирование сборников «Знание» в 1907 г.

...когда про Вас пишут всякие гадости... — Продолжением сотрудничества с «Факелами» Зайцев отреагировал на кампанию, предпринятую «Весами» (статьи Антона Крайнего — Гиппиус и А. Белого) против Чулкова в 1906—1907 гг.

...вместо того чтобы стихи хорошие писать... — Возможно, намек на Брюсова.

50. А. М. Ремизову (с. 39)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 6—7.

...газета «Утро Жизни»... — Имеется в виду «Утро России».

51. Г. И. Чулкову (с. 40)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Год установлен по содержанию.

...как же у Вас дела с «Руном»? — О конфликте группы писателей с издателем «Золотого руна» Рябушинским см. примеч. к № 24. Чулков в журнале остался.

...рассказ, который могу дать. — Вероятнее всего, речь идет о рассказе «Гость».

52. А. М. Ремизову (с. 41)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 3. Датируется по штемпелю на открытке.

53. Г. И. Чулкову (с. 41)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 33. Датируется по штемпелю на открытке.

Скажите издателю «Факелов»... — Редактором-издателем «Факелов» был Чулков.

«Гость» напечатан в кн. 3 «Факелов» (1908).

54. А. М. Ремизову (с. 41)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 8—9.

Диоклетиан Ваш очень мне понравился... — Апокриф Ремизова «Царь Диоклетиан» опубликован в газете «Утро России» (1907. № 13).

55. А. М. Ремизову (с. 41)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 10. Датируется по штемпелю на открытке.

...редактор не поставил Вашего Николу. — Возможно, речь идет о произведении «Никола Угоднию», опубликованном Ремизовым позднее в газете «Голос Москвы» (1907. № 298).

56. А. М. Ремизову (с. 42)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 11—12.

57. Г. И. Чулкову (с. 42)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед хр. 40. Датируется по содержанию.

«Любовь» — первая пьеса (одноактная) Зайцева (Русская мысль. 1907. № 7). Сохранился черновик письма Чулкова к Зайцеву (ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 2 Ед. хр. 14):

«Дорогой Борис Константинович!

Большое спасибо за «Любовь»! Ее надо поставить на сцене: это какая-то необычайная и странная вещь и — быть может — самая оригинальная из всего,

что Вы писали. Эта вещь — "без рода, без племени": не могу найти для нее литературного "генезиса". Вещь какая-то залетная, как птица: как будто *из-за моря* прилетела птица и пропела о любви *заморской*, о любви золоторыжей. Вся пьеса золотится, червонно краснеет, пахнет яростной молодостью — и в то же время наполнена тайной печалью и тоской тайной по мирам иным. (Далее зачеркнуто косыми линиями. — *М. М.*)

Странная вещь! Как будто тончайший культурник — быть может — декадент открыл внутри себя варварское начало и, засмеявшись, возлелеял свою варварскую любовь.

И любовь в ней (в пьесе) рыжеет, краснеет, кровавится — до раны, до золотой смерти.

Великолепная вещь, если только я не переврал ее "субстанцию". Мне — по крайней мере — она нравится именно такой.

P. S. Получили ли...» (Два слова неразб. — *М. М.*).

Бунин Вам расскажет, для чего ему нужен «Гость». — С октября 1907 г. Бунин был приглашен редактировать сборники «Земля» и собирал рукописи для первой книги. Чулков не отдал рассказ Зайцева и напечатал его сам в кн. 3 «Факелов». В кн. 1 «Земли» (1908) Зайцев послал свой перевод рассказов Марселя Швоба «Крестовый поход детей», а в кн. 2 (1909) — повесть «Спокойствие».

...статью Семенова верну. — Скорее всего речь идет о Е. П. Семенове, который в конце 1907 г. опубликовал в «Mercure de France» статью о «мистических анархистах».

58. Г. И. Чулкову (с. 42)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Год установлен по содержанию.

«Тайга» — драма в трех актах Чулкова (СПб.: Оры, 1907). А. Белый опубликовал рецензию о пьесе в «Весах» (1907. № 6).

«Любовь» — см. примеч. к № 57.

...они пойдут здесь в Москве. — В театральной студии (Камерном театре) П. М. Ярцева.

59. Г. И. Чулкову (с. 43)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 34.

«Тайга» идет вся... — Пьеса Чулкова репетировалась в Камерном театре, где первоначально предполагалось поставить только первый акт.

60. Г. И. Чулкову (с. 43)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 35.

Что же это они за анафемы? — Имеется в виду драматическая цензура.

Про театр пока ничего не пишу. — Ярцев, Зайцев и Муратов задумали создать так называемый «Интимный», или «Камерный театр» (другое название студии П. М. Ярцева). Инициаторы выдвинули программу искания новых форм в искусстве. Открытие театра намечалось на январь 1908 г. К постановке готовилась «Тайга» Чулкова, но спектакль не был осуществлен, т. к. студия вскоре была закрыта.

61. А. М. Ремизову (с. 44)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 13. Датируется по штемпелю на открытке.

Коган — возможно, П. С. Коган, автор очерка о Зайцеве в кн.: Очерки новейшей русской литературы. Т. 3. Современники. Вып. 1. М., 1912.

62. И. А. Бунину (с. 44)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 5, 6.

«Спокойствие» — повесть Зайцева, вышедшая в сб. 2 «Земли». М.: Московское книгоиздательство, 1909.

Леонид — Л. Н. Андреев.

...брани за «Аграфену» в газетах. — Повесть «Аграфена» была встречена критикой в основном благожелательно и даже определялась как его лучшая вещь (например, с такой оценкой рецензировали повесть Г. И. Чулков, Н. И. Коробка). Эллис (Л. Л. Кобылинский) написал ироническую рецензию, в которой, однако, назвал повесть «возвышенной органной фугой... романтических и мировых страданий и достижений некоей мировой и символической кухарки Аграфены», а далее отнес героиню к ряду шекспировских женщин и «Бедной Лизе» Карамзина (Весы. 1908. № 10. С. 82—84).

Вера Николаевна — Муромцева-Бунина.

63. И. А. Бунину (с. 44)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 7, 8. Год установлен по содержанию.

64. Г. И. Чулкову (с. 45)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 7. Открытка с изображением Мюнхена. Датируется по штемпелю. Курсив — рукою В. А. Зайцевой.

«Слово» — политическая, общественная и литературная газета, выходившая в Петербурге с декабря 1903 по июль 1909 г. (с перерывами). В «Слове» (1906. 4 мая) Чулков опубликовал рецензию на повесть Зайцева «Аграфена».

65. И. А. Бунину (с. 45)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 11, 12.

...до 10—15 октября (по-нашему)... — Имеется в виду летоисчисление по старому стилю, т. е. по юлианскому календарю, действовавшему в России до 14 февраля 1917 г., когда был введен, как и в Европе, григорианский календарь (летоисчисление по новому стилю). Отсюда в письмах Зайцева двойные даты: российские и европейские.

...если сборник набирается... — Имеется в виду сборник «Земля», кн. 1 (1908), где опубликованы переводы Зайцева из рассказов М. Швоба (см. примеч. к № 57).

Фиаска — емкость для вина.

(Рескин умер, ругать за пьянство некому.) — Искусствовед Джон Рёскин был сыном винодела и известным моралистом.

Ю. А. — Юлий Алексеевич Бунин (см. очерк Зайцева о нем. Т. 6 в нашем изд.).

66. Д. В. Философову (с. 46)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 123 (А. И. Бурцев). Оп. 1. Ед. хр. 358. Л. 1. Речь в письме идет скорее всего о предложении Зайцеву принять участие в журнале «Образование», который с июля 1908 г. (после отказа от редакторства А. Я. Острогорского, вскоре, в октябре, умершего) перешел к И. М. Василевскому, и Философов намеревался войти в обновленную редколлегию журнала.

67. Г. И. Чулкову (с. 47)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

Театр Соловцова — русский драматический театр в Киеве, созданный в 1891 г. Н. Н. Соловцовым, Е. Я. Неделиным, Т. А. Чужбиным, Н. С. Песоцким как «Товарищество драматических артистов». С 1893 г. стал единоличной антрепризой Соловцова, поставившего здесь свои основные спектакли.

...если из театра не будет удален рецензент Ярцев. — Об этом скандале в театре Зайцев рассказал в мемуарах «Москва»: «...на авансцену вышел некто и заявил, что пока Ярцев (он был критиком требовательным. — *Ред*) в театре, актеры не желают играть. Ярцев поправил волосы, застегнул сюртук, встал и спокойно вышел.. За ним поднялась и ушла, в знак протеста, вся киевская пресса. Премьера осталась без рецензентов. Актерам пришлось туго — такого случая насилия над критиком еще в театре не бывало. Киевские рецензенты выступили затем сообща, печатно. За ними поднялись писатели и драматурги и в столицах. Актерам предстояло или сдаться, или попасть под бойкот полный. Они предпочли первое» (см. т. 6 в нашем издании. С. 78—79).

Театр же, видимо, управляется негодяями. — После смерти Соловцова его театр с 1906 г. принадлежал И. Е. Дуван-Торцову.

Рецензенты-бутербродники — журналисты, которых приглашают на приемы и банкеты в связи с премьерами с тем, чтобы они писали хвалебные отзывы на спектакли.

...в какой газете сотрудничал он в Киеве? — Как театральный критик Ярцев выступал в газете «Киевская мысль».

«Речь» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в Петербурге с февраля 1906 по 1917 г. как центральный орган кадетской партии. Редактор-издатель И. В. Гессен. Редакторы О. Е. Буржанский и Б. И. Харитон.

«Слово» — см. примеч. к № 64.

68. И. А. Бунину (с. 48)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 13.

69. Г. И. Чулкову (с. 48)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Датируется по штемпелю на открытке, адресованной С. М. Городецкому для передачи Чулкову.

70. И. А. Бунину (с. 48)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 14, 15.

...выпустить книгу со «Спокойствием» в начале октября. — Повесть «Спокойствие» вошла в сборник Зайцева «Рассказы. Кн. 2-я», изданный «Ши-

повником» в 1909 г. А в начале этого года повесть была напечатана Буниным в сборнике «Земля», кн. 2.

Блюменберг Георгий Густавович — владелец «Московского книгоиздательства» (1907—1917); сын крупного купца, торговца бумагой Густава Алексеевича Блюменберга (номинально он числился главой издательства). С 1908 г. выпускал сборники «Земля», успешно конкурировавшие с альманахами «Шиповника». Вышло 20 книг; первые две — под редакцией Бунина, последующие редактировались М. П. Арцыбашевым и Л. Н. Андреевым.

71. И. А. Бунину (с. 49)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 16.

72. С. Ю. Копельману (с. 49)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 19—20. Год установлен по содержанию.

Пьесу вышлю... — Речь идет о пьесе Зайцева «Верность», опубликованной в кн. 11 «Шиповника» (1909). Пьеса была поставлена в Петербурге 28 сентября 1909 г. в Новом драматическом театре, основанном в этом же году на деньги Анатолия Яковлевича Леванта при непосредственном участии Л. Н. Андреева (он стал здесь заведующим репертуарной частью и ведущим драматургом) Театр просуществовал два сезона (см.: *Болхонцева С. К.* Леонид Андреев и Новый драматический театр в Петербурге // Русский театр и драматургия начала XX века. Л, 1984) Постановку «Верности» осуществил актер и режиссер А. А Санин. Большинство откликов на спектакль были отрицательными, и пьеса на сцене не удержалась (см· История русского драматического театра. Т. 7. М., 1987. С. 94, 354, 366—368).

«Сны» — рассказ Зайцева, опубликованный в кн. 9 «Шиповника». Зайцев приводит свой расчет гонорара за рассказ. На обороте л. 19 письма находится иной расчет, написанный другим почерком (скорее всего самого Копельмана). «29 стран<иц> × 49 строк, 50 б<укв> = 58 000 букв = 580 р.»

73. С. Ю. Копельману (с. 50)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 8.

Давид Лазаревич — Д Л Тальников (наст. фам. Шпитальников).

...экземпляр пьесы. — «Верность» (см. примеч. к № 72).

Леонид — Л. Н. Андреев.

74. Л. Н. Андрееву (с. 50)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 7, 8, 9. Впервые опубл. М. Г. Мироновой. Наше наследие. 1990. 3 (15).

...позорного чтения «Анатэмы». — Чтение трагедии «Анатэма» Л. Андреева состоялось у Зайцевых в феврале 1909 г. на очередном заседании «Среды». Читал пьесу С. Глаголь (С. С. Голоушев). См. об этом в кн.: *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Наедине с памятью. М, 1989. С. 423—424. А 2 октября философскую пьесу Андреева с триумфальным успехом поставил Вл. И. Немирович-Данченко на сцене МХТ (в роли Анатэмы В. И. Качалов). 27 ноября состоялась премьера в Новом драматическом театре в Петербурге (режиссер

А. А. Санин), после чего последовали цензурные запреты (по циркуляру П. А. Столыпина).

..*видеться в Литературном Кружке...* — Литературно-художественный кружок (см. примеч. к № 14).

Александра Михайловна — А. М. Андреева, урожд. Велигорская (1881—1906), первая жена Л. Н. Андреева, мать будущего писателя Вадима Леонидовича (1902/03—1976). Умерла от послеродовой горячки, родив второго сына — Даниила Леонидовича (1906—1959), будущего поэта и мыслителя, который в 1947 г. был вместе с семьей безвинно арестован и осужден на 25 лет за... покушение на Сталина.

А. И. — Анна Ильинична Андреева, вторая жена Л. Н. Андреева.

Н. Н. — Настасья (Анастасия) Николаевна Андреева, мать Л. Н. Андреева.

75. Л. Н. Андрееву (с. 52)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 1, 2.

...*в экземпляре пьесы...* — «Верность» (см. примеч. к № 72).

76. Л. Н. Андрееву (с. 52)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 108.

О театре Леванта слышал... — Новый драматический театр в Петербурге основан в 1909 г. и возглавлялся А. Я. Левантом, врачом и промышленником. Зайцев познакомился с ним 20 сентября 1909 г., когда присутствовал на первом (до публикации) чтении пьесы Андреева «Анфиса», состоявшемся в Петербурге на квартире Леванта.

Саввушка — С. Л. Андреев, сын Л. Н. Андреева от второго брака.

Анна Ильинична — вторая жена Андреева, урожд. Денисевич.

Анастасия Николаевна — мать Л. Н. Андреева.

Вадим — В. Л. Андреев, старший сын Л. Н. Андреева от первого брака.

77. С. Ю. Копельману (с. 53)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 1.

..*Давиду Лазаревичу.* — Имеется в виду Д. Л. Тальников (наст. фам. Шпитальников).

..*добавления к пьесе...* — Добавления к «Верности» (см. примеч. к № 72).

78. И. А. Бунину (с. 53)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 9, 10.

...*завтра сдаю в набор свою вторую книжку...* — Сборник Зайцева «Рассказы. Кн. 2-я». СПб.: Шиповник, 1909 (5 рассказов и 2 повести; обложка Г. Нарбута).

«Сны» — см. примеч. к № 72.

Леонид также законтрактован «Шиповником». — Л. Н. Андреев в 1909 г. в кн. 9 альманаха издательства «Шиповник» опубликовал рассказ «Сын человеческий», пьесу «Анфиса» (кн. 11) и в октябре здесь же отдельным изданием трагедию «Анатэма».

79. С. Ю. Копельману (с. 54)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 21, 22 об. Год установлен по содержанию.

«Анатэма» — см. примеч. к № 74.

Когда пойдет моя пьеса? — Пьеса «Верность» (см. примеч. к № 72).

Левант А. Я. — см. примеч. к № 76.

У меня почти переведена новелла Флобера... — Новелла «Простое сердце» в переводе Зайцева опубликована в кн. 12 «Шиповника» (1910).

...начинать с нее новому театру — прямо риск. — «Верность» была второй пьесой, поставленной Новым драматическим театром (первая — «Белая ворона» Е. Н. Чирикова. См.: *Петровская И.* Театр и зритель российских столиц. 1895—1917. Л., 1990. С. 95). Зайцев оказался прав: большинство откликов на спектакль по его пьесе были отрицательными.

Леонид — Л. Н. Андреев.

80. Ф. К. Сологубу (с. 55)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 290 (из коллекции Оксмана). Год установлен по содержанию.

«Утро» — газета «Утро России» (см. примеч. к № 48).

...поставили Буэлье... — В кн. 2 «Шиповника» (1907) был опубликован перевод пьесы Сен-Жоржа де Буэлье «Король без венца».

81. С. Ю. Копельману (с. 56)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 3, 4.

.. *о времени постановки пьесы...* — См примеч. к № 72.

Леонид — Л. Н. Андреев; он был организатором и ведущим драматургом Нового драматического театра.

Санин А. А. — постановщик пьесы Зайцева «Верность» в Новом драматическом театре.

Расчет «Снов» неверен. — см. примеч. к № 72.

«Полковник Розов» — рассказ, опубликованный в «Шиповнике» (1907. Кн. 1).

«Аграфена» — повесть, опубликованная в «Шиповнике» (1908. Кн. 4).

«Спокойствие» — повесть, опубликованная в сб. 2 альманаха «Земля» (1909).

82. В. И. Стражеву (с. 56)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Л. 4. Датируется по содержанию.

.. *с «Шиповником» вожусь...* — Очевидно, имеется в виду кн. 12 альманаха (1910), в которой были напечатаны рассказ Зайцева «Заря» и его перевод новеллы Флобера «Простое сердце».

«Вена» — ресторан в Петербурге, популярный в литераторской среде.

Блок А. А. — В очерке «Побежденный», которым открывается книга «Далекое» (см т. 6 в нашем изд), Зайцев подробно рассказывает о Блоке и о своих встречах с ним. Познакомились они весной 1907 г. на собрании в издательстве «Шиповник»; в 1908 г. встречались у Чулкова (на Малой Невке), у которого Зайцев останавливался в свои приезды в Петербург, бывали у Блока дома. Прочитав первый сборник рассказов Зайцева, Блок 9 июня 1907 г. сделал пометку для статьи, которую собирался написать: «Зайцев остается еще пока приготовляющим фон — матовые видения, а когда на солнце — так прозрачные. Если он действительно творец нового реализма, то пусть он разошьет по этому фону пестроту свою» (*Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 94).

83. Ю. А. Бунину (с. 57)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 3, 4.

Пьеса моя не готова... — см. примеч. к № 72.

84. Ю. А. Бунину (с. 57)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1292. Оп. 1. Л. 1, 2.

85. В. И. Стражеву (с. 58)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 23, 24.

«Ваша пьеса...» — «Верность».

...«треплевский» выстрел — Константин Треплев — персонаж пьесы Чехова «Чайка», убивший чайку и принесший ее к ногам Нины Заречной.

Самойлов Павел Васильевич — актер Нового драматического театра, исполнитель роли Константина Иваныча в «Верности».

86. Л. Н. Андрееву (с. 58)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 5, 6.

...день первого представления «Анатэмы»... — Премьера трагедии Л. Андреева «Анатэма» состоялась 2 октября 1909 г. в МХТ (см. примеч. к № 74)

Санин А. А. — постановщик пьесы Зайцева «Верность».

«Анфиса» — пьеса Л. Андреева, поставленная впервые 10 октября 1909 г А. А. Саниным на сцене Нового драматического театра, а затем в театрах многих городов России. Судя по многочисленным отзывам в печати, спектакли большого успеха не имели.

Давид Лейзер — главный герой «Анатэмы» (первоначально его именем Андреев назвал свою пьесу).

Протопопов — предположительно это прозаик, драматург и журналист Виктор Викторович Протопопов (1866—1916).

«Дети XX века. Огарочники» — пьеса Николая Александровича Смурского.

Петр Кожевников будет... издавать свою книжку. — Имеется в виду сборник П. А. Кожевникова «Рассказы. Кн. 2-я». СПб., 1910.

С. Ю. — Копельман.

87. С. Ю. Копельману (с. 60)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11.

Леонид — Л. Н. Андреев.

Рассказ... пишу. — Скорее всего речь идет об автобиографическом рассказе «Заря», опубликованном в кн. 12 «Шиповника» (1910).

«Анфиса» — пьеса Андреева, опубликованная в кн. 11 «Шиповника» (1909).

Вера Евгеньевна — В. Е. Беклемишева.

Вера — В. А. Зайцева.

Елизавета Юльевна Антик, урожд. Копельман — сестра С. Ю. Копельмана.

88. Г. И. Чулкову (с. 60)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо на бланке газеты «Утро России»: Москва, Страстной бульвар, Путинковский пер., дом П. П. Рябушинского, телефон № 123-73.

...возобновляется «Утро России»... — В конце 1907 г. издание «Утра России» было на два года прервано и возобновлено 14 ноября 1909 г. См. примеч. к № 48.

...Ваш друг Андрей Белый. — «Друг» сказано с иронией: в это время А. Белый активно нападал на Чулкова в журнале «Весы».

89. О. И. Дымову (с. 60)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 286 (из коллекции Оксмана). Письмо на бланке «Утра России».

90. Ф. К. Сологубу (с. 61)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289 (Сологуб). Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 1. Письмо на бланке «Утра России».

91. А. М. Ремизову (с. 61)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634. (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 14. Письмо на бланке «Утра России».

92. А. С. Серафимовичу (с. 61)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 3. Ед. хр. 60. Л. 1. Письмо на бланке «Утра России».

93. А. С. Серафимовичу (с. 62)

Печ. по автографу: РГАЛИ: Ф. 457. Оп. 3. Ед. хр. 60. Л. 2. Письмо на бланке «Утра России».

О Вашем брате... — Имеется в виду брат А. С. Серафимовича (Попова) Вениамин Серафимович Попов, журналист-большевик, печатавшийся под псевдонимом Вен. Дубовской в журнале «Русское богатство» в 1906—1910 гг., в газ. «Правда» в 1914 и 1923 гг.; автор книги «О пролетарской литературе. Наброски» (1924).

Ценский — С. Н. Сергеев-Ценский.

94. Г. И. Чулкову (с. 62)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо на бланке «Утра России».

Алексеевский А. П. — редактор газеты «Утро России». Друг и родственник Л. Н. Андреева. Зайцев познакомился с ним в газете «Курьер», где Алексеевский работал в 1899—1904 гг.

Когда закончите пьесу? — Вероятно, речь идет о пьесе Чулкова «Адония» (опубликована в «Альманахе для всех». СПб., 1910. Кн. 1).

95. И. А. Бунину (с. 63)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 17. Письмо на бланке «Утра России».

96. Г. И. Чулкову (с. 63)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо на бланке «Утра России».

Извещение о Вашей пьесе получил. — Очевидно, имеется в виду «Адония».

«Календарь писателя» — это издание осуществлено не было.

97. С. Ю. Копельману (с. 63)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 7. Письмо на бланке «Утра России».

«Заря» — см. примеч. к № 87.

Флобера перевел... — «Простое сердце» (см. примеч. к № 79).

Вера Евгеньевна — Беклемишева, жена С. Ю. Копельмана.

Вера — В. А. Зайцева.

98. О. И. Дымову (с. 64)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 286 (из коллекции Оксмана). Предположительная дата. за три недели до 2 декабря 1909 г. (см № 99).

99. О. И. Дымову (с. 64)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 286 (из коллекции Оксмана). Письмо на бланке «Утра России».

Бенштейн — Н. А. Архипов.

100. А. С. Серафимовичу (с. 64)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 456. Оп. 3. Ед. хр. 60. Л. 3. Письмо на бланке «Утра России».

В С. — Вениамин Серафимович Попов, брат А. С. Серафимовича. См. примеч. к № 93.

101. А. И. Куприну (с. 65)

Печ по автографу: РГАЛИ. Ф 2567. Оп. 2. Ед. хр. 287 (из коллекции Оксмана). Письмо на бланке «Утра России».

«Раннее утро» (бывший «Русский листок» Казецкого). — « Русский листок» редактора-издателя Н. Л. Казецкого выходил в Москве с 1890 по 1906 г. Затем газета сменила название на «Раннее утро», выходившее с ноября 1907 до 1918 г. В этой газете активно печатались Брюсов, Белый, Волошин.

102. А. М. Ремизову (с. 65)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 634 (Ремизов). Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 15. Письмо на бланке «Утра России».

...деньги Вам высланы... — Речь идет о гонораре за «Повесть о некоем злоубийце, развращенном и волею Божиею помилованном» Ремизова, опубликованной в «Утре России» (1909. 25 дек. № 67).

103. О. И. Дымову (с. 65)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 286 (из коллекции Оксмана). Письмо на бланке «Утра России».

104. Г. И. Чулкову (с. 66)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо на бланке «Утра России».

«Ночные поэмы» Чулкова напечатаны: Художественные сборники. На рассвете. Кн. 1. Казань. 1910.

...рассказ пойдет.. — Рассказ Чулкова «На даче» был опубликован в «Утре России» 1 января 1910 г.

105. Г. И. Чулкову (с. 66)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Письмо на бланке «Утра России».

...даст ли он нам рождественский рассказ.. — «Святочный рассказ» Сологуба «Красногубая гостья» был напечатан в «Утре России» 25 декабря 1909 г., а 1 января 1910 г. — его же рассказ «Самый темный день».

106. Ф. К. Сологубу (с. 66)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289 (Сологуб). Оп. 3. Ед хр 269. Л. 2, 3.

Несмотря на то, что рассказы Сологуба публиковались в «Утре России» в конце 1909—начале 1910 гг., в это же время в газете появились материалы, весьма неприятные для писателя. Так, в номере от 29 декабря 1909 г. опубликована пародия «Сологубая гостья» (подписанная псевдонимом «Отшельник»), а два дня спустя, 31 декабря, появился фельетон Тана (псевдоним В. Г. Богораза) «Санин в юбке». Остро критикуя роман А. А. Вербицкой «Ключи счастья», Тан сравнивает одного из персонажей романа, Марка Штейнбаха, с Триродовым из «Творимой легенды» Сологуба: романисты «расцветили героя сусальным золотом и жаром, надели густые эполеты на его духовные плечи и вложили в его десницу скипетр волшебства. И перед ожившей мечтою склонился российский обыватель. Вот почему «Творимая легенда» Сологуба внушает обывателю такие умилительные восторги...». Судя по всему, именно за эту «статейку» и извиняется Зайцев в своем письме. Тем не менее через несколько дней «Утро России» нанесло новый удар по самолюбию Сологуба: в номере от 9 января 1910 г. П. Ярцев критиковал постановку «Мелкого беса» в театре К. Н. Незлобина и авторскую переделку романа в пьесу («представление это совершенно ничтожно и нет литературного значения у переделки из романа»), а в номере от 10 января цитировались резко отрицательные отзывы о спектакле (Н. Эфроса в «Русских ведомостях», С. Яблоновского в «Русском слове» и корреспондента «Голоса Москвы»).

Привет Настасии Николаевне.. — А. Н Чеботаревская, жена Сологуба.

Вера — В. А. Зайцева.

Относительно гонорара... — Речь идет о гонораре за рассказы Сологуба, опубликованные в «Утре России» (см. примеч. к № 105).

107. И. А. Бунину (с. 67)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 18.

...вернулись в 5 ч. утра от Браиловских — Возможно, имеется в виду семья Леонида Михайловича Браиловского (1867—1937), архитектора и живописца. Браиловский — автор архитектурных пейзажей древнерусской старины

и фантастических декоративных композиций, а также памятника на могиле Чехова на Новодевичьем кладбище (1907). В 1911 г. Браиловский успешно выступил постановщиком «Горя от ума» Грибоедова в Малом театре, а через полгода здесь же поставил «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого.

108. А. И. Куприну (с. 67)

Печ. по автографу: РГАЛИ: Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 287 (из коллекции Оксмана).

«Яма» — повесть Куприна, опубликованная в сб. «Земля», кн. 3 (М., 1909), кн. 15 (1914), кн. 16 (1915).

109. Г. И. Чулкову (с. 67)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед хр. 40. Год установлен по содержанию.

...Ваш рассказ напечатан 1-го... — Рассказ Чулкова «На даче» (см. примеч. к № 104).

...интересуюсь Вашей пьесой. — Вероятно, «Адония» (см. примеч. к № 94).

110. О. И. Дымову (с. 68)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 286 (из коллекции Оксмана).

...говорил о Вашем проекте. — По-видимому, это предложения Дымова корреспондировать в газету «Утро России» из Берлина, Вены и др. городов Европы, где он подолгу жил в 1908—1912 гг, а в 1913 г. поселился в Нью-Йорке. На Западе популярность ему принесла пьеса «Ню. Трагедия каждого дня» (под названием «Каждый день»: Берлин, 1908), поставленная сперва в берлинском Камерном театре М. Рейнхардта (1908), а затем во многих других театрах Европы.

«Раннее утро» — см. примеч. к № 101.

111. С. Ю. Копельману (с. 69)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 10 об.

...вчера кончил рассказ. — «Заря» (см. примеч. к № 87).

Леонид — Л. Н. Андреев.

Вера — В. А. Зайцева.

«Черные маски» — символистская трагедия Л. Н. Андреева, опубликованная в кн. 7 «Шиповника» (1910). В Петербурге премьера спектакля по пьесе состоялась 2 декабря 1908 г. в театре В. Ф. Комиссаржевской. Но В. А. Зайцева, очевидно, была на спектакле в московском театре К. Н. Незлобина, где пьеса шла с 7 декабря 1909 г.

112. Б. А. Лазаревскому (с. 69)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 145 (Лазаревский). Ед. хр. 39. Л. 1, 2. В письме речь идет о рассказах для публикации в газете «Утро России», в которой Зайцев заведовал беллетристическим отделом.

«Красные зори» — журнал для детей, выходивший в 1904—1912 гг.

113. С. Ю. Копельману (с. 69)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 11.

...рукописи Вы теперь, наверно, получили. — Очевидно, рассказ «Заря» и перевод новеллы Флобера «Простое сердце».

Вера Евгеньевна — Беклемишева (Копельман).

114. А. С. Серафимовичу (с. 70)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 3. Ед. хр 69. Л. 4. Письмо на бланке «Утра России». Серафимович в это время нелестно отзывается о газете (о чем Зайцев не знал). Е. Н. Чириков, получив письмо Серафимовича, делится с Андреевым: «Он вопит относительно «Утра России», называя его балалайкой на бульваре и румяной б<...>. Правильно. Последний, рождественский №, с колокольным звоном и «Рождением Христа», — есть отрыжка святого распинающего Христа мещанства!.. Мы с Серафимовичем думаем отказаться от сотрудничества...» (Лит. наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М: Наука, 1965. Письмо от 21 января 1910 г. С. 429). Андреев сотрудничество с газетой не прерывал. Зайцев из газеты ушел 5 марта 1910 г. (см. № 120).

.удачи Вашей большой вещи. — Имеется в виду роман «Город в степи», над которым в это время работал Серафимович (издан в 1912 г.).

Вен<иамин> Сераф<имович>. — В. С. Попов (см. примеч. к № 93).

115. Б. А. Лазаревскому (с. 70)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 145 (Лазаревский). Ед. хр. 39. Л. 3. Датируется по почтовому штемпелю.

116. С. Ю. Копельману (с. 70)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 13.

«Простое сердце» — см. примеч. к № 79.

Марк Криницкий предлагает вторую книгу... — В издательстве «Шиповник» в 1908—1912 гг. были изданы три книги рассказов М. Криницкого.

117. С. Ю. Копельману (с. 70)

Печ по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 15, 16.

. у меня почти готова третья книжка — Сб. Зайцева «Рассказы. Книга 3-я» вышел в издательстве «Шиповник» в 1911 г.

.. больше материала, чем было во второй. — И во втором сб (он вышел в «Шиповнике» в 1909 г), и в третьем — по семь произведений (по пять рассказов и по одной пьесе)

Книга Г. И — Имеется в виду т. 1 собрания сочинений в 6 т. Г. И. Чулкова, изданного в 1909—1912 гг. «Шиповником».

..в переводе есть описка. — В переводе «Простого сердца» Флобера эту ошибку выпускавшие альманах «Шиповника» так и не исправили.

Вера Евгеньевна — Беклемишева (Копельман).

118. Б. А. Лазаревскому (с. 71)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 145 (Лазаревский). Ед. хр. 39. Л. 4. Датируется по почтовому штемпелю.

...Вам придется обратиться к редактору... — т. е. к А. П. Алексеевскому.

...со вчерашнего дня я не имею к газете никакого отношения. — 5 марта 1910 г. Зайцева уволили от заведования отделом беллетристики в газете «Утро России» (о причине см. № 120).

«Мучение» будет напечатано... — В январе — марте 1910 г. произведения Лазаревского в «Утре России» не публиковались.

119. Ф. К. Сологубу (с. 71)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 289 (Сологуб). Оп. 3. Ед. хр. 269. Л. 5.

120. Г. И. Чулкову (с. 71)

Печ. по автографу: ОР РГБ Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...находя, что отдельный редактор беллетристики — излишняя роскошь. — После увольнения Зайцева беллетристический отдел газеты заметно ухудшился, исчезли критические отзывы о новых книгах.

121. С. Н. Сергееву-Ценскому (с. 72)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед хр. 289 (из коллекции Оксмана).

...охотно помогу Миллю... — Предположительно это поэт, критик и прозаик Казимир Ромуальдович Милль (1878—?), печатавшийся под псевдонимами Полярный, Милль-Полярный и др.

122. Г. И. Чулкову (с. 72)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...давайте рассказ «Утру России». — После апреля 1910 г. Чулков в этой газете не печатался.

...завязать более прочные отношения с Алексеем Толстым. — К 1910 г. относится знакомство Зайцевых с А. Н. Толстым.

...жаль, что Вы разошлись с Копельманом. — Отношения с «Шиповником» и его редактором-издателем Копельманом Чулков не прервал: в кн. 25 альманаха был издан его роман «Метель».

123. В. И. Стражеву (с. 73)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 29, 30.

...почти кончил «Актрису». — Рассказ «Актриса» был опубликован в кн. 14 «Шиповника» (1911) и вошел в сборник Зайцева «Рассказы. Книга 3-я» (СПб.: Шиповник, 1911).

...с июля начну пьесу. — Речь идет о пьесе «Усадьба Ланиных», опубликованной в кн. 15 «Шиповника» (1911). Вошла в одноименный сборник Зайцева (М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1914). Поставлена в Москве в Студии Е. Б. Вахтангова (премьера 26 марта 1914) и в Театре Ф. А. Корша в сезон 1915—1916 гг. (См. подробно: *Прутцев В. И.* К истории постановки пьесы Б. Зайцева «Усадьба Ланиных» // В поисках гармонии. О творчестве Б. К. Зайцева. — Межвузовский сборник научных трудов. Орел, 1998).

Шифферспич — здесь в знач.: шахматный справочник (англ.).

Померанцевы — вероятно, имеется в виду композитор и дирижер Ю. Н. Померанцев, ученик С. И. Танеева, участник мероприятий, проводившихся Литературно-художественным кружком и Обществом свободной эстетики.

Грифцовы — Б. А. Грифцов и его первая жена Екатерина Сергеевна, урожд. Урениус, во втором браке Муратова (ум. в 1965); переводчица.

Муратовы — Павел Павлович и его первая жена Евгения Владимировна (1884 или 1885—1981). В 1911 г. уехала в Италию с В. Ф. Ходасевичем. Автор воспоминаний о нем «Встречи (В. Ф. Ходасевич)».

124. В. И. Стражеву (с. 73)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Д. 18. Л. 33, 34.

«Актриса» — см. примеч. к № 123.

«Russian Morning» — «Утро России», газета, в которой до 5 марта 1910 г. работал Зайцев.

...Бравич, Комиссаржевский, Ярцев открывают в Москве драматическую школу. — Имеется в виду студия при Театре В. Ф. Комиссаржевской, открытая в 1910 г.

...поклонись от меня моей милой родине... — Имеется в виду Флоренция, которую Зайцев постоянно называет своей второй родиной.

Джемс — сестра Зайцева Надежда Константиновна.

125. И. А. Новикову (с. 74)

Печ. по автографу: Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева (ОГЛМТ). Ф. 16. Сохранилось 87 писем Зайцева Новикову. 57 из них, в том числе 30 почтовых открыток с перечислением шахматных ходов, Новиков в декабре 1933 г. передал в Литературный музей (сейчас они в РГАЛИ). Остальные 30 племянница писателя Л. С. Новикова в 1989 г. передала в ОГЛМТ (Ф. 16. Ед. хр. 26802—26832). В комментариях использованы: рукописи М. Н. Новиковой-Принц «Голубая звезда» (о прототипе Христофорова в повести Зайцева), «Дружба Новикова с Б. Зайцевым», «Канва жизни И. Новикова», переписка Новиковых с сестрами Зайцева Т. К. Буйневич и Н. К. Донзель, его матерью Т. В. Зайцевой (ОГЛМТ. Ф. 16). Письма публикуются впервые, с сохранением авторских особенностей правописания и пунктуации. Приносим благодарность сотрудникам фондов и научной библиотеки ОГЛМТ за предоставленные материалы и помощь в комментировании.

...гнусным делом по обвинению Стражева. — Так называемое «дело Стражева» началось осенью 1910 г., когда «Русские ведомости» (в корреспонденции из Парижа со ссылкой на В. Л. Бурцева) обвинили одного из ближайших друзей Зайцева в провокаторстве: Стражеву перестали подавать руку, его перестали печатать, уволили со службы (он был педагогом). Процесс разбирательства затянулся до весны 1911 г. Суд чести из семи представителей адвокатуры, литературы и общественности (председатель — Филатов, глава адвокатского сословия Москвы) установил: О. Ф. Путята действительно служила в охранном отделении, о чем никто не знал, в том числе и ее муж Стражев (см. об этом очерк Зайцева «Дело богемы» в книге «Москва». Т. 6 в нашем изд., а также «Записки писателя» Н. Д. Телешова. М., 1980. С. 52—54). В Париж объясняться с Бурцевым ездила жена Зайцева Вера Алексеевна. «...Бурцев долго допрашивал В. А. Зайцеву, — вспоминает А. Белый, — провокаторша выбрала себе недурной обсервационный пункт: в квартире Зайцевых толпились писатели, считавшие себя левыми: и симво-

листы, и полусимволисты, и бытовики. <...> Среди писателей толка Зайцева не на шутку переполошились; дело доходило и до третейских судов; но в Париже выяснилась непричастность зайцевской группы к преступлениям Путяты, а были моменты, когда один глядел на другого, переживая ужас: уж не предатель ли перед ним...» (*Белый А.* Между двух революций. М., 1990. С. 245—246). Прочитав резолюцию суда, Зайцев пишет Телешову, одному из судей, представлявшему писателей:

«Какая тяжесть свалилась с плеч с развязкой этой истории. Резолюция умна. Основательна и, по-моему, справедлива. Впечатление от нее — отрадное. Не зря волновались мы, не напрасно вы теряли время, силы и нервы на распутывание всего этого... Вы с такой добросовестностью и сердечностью отнеслись к горю почти неизвестного вам человека. Знаю, что, возможно, благодаря этому делу и вашему беспристрастию вы нажили кое-каких недоброжелателей... Но вы бесконечно выше закулисных влияний, и это подтвердилось вполне в деле слабого, но правого против сильных неправых...» (*Телешов Н.* Записки писателя. С. 54).

Леонидова — видимо, одна из фамилий О. Ф. Путяты.

Вера — В. А. Зайцева.

..*Ваша пьеса, кажется, пойдет скоро.* — Пьеса Новикова «Любовь на земле» была поставлена в московском Театре К. Н. Незлобина в конце января 1911 г. (с Е. Н. Рощиной-Инсаровой в главной роли)

...*сообщение в «Русских ведомостях», что они приняли суд.* — В книге «Москва» Зайцев вспоминал: «Предстояла борьба. Пятеро его (Стражева. — *Ред.*) друзей подписались под вызовом «Русским ведомостям». Вызов появился в «Русском слове». Мы в страстной форме удостоверяли лживость обвинения и свидетельствовали о порядочности С<тражева>. Он же потребовал суда» (см. т. 6 нашего изд. С. 57).

Играем матч со Стражевым. — Зайцев и Новиков были страстно увлечены шахматами. Турниры, в том числе по переписке, устраивали они постоянно с участием Стражева, Муратова и др. (ходы в публикуемых письмах и открытках, сохранившихся не полностью, нами опущены).

Джиованни — официант ресторана во Флоренции. Зайцев вспоминает его в книге «Италия»: «...для меня он остался живым, легким образом светлой Флоренции, как бы благосклонным, домашним ее божеством» (см. т. 3 нашего изд С. 454).

126. М. А. Кузмину (с. 75)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 1706. Л. 1, 2. В этом же фонде находятся два письма Зайцева «к неустановленному лицу» — Михаилу Александровичу. Можно предположить, что адресатом писем является Михаил Алексеевич Кузмин, чье отчество Зайцев указал неточно. В первом из них Зайцев, как редактор литературного отдела газеты «Утро России», просит прислать материал; во втором (от 17 февраля) — сообщает о высылке гонорара за публикацию. «Утро России» 7 февраля 1910 г. напечатало «Рассказ о Ксанфе, поваре царя Александра, и о жене его Калле» М. А. Кузмина. Публикаций других писателей с близкими инициалами в февральских выпусках газеты не обнаружено. Тексты писем (1-е на бланке «Утра России»):

1

5 ноября 1909. Москва

Многоуважаемый Михаил Александрович!

Вы может быть уже знаете, что в Москве с ноября открывается газета «Утро России», где мне поручен литературный отдел. Обращаюсь к Вам с покорною просьбой прислать нам что-ниб<удь> беллетристическое, размером на фельетон, имея в виду, что для газеты с ее громадной аудиторией (предполагается сразу же 50—60 тыс<яч>) — темы особо острые опасны и невозможны. Вне этого мы охотно напечатали бы Вашу прозу, ценя в Вас истинного поэта.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев

Соблаговолите ответить сразу по адр<есу>: Тверской бульв<ар>, Богословский пер., д. 9, кв. 32.

Зовут меня — Борис Константинович.

2

17 февраля 1910

Многоуважаемый Михаил Александрович, гонорар Вам (по 20 к<опеек> за строку, как Вы желали), вышлют 22-го. Таковы конторские порядки, что плата производится 5-го и 20-го каждого месяца. Если напишете еще что-нибудь соответственного размера, пожалуйста, присылайте нам. №№ газеты Вам вышлют. Крепко жму руку, с искренним уважением

Бор. Зайцев

127. И. А. Белоусову (с. 76)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 1, 2.

...к юбилею Николая Дмитриевича... — В 1909 г. отмечалось 25-летие литературной деятельности основателя кружка московских писателей «Среда» Н. Д. Телешова (он в 1884 г. опубликовал в журнале «Радуга» свое первое стихотворение «Покинутая»).

128. И. А. Новикову (с. 76)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

«Любовь на земле» — см. примеч. к № 125.

«Орленок» — пьеса Э. Ростана в постановке В. М. Ярцева («Ярчиково действо») шла в 1910 г. на сцене Театра Незлобина.

...на охоте застрелился муж моей сестры. — Врач Александр Альбинович Буйневич, муж сестры Зайцева Надежды Константиновны, во втором браке Донзель (1878—1959). Как пишет в воспомианиях М. Н. Новикова-Принц (1987), Буйневич «погиб на охоте от случайной пули» (Рукопись. ОГЛМТ. Ф. 16. Ед хр. 27053).

Мать — Татьяна Васильевна Зайцева.

Отец — Константин Николаевич Зайцев.

Бурцевская история — см. примеч. к № 125.

...письмо от Бакая... — Михаил Ефимович Бакай — сотрудник варшавского охранного отделения, занимавшийся изучением истории провокаторства; автор

публикации «Из воспоминаний М. Еф. Бакая. О черных кабинетах в России» в № 1 журнала В. Л. Бурцева «Былое» (Париж, 1908), статей в «Парижском вестнике» с критикой Бурцева и брошюры «О разоблачителях и разоблачительстве. Письмо В. Бурцеву» (Нью-Йорк, 1912). Бакай отстаивал свою роль в раскрытии провокаторства Азефа. См. о нем подробно в кн: *Бурцев Вл.* В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928.

Белоруссов А. С. — постоянный сотрудник «Русских ведомостей».

...написал 2 акта пьесы. — Имеется в виду пьеса «Усадьба Ланиных» (была опубликована в «Шиповнике». Кн. 15. 1910).

129. С. Ю. Копельману (с. 77)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 11. Л. 17 об. Датируется по почтовому штемпелю на открытке. В письме, вероятно, речь идет о корректуре сборника Зайцева «Рассказы. Кн. 3-я» (1911).

130. И. А. Белоусову (с. 78)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 4.

131. И. А. Новикову (с. 78)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2 Ед. хр. 38. Л. 22. В открытке опущен шахматный ход.

132. И. А. Белоусову (с. 78)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 5.

«Наш журнал» — наряду с «Народной вестью» и «Трудовым путем» одно из продолжений закрытого «Журнала для всех»; эти издания выпускал в 1906—1908 гг. В. С. Миролюбов, пока и они не были запрещены цензурой, а сам редактор вынужден был эмигрировать.

133. И. А. Новикову (с. 79)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16. В открытке опущен шахматный ход.

Дело Стражева... — см. примеч. к № 125. «Приговор» оказался полной нашей победой, — писал Зайцев. — Суд выразил «Русским ведомостям» порицание за неосторожность, с какою они возвели тяжкое и бездоказательное обвинение на невинного человека» (т. 6 в нашем изд. С. 60).

...Витя так измучен... — «Он просто победы не выдержал, — вспоминал Зайцев. — Или слишком она запоздала? Страданья зимы раздавили его. Он уже не оправился. Впал в глубокий мрак. Все, как кошмар, преследовали его подозрения. Силы быть выше людей у него не нашлось, в Москве он не удержался и, женившись, погрузился в первоначальный свой быт — стал учителем в провинции» (т. 6 в нашем изд. С. 60)

О времени приезда... — Новиков приехал в Притыкино 26 июля 1911 г. и пробыл у Зайцевых до начала августа.

Вера — В. А. Зайцева.

Леша — Алексей Смирнов (1897—1919), пасынок Зайцева, сын В. А. Зайцевой от первого брака.

134. И. А. Белоусову (с. 79)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 6, 7.

...пишу длинную штуку. — Зайцев в это время начал писать роман «Дальний край». Ч. 1-я и ч. 2-я романа были опубликованы в кн. 20 и 21 «Шиповника» (1913). Отдельной книгой вышел: М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1915.

Н. Д. — Возможно, Николай Дмитриевич Телешов.

135. Е. Л. Янтареву (с. 79)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1, 2.

«Друзья» — одно из первоначальных названий романа Зайцева «Дальний край».

136. Е. Л. Янтареву (с. 80)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 4, 5.

137. И. А. Новикову (с. 81)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 18. В открытке опущен шахматный ход.

Джованни — см. примеч. к № 125.

...флорентийский Юшкевич. — Т. е. еврей, как и писатель С. С. Юшкевич.

138. С. Ю. Копельману (с. 81)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 485 (Копельман). Ед. хр. 1. Л. 18, 18 об.

Если вышел сборник... — Вероятно, имеется в виду сб. Зайцева «Рассказы. Кн. 3-я», вышедший в изд-ве «Шиповник» в 1911 г.

139. И. А. Новикову (с. 81)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 20. В открытке опущен шахматный ход.

140. И. А. Новикову (с. 82)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 19.

141. К. Ф. Некрасову (с. 82)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 107. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 438. Осенью 1911 г. К. Ф. Некрасов обратился к Зайцеву с предложением о сотрудничестве. Первой его книгой стала арабская сказка У. Бекфорда, переведенная Зайцевым с французского, со вступительной статьей П. П. Муратова (М., 1911; на титуле 1912). Одновременно Некрасов пригласил Бориса Константиновича принять участие в издании задуманной серии произведений XVIII в. (в частности, шел разговор о переводах Мариво и Гольдони). Но Зайцев в конце 1911—1912 гг. был занят работой над романом «Дальний край» и вынужден был отказаться от переводов, согласившись лишь редактировать перевод В. Г. Малахиевой-Мирович «Жизнь Витторио Альфиери, рассказанная им самим» (см. примеч. к № 160).

Michele Ilyn — М. А. Ильин (псевд.: Осоргин). В 1906—1916 гг. Осоргин жил в эмиграции в Риме. На его римский адрес Некрасов посылал корректуру для Зайцева и Муратова, путешествовавших по Италии.

142. К. Ф. Некрасову (с. 82)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 107. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 438.

Насчет статьи П<авла> П<авловича>... — П. П. Муратов.

...перевод.. книги Жебара.. — Речь идет о книге Э. Жебара «Сандро Боттичелли. Биография-характеристика». Перевод В. А. Ляцкой. СПб., 1911.

143. И. А. Новикову (с. 83)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 21. В открытке опущен шахматный ход.

144. В. И. Стражеву (с. 84)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Д. 18. Л. 52.

145. К. Ф. Некрасову (с. 84)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 107. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 439.

Анна Александровна Исакова (Соколова) в издательстве К. Ф. Некрасова свои переводы не издавала.

146. К. Ф. Некрасову (с. 85)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 107. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 439—440.

Алексей Николаевич Смирнов — сын В. А. Зайцевой от первого брака.

Юрий Мечиславович Буйневич — сын Т. К. Буйневич, сестры Зайцева.

147. К. Ф. Некрасову (с. 85)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 92. Оп. 1. Д. 107. Впервые опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1984. С. 440.

.. пишу роман... — «Дальний край» (см. примеч. к № 134).

«Цветочки Франциска Ассизского» — памятник итальянской литературы первой половины XIV в. Перевод с латинского А. П. Печковского издан: М: Мусагет, 1913.

«Искушение святого Антония» Флобера на русском языке впервые издано в 1879 г. О переводе Зайцева см. примеч. к № 17.

148. В. И. Стражеву (с. 86)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Д. 18. Л. 53, 54.

Паша, Патя — Павел Павлович Муратов.

П. М, Ярчик — Петр Михайлович Ярцев.

«Зористы» — сотрудники журнала «Зори» (1906).

149. И. В. Гессену (с. 87)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 1, 2.

«Дальний край» — см. примеч. к № 134.

150. И. В. Гессену (с. 87)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 3, 4.

«Церковь» — рассказ Зайцева, напечатанный в газете «Речь». СПб, 1910. 1 авг. № 208 (см. т. 7 в нашем изд.).

Татьяна Алексеевна Полиевктова — сестра В. А. Зайцевой.

151. К. Ф. Некрасову (с. 88)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 108. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 440.

...перевел «Богему» Мюрже... — Перевод книги А. Мюрже «Сцены из жизни богемы», выполненный П. С. Сухотиным (он в 1913—1914 гг. активно сотрудничал с К. Ф. Некрасовым), издан не был.

.. знает Койранский.. — Из трех братьев Койранских имеется в виду Александр Арнольдович, поэт, критик, художник, активный участник Московского литературного кружка (1898—1919).

152. К. Ф. Некрасову (с. 89)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп 1. Д. 108. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 441.

153. С. А. Венгерову (с. 89)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 377 (Венгеров). Оп. 7. Ед. хр. 1509 Л. 1.

154. С. А. Венгерову (с. 89)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 377 (Венгеров). Оп. 7. Ед. хр. 1509. Л. 3—10. «Биографические сведения» опубликованы (с опечатками) в кн.: Русская литература XX века. 1890—1910. Под ред. С. А. Венгерова. Т. 3. Кн. 8. М.: Мир, 1916. С. 65—66.

Не упоминаю тут о романе... — «Дальний край» (см. примеч. к № 134).

.. о чем Вы говорили еще в 1908 г. — Речь идет о докладе С. А. Венгерова «Победители или побежденные?», прочитанном им 17 окт. 1908 г. на собрании Петербургского литературного общества и опубликованном в его кн. «Основные черты истории новейшей русской литературы» (2-е изд. СПб., 1909). Признавая в Зайцеве «настоящий талант», «способность налагать поэтические блики на самые обыкновенные явления жизни» и относя его к разряду «модернистов», Венгеров в то же время замечал, что он, в отличие от Блока, Белого, Иванова, «гораздо глубже сидит в подлинной жизни .. Он способен на нескольких десятках страниц рассказать целую человеческую жизнь во всех ее основных перипетиях и благодаря этому подымаешься от жизни единичной к сознанию какой-то цельной, вселенской жизни» (с. 80—81).

...в «Силуэтах русских писателей»... — *Айхенвальд Ю.* Борис Зайцев. Наброски // Силуэты русских писателей. Вып. 3. М.: Научное слово, 1910, 1913 (изд. 2-е), Берлин: Слово, 1923. Изд. 4-е, переработанное (см. т. 2 в нашем изд.).

..*Горнфельда в его сборнике...* — Очерк «Лирика космоса» в кн.: *Горнфельд А. Г.* Книги и люди. Литературные беседы. СПб, 1908 (см. Приложения в этом томе).

...*К. Чуковского...* — Очерк «Борис Зайцев» в кн.: *Чуковский К.* От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. СПб.; М., <1908> (см. Приложения в этом томе).

...*Н. Морозова в сборнике «Литературный распад»...* — *Морозов М.* Старосветский мистик (Творчество Бориса Зайцева) // Литературный распад. Критический сборник. Кн. 2. СПб., 1909 (см. Приложения в этом томе). В письме инициал автора неточен.

...*Н. Абрамовича в сборнике «Осенние сады»...* — «Жизнь человека» у Л. Андреева и Бориса Зайцева // *Абрамович Н. Я.* В осенних садах. Литература сегодняшнего дня. М., 1909 (см. Приложения в этом томе).

...*Г. Чулкова в «Покрывале Изиды»...* — СПб., 1909.

...*Г. Топоркова в «Золотом руне»...* — *Топорков А.* О новом реализме (Борис Зайцев) // Золотое руно. 1907. № 10. В письме инициал автора неточен.

...*Евг. Аничкова в «Новом Журнале для всех»...* — СПб. 1910. Март. № 17 (статья «Борис Зайцев»).

...*Ан. Бурнакина в «Голосе Москвы»...* — М. 1911. 15 марта (статья «Эстетика с перцем»).

...*Волжского..* — Статья «О рассказах гг. Б. Зайцева, Л. Андреева и М. Арцыбашева» // Вопросы жизни. 1905. № 1.

...*Maurice...* — Статья: Boris Zajtzef // Revue d'Europe et d'Amerique. 1912. 5 janv.

155. И. В. Гессену (с. 91)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 5, 6.

...*в половине июня в Стокгольме...* — Поездка не состоялась.

156. П. С. Сухотину (с. 92)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1709. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 9. Павел Сергеевич Сухотин (1884—1935) — прозаик, драматург.

...*пишет роман...* — «Дальний край».

Саша — вероятно, А. А. Койранский.

Вера — В. А. Зайцева.

Витя — В. И. Стражев.

Иван Алексеевич — Новиков.

У Грека открылись заседания, где литераторы... — Имеется в виду кафе в Москве, где собирались литераторы; хозяином кафе был грек.

Леша — Алексей Смирнов, пасынок Зайцева.

157. К. Ф. Некрасову (с. 93)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 108. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 441.

158. И. А. Новикову (с. 93)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 23.

...*напечатал «участок» романа...* — Отрывок из «Дальнего края» в «Киевской мысли». 1912. 13 мая. № 132 под названием «Свадьба в богеме». (Из романа «Дальний край».)

159. К. К. Арсеньеву (с. 93)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 359 (К. К. Арсеньев). Ед. хр. 275-а. Л 1, 2. Константин Константинович Арсеньев (1837—1919) — редактор журнала «Вестник Европы».

...предложил М. А. Славинскому рассказ... — Максим Антонович Славинский — сотрудник литературно-критического отдела «Вестника Европы». Речь скорее всего идет о рассказе «Вечерний час», который был опубликован в «Вестнике Европы» (1913. Февраль).

160. К. Ф. Некрасову (с. 94)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 108. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 441.

В. Г. Мирович... переводчица Джеймса... — В. Г. Малахиева-Мирович перевела (совместно с М. В. Шиком) научный труд известного американского психолога Уильяма Джеймса (Джемса) «Многообразие религиозного опыта» (М., 1910); эту книгу она преподнесла Л. Н. Толстому, посетив его в Ясной Поляне в декабре 1909 г.

...читаю Альфиери, его автобиографию. — Первый перевод книги «Жизнь Витторио Альфьери из Асти, рассказанная им самим» (1802) в России был издан в 1904 г. В письме речь идет о новом переводе В. Г. Малахиевой-Мирович, который издаст К. Ф. Некрасов в 1914 г.

...Ал. Ал. Андреева, автор книги... — Монография Александры Алексеевны Андреевой «Воскресение у гр. Толстого и Г. Ибсена» была издана в 1901 г., а писалась с 1891 г, после путешествия в Норвегию, где она познакомилась с Ибсеном. Андреева также перевела (со своей сестрой Е. А. Бальмонт) на французский язык книгу Т. А. Кузьминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

161. Г. И. Чулкову (с. 94)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...кончаю роман... — «Дальний край».

...к августу ждем ребенка. — Дочь Зайцевых Наталья Борисовна родилась 14 (27) августа 1912 г.

162. И. А. Новикову (с. 94)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп 2. Ед. хр. 38. Л. 24 В открытке опущен шахматный ход.

Вчера кончил роман... — «Дальний край».

163. И. А. Новикову (с. 95)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 27.

...в «Заветы», к Миролюбову... — «Заветы» (Пб., 1912—1914) — литературно-политический журнал, в редакцию которого входили: В. С. Миролюбов (отдел литературный), В. М. Чернов (отдел «Дела и дни»), С. Д Мстиславский (публицистика), Р. В. Иванов-Разумник (отдел «Литература и общественность») и др.

«Утро России» — см. примеч. к № 48.

Ярчик — П. М. Ярцев.

«Речь» — см. примеч. к № 67.

164. И. А. Новикову (с. 95)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 28. В открытке опущен шахматный ход.

...по известным Вам семейным делам. — В. А. Зайцева готовилась к родам.

Роман мой по-прежнему называется «Далекий край». — В последней редакции — «Дальний край».

165. И. А. Новикову (с. 95)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 29.

...работаю еще над романом. — «Дальний край».

166. И. А. Новикову (с. 96)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед хр. 38. Л. 30.

167. К. Ф. Некрасову (с. 96)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 108. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 442.

168. И. А. Новикову (с. 96)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 31. В открытке опущен шахматный ход

Третьего дня совершенно кончил роман. — «Дальний край».

169. И. А. Новикову (с. 96)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 32. В открытке опущен шахматный ход.

170. И. А. Новикову (с. 97)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16. В открытке опущен шахматный ход.

...устал от романа... — «Дальний край».

Витя — В. И. Стражев.

Будет бой! — Очевидно, «бой» шахматный.

171. В. Э. Мейерхольду (с. 97)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед хр. 1576.

«Литературно-художественная неделя» (1907. № 1—4. 17 сент.— 8 окт.) — московская газета, созданная Грифцовым, Стражевым, Муратовым и Зайцевым.

...у автора статей о «Балаганчике» Б. А. Грифцова. — Грифцов был одним из первых, кто высоко оценил Блока как «самого несомненного поэта» современности (в статье «Об Александре Блоке, искренности и декаденстве». — Газ. «Литературно-художественная неделя». 1907. № 2). «Балаганчик» (1906) — первая пьеса из трилогии А. А. Блока «Лирические драмы» (вторая — «Король на площади», 1907; третья — «Незнакомка», 1907). «Балаганчик» был поставлен Мейерхольдом (он же играл Пьеро) 30 декабря 1906 г. в Петербурге в обновленном театре В. Ф. Комиссаржевской. Музыку специально для спектакля написал поэт и композитор М. А. Кузмин. Блок назвал эту демонстративно

новаторскую постановку своей драмы «идеальной». Спектакль был показан на гастролях в полутора десятках городов России.

172. К. Ф. Некрасову (с. 97)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 108. Опубл : Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 442.

173. К. Ф. Некрасову (с. 98)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 108. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М , 1994. С. 442.

174. К. Ф. Некрасову (с. 98)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 108. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 442.

175. Ал. Н. Чеботаревской (с. 99)

Печ. по автографу. РО ИРЛИ. Ф. 189. (Ал. Н. Чеботаревская). Ед. хр. 89. Л. 1—3 об. В архиве Чеботаревской находится также оттиск рассказа Зайцева «Грех» (из «Вестника Европы». 1913. № 11) с дарственной надписью: «Дорогой Александре Николаевне. Бор. Зайцев. 25 ноября 1913». Зайцев участвовал как переводчик в подготовке т. 14 полн собр соч. Мопассана под ред. Ал. Н. Чеботаревской (СПб.: Шиповник, 1909—1911)

..больше подробностей.. можно найти... — Краткая библиографическая справка о Зайцеве напечатана в кн.: Словарь членов общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911. С. 112—113.

176. П. С. Сухотину (с. 99)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1709. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 13, 14.

Кругликова Елизавета Сергеевна — художница; жена музыкального критика и педагога Семена Николаевича Кругликова (1851—1910).

«Неугасимая лампада» — так назвал свою книгу Д. В. Философов; она вышла в 1912 г. и вызвала полемику.

«Вечерний час» — рассказ Зайцева, опубликованный в «Вестнике Европы». 1913. № 2.

...читал его у Иванова. — Вероятно, Зайцев читал рассказ у Петра Константиновича Иванова, секретаря «вторничной» комиссии Литературно-художественного кружка, автора книг «Студенты» и «Дама в синем».

...тяжело ворочается ядро пьесы. — Вероятно, имеется в виду «Пощада»: пьеса была опубликована в «Шиповнике». 1914. Кн. 23.

Клавдия Григорьевна — жена П. С. Сухотина.

177. К. Ф. Некрасову (с. 100)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 109. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 443.

178. И. В. Гессену (с. 100)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 7.

«Елисейские поля» — рассказ Зайцева; опубликован был в его сб. «Усадьба Ланиных. Кн. 4-я». М.: Изд-во К. Ф. Некрасову, 1914.

179. И. В. Гессену (с. 101)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 8, 9.

«Церковь» — см. примеч. к № 150.

...отрывок из романа... — «На Волге», отрывок из романа «Дальний край», опубликованный в «Речи» 18 марта 1912. № 76.

180. Р. В. Иванову (Иванову-Разумнику) (с. 101)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп 1. Ед хр. 534. Л. 7. Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) — критик, публицист, журналист, историк русской литературы и общественной мысли, мемуарист. Данное письмо обнаружено А. М. Любомудровым среди писем Зайцева к Миролюбову. Иванов-Разумник и Миролюбов входили в редакцию журнала «Заветы» (Иванов-Разумник с сент. 1912 до авг. 1914 был здесь ведущим критиком и фактическим руководителем литературного отдела).

Рассказ пишу... — Рассказ «Грех» Зайцев предполагал отдать в журнал «Заветы» (см. № 8.8.1913), но затем опубликовал его в «Вестнике Европы» (1913. Ноябрь).

181. В. И. Стражеву (с. 102)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Д. 18. Л. 56, 57.

О. Ф. — Ольга Федоровна Путята (см. примеч. к № 125).

Отец — К. Н Зайцев.

Наташка — Н. Б. Зайцева-Соллогуб.

Варя — жена Стражева

182. И. В. Гессену (с. 103)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед хр. 349. Л. 10.

...к вещице, которую я Вам отправил. — Может быть, это «Письмо в редакцию», опубликованное в газете 13 ноября 1913 г.

183. К. Ф. Некрасову (с. 103)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 109. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 443.

184. В. С. Миролюбову (с. 103)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 8, 9.

«Грех» — см. примеч. к № 180.

185. В. С. Миролюбову (с. 104)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ: Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 10—11.

...жалею, что Вы уходите из «Заветов»... — Весной 1913 г. Миролюбов отказался от работы в журнале в связи с так называемым «редакционным диктатом» Иванова-Разумника.

...собираетесь возобновить собственное издание. — С 1914 по 1917 г. Миролюбов выпускал «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни».

Наташа — Н. Б. Зайцева-Соллогуб.

186. В. И. Стражеву (с. 104)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1647. Оп. 2. Д. 28. Л. 60.

187. И. А. Новикову (с. 105)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 343. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л. 41.

Вера — В. А. Зайцева.

Леша — Алексей Смирнов.

Наташа — Н. Б. Зайцева-Соллогуб.

Юрий — Буйневич.

Нина — кузина Зайцева.

Ляля — Ирина Александровна Буйневич (в замужестве Либе), дочь Н. К. Донзель от первого брака, племянница Зайцева.

Джемс — Н. К. Зайцева-Донзель.

«Грех» — см. примеч. к № 180.

...я перевел три песни Данте... — См. примеч. к «Аду» Данте, т. 6 в нашем изд.

...засел за редактирование Альфиери... — Имеется в виду новый перевод В. Г. Малахиевой-Мирович знаменитой автобиографии «Жизнь Витторио Альфьери из Асти, рассказанная им самим» (см. примеч. к № 160).

...вырезку, где сказано, что я закончил большой роман «Дом Орембовских». — «Дом Орембовских» («Между двух зорь». М., 1915) — роман не Зайцева, а Новикова.

...роман Франса «Le livre de mon ami» — «Книга моего друга».

...выражение св. Франциска: «santa povertade». — «Святая простота» — девиз нищенствующего ордена францисканцев, основанного в 1207—1209 гг. итальянским проповедником Франциском Ассизским.

188. К. Ф. Некрасову (с. 106)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 109. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 443.

...гранки Альфиери. — «Жизнь Витторио Альфьери из Асти, рассказанная им самим».

189. В. С. Миролюбову (с. 106)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 12—13.

Роману моему перемывают косточки. — Имеются в виду рецензии на «Дальний край», опубликованные в журналах «Заветы» (1913. № 6 — Р. В. Иванов-Разумник), «Северные записки» (1913. № 7 — А. Б. Дерман), «Современник» (1913. № 9 — В. Л. Львов-Рогачевский), «Современный мир» (1913.

№ 11 — В. П. Кранихфельд), в газетах «Киевская мысль» (1913, 21 июня — Л. Н. Войтоловский), «Новое время» (1913. 4 октября — А. А. Бурнакин) и др.

Кизеветтер Александр Александрович — публицист, мемуарист.

Карышев Николай Александрович — экономист, публицист, разделявший взгляды легального народничества.

Водовозов Василий Васильевич — публицист, юрист, участник народнического движения. С 1904 г. участвовал в редактировании газеты «Наша жизнь» и с 1917 г. — журнала «Былое». С 1926 г. в эмиграции в Праге, где покончил с собой.

190. И. А. Новикову (с. 107)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

У Миролюбова будет журнал в Петербурге. — См. примеч. к № 185. В июне 1914 г. Новиков опубликовал в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» Миролюбова свой рассказ «Неувядаемая».

С «Книгоиздательством писателей» я разошелся совсем. — Зайцев был одним из основателей этого издательства (1912—1923) наряду с Белоусовым, И. и Ю. Буниными, Вересаевым, Клёстовым, Телешовым, Шмелевым и др.

Вещь моя в альманахе будет... — Очевидно, имеются в виду литературно-художественные сборники «Слово» (1913—1918), выпускавшиеся «Книгоиздательством писателей в Москве» под ред. Вересаева и Телешова (с 1915 г.) Зайцев опубликовал в «Слове» рассказы «Студент Бенедиктов» (1913. № 1), «Мать и Катя» (1915. № 4), повести «Путники» (1917. № 7) и «Голубая звезда» (1918. № 8).

...4-й том уже отдал Некрасову... — В «Книгоиздательстве писателей в Москве» вышли т. 1—3 (1916—1918) и 6—7 (1916, 1919) собрания сочинений Зайцева, а в издательстве К. Ф. Некрасова (типография в Ярославле) — т. 4 (1914; тираж 2000 экз.) и роман «Дальний край» (1915).

191. К. Ф. Некрасову (с. 108)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д 109. Опубл: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 443—444.

...только не шрифт «Новелл». — Имеется в виду шрифт, которым набирались книги. «Новеллы» П. Мериме и сборник «Новеллы итальянского Возрождения», изданные Некрасовым в 1912—1913 гг.

192. К. Ф. Некрасову (с. 109)

Печ. по автографу ГАЯО. Ф. 952 Оп. 1. Д. 109. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М, 1994. С. 444.

193. К. Ф. Некрасову (с. 109)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 109. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 444.

...над Казановой работать начал. — Имеется в виду редактирование нового перевода «Мемуаров» итальянского писателя и авантюриста Джованни Джакомо Казановы.

194. И. А. Бунину (с. 109)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 19. Датируется по штемпелю на открытке.

И. А. и В. Н. (Верун) — Иван Алексеевич и Вера Николаевна Бунины.

195. К. Ф. Некрасову (с. 110)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5, М., 1994. С. 444—445.

.. песни «Ада»... — В эти годы Зайцев много работал над переводом «Ада» из «Божественной Комедии» Данте (будет издан в 1961 г. в Париже; см. т. 8 в нашем изд.).

...перевод Мина.. — Дмитрий Егорович Мин одним из первых перевел «Ад» из «Божественной Комедии» Данте размером подлинника. Получив одобрение С. П. Шевырева, Мин опубликовал песни «Ада» сперва в журналах, а затем издал книгой с подробными комментариями и пояснительными статьями (М.: Изд-во М. П Погодина, 1855).

Екатерина Сергеевна — вторая жена П. П. Муратова (с осени 1911 г), урожд. Урениус, в первом браке Грифцова. См. примеч. к № 123.

196. И. В. Гессену (с. 110)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 13. Открытка с адресом «Речи»: Петербург, ул. Жуковского, 21.

Петр Михайлович — Ярцев, активный сотрудник «Речи», автор статей о спектаклях МХТ.

...это интереснее Пуришкевича. — В. М. Пуришкевич — крайне правый политический и государственный деятель.

197. К. Ф. Некрасову (с. 111)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 445.

Оглавление книги, я думаю· ИЗГНАНИЕ... — Книга вышла в 1914 г. у К. Ф. Некрасова под названием «Усадьба Ланиных», а в «Книгоиздательстве писателей в Москве» — «Усадьба Ланиных и другие рассказы» (1916).

Пусть Паша пришлет мне корректуру статейки... — Паша — П. П. Муратов; в это время он был редактором журнала «София», издаваемого К. Ф. Некрасовым. В февральском номере «Софии» за 1914 г. Зайцев опубликовал статью «Удобное и прекрасное».

198. К. Ф. Некрасову (с. 111)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 445—446.

199. К. Ф. Некрасову (с. 112)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 446.

...работаю... над пьесой. — Имеется в виду «Пощада».

...хватил Брандеса по загривку вместо Вогюэ. — Ошибку в статье Зайцева

«Удобное и прекрасное» исправить Муратов не успел. «Не одобрил Достоевского» не датский критик Георг Брандес, а французский историк литературы Эжен Мелькиор Вогюэ.

...это хорошего тона вещь. — Имеется в виду роман И. А. Новикова «Между двух зорь», изданный К. Ф. Некрасовым в 1915 г.

200. В. С. Миролюбову (с. 112)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 14, 15.

Его книга стихов... — Сб. В. Ф. Ходасевича «Счастливый домик. Вторая книга стихов». СПб.: «Альциона», 1914.

У меня есть пьеса... — «Пощада»; пьесу Зайцев опубликовал в альманахе «Шиповника», кн. 23 (1914).

Постников С. П. — член редколлегии петербургского журнала «Заветы».

201. К. Ф. Некрасову (с. 113)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 446. В письме идет речь о составе сборника рассказов Зайцева «Усадьба Ланиных» (1914).

Жду также... Алчу. — «Алчущий» Зайцев напоминает о гонораре.

202. В. С. Венгерову (с. 113)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров). Оп. 7. Ед. хр. 1509. Л. 14.

...промедление с портретом. — С. А. Венгеров и его сын В. С. Венгеров собирали фотографии писателей для трудов по истории русской литературы.

203. В. С. Венгерову (с. 113)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров). Оп. 7. Ед. хр. 1509. Л. 15.

204. К. Ф. Некрасову (с. 114)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Письмо на бланке: «С.-Петербург, гостиница Селект, Лиговская, 44». Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 446—447.

Вера — В. А. Зайцева.

...друг Веселовского и Боборыкина.. — А. Н. Веселовский — историк литературы. П. Д Боборыкин — прозаик.

«Ада» — 16 песен. — См. примеч. к № 195.

205. В. С. Миролюбову (с. 114)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 3, 4. Датируется по содержанию.

...пьеса моя попала в «Шиповник»... — см. примеч. к № 200.

...дать им рассказик... — «Бездомный» (напечатан в «Заветах». 1914. № 5).

206. К. Ф. Некрасову (с. 115)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М, 1994. С. 447—448.

...занялся было цинциннатским делом... — т. е. занялся сельским хозяйством, как римский полководец и консул Люций Квинкций Цинциннат. В 458 до н. э. послы, пришедшие к нему с известием о назначении диктатором, застали его в поле за работой. Одержав скорую победу над эквами, он вывел римские войска из окружения и вернулся к земледелию.

Перевалил сейчас через С.-Готард... — Сен-Готард — перевал в Альпах, на Юге Швейцарии, где в 1799 г. совершил подвиг А. С. Суворов: вывел свои войска из окружения через неприступные Альпы.

...перевод Ф. Дима... — Федор Фан-Дим — псевдоним беллетристки и переводчицы Елизаветы Васильевны Кологривовой, урожд. Поповой (1809—1884), автора первого полного прозаического перевода «Ада» из «Божественной Комедии» Данте (СПб., 1842—1843; введение и биография Данте — Д. Н. Струков).

Что Персия? — Имеется в виду путешествие Некрасова в Персию весной 1914 г.

207. К. Ф. Некрасову (с. 116)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 448—449.

Рецензию Гливенки я читал. — Иван Иванович Гливенко (1868—1931) — историк литературы (в основном западной), автор работ о Витторио Альфьери.

Блан Людвиг Готфрид (1781—1866) — немецкий филолог и переводчик, занимавшийся исследованием и переводами Данте.

208. К. Ф. Некрасову (с. 117)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 449.

209. И. В. Гессену (с. 118)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 16.

210. К. Ф. Некрасову (с. 118)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 449.

...начать набирать роман... — «Дальний край».

211. Г. И. Чулкову (с. 119)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

Почему ты... в Лозанне? — Чулков выехал за границу для лечения от туберкулеза.

...чтоб выслали мне мой 4-й т. — см. примеч. к № 190.

«Новый путь» — см. примеч. к № 6.

...читал похвалы «Сатане» в «Современном слове». — 24 мая напечатана рецензия Ал. Ожигова на роман Чулкова.

Н Г. — Надежда Григорьевна, жена Чулкова.

212. Н. В. Гессену (с. 119)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп I. Ед. хр. 349. Л. 17—19. Поездка Зайцева корреспондентом на фронт не состоялась. Однако позже, в 1917 г., писатель издал брошюру «Беседа о войне» (см. Приложения в этом томе).

213. К. Ф. Некрасову (с. 120)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. I. Д 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 449—450.

...Павел Павлович стреляет где-то на западе из гаубиц! — Муратов как артиллерийский офицер по образованию был призван на фронт в 5-ю бригаду тяжелой артиллерии; был награжден орденами св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (в январе 1915), св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (в апреле 1915). Весной 1915 г. по болезни переведен в крепостную артиллерию Севастополя (здесь комендантом крепости был его брат). В марте 1918 г. Муратов возвратился в Москву. Здесь пишет и издает книги рассказов «Герои и героини» (1918; с посвящением жене Екатерине) и «Магические рассказы» (1922).

Что же теперь с «Софией»? — Журнал Муратова перестал выходить.

Павел Сергеевич — Сухотин.

Как по батюшке Ашукина? — Николай Сергеевич Ашукин.

214. Н. С. Ашукину (с. 122)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Д. 262. Л. I.

Забыл Ваше отчество.. — Николай Сергеевич Ашукин, секретарь редакции «Книгоиздательства К. Ф. Некрасова» в Ярославле.

В романе... — «Дальний край». Просьбу Зайцева выполнить не удалось: роман в Ярославской типографии издан с разделением на две части.

К. Ф. — Константин Федорович Некрасов.

215. Н. С. Ашукину (с. 122)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Д 262. Л. 3.

216. К. Ф. Некрасову (с. 123)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. I. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 450.

...известия от П<авла> П<авловича>? — См. примеч. к № 213.

217. К. Ф. Некрасову (с. 123)

Печ по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 451.

От П<авла> П<авловича> ничего не имею... — См. примеч. к № 213.

Щекотов Николай Михайлович (1884—1945) — искусствовед, сотрудник журнала «София». С июля 1913 г. — помощник хранителя Третьяковской галереи. Готовил для издательства К. Ф. Некрасова книгу «Древнерусское шитье» (не издана).

218. И. А. Новикову (с. 123)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...не отвечаешь, — значит, на войне. — В 1914—1915 гг. Новиков, будучи «белобилетчиком», работал в лазарете в Орле.

...собираюсь кончить «Ад». — См. примеч. к «Божественной Комедии» (т. 8 в нашем изд). Вспоминая это время, Зайцев в очерке «Семь веков» (1963) писал: «Годы первой войны, в уединении тульском, годы революции, все за тем же письменным столом с бюстом Данте на нем — подарок помещицы соседки, — в громе и крови революции. Дважды приходилось бросать все, скрываться на время, но на столе все стоял белый гипсовый Данте, все смотрел безучастно-сурово, с профилем своим знаменитым, во флорентийском колпаке, на возню дальнего потомка русского вокруг его текста» (т. 9 в нашем изд. С. 408).

Пишу повесть. — «Голубая звезда».

Мой набран, напечатан, но будет лежать до лучших времен. — Роман «Дальний край» пошел в продажу с опозданием (в основном из-за задержки в цензуре).

Джемс — Н. К. Зайцева-Донзель.

Донзель Морис — второй муж Н. К. Зайцевой, журналист и переводчик. М. Н. Новикова-Принц о нем вспоминала: «Надежда вышла вторично замуж за француза революционера Морнса Донзеля (он же «Гриша»). Когда они бывали в Москве, то заходили к нам и стены нашей очень плохонькой квартиры увешивались картинами Донзеля, вернее рисунками, выполненными в импрессионистической манере. Вскоре они навсегда уехали в Париж» (Рукопись. ОГЛТМ. Ф. 16. № 27063).

Мечислав Альбинович Буйневич — инженер, муж Т. К. Зайцевой, отец Юрия, брат Александра Альбиновича Буйневича, первого мужа Н. К. Зайцевой.

О сборнике в пользу раненых... — Имеется в виду изд.: Клич. Сборник на помощь жертвам войны. Под ред. И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова. М., 1915. В нем напечатаны произведения более 80 авторов, в том числе очерк Зайцева «Жизнь и смерть». В аннотации говорится: «Все участвующие в сборнике — писатели, художники и композиторы — дали свои произведения безвозмездно; издательские, книжные, бумажные и типографские фирмы по подписке приняли на себя расходы по напечатанию книги, нот и рисунков; редакции газет и журналов помещают бесплатно объявления, поэтому вся вырученная от продажи сборника «Клич» сумма поступает полностью на помощь жертвам войны».

219. Н. С. Ашукину (с. 124)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Д 262. Л. 5.

...получил экземпляры романа. — На обложке «Дальнего края» год издания: 1915.

220. К. Ф. Некрасову (с. 125)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 451.

...конфискован мой роман? — Отпечатанный в 1914 г. тираж «Дальнего края» был конфискован: цензура сочла нежелательным в разгар войны издание книги о судьбах молодых людей, увлеченных идеями революционного переустройства мира. Однако в 1915 г. роман все-таки был разрешен.

221. И. А. Бунину (с. 125)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 20—23.

Ян — домашнее имя Бунина.

Читаю мало, много сплю... — Неточная цитата из «Евгения Онегина». У Пушкина: «Читаю мало, долго сплю...»

Вера — В. Н. Бунина-Муромцева.

...переведу последнюю строчку 34-й песни «Ада». — См. примеч. к «Божественной Комедии» (т. 8 в нашем изд.).

«Прага» — известный ресторан в Москве, иа Арбате, где не раз бывали Бунин и Зайцев.

Это уже по Дорошевичу. — «Король фельетона» В. М. Дорошевич известен как создатель так называемого «стиля короткой строки».

222. И. А. Бунину (с. 127)

Приписка на письме В. А. Зайцевой. Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 24, 25.

Бахрушинский музей — Литературно-театральный музей в Москве, созданиый Александром Алексеевичем Бахрушиным (1882—1929) в 1894 г. на основе своего коллекционного собрания.

223. И. А. Бунину (с. 128)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 26, 27.

Д. Н. Овсянико-Куликовский — в 1913—1918 гг. один из редакторов журнала «Вестник Европы», в котором Зайцев в 1915 г. напечатал рассказы «Кассандра» (№ 3) и «Земная печаль» (№ 12). В письме, очевидно, имеется в виду «Кассандра».

224. И. А. Новикову (с. 128)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...война с Турцией! — 15 октября 1914 г. турецкий флот вышел в Черное море и атаковал русские пристани. 20 октября Россия объявила Турции войну.

...мой роман конфисковали. — См. примеч. к № 220.

225. К. Ф. Некрасову (с. 129)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 451.

. был у С<офьи> Л<еонидовны>. — С. Л. Щерба (1879—1924), жена К. Ф. Некрасова.

226. И. А. Бунину (с. 129)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 28, 29.

...деньги за повесть. — Вероятно, речь идет о повести «Мать и Катя», напечатанной в сборнике 4-м сб. «Слова» (1915).

227. К. Ф. Некрасову (с. 130)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 451—452.

Павел Павлович — Муратов.

228. Г. И. Чулкову (с. 130)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40. Л. 50.

Гриф — С. А. Соколов (Кречетов), владелец издательства «Гриф».

Н. Г. — Надежда Григорьевна Чулкова.

...послать книгу? — У Зайцева в 1914 г. вышел сборник «Усадьба Ланиных. Кн. 4-я».

229. Э. П. Юргенсону (с. 132)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 1707. Л. 1, 2. Эрнест Петрович Юргенсон — коллекционер, сотрудник Императорской Публичной библиотеки в Петербурге.

...по случаю постановки пьесы моей. — Речь идет о постановке пьесы Зайцева «Верность» в петербургском Новом драматическом театре (режиссер А. А. Санин).

230. Д. В. Философову (с. 132)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 814 (Философов). Ед. хр. 53. Л. 1, 2.

Георгий Иванович — Чулков.

231. К. Ф. Некрасову (с. 133)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 110. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 452.

232. Н. С. Ашукину (с. 133)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Д. 262. Л. 7.

К. Ф. — Константин Федорович Некрасов.

233. Е. Л. Янтареву (с. 133)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 7, 8.

Устиновы — знакомые Зайцевых в Воронеже.

Мартын — может быть, прозвище дочери Зайцевых Натальи Борисовны.

Корш Ф. А. — владелец популярного театра в Москве.

Вербицкая А. А. — автор самых читаемых в 1910-х гг. романов.

234. К. Ф. Некрасову (с. 134)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 452.

Павел Павлович — Муратов.

235. Д. В. Философову (с. 134)

Печ. по автографу: ОР НРБ. Ф. 814 (Философов). Ед. хр. 53. Л. 4, 5. Философов в 1910-х гг. активно сотрудничал в газете «Речь» и журнале «Русская мысль».

...одну я пошлю Вам, другую в «Речь». — Вероятно, имеется в виду рассказ «Петербургская дама», опубликованный в майском номере «Русской мысли» (1915). В «Речи» в 1915 г. (25 дек. № 355) был опубликован рассказ Зайцева «Враги».

236. К. Ф. Некрасову (с. 135)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 452—453.

...известие о Павле Павловиче... — Муратова перевели в Севастополь — см. примеч. к № 213.

Катерина Сергеевна — Е. С. Урениус, вторая жена Муратова.

У Вас вышел Новалис, Б. Констан... — Книги, изданные Некрасовым в 1914—1915 гг.: однотомник стихов и прозы немецкого поэта и философа Новалиса и роман «Адольф» французского прозаика и публициста Бенжамена Констана.

237. И. А. Белоусову (с. 136)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 10, 11.

...поздравить Ю. А. — Очевидно, имеется в виду отмечавшийся в 1915 г. 25-летний юбилей журнала «Вестник воспитания», фактическим редактором которого был много лет Юлий Алексеевич Бунин.

238. Г. И. Чулкову (с. 136)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...прочел в «Отечестве» твою статью. — Статья Чулкова «Голос из прошлого»: Отечество. 1915. № 1.

...Толстой женился на Тусе Крандиевской. — Поэтесса Н. В. Крандиевская в 1915 г. вышла замуж за А. Н. Толстого. Их венчание состоялось позже, 7 мая 1917 г., после того как Наталия Васильевна получила официальный развод с первым мужем адвокатом Ф. А. Волькенштейном.

Соня — Софья Исааковна Толстая, урожд. Дымшиц, первая жена А. Н. Толстого, художница.

239. И. В. Гессену (с. 136)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 22.

240. К. Ф. Некрасову (с. 137)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 453.

241. И. В. Гессену (с. 137)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 23. Открытка без даты (предположительно — начало марта 1915 г.).

242. К. Ф. Некрасову (с. 138)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 453.

243. И. В. Гессену (с. 138)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 24.

244. Н. С. Ашукину (с. 138)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1890. Оп. 3. Ед. хр. 262. Л. 10.

К. Ф. — Константин Федорович Некрасов.

245. С. А. Венгерову (с. 138)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 377. (С. А. Венгеров). Оп. 7. Ед. хр. 1509. Л. 11, 12.

...один из тех снимков я давал Ю. И. Айхенвальду... — Фотопортрет Зайцева напечатан в кн.: *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. Вып. 3. М.: Научное слово, 1910. С. 126 (илл. к очерку «Борис Зайцев. Наброски»); изд. 2-е 1913.

...снимок в сборнике «Друкарь»... — В кн. «Друкарь. Литературный сборник» (М., 1910) вместе с рассказом «Лина» опубликован портрет Зайцева.

246. К. Ф. Некрасову (с. 139)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 454.

Павел Павлович — Муратов.

247. И. А. Новикову (с. 139)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

За зиму кое-что написал. — В основном зимой 1914—1915 г. были написаны произведения, вошедшие в сборник «Земная печаль. Рассказы. Кн. 6-я» (1916): «Мать и Катя», «Кассандра», «Петербургская дама», «Земная печаль», датированные 1915 г.

«Ад» — см. примеч. к «Божественной Комедии» (т. 8 в нашем изд)

...задержка в статьях П. П. Муратова — Муратов, подсказавший Зайцеву идею перевести ритмизованной прозой «Божественную Комедию» Данте, должен был написать предисловие, но свое намерение не осуществил. Предисловие Зайцев написал сам (см.: Данте и его судьба. М., 1922 и т. 8 в нашем изд.).

Гриф в плену, в Германии. — С. А. Соколов («Гриф») пробыл в немецком плену до 1918 г., а через два года началась его эмиграция.

«Тихие зори» (1904) — рассказ Зайцева.

...дал им книжку по-чешски... — Зайцев имеет в виду свои рассказы, вышедшие в переводе на чешский язык: Sestra. Vybrane povidky. Prelozil a uvod napsal A. G. Stin. Praha, <1910>. В книгу вошли: «Тихие зори», «Священник Кронид», «Деревня», «Миф», «Полковник Розов», «Сестра», «Спокойствие», «Заря», «Смерть».

248. К. Ф. Некрасову (с. 141)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 454.

...книгу Аполлона Григорьева... — Имеется в виду издание: Стихотворения Аполлона Григорьева. Собрал и примечаниями снабдил Александр Блок. М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1916.

...книгу Лернера «Труды и дни»... — Книга «А. С. Пушкин. Труды и дни» (1903, 1910) литературоведа Николая Осиповича Лернера (1877—1934).

249. К. Ф. Некрасову (с. 141)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 454.

Читаю Стендаля. — Речь идет о романе Стендаля «Красное и черное. Хроника 1830 года». Перевод Анастасии Чеботаревской, сотрудничавшей с издательством К. Ф. Некрасова.

250. К. Ф. Некрасову (с. 142)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 454—455.

...вышлите, пожалуйста, «Брамбиллу» и Павлову. — Речь идет о книгах, изданных К. Ф. Некрасовым в 1915 г.: Э. Т. А. Гофман. Принцесса Брамбилла. Перевод В. Энгельгардта и Н. Ашукина (стихи) и Полн. собр. соч. Каролины Павловой в 2-х т. Ред. и вступ. статья В. Брюсова.

251. К. Ф. Некрасову (с. 142)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 111. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 455.

252. О. Л. Книппер-Чеховой (с. 143)

Печ. по изд.: *Книппер-Чехова О. Л.* Переписка (1896—1959). Ч. 2-я. М.: Искусство, 1972. С. 112.

...двухсотое представление «Трех сестер»... — Это событие состоялось 19 ноября 1915 г. Зайцев 31 января 1901 г. был на премьере спектакля по пьесе Чехова.

253. И. В. Гессену (с. 143)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Открытка без даты (датируется предположительно).

...деревенский очерк. — Имеется в виду очерк «Враги», напечатанный в «Речи» как рассказ 25 дек. 1915 г. (№ 355).

254. И. А. Новикову (с. 143)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...сидел в уединении... — Скорее всего Новиков в это время был в своем имении Ильково Мценского уезда Орловской губернии.

Пьеса... имела успех. — Речь идет о премьере «Усадьбы Ланиных» Зайцева в театре Ф. А. Корша. См.: *Иль В.* Постановка в Театре Корша («Усадьба Ланиных»). Рампа и жизнь. 1915. 15 ноября. Режиссер-постановщик В. Татищев. Роли исполняли: Волховская, Неронов, Э. Кречетова. Спектакль шел с аншлагами.

...много знакомых... пришло на спектакль. — На премьере присутствовали Л. Андреев, И. Бунин, С. Юшкевич, А. Толстой, Тэффи.

...придется надеть военную форму. — Зайцев был призван в армию летом 1916 г. «Не желая идти на войну солдатом, я решил поступить в военное училище», — вспоминал писатель (в кн. «Москва», т. 6 в нашем изд. С. 88). Зайцев окончил Александровское училище 1 апреля 1917 г. и в чине прапорщика был определен в 192-й запасный пехотный полк Московского гарнизона.

...твои стихи (детские). — К этому времени у Новикова вышли три сборника стихов: «Духу святому. 1-я кн. стихов». М.: Гриф, 1908; «Дыхание земли. 2-я кн. стихов». Киев, 1910 и «Стихи деткам». М., 1913.

Шлю тебе вырезку из «Речи»... — Зайцев отправил рецензию А. Тинякова на роман Новикова «Между двух зорь» («Речь». 1915. 23 ноября. № 323).

...восторженный отзыв о романе... — Рецензия на роман «Между двух зорь», подписанная «М. З.» («Утро России». 1915. 24 октября).

Как раз встретил Некрасова... — К. Ф. Некрасов издал романы Новикова «Между двух зорь (Дом Оремборских)», «Из жизни духа», «Золотые кресты» и Зайцева «Дальний край».

Н. С. — Вероятно, Надежда Сергеевна Бутова (1878—1921), актриса МХТ с 1900 г., с которой дружили Зайцевы (см. очерк о ней в кн. «Москва», т. 6 в нашем изд.).

255. И. В. Гессену (с. 145)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1666. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 26, 27.

«Враги» — см. примеч. к № 253.

256. К. Ф. Некрасову (с. 145)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 112. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 455.

257. В. Э. Мейерхольду (с. 146)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 1576.

258. К. Ф. Некрасову (с. 146)

Печ. по автографу: ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 112. Опубл.: Российский архив. Т. 5. М., 1994. С. 455—456.

259. И. А. Новикову (с. 147)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

Относительно Корша... — Русский драматический театр Корша возник в 1882 г. после ликвидации монополии императорских театров в России. Антрпренер Корш, осуществляя коммерческое руководство, привлекая зрителей, нашел возможность вдвое снизить цены на билеты (по сравнению с расценками мест в Малом театре), ввел утренники для учащейся молодежи с еще более низкими ценами, рассылал бесплатные билеты по учебным заведениям. Поэтому авторские гонорары у Корша были невысоки. Наряду с комедийно-фарсовым направлением в репертуар общедоступного Театра Корша входили шедевры русской драматургии — «Иванов» Чехова (1887), «Плоды просвещения» (1894) и «Власть тьмы» (1895) Л. Толстого. Успешно была здесь осуществлена и постановка пьесы Зайцева «Усадьба Ланиных».

...читает беллетристику Овсянико-Куликовский. — В 1913—1918 гг. Д. Н. Овсянико-Куликовский был соредактором журнала «Вестник Европы».

...благодарность за роман. — «Между двух зорь» Новикова.

...много довольно работаю. — В 1916 г. Зайцев начал работать над лучшей своей повестью «Голубая звезда».

...понравился в Калуге... — В Калуге жили сестры Зайцева Татьяна и Надежда, поклонницы творчества Новикова. После создания в Калуге Литературно-художественного кружка (1909) писатель приезжал туда читать лекции и свои произведения. После одной из таких встреч с калужанами Н. К. Донзель написала ему: «Здесь Вы всколыхнули всех, заинтересовали, у некоторых вызвали тоску. По далекому прекрасному, некоторым осветили путь, а вообще сказать, все они много говорили о Вас и Вы все еще живете среди них» (25 сентября <без года>. Калуга. ОГЛМТ. Ф. 16. № 26864).

Ляля — см. примеч. к № 187.

Свою книгу... вышлю. — Роман «Дальний край».

Летом .. иду на войну... — См. примеч. к № 254.

...застрелился Муни? — Поэт Муни (С. В. Киссин) застрелился в Минске, где находился на военной службе. Близкий друг В. Ф. Ходасевича, написавшего о нем мемуарный очерк (в книге «Некрополь»).

260. П. Б. Струве (с. 148)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 264 (архив журнала «Русская мысль»). Ед. хр. 132 Л. 1, 2. На л. 1 надпись: «Дал ответ: просьба прислать; гонорар не может превысить 200 рублей. Струве». Пьеса «Ариадна» была напечатана в № 12 «Русской мысли» (1816) и вышла отдельным изд. (М., 1917).

Пойдет ли «Ариадна» на сцене... — Премьера «Ариадны» в Театре Ф. А. Корша состоялась 25 ноября 1916 г.

261. В. Э. Мейерхольду (с. 148)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 998. Ед. хр. 1576.

Д. С., М. — Д. С. Мережковский.

262. И. А. Новикову (с. 149)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...почему не можешь... к нам собраться? — 24 июля 1916 г. Новиков с будущей женой О. М. Принц и двумя ее детьми ездил в Оптушку (сельцо Шишкино Мценского уезда Орловской губернии), имение врача и журналиста Ивана Васильевича Павлова (1823—1894), с которым были близко знакомы родители Новикова и где жили в то время его дочери (сообщено литературоведом Р. М. Алексиной). 31 августа в Петропавловском соборе Орла состоялось венчание О. М. Принц и И. А. Новикова.

Леша — Алексей Смирнов, пасынок Зайцева.

Толстой — А. Н. Толстой.

Паша — П. П. Муратов.

...мой «гений победы»... — так Зайцев называл свою жену за умелое ведение его литературно-издательских дел.

«Ариадна» — см. примеч. к № 260.

Озаровский Юрий Эрастович — актер Александринского театра, режиссер, педагог.

Бескин Эммануил Мартынович — критик, драматург и историк театра.

263. Г. И. Чулкову (с. 150)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

Был у Язвицкого. — В. И. Язвицкий в эти годы активно занимался журналистикой (в частности, в газете «Утро России»), драматургией и научно-популярной очеркистикой (он в 1910 г. окончил естественный факультет Женевского университета). В будущем он станет автором известной исторической эпопеи «Иван III — государь всея Руси» (кн. 1—5; 1946—1955).

...ничего не имеет... против твоей пьесы. — По-видимому, речь идет о пьесе «Поединок» (1915) или «Невеста» (1916). По воспоминаниям Чулкова, его «Невеста» была поставлена на сцене Александринки осенью 1917 г., но отзыв о ней появился в январском номере «Вестника Европы» за 1917 г.

Книги, мои и Толстого... — В 1917 г. «Книгоиздательство писателей в Москве» выпустило сборник Зайцева «Волки» (три рассказа) и один из томов десятитомных «Сочинений» А. Н. Толстого (издавались без даты).

Люба — предположительно Л. И. Чулкова.

264. В. С. Миролюбову (с. 150)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 16, 17.

«Ариадна» — см. примеч. к № 260.

...ничего моего у Вас не было? — В 1914—1917 гг. Миролюбов издавал «Ежемесячный журнал», рассчитанный главным образом на сельскую интеллигенцию и читателя-крестьянина.

...к 1 апреля офицер... — Зайцев 1 апреля 1917 г. окончил Александровское училище в Москве, получив чин прапорщика.

...вспоминаю... прогулки в Кави. — В 1911 г. Зайцев отдыхал в городке Кави ди Лаванья на Лигурийском побережье Италии. В этом же году сюда с Капри приехал Миролюбов к А. В. Амфитеатрову.

265. И. А. Новикову (с. 151)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...написать о своей военщине... — В автобиографии Новиков писал: «Летом 1917 года я короткое время был на военной службе, куда был взят рядовым солдатом (251-й пехотный полк) по призыву «сорокалетних», так как от воинской повинности я был в свое время освобожден из-за цынги, полученной мною на голоде. Впрочем, очень скоро нас всех и демобилизовали — недели за две до Октябрьской революции» (*Новиков И. А.* Избр. соч. В 3-х т. М., 1955. Т. 1. С. 11).

Клуб писателей — имеется в виду Литературно-художественный кружок (см. примеч. к № 14).

(Сакулин и К°.) — П. И. Сакулин, представитель культурно-исторической школы, автор учебных пособий по синтаксису русского языка. Принимал участие в обсуждении проекта упрощения русского правописания, предложенного подготовительной Орфографической комиссией при АН в 1917 г. Циркуляром от 17/30 мая 1917 г. Министерство просвещения предложило ввести в школах реформированное правописание с нового учебного года. Некоторые предложения, вынесенные на обсуждение в мае 1917 г., были изъяты по настоянию академика

А. А. Шахматова (например, отмена «ъ» после шипящих, «о» вместо «ё» под ударением).

Не присоединитесь ли... к «Манифесту о свободе печати»? — 28 октября 1917 г. газета «Правда» опубликовала декрет Совнаркома о печати, закрывший ряд периодических изданий. 4 (17) ноября на заседании ВЦИК Ленин заявил, что восстановление «свободы печати» — мера контрреволюционного характера. 10 декабря 1917 г. вышел номер газеты «Слову — свобода!», издание Клуба Московских писателей, как протест против гонений на печать. В номере приняли участие Айхенвальд, Вересаев, Гершензон, А. Грузинский, Зайцев, Ладыженский, Лидин, Осоргин, Телешов, Толстой, Чириков, Шестов, Шмелев и др. (заметку Зайцева см. в т. 9 в нашем изд.).

О. М. — Ольга Максимилиановна Новикова-Принц, жена Новикова.

«Калину» прочел с удовольствием. — «Калина в палисаднике» (Северные записки. 1916. № 4/5, 6).

266. Г. И. Чулкову (с. 151)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...статью посылаю. — Имеется в виду статья Зайцева о реформе правописания «Мой язык» (Народоправство. 1917. № 17).

267. В. С. Миролюбову (с. 152)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 18, 19.

«Рождество в Риме» — этот очерк Зайцева Миролюбов не опубликовал. В московской еженедельной политико-литературной газете «Понедельник» (ред. М. О. Осоргин и Е. Д. Кускова) 7 мая 1918 г. появился фрагмент «Дни в Риме» из большого очерка «Рим», работу над которым Зайцев завершит в декабре этого года и опубликует вместе с «Рождеством в Риме» в кн. 7 «Италия» собр. соч. (М.; Пг.; Берлин: изд. З. И. Гржебина, 1923).

...пишу сейчас повесть... — «Голубая звезда».

268. В. С. Миролюбову (с. 152)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 20.

«Рождество в Риме» — см. примеч. к № 267.

269. В. С. Миролюбову (с. 153)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед хр. 534. Л. 21, 22 об.

Рукопись прислана обратно. — См. примеч. к № 267.

270. С. А. Венгерову (с. 154)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 377 (С. А. Венгеров). Оп. 4. № 931. Л. 1.

...записаться в Союз писателей... — Всероссийский (первоначально Московский) Союз писателей был создан в 1918 г. Организационное собрание инициативной группы Союза состоялось 14 февраля 1918 г. в Художественном театре. М. О. Гершензон был одним из организаторов и первым председателем. В 1921 г. Зайцев возглавил Московское отделение Союза.

271. И. А. Новикову (с. 154)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...об альманахе, где моя повесть... — «Голубая звезда» была опубликована в сб. 8 «Слова» «Книгоиздательства писателей в Москве» (1918).

...усиленно занимаюсь «Адом». — В. А. Зайцева 7 июля 1918 г. писала О. М. Новиковой из Притыкина: «Боря кончил Данте «Ад» и теперь комментарии пишет» (ОГЛМТ. Ф. 16 № 26907). Очерк «Данте и его поэма» был издан книгой: М.: Вега, 1922. Полный перевод «Ада» опубликован в 1961 г. в Париже к 80-летию Зайцева.

Уехал ли Бунин на Украину? — И. А. Бунин уехал в Одессу 25 мая 1918 г.

272. И. А. Новикову (с. 154)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...если не бежал еще в Германию Клёстов... — Н. С. Клестов в это время был управляющим делами «Книгоиздательства писателей в Москве».

...если не случается несчастий... — В первый день Февральской революции, 27 февраля 1917 г., был убит племянник Зайцева Юрий Мечиславович Буйневич (1894—1917), сын его сестры Татьяны, выпускник Павловского юнкерского училища (он был растерзан толпой у входа в Измайловские казармы). Памяти Юрия Буйневича Зайцев посвятил стихотворение в прозе «Призраки» (см. т. 1 в нашем изд.).

Какой ужас с твоим племянником! — Племянник И. А. Новикова Григорий погиб в мае 1918 г. от рук бандитов в с. Ильково Мценского уезда Орловской губернии.

...которого я видел... на твоей пьесе? — В Московском драматическом театре с ноября 1916 г. шла пьеса Новикова «Горсть пепла».

...Алеша Т. уехал на Украину? — В июле 1918 г., когда в Москве начался голод, А. Н. Толстой с семьей выехал в Одессу.

Работаешь ли сейчас? — В 1918 г. Новиков служил в Театральном отделе Наркомпроса (был членом репертуарной секции). В этом году «Книгоиздательство писателей в Москве» выпустило 2-е изд. его книги «Крест на могиле»; ряд его произведений появляется в журналах «Рабочий мир», «Объединение», «Зритель», «Ежемесячный журнал», в альманахах «Сполохи», «Огни», «Творчество».

273. Е. Л. Янтареву (с. 155)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1714. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 9, 10.

Продать книги «Жизни» я могу... — Договоренности с издательством «Жизнь» продолжения не имели.

...Бунин, продавшийся на пять лет в «Парус». — «Парус» — издательство, основанное в 1915 г. в Петрограде М. Горьким. Весной 1917 г. в печати появились объявления о предполагаемом выпуске в «Парусе» полных собраний сочинений Бунина и Брюсова. Бунин в письме от 28 июня к Гржебину, ведавшему делами издательства, послал подробный план своего собрания и направил материалы для шести томов (из планируемых десяти). Однако «Парусу» удалось издать лишь один (10-й) том.

274. Н. П. Витман (с. 156)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 1. Оп. 19. Ед. хр. 102. Л. 1 об. Открытка с адресом: «Москва, Скатертный пер., д. 8. Наталье Павловне Витман». В записке речь идет о томах собрания сочинений Зайцева, выходивших в 1916—1919 гг. повторявшимися изданиями в «Книгоиздательстве писателей в Москве».

Николай Семенович — Н. С. Клёстов, секретарь и заведующий «Книгоиздательством писателей в Москве» до 1 мая 1919 г., когда был назначен комиссаром по делам печати Москвы.

275. В. С. Миролюбову (с. 157)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 25, 26.

«Новый день» — рукопись этого рассказа Зайцев выслал Миролюбову, не оставив себе копии, и затем на протяжении нескольких лет вел с ним переговоры о ее возвращении. Рассказ был опубликован только спустя четыре года в пражском журнале политики и литературы «Воля России» (1923. 15 марта. № 5) и в книге «Улица св. Николая. Рассказы 1918—1921 годов» (Берлин: Слово, 1923).

...для какого журнала? Нового или Вашего прежнего? — «Прежний» — «Ежемесячный журнал», выходивший под редакцией Миролюбова в 1914—1917 гг. «Новый» журнал — вероятно, «Артельное хозяйство», редактором которого Миролюбов стал после переворота 1917 г.

276. Н. П. Витман (с. 157)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 19. Ед. хр. 102. Л. 3, 4.

...как дела с моими книгами.. — Книга 7-я «Путники. Рассказы 1916—1918 гг.» вышла в 1919 г. Роман «Дальний край» повторно был издан в Берлине: Слово, 1922.

277. Н. П. Витман (с. 158)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 1. Оп. 19. Ед. хр. 102. Л. 2. См. примеч. к № 276.

278. Г. И. Чулкову (с. 158)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

Цинциннат — см. примеч. к № 206.

Style russe — В русском стиле *(фр.)*.

...написал новеллу «Рафаэль». — Новелла опубликована в альманахе «Литературная мысль»: Пг., 1922.

...уезжаю в Урбино. — В эти годы Зайцев в Италию не выезжал.

«Владимиру Георгиевичу Чулкову кланяется...» — Сын Чулковых Владимир родился в 1915 г.

279. Г. И. Чулкову (с. 159)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

Рассказ... отдаю тебе... — Предположительно это рассказ из цикла «Люди Божии».

280. Г. И. Чулкову (с. 159)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 333. Предположительно датируется 1919 или 1920. В дате указано только число: 17.

Приписка Зайцева на письме жены.

Володечка — четырехлетний сын Чулковых.

281. И. А. Новикову (с. 159)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...рады... видеть вас. — Приезд Новиковых в Притыкино в этот раз не состоялся из-за болезни детей коклюшем. Н. К. Донзель в 1919 г. сообщала О. М. Новиковой из Притыкина: «Борис написал вам, что у нас во флигеле можно устроиться и я со дня на день уже поджидала от вас известия о приезде — и теперь придется откладывать» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26919).

За «Путь» спасибо. — В ежемесячном литературном и общественном журнале «Путь» (1919. № 1) была опубликована рецензия на альманах «Творчество», в котором помещены рассказы «Осенний свет» Зайцева и «Уход» Новикова.

«Рафаэля» своего отдаю Георгу... — Георг — Г. И. Чулков, который в это время редактировал альманах «Задруга» и еженедельный журнал «Народоправство». «Рафаэль» в «Задруге» не публиковался (см. примеч. к № 278).

282. И. А. Белоусову (с. 160)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 13, 14.

283. И. А. Новикову (с. 160)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

Читал ли ты о смерти Л. Андреева? — Л. А. Андреев 12 сентября 1919 г. скончался от кровоизлияния в мозг в деревне Нейвола близ Мустамяки (Финляндия), на даче своего друга — врача и драматурга Ф. Н. Фальковского. 15 ноября в Петрограде «в нетопленной зале Тенишевского училища» (К. И. Чуковский) состоялся первый из вечеров памяти Андреева; по воспоминаниям их участников, в 1922 г. двумя изданиями подряд вышла «Книга о Леониде Андрееве», в которой опубликованы мемуары М. Горького (инициатора вечеров и этого издания), Блока, Чулкова, Зайцева, Телешова, Замятина. В 1930 г. вышла вторая книга «памяти Леонида Андреева» («Реквием». Под ред. Д. Л. Андреева и В. Е. Беклемишевой), в которой появились новые воспоминания — Вересаева, Кипена и Беклемишевой, а также 66 писем Андреева.

«Жизнь Человека» (1907), *«Черные маски»* (1908) — философско-символистские драмы Андреева.

«Дон-Жуан» — сценическое произведение Зайцева (альманах «Пересвет». М.: Н. В. Васильев, 1922).

Тата — дочь Зайцевых Наталья Борисовна.

Леша — Алексей Смирнов, пасынок Зайцева.

Мариночка — Марина Николаевна Принц (1912—1976), падчерица Новикова. В детской тетрадке 1923 г. она писала, вспоминая Притыкино: «...с Наташей мы были большие друзья, мы постоянно вместе играли, а одно время, когда отец ее болел, она у нас даже жила» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 35150).

Клим — кучер Зайцевых; жил во флигеле усадебного дома в Притыкине. По словам Зайцева, «наш работник, знаменитый святою своей дуростью» («Революционная пшеница» в кн. «Москва». См. т. 6 в нашем изд. С. 144). Он же «республиканец Кимка» из одноименного рассказа из цикла «Люди Божии».

284. И. А. Белоусову (с. 161)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 16, 17.

285. И. А. Белоусову (с. 162)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 19, 20.

...погиб пасынок мой, Алеша... — В ночь на 1 октября 1919 г. Алексей Смирнов был арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре и расстрелян.

286. И. А. Белоусову (с. 163)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 21, 22.

...позвоните Крандиевскому в изд<ательст>во... — Василий Афанасьевич Крандиевский с 1917 г. заведовал Кооперативным издательством писателей в Москве.

287. И. А. Новикову (с. 163)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...подвергался опасности... — Эпизод скорее всего связан с неспокойной обстановкой в прифронтовом районе, где постоянно происходили бандитские налеты. Новиков провел в Притыкине с 18 по 30 декабря 1919 г. Здесь он приступил к работе над рассказом «Степан Беспокойник».

Джемс — Н. К. Зайцева-Донзель.

Морис — Донзель, второй муж Н. К. Зайцевой.

Гильбо Анри — французский поэт, журналист, издатель, деятель Коминтерна, бывавший в России.

...наши думают трогаться. — В сентябре 1920 г. семья Донзелей Морис и Надежда Константиновна с дочерью (от первого брака) Ириной Александровной Буйневич выехала во Францию. По пути следования Н. К. Донзель написала Новиковым: «Дорогие. Любимые друзья! Как жаль, что вы не могли нас проводить на Виндавском — мы прожили там больше суток. Это был буквально цыганский табор — толпа людей с баулами на земле около вагонов, костры; варили картошку, сушили белье на дровах. Говор почти сплошь русский и завтра будем в Финляндии. Чувствуем себя бодро» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26896).

...оба мы так ушиблены... — Зайцев имеет в виду переживания по поводу смерти близких. 19 января 1919 г. в Притыкине умер отец писателя К. Н. Зайцев. В октябре — трагическая гибель сына В. А. Зайцевой — Алексея Смирнова. Состояние семьи в те дни Зайцев передал в рассказе «Душа» (1920).

Рассказа для Абрамова я не написал... — Р. П. Абрамов — издательский работник.

...сижу над «Римом»... — Большой очерк Зайцева «Рим» (под ним дата окончания: декабрь 1919) полностью был опубликован в т. 7 собр. соч., вышедшем в издательстве З. И. Гржебина в Берлине (1923; см. т. 3 в нашем изд.).

...пишу об Андрееве... — Зайцев написал мемуарный очерк для «Книги о Леониде Андрееве» (1922; см. примеч. к № 283).

Эпизод с Гершензоном ужасен... — С мая 1917 г. среди интеллигенции распространилась весть: Гершензон — большевик. «Мы молимся разным богам», — написал ему, порывая с ним, Н. А. Бердяев (цит. по кн.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. Спб., 1998. С. 109). «Что могло нравиться Гершензону в советском строе? — писал Зайцев. — Быть может, то, что вот ему, иервнопутаному, слабому, но с глубокой душой «тип» в полушубке даст по затылку? Что свирепая, зверская лапа сразу сомнет и повалит все хитросплетенье его умствований? <...> В нем была древняя усталость. Все хотелось приникнуть к чему-то сильному и свежему. Истинно свежего и истинно здорового он так и не узнал, все лишь мечтал о нем в подполье. И, стремясь к такому, готов был принять даже большевистскую «силушку» — лишь за то, что она первобытно-дика, первобытно-яростна, не источена жучком культуры» (очерк «М. О. Гершензон» в кн. «Москва», т. 6 в нашем изд. С. 125).

288. И. А. Новикову (с. 164)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...не пишут бабушке даже французы наши бедные... — «Бабушкой» звали и домашние, и притыкинские крестьяне Т. В. Зайцеву, мать писателя. «Французы» — семья Донзелей, ожидавшая в Москве разрешения на выезд во Францию.

Окопятник (окопник) — высокая многолетняя трава с крупными листьями и трубчатыми цветками, растущая по канавам.

Я кончаю свою итальянскую книжку. — «Италия» напечатана в т. 7 собр. соч., вышедшем в изд. З. И. Гржебина (М.; Пг.; Берлин, 1923). «Венеция» и «Неаполь» — главы этой книги. «Да, Италия и красота, — вспоминал Зайцев, — много помогли пережить страшное время. И, развертывая книгу, сейчас ощущаешь сразу три эпохи русского человека: первую, мирно-довоенную, поэтическую, когда Италия входила золотым светом. Вторую, трагическую, — в ужасе, ярости и безобразии жизни она была единственным как бы прибежищем, Рафаэль и божественная Империя, Парнас и музы Ватикана умеряли бешенство скифа. И вот теперь, третья...» («Москва», т. 6 в нашем изд. С. 122).

...хочется тебя повидать... — Новиков в очередной раз приехал к Зайцеву в Притыкино в сентябре 1920 г.

...с добрыми воспоминаниями о Еропкинском друге. — Новиков в Москве жил в Еропкинском пер. Н. К. Донзель писала О. М. Новиковой 17 сентября 1919 г.: «...в Москве меня все влечет только один флигелек в Еропкинском переулке...» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26920).

289. Г. И. Чулкову (с. 165)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 12. Л. 3.

...нету слов, чтобы выразить вам чувствуемое... — Пятилетний сын Чулковых Володя умер от менингита.

290. И. А. Новикову (с. 165)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

Тата — Н. Б. Зайцева.

Было ли заседание памяти Леонида? — С сентября 1919 и в 1920 г. в Москве и Петрограде прошли вечера памяти Л. Н. Андреева. В Москве такие вечера состоялись 18 февраля 1920 г. в Большом зале консерватории и 21 февраля в Политехническом музее. Воспоминания Зайцева вошли в «Книгу памяти Леонида Андреева» (1922).

«Душа» — рассказ, опубликованный в альманахе «Пересвет» (1921. № 1) с посвящением: «Ивану Новикову».

...пишу «Ривьеру». — Очерк «Riviera di Levante» из книги «Италия» Зайцев писал в 1920—1921 гг. (см. т. 3 в нашем изд.).

291. И. А. Белоусову (с. 166)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 648. Л. 25, 26.

292. Н. М. Гариной (с. 166)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 736 (С. А. Гарин). Ед. хр 57. Л. 39 об. Нина Михайловна Гарина — жена писателя Сергея Александровича Гарина (наст. фам. Гарфельд; 1871—1927). Аналогичную запись Зайцев сделал 21 июля 1921 г. в альбом Э. Ф. Голлербаха: «Когда вам будет плохо жить, старайтесь каждый день читать хоть по одному сонету Петрарки» (РО РНБ. Ф. 207. Ед. хр. 106. Л. 40 об. Цит. по: *Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 231).

293. В. С. Миролюбову (с. 166)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 27. На бланке: «Трудовая артель "Книжная лавка писателей". Леонтьевский, 1».

Вольфсон — вероятно, Мирон Борисович, издательский работник и книговед.

«Новый день» — рассказ Зайцеву не был возвращен, из-за чего он не попал в альманах издательства «Мысль».

294. В. С. Миролюбову (с. 167)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 28, 29.

Копия нужна мне для заграницы... — «Новый день» был опубликован в пражском журнале «Воля России» (1923. 15 марта. № 5) и в сб. Зайцева «Улица св. Николая. Рассказы 1918—1921 годов» (Берлин: Слово, 1923).

295. В. С. Миролюбову (с. 167)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 23, 24.

296. И. А. Новикову (с. 168)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

Коган П. С. с 1922 г. возглавлял Государственную Академию художественных наук (ГАХН).

Ростя — Ростислав Николаевич Принц (р. 1906), пасынок Новикова, в будущем геолог.

Тата — Наталия, дочь Зайцевых.

Думал встретить тебя у Архипова... — Н. А. Архипов (М. Л. Бенштейн) часто гостил в Туле у агронома А. А. Новикова, брата писателя. •

297. Э. Ф. Голлербаху (с. 168)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 207 (Э. Ф. Голлербах). Ед. хр. 40. Л. 1, 1 об. Эрих Фридрихович (Федорович) Голлербах (1895—1942) — литературовед, искусствовед. Описывая свою первую встречу с Зайцевым в Книжной лавке писателей в Москве, он сообщает, что позже Борис Константинович прислал ему свою фотографию (*Голлербах Э. Ф.* Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 231, 309—311).

«Серапионы» — литературная группа «Серапионовы братья», возникшая в 1921 г. в Петрограде. Группу создали 10 писателей: И. А. Груздев (1892—1960), М. М. Зощенко (1895—1958), Вс. В. Иванов (1895—1963), В. А. Каверин (1902—1989), Л. Н. Лунц (1921—1924), Н. Н. Никитин (1895—1963), Е. Г. Полонская (1890—1969), М. Л. Слонимский (1897—1972), Н. С. Тихонов (1896—1979), К. А. Федин (1892—1977).

«Среди коллекционеров» — печатный орган Русского общества Друзей Книги, выходивший в 1921—1924 гг. Голлербах был постоянным автором журнала.

298. Э. Ф. Голлербаху (с. 169)

Печ. по автографу: ОР РНБ. Ф. 207 (Э. Ф. Голлербах). Ед. хр. 40. Л. 3, 4 об.

Через месяц... думаю выехать за границу... — Зайцев с семьей выехал на поезде из Москвы в Берлин в июне 1922 г.

299. И. А. Бунину (с. 170)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Автограф в Русском архиве Лидсского университета (Великобритания), любезно давшего, как и наследница писателя Н. Б. Зайцева-Соллогуб, разрешение на публикацию писем Зайцева к И. А. Бунину 1922—1948 гг. (оригиналы: MS. 1066 (5838—5931); ксерокопии писем, хранящихся в архиве наследницы: MS. 1066 (5934—5995). Впервые напечатаны в изд.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 139, 140, 143, 146, 149, 150 (публикация Милицы Грин).

Тата — дочь Зайцевых Наталия.

Донзели — см. примеч. к № 287.

«Современные записки» (Париж, 1920—ноябрь 1940. № 1—70) — самый влиятельный журнал русской эмиграции. Зайцев опубликовал в «Современных записках» около 40 произведений.

«Последние новости» (Париж, 27 апреля 1920—11 июня 1940) — одна из авторитетных газет русских эмигрантов. Зайцев сотрудничал в этой газете до 1927 г. и опубликовал в ней более 30 рассказов, очерков, заметок.

Л. Ф. — Лидия Федоровна Муромцева, мать В. Н. Буниной.

Павлик — врач Павел Николаевич Муромцев, брат В. Н. Буниной.

300. И. А. Бунину (с. 171)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Автограф — в Русском архиве Лидсского университета (Великобритания).

Толстой — Алексей Николаевич; в Берлине он был редактором «Литературного приложения» к газете «Накануне».

«Накануне» (Берлин, с 26 марта 1922 по 15 июня 1925 г.) — ежедневная газета под редакцией Ю. В. Ключникова (в августе 1922 г. он вышел из редакции) и Г. Л. Кирдецова. 14 апреля 1922 г. «Накануне» опубликовала «Открытое письмо Н. В. Чайковскому графа А. Н. Толстого», перепечатанное в «Известиях», в котором выражена идейная платформа газеты: «В существующем ныне большевистском правительстве газета «Накануне» видит ту реальную — единственную в реальном плане — власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и на Генуэзской конференции одна выступает в защиту России от возможного порабощения и разграбления ее иными странами».

За письмо Чуковского прощения нет.. — Имеется в виду письмо К. И. Чуковского к А. Н. Толстому, опубликованное 4 июня 1922 г. в «Литературном приложении» к газете «Накануне», в котором говорится: «Ваш ответ Чайковскому прекрасен. Без всякого злорадства, а напротив: с умилением — читал я его в «Известиях». <...> Нет, Толстой, Вы должны вернуться сюда гордо и с ясной душой. Вся эта мразь недостойна того, чтобы Вы перед ней извинялись или чувствовали себя виноватым» (Переписка А. Н. Толстого. В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 310—312).

Гессен Иосиф Владимирович — один из основателей (вместе с А. И. Каминкой и В. Д. Набоковым) и редактор берлинской газеты «Руль» (17 ноября 1920—14 октября 1931).

В «Жар-Птицу» приглашение получил... — «Жар-птица» (Берлин, Париж; 1921—1926) — журнал русских эмигрантов; редактор-издатель — А. Э. Коган, литературный редактор — Саша Черный. В «Жар-птице» Зайцев напечатал рассказ «Душа» (1922. № 7) и сцену «Души чистилища» (1923. № 10).

...издать «Дальний край». — Роман Зайцева был издан в Берлине: Слово, 1922.

Гржебин З. И. — владелец издательства.

301. И. А. Новикову (с. 172)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...проделал корректуру 3-х своих книг... и романа «Эгерия» Муратова... — В 1922 г. в издательстве З. И. Гржебина были напечатаны т. 1—3 собрания сочинений Зайцева. В 1923 г. были изданы т. 5—7. Не вышел т. 4 (очевидно, с романом «Дальний край», который Зайцев поторопился опубликовать отдельно в берлинском «Слове»). У Гржебина в 1922 г. был издан также роман П. П. Муратова «Эгерия» под ред. Зайцева.

...узнал адрес Дымова в Америке... — Осип Дымов эмигрировал в США в 1913 г. (американское гражданство получил в 1926 г.).

«Костры» (М.: Костры, 1922) — литературно-художественный альманах, в котором напечатан рассказ Зайцева «Белый свет». В рецензии А. Мещерякова (Правда. 1922. 2 апр.) отрицательно оценены незавершенный роман Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны» и рассказ Новикова «Жертва». Как единственно интересные вещи в альманахе отмечены стихи «Зарубежные раздумья» И. Г. Эренбурга, который с осени 1921 г. жил в Берлине, активно участвуя в литературной жизни.

Ященко А. С. — издатель, деятель русской эмиграции в Берлине. В 1922 г. хлопотал в Берлине о предоставлении Зайцевым въездной визы.

...Гарахвена у меня с собой, «Липу» вряд ли удастся устроить... — «Гарахвена, принц индийский» Новикова напечатана дважды: в журнале «Путь» (1920. № 7) и в сб. «Жизнь» (1922. № 1). Стихотворение «Липа» опубликовано в альманахе «Пересвет» (Пг.; М., 1922).

...кончил ли ты «Адама»? — Повесть «Адам» напечатана в журнале «Город и деревня» (1923. № 6—7).

...ехали до Берлина отлично... — 24 июня 1922 г. (по почтовому штемпелю) В. А. Зайцева пишет Новиковым: «Мы сейчас переезжаем границу — все отлично». Приписка Бориса Константиновича: «Прощай, Россия! И все-таки грустно. Но — неплохо. Дорогие друзья, обнимаем, любим» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26910).

...на Tanentzienstrasse один немец недавно повесился от тоски по родине. — Распространенный эмигрантскнй анекдот о немце приводится и в книге Г. Струве «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956). Возникновение анекдота не случайно: русское население Берлина в то время было очень велико, особенно в его западных кварталах. Открылось множество русских ресторанов, книжных магазинов, газет, журналов, издательств. Везде слышалась русская речь.

...пишу Муратову. — П. П. Муратов, заведовавший секцией центральных музеев в отделе музеев н охраны памятников искусства и старины Наркомпроса, выехал в начале 1922 г. в заграничную командировку. До осени 1923 г. жил в Германии. Долгое время не хотел переходить на положение эмигранта.

...наши дети оказались ближе друг другу, чем мы, взрослые. — В. А. Зайцева 12 августа 1922 г. писала О. М. Новиковой: «Здесь Толстые... но, что сказать: пропасть между нами» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26909).

...пишет фантастический роман с действием на Марсе. — Имеется в виду роман А. Н. Толстого «Аэлита». Первое изд. в России: журнал «Красная новь». 1922. 6; 1923. № 1, 2 (с подзаголовком: «Закат Марса»). 1-е книжное изд. — Берлин: изд-во И. П. Ладыжникова, 1923.

...перебрался сюда и Ходасевич. — В. Ф. Ходасевич вместе с Н. Н. Берберовой приехал в Берлин 30 июня 1922 г.

Пришли «Между двух зорь», «Калину». — Названы книги Новикова: роман «Между двух зорь» (др. назв. «Дом Орембовских»; 1915) и сб. «Калина в палисаднике. Рассказы» (1917).

302. И. А. Бунину (с. 174)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Автограф — в Русском архиве Лидсского университета (Великобритания). Впервые — в изд.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. № 139 (публикация Милицы Грин).

Штранд, Кейланский — неустановленные лица.

«Путники» — сборник рассказов Зайцева, вышедший 2-м изд. в Париже (Книгоиздательство «Русская земля», 1921).

Толстой — Алексей Николаевич.

303. Г. И. Чулкову (с. 175)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 371. Оп. 3. Ед. хр. 40.

...посылаю тебе и Наде визу... — Чулковы визой не воспользовались.

304. И. А. Новикову (с. 176)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

«Огоньки», «Слово» — издательства из числа многочисленных недолговечных, появившихся в Берлине в 1921—1923 гг. В «Слове» в 1923 г. вышел сборник рассказов Зайцева «Улица св. Николая».

«Жертва» — повесть Новикова.

...в Англию Тырковой для русского альманаха (на английском языке). — Очевидно, имеется в виду возглавлявшийся в 1921—1922 гг. А. В. Тырковой-Вильямс лондонский журнал «Russian Life». Тыркова также основала в Лондоне Общество помощи русским беженцам и бессменно им руководила в течение 20 лет.

...Донзель прислал мне договор с издательством о «Дальнем крае»... — Перевод и издание осуществлены не были. Морис Донзель перевел и издал второй роман Зайцева — «Золотой узор» (Paris: Hachette, 1933).

...удалось мне устроить в Берлине... — Зайцев имеет в виду переиздание своего сборника «Рафаэль», вышедшего в Москве в 1922 г. в издательстве «Костры». В Берлине книгу выпустила «Нева» в 1924 г. В нее вошли рассказы «Рафаэль», «Карл V» и сценические произведения «Дон Жуан» и «Души чистилища».

Пишу большую вещь... — Роман «Золотой узор».

...буду писать «Жизнь Сергия Радонежского»... — Житийная повесть «Преподобный Сергий Радонежский» вышла в 1925 г. в парижском издательстве YMCA-Press.

«Клуб писателей» был основан в Берлине в 1922 г. На его заседаниях встречались, выступали с докладами, читали свои произведения Зайцев, Муратов, Осоргин, Ходасевич, Алданов, Степун, Шкловский, Ремизов, А. Белый, Таиров, Айхенвальд, Бердяев и др.

Лидин... расскажет. — В. Г. Лидин в 1921 г. приезжал в Берлин и принимал участие в «пятницах» Дома искусств (см.: *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания. В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 1. С. 391).

Оля — Ольга Максимилиановна, жена Новикова.

М. А. — Михаил Андреевич Осоргин. В Берлине жил в конце 1922—начале 1923 г., был членом редколлегии и автором газеты М. Ф. Керенского «Дни». Дважды ездил в Италию, а с осени 1923 г. в Париже, где вместе с Зайцевым сотрудничает в газете «Последние новости» (вел в ней 17 рубрик) и журнале «Современные записки».

Андрей Белый... залетное существо. — Из Москвы в Берлин А. Белый выехал 20 октября 1921 г. Здесь он был избран в совет Дома искусств. «Залетным существом» Зайцев называет Белого очевидно, потому, что из Берлина он постоянно уезжал то в Цоссен, то в Свинемюнде, то в Миздрой, то в Сааров и т. д. Наконец принимает решение вернуться в Россию. В Москву Белый прибыл 26 октября 1923 г.

...в противовес «Дому Искусства», где каждую пятницу кто-то скандалит. — «В Берлине, — рассказывает Г. П. Струве, — был создан, по образцу петроградского, свой Дом искусств, собрания которого происходили в одном из больших берлинских кафе. Здесь встречались свободно эмигрантские и советские писатели. Читали свои произведения Ремизов, Ходасевич, Виктор Шкловский,

Маяковский. Дом искусств подчеркивал свою аполитичность. <...> Собрания Дома искусств, совет которого одно время возглавлял Н. М. Минский, широко посещались публикой» (*Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж; М.: YMCA-Press, Русский путь, 1996. С. 33).

...дай это письмо Танечке... — Сестра Зайцева Т. К. Буйневич оставалась в России. В январе 1929 г. ей удалось выехать сначала в Германию, а затем во Францию. Мать писателя Татьяна Васильевна жила в Притыкине. В феврале 1924 г. она рассказывает Новиковым о своей жизни в деревне: «Не видала, как зима проходит. Много было хлопот, по уборке огорода, а с яблоками и того больше. <...> Живу отчасти в одной столовой, кругом все двери закрыты, хотя и здесь не жарко, до 10° никак не доведу. Но, слава Богу, я не страдаю очень от этого, на днях было утром даже 6. <...> Что касается меня, то я все дома. Чиню, вяжу за масло платки. <...> Вечером читаю, одно лишь тоскливо, что нет газеты. <...> Почтовое сообщение из рук вон плохо. <...> Хоть бы скорее лето. Может, опять свидимся у меня. Хочется еще пожить, чтобы дождаться Бориса, повидать его. Сообщение с Москвой становится затруднительней» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26841).

...рад, что мою Ару получили... — АРА, «Американская администрация помощи» (American Relief Administration) в 1921—1923 гг. занималась оказанием помощи европейским странам (в том числе и России), пострадавшим в 1-й мировой войне.

«Уединение» напечатано ужасно... — Рассказ «Уединение» был напечатан в первом сб. «Феникс». М.: Костры, 1922.

Понаблюдай... за «Белым светом»... — Рассказ «Белый свет» напечатан в № 2 литературно-художественного альманаха «Костры». М., 1922.

СОВРЕМЕННИКИ О Б. К. ЗАЙЦЕВЕ

Петр Коган. Современники. Зайцев

Печ. по изд.: *Коган П.* Очерки по истории новейшей русской литературы. Т. 3. Вып. 1. Современники. М., 1910. Петр Семенович Коган (1872—1932) — историк литературы, критик, переводчик; автор известных многотомников: «Очерки по истории западноевропейской литературы» (т. 1—3; 13 изданий), «Очерки по истории новейшей русской литературы» (т. 1—3; 8 изданий).

С. 181. *«Нам дано жить в тоске и скорби...»* — Из рассказа «Сестра» (1907).

...«все любви и муки понялись одинокими ручьями...» — Из повести «Аграфена» (1907).

...«душа прилеплена земной основой...» — Из повести «Аграфена».

С. 182. «смерть есть дочь Бога...» — Из рассказа Зайцева «Гость» (1908).

С. 183. *Гаврила и Глашка* — персонажи рассказа «Молодые» (1907).

«Правду говорил Равениус о любви...» — Из пьесы «Любовь» (1909). Художник Равениус — персонаж этой пьесы.

С. 184. *«Цветут ли человеческие души, — ты даешь им аромат...»* — Из повести «Спокойствие» (1909).

«И, зная час свой, принять его с улыбкой...» — Из повести «Спокойствие».

«Ради Бога, полковник, чай на улице...» — Из рассказа «Полковник Розов» (1907).

«О, шуми, шуми, ветер, говори о просторах...» — Из рассказа «Полковник Розов».

Елена Колтоновская. **Поэт для немногих**

Впервые — Речь. 1909. 19 октября. № 287. Печ. по изд.: *Колтоновская Е. А.* Новая жизнь: Критические статьи. Изд. 2-е. СПб., 1911 (изд. 1-е — 1910). Елена Александровна Колтоновская (1870—1952) — критик, публицист, переводчица с итальянского языка.

С. 187. *...напоминающий героев ранних драм Метерлинка.* — Имеются в виду символистские пьесы 1890-х гг. бельгийского поэта и драматурга, нобелевского лауреата Мориса Метерлинка (1862—1949): «Принцесса Мален», «Слепые», «Пелеас и Мелисанда», «Там, внутри», «Смерть Тантажиля» и др.

С. 190. *Как и в известной пьесе Андреева...* — Драма Л. Н. Андреева «Жизнь Человека» (1907), вызвавшая острую полемику.

С. 193. *...потомки наших Обломовых и Лаврецких...* — Обломов — герой одноименного романа (1859) И. А. Гончарова. Лаврецкий — персонаж романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859).

Аркадий Горнфельд. **Лирика космоса**

Печ. по изд.: *Горнфельд А. Г.* Книги и люди. Литературные беседы. СПб.: Жизнь, 1908. Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867—1941) — литературовед, критик, переводчик.

С. 197. *«Черная сотня»* — так называли «Союз русского народа», монархическую и националистическую организацию, созданную в ноябре 1905 г. Запрещена после Февральской революции 1917 г.

В ней есть душа, в ней есть свобода... — Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Не то, что мните вы, природа...».

С. 199. *И все, что мчится по безднам эфира...* — Из стихотворения А. А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864).

С. 202. *Вагнер* Рихард (1813—1833) — немецкий композитор, автор шедевра оперной музыки — тетралогии «Кольцо нибелунга»: «Золото Рейна» (1854), «Валькирия» (1856), «Зигфрид» (1871) и «Гибель богов» (1874).

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) — композитор, прославившийся произведениями хоровой духовной музыки.

Турчанинов Петр Иванович (1779—1856) — композитор, автор и исполнитель духовных сочинений, регент митрополичьего хора в Петербурге.

Корней Чуковский. **Борис Зайцев**

Впервые — в кн.: *Чуковский К.* От Чехова до наших дней. Литературные портреты и характеристики. СПб.: Издательское бюро, 1908. Печ. по изд. 3, испр. и доп. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, (б. г.). Корней Иванович Чуковский (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969) — критик, поэт, литературовед, переводчик, мемуарист.

С. 210. *...в «Литературном дневнике» Антон Крайний...* — Имеется в виду книга литературно-критической публицистики (1908) Зинаиды Николаевны Гиппиус (1869—1945), печатавшей статьи и очерки под псевдонимом Антон Крайний.

Михаил Морозов. **Старосветский мистик (Творчество Бориса Зайцева)**

Печ. по изд.: Литературный распад: Критический сборник. Книга вторая. СПб., 1909. Михаил Владимирович Морозов (1868—1938) — критик, журналист, член РСДРП с 1901 г. Автор нескольких статей о Зайцеве.

Николай Абрамович. **«Жизнь человека» у Л. Андреева и Бориса Зайцева**

Печ. по изд.: *Абрамович Н. Я.* В осенних садах. Литература сегодняшнего дня. М.: Заря, 1909. Николай Яковлевич Абрамович (псевд. Н. Кадмин; 1881—1922) — критик, прозаик, поэт, публицист. В книге содержится полемика с авторами двух сборников «Литературный распад», критические выпады которых (в том числе и против Зайцева) подчинены марксистско-партийному, политизованному взгляду на литературу. «Критики "распада", — пишет Абрамович, — проводят точку зрения талантов "полезных" и "вредных", талантов "нужных" и "не нужных". Немножко страшно делается от этого ареопага судей... Целой плеяде талантов говорят: вы не нужны, вы зловредные, отравленные источники» (с. 35). Об этом свидетельствует и публикуемая нами статья М. Морозова. В ней наряду с точными, верно найденными характеристиками творчества Зайцева (с которыми был согласен и сам Зайцев, внимательно прочитавший эту статью) обнаруживается демонстративное следование лозунгу А. В. Луначарского, здесь же провозглашаемому: «Спасайся, кто может из "доброго хаоса" на прочный остров, — к маяку пролетарской идеологии» (с. 37).

С. 244. *...назвал его русским Роденбахом.* — Сопоставительный анализ творчества Роденбаха и Зайцева проводит также А. Закржевский (см. его статью ниже). Жорж Роденбах (1855—1898) — бельгийский поэт и прозаик, автор двух символистских романов — «Мертвый Брюгге» (1892) и «Звонарь» (1897), принесших ему европейскую известность.

С. 247. *«Жизнь человека»* — трагедия Л. Н. Андреева.

С. 249. *«Царь-голод»* — трагедия Л. Н. Андреева.

«Слепые», «Пелеас и Мелизанда», «Аглавена и Селизета» — ранние символистские пьесы М. Метерлинка.

Александр Закржевский. **Мистика жизни и смерти**

Печ. по изд.: *Закржевский А.* Сверхчеловек над бездной. Киев, 1911. Александр Карлович Закржевский (1886—1916) — критик, прозаик.

С. 255. *...Ю. Айхенвальд заявил открыто, что возродилась русская литература!..* — Имеется в виду очерк Ю. И. Айхенвальда «Борис Зайцев» из его знаменитого трехтомника «Силуэты русских писателей» (см. т. 2 в нашем издании).

Корней Чуковский. **Поэзия косности**

Впервые — в газ. «Речь». 1913. 6 января и в кн.: *Чуковский К.* Лица и маски. СПб.: Шиповник, 1914. Печ. по изд.: *Чуковский К.* Собр. соч. В 6 т. Т. 6. Статьи 1906—1968 годов. М.: Художественная литература, 1969.

С. 266. *«Какие мы воеводы Пальмерстоны!»* — Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784—1865) — министр иностранных дел, премьер-министр Великобритании в 1855—1858 гг.; один из инициаторов Крымской войны с Россией 1853—1856 гг.

Василий Львов-Рогачевский. **Борис Зайцев**

Печ. по изд.: *Львов-Рогаческий В.* Новейшая русская литература. Гл. 5. Борис Зайцев. М., 1922. Василий Львович Львов-Рогачевский (наст. фам. Рогачевский; 1874—1930) — критик, публицист. Его книга «Новейшая русская литература» (1919) выдержала 7 изданий.

Константин Мочульский. **Борис Зайцев. Улица св. Николая**

Впервые — в газ. «Звено». 1924. 31 марта. № 61. Печ. по изд.: *Мочульский К.* Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. Константин Васильевич Мочульский (1892—1948) — историк литературы, критик, эссеист; автор монографий «Духовный путь Гоголя» (Париж, 1934), «Владимир Соловьев: Жизнь и учение» (Париж, 1936), «Достоевский: Жизнь и творчество» (Париж, 1947), «Андрей Белый» (с предисловием Зайцева; Париж, 1955), «Валерий Брюсов» (Париж, 1962). Автор очерка-портрета «Б. К. Зайцев» (1926) и рецензии о его первом романе из тетралогии «Путешествие Глеба» — «Заря» (1937).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Борис Зайцев. **Та осень (Двадцать лет)**

Впервые — Возрождение. Париж, 1934. 26 августа. № 3371.

С. 283. *Наш работник Климка...* — См. о нем (с измененным именем) рассказ Зайцева «Республиканец Кимка» т. 7 в нашем изд.): «Он работник в имении. Его дело нехитрое: привезти воды в бочке, покормить лошадей, напоить их. Съездить за керосином. Пропахать картошку, выбросить из парника навоз. Все это делает он медленно, как настоящий русский».

С. 284. *«Русские ведомости»* (М., 1863—1918) — одна из крупнейших газет в России, закрытая большевиками.

...император Вильгельм, маршал Жоффр, император Николай... — Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — император Германии и король Пруссии с 1888 по 1918 г. Жозеф Жак Жоффр (1852—1931) — в 1-ю мировую войну главнокомандующий французской армией. Николай II (1868—1918) — последний российский император; в 1-ю мировую войну (с августа 1915) верховный главнокомандующий русскими войсками. 2 (15) марта 1917 г. отрекся от престола. Расстрелян большевиками.

С. 285. *...изобретать подписи бахвальные... Владимиру Маяковскому.* — После большевистского переворота 1917 г. знаменитый поэт-футурист Маяковский активно выступал в агитационно-пропагандистских жанрах: писал политические частушки с рисунками, рекламные стихи и лозунги, оформлял агитплакаты «Окна РОСТА».

...страдали за Самсонова. — Генерал от кавалерии, командующий 2-й армией Северо-Западного фронта Александр Васильевич Самсонов (1859—1914) погиб (видимо, застрелился) 17 (30) августа 1914 г., выводя войска из окружения.

Лувенская библиотека — книгохранилище одного из старейших университетов Европы в бельгийском городе Лувен.

Реймский собор — архитектурный памятник французской готики XIII—XIV вв. в г. Реймсе.

...«всеотзывность» наша знаменитая. — Всеотзывности, всепримирению, всечеловечности русского человека Достоевский посвятил заключительную часть

своей страстной речи на открытии памятника Пушкину в 1881 г. «Не было, — сказал он, — поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин» и далее заключил: «...Будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей» (Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 15 т. Т. 14. М., 1995. С. 438—439).

С. 490. *Софокл* (ок. 496—406 до н. э.) — древнегреческий поэт-драматург, создатель классических образцов жанра трагедии.

Борис Зайцев. **Беседа о войне**

Печ. по единственному изд.: М.: Московская просветительная комиссия при Временном комитете Государственной Думы, 1917.

С. 290. *Александровский вокзал* — ныне Белорусский.

С. 297. *Вильсон* (Уилсон) Томас Вудро (1856—1924) — 28-й американский президент (1913—1921), инициатор вступления США в 1-ю мировую войну и вторжения в Россию в 1918 г.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАЯО — Государственный архив Ярославской области.
ДМЦ — Дом-музей Марины Цветаевой.
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук.
ОГЛМТ — Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева.
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом).
РФК — Российский фонд культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА 1901—1922 гг.

СОВРЕМЕННИКИ О Б. К. ЗАЙЦЕВЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ ЗАЙЦЕВ

Собрание сочинений

Том 10 (дополнительный)

Письма 1901—1922 гг. Статьи. Рецензии

Редактор **В. П. Шагалова**
Художественный редактор **И. А. Шиляев**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректоры **В. В. Драчкова, В. С. Бабаева**

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 23.10.96.
Сдано в набор 28.02.2001. Подписано в печать 24.04.2001. Формат 84×108/32. Бумага писчая. На вкл. — мелов. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,27 (в т. ч. вкл. 0,11). Уч.-изд. л. 23,77 (в т. ч. вкл. 0,03). Тираж 3000 экз.
С — 12. Зак. № 626. Изд. инд. ЛХ-218

Издательство «Русская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38

Набрано и отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, Новгородский пр., 32

ISBN 5-268-00503-0

9 785268 005035

